
Л. В. Сморгун, А. С. Шерстобитов

Политические сети

Теория и методы анализа

*Допущено Учебно-методическим объединением вузов РФ
по классическому университетскому образованию
в качестве **учебника** для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по направлению подготовки ВПО 030200
«Политология»*

АСПЕКТ ПРЕСС

Москва

2014

УДК 327
ББК 66.4
С51

Р е ц е н з е н т ы:

доктор политических наук, профессор *И. И. Кузнецов*,
доктор политических наук, профессор *А. И. Соловьев*

Сморгунов Л. В., Шерстобитов А. С.

С51 Политические сети: Теория и методы анализа: Учебник для студентов вузов / Л. В. Сморгун, А. С. Шерстобитов. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2014. — 320 с.

ISBN 978–5–7567–0751–9

Учебник является первым систематическим изданием, посвященным современным политическим сетям в мире и в России, а также методам их анализа. В нем раскрываются теории политических сетей, характер сетевых отношений и сетевого обмена, взаимодействие сетей и окружающей среды, особенности сетевой коммуникации, менеджмент знаний в сетях и сетевое научение. Дается характеристика таких методов анализа сетей, как моделирование, теория графов, конфигуративные методы, статистические методы. Особое внимание уделяется описанию видов политических сетей и их роли в различных отраслях политической деятельности. Учебник содержит описание сетевого политического управления, сетевой публичной политики, сетевых политических партий, сетевого политического участия, глобальных политических сетей, электронного правительства и электронной демократии. Облегчают усвоение материала большой иллюстративный материал, ссылки на литературные источники, а также задания.

Учебник предназначен для студентов, обучающихся по направлениям: «Политические науки и регионоведение», «Социология», «Менеджмент и государственное и муниципальное управление».

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978–5–7567–0751–9

© Сморгун Л. В., Шерстобитов А. С.,
2014

© ЗАО Издательство «Аспект Пресс»,
2014

Все учебники издательства «Аспект Пресс» на сайте
www.aspectpress.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7

Раздел I ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ СЕТЕЙ

Глава 1. Теория политических сетей	14
1.1. Политические сети или структуры	14
1.2. Принципы политических сетей	18
1.3. Понятия политической сетей	25
1.4. Критерии различия политических сетей	29
1.5. Виды политических сетей	30
Глава 2. Сетевые политические отношения	33
2.1. Отношения как объект сетевого анализа	33
2.2. Доверие, сотрудничество и сплоченность	39
2.3. Сетевые отношения и выработка публичной политики	45
Глава 3. Политические сети и окружающая среда	52
3.1. Факторы окружающей среды	52
3.2. Институциональные контексты окружающей среды	56
3.3. Секторальная окружающая среда	58
3.4. Сетевые стратегии и окружающая среда	62
3.5. Окружающая среда в многоуровневом управлении	64
Глава 4. Сетевой политический обмен	68
4.1. Сетевые ресурсы и социальный капитал	68
4.2. Интеллектуальный капитал организации как ресурс сети	71
4.3. Коммуникационные механизмы сетевого политического обмена	75
4.4. Ресурсные связи	78
Глава 5. Сетевая политическая коммуникация	82
5.1. Феномен политической коммуникации в современном обществе	82
5.2. Коммуникационные сети	85
5.3. Социальные медиа и сетевая коммуникация	87

Глава 6. Знание и научение в сетевых структурах	102
6.1. Сетевая коммуникация как новая модель организационной коммуникации в обществе знания	102
6.2. Менеджмент знания и сетевая коммуникация	110
6.3. Инновационный потенциал сетевой организации в обществе знания	115
6.4. Воспроизводство знаний в сетях	119
6.5. Сетевое научение	127

Раздел II МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ СЕТЕЙ

Глава 7. Моделирование политических сетей	134
7.1. Теория графов и сетевой анализ	134
7.2. Программное обеспечение для сетевого моделирования ...	140
7.3. Модели политических сетей	144
7.4. Перспективы моделирования политических сетей в анализе российской публичной политики	150
Глава 8. Конфигуративные методы анализа сетевой политики	153
8.1. Возможности синтеза конфигуративных методов и сетевого анализа	153
8.2. Булева алгебра	155
8.3. Логика нечетких множеств	162
8.4. Объединение сетевого и конфигуративного анализа	166
Глава 9. Статистические методы анализа политических сетей	171
9.1. Математическая статистика в сетевом анализе: основные понятия	171
9.2. Сетевой анализ на основе статистических данных	174
9.3. Статистические сетевые параметры и их интерпретация	176
9.4. Простые закономерности в сетевом политическом анализе	180
9.5. Статистические модели анализа политических сетей	184

Раздел III СЕТЕВАЯ ПОЛИТИКА

Глава 10. Сетевое политическое управление	190
10.1. Термин «руководство» и сетевое политическое управление	190
10.1. Понятие сетевого политического управления	194
10.2. Модели сетевого политического управления	198

Глава 11. Сетевая публичная политика	205
11.1. Сферы сетевого анализа публичной политики	206
11.2. Изучение сетей в публичной политике	210
11.4. Сетевые компоненты процесса выработки политики.....	214
Глава 12. Сетевые политические партии	223
12.1. Интернет как ресурс политических партий.....	224
12.2. Политические партии и группы интересов	235
12.3. Виртуальные (кибер) политические партии	240
Глава 13. Сетевое политическое участие	248
13.1. Публичность и сетевое политическое участие	248
13.2. Сетевые интеракции как коллективное действие	251
13.3. Координационные механизмы сетевого политического участия	254
13.4. Краудсорсинг — новая форма сетевого политического участия	260
Глава 14. Электронное правительство и демократия	269
14.1. Внедрение новых технических средств в публичное управление	273
14.2. Понятие электронного правительства.....	276
14.3. Основные этапы развития электронного правительства ...	279
14.4. Порталы электронного правительства и переход от порталов к платформам	282
14.5. Электронное правительство в России.....	287
Глава 15. Глобальные политические сети	294
15.1. Глобализация и развитие сетевого общества	294
15.2. Межправительственные сети.....	297
15.3. Транснациональные корпоративные сети	302
15.4. Глобальная публичная политика.....	306
Заключение	312
Литература	314
Предметный указатель	316
Именной указатель	318

ВВЕДЕНИЕ

В российской политической науке осознание значения политических сетей и сетевого анализа политики приходит только сейчас. Хотя первые статьи по сетям появились в России еще во второй половине 1990-х — начале 2000-х годов¹, однако только в последнее время опубликован ряд обобщающих работ, где предпринимается попытка анализа сетей и их влияния на политическую жизнь². Данная ситуация объясняется недостаточностью методологических знаний в области сетевого анализа и неразвитостью самой сетевой структуры в России. Хотя сети конца XX — начала XXI в. изучались в отечественной и зарубежной политической науке, концептуальные исследования соответствующей проблематики в России встречаются относительно редко. Несмотря на актуальность, подход к этой тематике по-прежнему во многом остается узким описательным, скорее фиксирующим, чем объясняющим данный феномен. Вместе с тем в условиях накопленно-

¹ См.: *Градосельская Г. В.* Социальные сети: обмен частными трансфертами // Социологический журнал. 1999. № 1/2; *Она же.* Сетевые измерения в социологии: Учеб. пособие. М.: Новый учебник, 2004; Когнитивные модели и институциональные трансформации / Под ред. В. М. Сергеева. М.: Линор, 2003; *Кузнецов И. И.* Рунет как часть российского электорального пространства // Общественные науки и современность. 2003. № 1; *Радаев В. В.* Экономическая социология: Курс лекций. М.: Аспект Пресс, 1997; *Он же.* Социология рынков: к формированию нового направления. М.: ГУ ВШЭ, 2003; *Сморгунов Л. В.* Сетевой подход к государственному управлению // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления при главе Республики Коми. Серия «Управление и кадровая политика». 2000. № 2; *Он же.* Сетевой подход к политике и управлению // Политические исследования. Полис. 2001. № 3; *Он же.* Сравнительный анализ административных реформ: от нового государственного менеджмента к концепции «*governance*» // Политические исследования (Полис). 2003. № 4; Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу / Науч. ред. В. В. Радаев. М.: РОССПЭН, 2002.

² *Акопов Г. Л.* Интернет и политика. Модернизация политической системы на основе инновационных интернет-технологий. М.: Кнорус, 2013; *Быков И. А.* Политическая коммуникация: теория, практика и методы исследования. СПб.: ФГБОУ ВПО «СПГУТД», 2013; *Курочкин А. В., Шерстобитов А. С.* Политика и государственное управление в условиях сетевого общества. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2012; *Михайлова О. В.* Сети в политике и государственном управлении. М.: ИД КДУ, 2013; *Мирошниченко И. В.* Сетевой ландшафт российской публичной политики. Краснодар: Просвещение-Юг, 2013; Сетевой анализ публичной политики: Учебник / Под ред. Л. В. Сморгунова. М.: РГ-Принт, 2013; *Рябченко Н. А., Мирошниченко И. В.* Институционализация публичной политики в *online*-пространстве современной России. Краснодар: Просвещение-Юг, 2012.

го эмпирического материала сохранение подобной практики является сдерживающим фактором развития отечественной науки, поскольку снижает роль политологии в обсуждении актуальнейших проблем публичной политики и управления. Тем самым явно недооценивается общественная значимость соответствующего блока социально-политических вопросов и на практике. Дополнительную важность этому вопросу придает и тот факт, что в последнее время социальные сети стали заметным фактором политики в мире и России, что указывает на значимость изучения этого предмета. Отсюда проблематизируются темы политического участия и мобилизации, соотношения государства и социальных сетей, трансформации функций государства в сетевом общественном формате.

Те, кто следит за событиями в мире, конечно, отметили ряд важных факторов, влияющих на политический мир в течение последних десятилетий. Среди них — возрастание роли политических сетей и огромное влияние социальных сетей на политическую мобилизацию и участие. И этот сдвиг определяется новыми возможностями технологий, которые получили наименование Web 2.0. Их главное достоинство состоит в высокой степени интерактивности, открытости к участию, самостоятельности действия и интенсивности общения.

В 2003 г. в Венгрии появляется первая киберпартия «Йоббик» (За лучшую Венгрию), которая строит свою стратегию и тактику на основе прямого общения с избирателями через Интернет. Первым использованием новых ИКТ по модели Web 2.0 была президентская кампания демократа Говарда Дина в 2004 г. в США, в которой использовались блоги и новые каналы коммуникации. Хотя для данного претендента кампания была неудачной, но уже в 2007–2008 гг. Барак Обама выиграл президентские выборы не в последнюю очередь благодаря новым возможностям Интернета. Массовые движения тоже начинают использовать новейшие средства коммуникации для активизации своей деятельности. В числе первых такой метод применило леворадикальное Движение сапатистов в Мексике, которое с конца 1990-х годов начинает активно применять новые электронные средства коммуникации (Интернет, мобильная связь). Так называемая «спорная политика» в виде движений против реконструкции вокзала в Штутгарте (Германия, 2010), «Захвати Уолл-стрит!» (США, 2011), «За честные выборы» (2011, Россия) символизировала новую эпоху политического участия. К ней можно отнести и известные революционные протесты, приведшие к смене политических режимов в ряде стран Северной Африки в 2011 г. Технологии Web 2.0 стали новым мощным средством поли-

тической активности. Все более активное участие населения в таких социальных сетях, как *Twitter*, *Facebook*, «ВКонтакте», *Youtube* и др., является фактом, недоучитывать который — значит ставить проблему управляемости обществом под вопрос. Это привело к тому, что и государство стало более активно обращать внимание на потенциал социальных сетей и новых ИКТ, включая их в пространство обеспечения управляемости государства и общества. Наиболее явным здесь является формирование электронного правительства, которое берет старт во второй половине 1990-х годов, но набирает новые обороты в нынешнем столетии.

Движение за «электронное правительство 2.0» позволяет говорить об этапе, связанном с развитием коммуникационных связей между органами государственной власти, бизнесом и гражданами. Исследователи считают наиболее высоким этапом развития электронного правительства такой, когда оно включается в систему электронной демократии, позволяющей осуществлять электронное голосование, сетевые публичные форумы, сетевые социологические обследования, экспертные оценки и т.д. Некоторые исследователи говорят о том, что, по-видимому, необходимо отказаться от прилагательного «электронный» в описании структуры и деятельности государственных органов и говорить либо просто о «правительстве 2.0», либо акцентировать внимание на его новых механизмах и культуре взаимодействия с гражданами, используя термин «ориентированное на граждан правительство» (*citizen-centric-government*). Этот акцент на расширении круга участников публичного управления является в том числе ответом на вопрос, как повысить управляемость современного государства в условиях вызовов сложности, неопределенности и риска. И здесь, как считается, адекватным ответом может быть сетевое управление, базирующееся на новой структуре политических возможностей, предоставляемых электронными и неэлектронными средствами организации взаимодействия, которые получили наименование «платформы».

Представленный учебник является в этом отношении первой работой, посвященной систематическому описанию политических сетей и роли сетевого анализа политики. Он состоит из трех основных разделов. **Первый раздел** посвящен *теории политических сетей*. В главе 1 рассматриваются теоретические проблемы политических сетей и сетевого подхода к изучению политики. Анализируется различие между структурой и сетью, выявляются основные принципы сетевого подхода к политике и политических сетей, дается определение политической сети, показываются критерии различий политических сетей, описы-

ваются основные подходы к выделению типов политических сетей. В главе 2 рассматривается понятие и типологии сетевых отношений, основанные на изучении сетей в рамках институциональной методологии, межорганизационного подхода и теории политических сетей. Особое внимание уделяется методам идентификации и анализа сетевых отношений в публичной политике: даются методические указания и указываются актуальные проблемы анализа связей, возникающих в политических сетях. Также поднимается проблема соотношения сетевых взаимодействий и их влияния на процессы выработки и принятия публичных политических решений. Глава 3 посвящена описанию методологических подходов к изучению влияния окружающей среды на функционирование политических сетей. Даются основы понятия окружающей среды в рамках организационной теории. Рассматриваются различные примеры интерпретации взаимосвязей между политическими сетями и окружающей средой через призму институциональных условий, трансформаций публичной сферы и концепции многоуровневого управления. В главе 4 даются основные подходы к понятиям сетевых ресурсов. Приводится классификация сетевых ресурсов, выделены два типа капитала, имеющие значение для сетевого политического обмена: социальный капитал и интеллектуальный капитал. Также авторы обосновывают важность сетевой коммуникации как основы сетевого политического обмена и выделяют различные типы связей по критерию задействованных в обмене ресурсов. Глава полезна для понимания взаимосвязей между процессами ресурсного обмена, выработки публичной политики и результатов имплементации решений. В главе 5 рассматривается эволюция научного осмысления феномена политической коммуникации и ее влияние на становление теории сетей. Предложены методы изучения коммуникационных сетей и параметры их описания. На примере анализа политической коммуникации в период электорального цикла 2011–2012 гг. в России дается методика сравнительного анализа политической коммуникации в социальных медиа. В главе 6 раскрываются вопросы значения сетевой коммуникации как новой модели организационной коммуникации в обществе знаний, особенности менеджмента знаний в сетевой организации, инновационный потенциал сетевой организации. Особое внимание уделяется воспроизводству знаний в сетевой организации, организационному и сетевому научению.

Второй раздел касается *методов анализа политических сетей*. В главе 7 раскрываются основные подходы к сетевому моделированию, основанному на теории графов, методы построения социограмм и крите-

рии описания сетевых моделей. Авторы рассматривают и сравнивают основные программные продукты, используемые для сетевого анализа, а также демонстрируют различные примеры сетевого моделирования в анализе публичной политики. Также в главе даются подходы к сбору данных для моделирования политических сетей. В главе 8 рассматриваются возможности объединения конфигуративных методов (булева алгебра и логика нечетких множеств) с сетевым анализом политики. Рассматриваются основные правила булевой алгебры и логики нечетких множеств, а также их потенциал в изучении политики, показывается, как можно использовать объединенные методы при изучении конфликтной политики. В главе 9 даются описание и объяснение статистических методов анализа политических сетей.

Третий раздел включает в себя главы, посвященные описанию и анализу *конкретных видов политических сетей, а также их позиционированию в различных отраслях политики*. В главе 9 раскрывается соотношение понятий «руководство» и «сетевое политическое управление», дается развернутое определение сетевому политическому управлению, выделяются и описываются модели (типы) сетевого политического управления. В главе 10 дается описание сферы сетевого анализа публичной политики, раскрываются теоретические предпосылки такого анализа, рассматриваются конкретные примеры сетевого анализа публичной политики. Особое внимание уделяется рассмотрению процесса выработки и реализации публичной политики и основных его моделей в аспекте сетевого подхода. В главе 11 анализируется влияние Интернета на современные политические партии. Раскрываются основные подходы к изучению роли представительства партий в сети, рассматриваются сайты политических партий и их значение, интенсивность представительства российских и зарубежных партий в Интернете, новые формы взаимодействия партий и групп интересов. Особое внимание обращается на сетевые, киберпартии, их политические характеристики и возможности. В главе 12 рассматриваются взаимосвязи между концептами публичной сферы, политического участия и политических сетей. Авторы дают несколько типов характеристик сетевого политического управления с позиций разных методологических установок. Приводятся особенности сетевых интеракций, зависящие от соотношения координационных механизмов и наличия общих интересов у сетевых акторов. Дается понимание координации и сетевого политического участия. Обоснована роль складывающихся политико-административных режимов в развитии сетевых форм политического участия и взаимодействия. В главе 13 рассматриваются теоретические и практические

вопросы формирования электронного правительства в России и мире. Раскрывается история использования компьютеров в системе государственного управления. Анализируются вопросы определения понятия «электронное правительство», этапов его внедрения. Дается описание первых порталов электронного правительства, а также прослеживается эволюция электронного правительства под влиянием технологий Web 2.0, особое внимание уделяется понятию «платформа» и его роли в описании современных тенденций в развитии электронной демократии. В главе 14 рассматриваются проблемы глобального политического управления и становления наднациональных политических сетей в современном мире. В условиях глобализации, детерминированной интеграционными процессами в мире и усложнением информационно-коммуникационных механизмов, возникают международные организации, представляющие собой межправительственные сетевые структуры. Отдельный раздел посвящен транснациональным корпоративным сетям и их роли в политическом процессе. В последнем разделе авторы обращаются к концепту глобальных сетей публичной политики, инкорпорирующих государственные институты, бизнес и некоммерческий сектор.

Учебник содержит большой иллюстративный материал — таблицы, схемы, рисунки, диаграммы. В нем приведена основная российская и зарубежная литература по соответствующим темам, даны проверочные вопросы и задания. Имеются индекс понятий и именной указатель авторов.

Учебник написан на основании ряда научных результатов, полученных авторами при работе по исследовательским проектам 2005–2014 гг., поддержанным Минобрнауки РФ, РГНФ, СПбГУ. Авторы учебника выступали с докладами по тематике политических сетей на многочисленных конференциях в России и за рубежом (Великобритания, Израиль, Испания, Люксембург, Финляндия, Япония). Материалы учебника использовались авторами в ходе чтения курсов и спецкурсов в СПбГУ для российских и зарубежных студентов.

РАЗДЕЛ I

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ
СЕТЕЙ**

ГЛАВА 1

ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ СЕТЕЙ

► В главе рассматриваются теоретические проблемы политических сетей и сетевого подхода к изучению политики. Анализируется различие между структурой и сетью, выявляются основные принципы сетевого подхода к политике и политических сетей, дается определение политической сети, показываются критерии различий политических сетей, описываются основные подходы к выделению типов политических сетей. ◀

1.1. Политические сети или структуры

Часто политические сети отождествляют с политическими структурами, а сетевой подход к политике — со структурным. В политической науке структурный подход вот уже более 60 лет используется для анализа и объяснения политики. Разработанный применительно к политическому исследованию Дэвидом Истоном и Гэбриэлом Алмондом, он до сих пор является одной из ведущих методологий, позволяющих выявлять в политике общие элементы, связи и функции, объединяя все это в понятие политической системы. Его основными принципами выступают целостность системы, принцип функциональной необходимости, приоритет отношений над элементами, неоднозначное соответствие между структурой и функциями. Реляционность, т.е. систематичность отношений между элементами, выступала главной характеристикой структурного функционализма. Некоторые авторы в последние годы стали определять сетевой подход к политике через реляционность. Как пишут Скотт Маккларг и Дэвид Лезер, «политика по своей сути является сетевым феноменом. Власть — центральный конструкт политической науки — существенно реляционная; она существует между акторами в сложном, дифференцированном состоянии»¹. Эти и другие авторы пытаются в последнее время доказать, что политические сети и сетевой подход — это прежде всего связи. В этом ключе они пыта-

¹ McClurg S., Lazer D. Political Network // Social Network. 2014. Vol. 36. No 1. P. 1.

ются противопоставить сетевой анализ политики бихевиоризму и институционализму, которые рассматривают политику как деятельность дифференцированных акторов в институциональной среде. В какой-то степени это правомерный подход. Мануэль Кастельс — ведущий исследователь *сетевого общества* — подчеркивал, что в современном обществе структуры доминируют над деятельностью. Это так, но не всякая структура является сетью. Более того, если брать структурный подход и структуру, т.е. принципиальное различие между ними и сетевым подходом и сетью.

Теория сетевого общества Мануэля Кастельса

«Наше исследование возникающих социальных структур, которые захватывают человеческое действие и опыт, приводит к важному выводу: историческая тенденция состоит в том, что основные функции и процессы в информационном веке в основном организованы в сети. Сети составляют новую социальную морфологию нашего общества, и распространение сетевой логики модифицирует операции и результаты в процессах производства, опыта, власти и культуры. Хотя сетевая форма социальной организации существовала в другие времена и в иных местах, новые информационные технологии обеспечивают материальную основу для ее безграничного расширения во всем социальном мире. Более того, я хотел бы доказать, что эта сетевая логика производит социальный результат более высокого уровня, чем тот, который социальные интересы связывали с сетями: власть потоков имеет преимущество над потоками власти. Присутствие или отсутствие в сетях и динамика взаимодействия сетей являются решающим источником доминирования и изменения в нашем обществе. Следовательно, общество, которое мы можем назвать собственно сетевым обществом, характеризуется преобладанием социальной морфологии над социальным действием».

Castels M. The Rise of the Network Society. 2nd ed. Malden, MA, Oxford, UK, Chichester, UK: Wiley-Blackwell, 2010. P. 500.

Действительно, в политических сетях отношения являются конституирующим элементом, но не составляют всего многообразия их существенных характеристик. *Следует различать структурный (реляционный) и сетевой подходы в политической науке* (табл. 1.1). Если рассмотрение политики как структуры было достижением методологическим, т.е. изменились наши представления о политических феноменах, то сетевой анализ базируется на изменении самой политической реальности, а не только нашего подхода к ней. Сегодня сетевизация составляет существенную характеристику общества, не только связывая акторов и меняя характер отношений между ними,

но и создавая другое пространство осуществления жизненных целей. В этом смысле, существуя постоянно в определенной системе отношений, человек не всегда находится в сетевых отношениях и является актором сетевого взаимодействия. Сети и структуры — это различные феномены.

Таблица 1.1

Различие между структурами и сетями

Критерий	Структура	Сеть
Состав	Агенты и отношения	Акторы-отношения
Характер отношений	Функциональный	Коммуникационный
Процессы	Передача команд и отклик	Обмен
Направленность на другого	Инструментальность	Взаимность
Сигналы	Информация	Знание
Порядок	Определенный и устойчивый	Неопределенный и неустойчивый
Положение	Включенность/исключенность	Принадлежность
Значимость	Статусы	Процессы
Характер целого	Интеграция через тоталитаризацию	Интеграция без тоталитаризации

Структуры отличаются от сетей по сумме критериев. Наверное, следовало бы указать еще ряд значимых отличий, но они будут прояснены по ходу дальнейшего изложения материала учебника. Здесь же отметим, что структуры и сети отличаются по составу, т.е. в структурах действуют агенты, значение которых определяется их вполне понятным положением. При этом агенты и их отношения разделены, действует принцип приоритета отношений над агентами. В сетях каждый элемент является действующим лицом (актором) и без активности в сетях не может подтвердить свое положение. По сути, актер в сети является соотносимым с другими актерами посредством своей деятельности и рассматривается в единстве с отношениями. Это в определенной мере соотносимо с пониманием актора в *акторно-сетевой теории французского ученого Бруно Латура*, в которой актер рассматривается фундаментально неопределенным, без заранее известной сущности. Он формирует свою природу в ходе взаимодействия в сети. Хотя для Латура сеть скорее является методологическим ключом для открытия того, что такое социальное, однако его трактовки понятий сетевого анализа имеют и онтологическое значение. Функциональный характер

отношений в структуре определяет цели и задачи элемента, тогда как коммуникационный характер отношений в сетях может не предполагать выполнение определенной структурной задачи. Процессы в структуре строятся по типу передачи команд и получения отклика на них, тогда как заинтересованность участника сети во взаимодействии определяется наличием разнообразных ресурсов, которыми обмениваются акторы для решения общих и частных задач.

Акторно-сетевая теория Бруно Латура

«Наконец, определение того, чем является сеть. Но что такое хороший текст? Мы не касаемся здесь хорошего стиля, потому что не важно, как хорошо мы выучились писать, мы всегда будем оставаться, увы, просто социальными учеными, и мы никогда не будем способны делать более того, чем подражать способностям писателей, поэтов, драматургов и новеллистов. По этой причине нам нужно менее запутанное модное словечко. Удивительно, это есть поиск как раз такого краеугольного камня, который позволит нам определить наконец большинство беспорядочных слов, используемых в нашей альтернативной социальной теории. Я бы придал достойное место как раз такому слову, как *сеть*.

Под этим словом я понимаю вереницу действий, где каждый участник рассматривается в качестве полномасштабного медиатора. Скажу проще: хорошее понимание АСТ (акторно-сетевой теории) состоит в том, что это нарратив, или описание, или предположение о том, что все акторы *что-то делают*, а не только сидят рядом. Вместо простой передачи результатов без учета их трансформации каждая точка в тексте может стать бифуркацией, событием или истоком нового перевода. Вследствие того что акторы рассматриваются не как агенты, а как медиаторы, они делают социальное видимым для читателя. Таким образом, посредством многих текстуальных изобретений социальное может вновь стать циркулирующей сущностью, которая больше не состоит из устойчивых скоплений людей, ранее определяемых как части общества. Текст, по нашему определению социальной науки, является, следовательно, проверкой на то, как много акторов писатель способен рассматривать в качестве медиаторов и как далеко он способен входить в проблематику социального.

Таким образом, сеть не обозначает вещи так, чтобы они были представлены примерно как взаимосвязанные точки, наподобие телефонных линий, автострад или канализационных «сетей». Она является не более чем индикатором качества текста об изучаемых предметах. Она указывает на их объективность, т.е. способность каждого актора заставить других акторов делать неожиданные вещи».

Latour B. Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network-Theory. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2005. P. 128–129.

Инструментальность отношений в структуре основана на зафиксированных положениях ее участников, которые ждут от другого только эффективного выполнения функции. Взаимность в сетях определяется условиями вхождения в сети. Если сети фиксируют принадлежность, то структуры фиксируют включенность/исключение. Последнее является значимым для структуры, которая строит свой порядок на основе нормы. Включенность означает нормальность, т.е. соответствие норме. Исключение применяется к тем феноменам, которые не соответствуют норме. Определенный и устойчивый порядок в структуре обеспечивается принципом функциональной необходимости, когда каждый элемент функционален для структуры. Неопределенность и неустойчивость в сетях возникает на основе их открытости и постоянно изменяющихся конфигураций, определяемых по случаю. И наконец, структура пытается оформить целое через тоталитаризацию своих элементов, сети отдают приоритет многообразию и возникновению единства без тоталитаризации. Важно подчеркнуть, что реляционный подход к политике хотя и составляет определенную характеристику политических сетей, но все же к ним не сводится.

1.2. Принципы политических сетей

Теория политических сетей включает в качестве базовых некоторые идеи и принципы, которые часто не являются самоочевидными и не лежат на поверхности. Они должны быть прояснены, чтобы провести четкую линию между концепцией политических сетей и иными политическими и управленческими аналитическими подходами. Некоторые из этих идей являются старыми, и Питер Богесон и Тео Туунен используют формулу «назад в будущее» для объяснения истории данной теории². В этом отношении следует отметить, что концепция политических сетей действительно возникла не на пустом месте. Уже в 1950–1960-х годах выработка государственной политики в США исследуется в аспекте управленческих субсистем, в которых взаимодействуют бюрократия, конгрессмены и заинтересованные группы. Концепция политических сетей имеет ряд источников и отправных точек: организационная социология и академическая теория бизнес-администрирования; социальный структурный анализ; институциональный анализ, теория общественного выбора и неоменеджеризм. Но смысловые значения

² *Bogason P., Toonen T.* Introduction: Networks in Public Administration // *Public Administration*. 1998. Vol. 76. No 2. P. 209–212.

многих высказанных в предыдущих теориях идей становятся сегодня новыми, так как они включены в новый «текст» политической и управленческой теории 1990-х годов — начала нынешнего века.

Сетевой подход к публичному управлению является не только отражением споров, которые ведутся между представителями различных управленческих теорий, но и ответом на изменение условий, в которых осуществляется управление общественными делами. Экология публичного управления за последние десятилетия существенно изменилась, что заставляет искать новые модели управления помимо рыночных и иерархических административных. Выросшая плюрализация общественных структур, сложность взаимоотношений между различными группами населения, высокий уровень общественных потребностей и ожиданий, большой масштаб неопределенности и риска, возросшее влияние международного фактора на внутреннюю политику государства, информатизация общества, падение доверия населения к центральным органам управления — это и многое другое привело к пересмотру традиционных управленческих подходов, особенно тех, где умахались особенности публичной сферы, как, например, в новом государственном менеджменте, который получил даже наименование неотейлоризма. Сетевой подход к политике и управлению базируется на ряде основоположений и идей.

Теория политических сетей реконструирует отношения между государством и современным обществом. Вместо попытки редукции сложности общества для эффективного управления она включает рост сложности в качестве необходимой предпосылки построения управления. *Понятие «сеть» становится соотносимым с понятием сложных феноменов.* В этом отношении сетевая методология применительно к политике использует понятие сложных адаптивных систем. Синергетический эффект при сетевом взаимодействии складывается из конкуренции и кооперации множества акторов, по отдельности неспособных справиться с решением определенных политических проблем. С одной стороны, роль государства в сетях определяется в зависимости от оценки эффективности государственного участия при решении тех или иных вопросов. Она может быть большей или меньшей, но все же значимым для сетевой методологии является акцент на открытости государства перед гражданским обществом при формулировании, внедрении и реализации публичной политики. С другой стороны, изменяется не только роль государства, но и сама система принятия публичных решений, когда помимо государства множество других акторов включается в политический процесс.

Теория сложных сетей

«Социальные сети много изучались в социальной науке. Основным признаком этих исследований является их ограничение скорее маленькими системами и частым рассмотрением сетей как статичных графов, чьими узлами являются индивиды, а связи представляют различные качественные социальные взаимодействия.

В противоположность этому недавние методологические подходы, взятые из статистической физики, сосредоточены на больших сетях с поиском универсалий как в топологии веба, так и в динамике, управляющей их эволюцией. Эти объединенные теоретические и эмпирические результаты открыли неожиданные направления для исследования и богатство применений для многих отраслей — начиная от компьютеров и кончая биологией. В этом отношении три значимых результата, кажется, кристаллизованы: во-первых, большинство сетей имеют так называемое качество *малого мира*, которое означает, что среднее разделение между узлами является скорее маленьким, т.е. можно найти короткий путь по связям между большинством пар узлов. Во-вторых, реальные сети демонстрируют более высокую степень кластеризации, чем ожидалось для случайных сетей. Наконец, было обнаружено, что степень распределения содержит важную информацию о природе сети, ибо многие большие сети следуют безмасштабным законам распределения, что стимулировало изучение *безмасштабных сетей*.

В добавление к раскрытым порождающим качествам реальных сетей эти исследования сигнализировали о появлении нового набора инструментов моделирования, которые значительно повысили нашу способность описывать и моделировать сложные интерактивные системы».

Barabasi A. L., Jeong H., Neda Z., Ravasz E., Schubert A., Vicsek T. Evolution of the social network of scientific collaborations // *Physica*. 2002. A 311. P. 591.

Сложность является результатом самой реальности, т.е. принадлежит к объекту исследования. В этом отношении известно, что социальные системы представляют собой сложные системы, определяемые характером социальных отношений, множеством акторов, особенностью деятельности, открытостью социальных систем, историчностью и т.д. Но и процесс человеческого познания вносит элемент неопределенности в процесс и усложняет его, а также результаты. Выделяются пять принципов, которые нужно брать в расчет, когда изучаются сложные феномены³:

1) классические дихотомии являются концептуальными иллюзиями — *дополнительность*, т.е. при изучении сложных феноменов не разделение, а соединение является принципом исследования;

³ *Overman E.* The New Science of Administration: Chaos and Quantum Theory // *Public Administration Review*. 1996. Vol. 56. No 5. P. 487–491.

2) мы не можем знать действительность во всех ее деталях — *неопределенность*, т.е. мы не можем знать, какой фактор приведет к изменению сложной системы;

3) нет независимости исследователя от объекта изучения — *проблема измерения*, т.е. построить объективную измерительную технику вряд ли возможно; измеряя процессы и явления, мы вносим в их понимание определенную долю субъективизма, которая должна учитываться;

4) действие на расстоянии — *нелокальная причинность* — существует и дополняет традиционное понимание причинности, т.е. результат какого-либо процесса или действия определяется не непосредственными причинами и факторами, а находящимися на расстоянии; в определенной мере это является результатом действия сетей тесного мира;

5) мы способны участвовать в становлении реальности, в которой мы живем, — *коллизия участия* (конструктивизм), т.е. сложные феномены возникают в том числе и в результате активности человека, его конструктивной способности формировать свой мир.

Изучение сложных систем сначала в физике, биологии и компьютерных науках начинает проникать и в область общественных наук. Особое место эта проблема занимает в политической науке и, что для нас важно, — в изучении публичной политики. В этом отношении предсказуемым было то применение теории сложности в социальных науках, включая исследование политики, которое фокусировалось на нелинейности, нестабильности и неопределенности: «Политическая сфера является определенно нелинейной, где нестабильность и непредсказуемость являются внутренними и где причина и следствие часто загадочно смешиваются. Очевидный факт, что политические системы являются историческими и временными системами, также повышает потенциальную ценность применения теории сложности в социальных науках»⁴. Сетевой подход к публичной политике, как отмечалось ранее, основывается на этой философии сложности. Но и здесь особо выделяется раздел сложных социальных и политических сетей. Как писал Ричард Стейси, сложность «демонстрирует, что динамика сложных сетей взаимодействующих агентов определяется природой отношений в сетях. В общем, как только растут потоки информации/энергии, как только возрастает взаимосвязь

⁴ Elliot E. Complexity, Politics, and Public Policy // Knowledge Management, Organizational Intelligence and Learning and Complexity. 2003. Vol. 11. P. 132.

между агентами и разнообразие самих агентов, динамика сетей меняется. Они переходят от повторяющейся, предсказуемой стабильности к случайности и дезинтеграции. На самом критическом уровне потоков информации/энергии, связанности и разнообразия проявляется динамика связанной нестабильности, т.е. одновременное присутствие стабильности и нестабильности, порядка и беспорядка. Именно при такой динамике на острие дезинтеграции могут вырасти новые формы взаимоотношений»⁵.

При использовании этого подхода восстанавливаются связи между управлением и политикой. Новый государственный менеджмент объявлял о своем безразличии к политике. Наоборот, подход с позиций политических сетей к государственному управлению проявляет интерес к политической сцене. «Политика и управление не могут быть разделены по различным причинам, включая потерю ясности в определении государственной службы и потерю согласия относительно того, кто уполномочен на подобные услуги», — пишет Рита Келли. Некоторые защитники нового государственного управления доказывают, что их подход, вероятно, включает больше ответственности (чем подход к управлению с позиции государственной бюрократии), так как он увеличивает надежду на то, чтобы индивид обладал большими полномочиями и имел больше нужды быть ответственным перед потребителем. «Даже если это само собой разумеется, тем не менее нам все еще нужно знать, — пишет Келли, — как новый государственный менеджмент отвечает на проблему, что граждане в демократической политике примут выбор, сделанный децентрализованным агентством, безродной организацией или аполитичным, ориентированным на эффективность и действенность менеджером? Открытая демократическая политика требует большего, чем удовлетворенных потребителей»⁶. Концепция политических сетей в этом отношении включает в рассмотрение широкий спектр политических проблем. Не случайно многими исследователями подчеркивается ее несомненная связь с политической наукой, а внутри нее с теорией демократического принятия политических решений и выработки политической линии. Концепция политических сетей меняет ракурс рассмотрения государства как агента политики:

1) в противоположность идее доминирующей роли государства в выработке политики, при сетевом подходе государство и его инсти-

⁵ *Stacey R.* Strategic Management and Organizational Dynamics. The Challenge of Complexity. Harlow, UK: Prentice Hall, 2003. P. 352.

⁶ *Kelly R.* An Inclusive Democratic Polity, Representative Bureaucracies? And the New Public Management // *Public Administrative Review*. 1998. Vol. 58. No 8. P. 205.

туты являются хотя и важным, но лишь одним из акторов производства политических решений;

2) в противоположность идее относительной независимости государства в политике, в концепции политических сетей государственные структуры рассматриваются в качестве «сцепленных» с другими агентами политики и вынуждены вступать в обмен своими ресурсами с ними;

3) в противовес идее государственного управления как иерархически организованной системы, сетевой подход предлагает новый тип управления — «руководство» (*governance*), общая характеристика которого нашла выражение в формуле «управление без правительства» (*governing without government*) или «руководство без правительства» (*governance without government*).

Концепция сетевого взаимодействия в политике и публичном управлении первоначально базировалась на инструментально-рациональном описании процесса принятия решений сетевыми акторами, обменивающимися своими ресурсами. Рациональное поведение в сетях и институциональное закрепление сетевых практик общения в правилах и достигнутых договорных соглашениях первоначально описывалось как достаточное для жизнедеятельности сети и удовлетворения базовых интересов ее участников. Вместе с тем ученые, которые разрабатывали теорию политических сетей, включали в свои размышления морально-психологическое измерение управления и процесса производства политического решения. Это означало, что данная теория государственного управления близка к политической философии и ценностно ориентированному подходу. Как подчеркивает Тания Берцель, «есть много работ по политической сети, в которых признается, что идеи, верования, ценности и консенсуальное знание обладают объяснительной властью при изучении политической сети. Тем не менее критика рационалистических институционалистских подходов к политическим сетям пропускает фундаментальную позицию: идеи, верования, ценности, идентичность и доверие действительно не только имеют значение для политических сетей; они являются конструктивными для логики взаимодействия между членами сети»⁷. Общее моральное измерение поведения в сетях поставило перед исследователями вопрос о том, как оно достигается. Совместное понимание проблемы, доверие друг к другу, общие идеи и ценности и их выражение в определенных правилах сетевого поведения становятся предметами специального анализа.

⁷ Börzel T. Organizing Babylon — on the Different Conceptions of Policy Networks // Public Administration. 1998. Vol. 76. No 2. P. 264.

Хотя понятие «институт» играет значительную роль в теории политических сетей, однако не институты, а связи и отношения составляют ключевой пункт рассмотрения: «По-видимому, все аналитики теории сетей разделяют предпосылку, что завершённое объяснение для некоторых социальных феноменов требует знания взаимоотношений между системными акторами»⁸. Фактически речь здесь идет о новом качестве институционального оформления сетевых практик взаимоотношений, подчиняющихся логике совместного действия. Эту тему разрабатывает Иоахим Блаттер в ряде своих работ. В частности, основываясь на идее Фрица Шарпа о четырех типах взаимодействий и соответственно институциональных структур («одностороннее действие» — «анархическая структура», «согласованный договор» — «сеть», «голосование по большинству» — «ассоциация», «иерархическое управление» — «организация»), он исследует такой тип институциональных структур, который базировался бы на «одностороннем действии» и «согласованном договоре». Такую институциональную структуру он связывает как раз с сетями и называет ее «свободно соединенными институтами»⁹. Сети часто и определяются через понятие «отношение», а не «институт». «Сеть... состоит из акторов и отношений между ними, а также из определенных действий/ресурсов и зависимостей между ними», — пишут Х. Хакансон и Я. Йохансон¹⁰. Р. Родс подчеркивает значимость структурных отношений между политическими институтами в качестве решающего элемента политической сети, а не межперсональных отношений внутри институтов¹¹. Важно, однако, вновь подчеркнуть, что в сетевой теории акторы не могут рассматриваться отдельно от сетевых отношений, а сетевые отношения — отдельно от акторов. Существует единство одного и другого.

В теории сетей проблема эффективности управления часто рассматривается не в аспекте отношения «цели—средства», а в аспекте отношения «цели—процессы». Хотя и здесь оценка эффективности по-

⁸ *Knoke D.* Political Networks. The Structural Perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 9.

⁹ *Blatter J.* Beyond Hierarchies and Networks: Institutional Logics and Change in Transboundary Spaces // Governance: An International Journal of Policy, Administration and Institutions. 2003. Vol. 16. No 4. P. 515.

¹⁰ *Hakanson H., Johanson J.* The Network as a Governance Structure: Interfirm Cooperation Beyond Markets and Hierarchies // Organizing Organizations / N. Brunsson, J. Olsen (eds.). Bergen: Fagbokforlaget, 1998. P. 48.

¹¹ *Rhodes R., Marsh D.* Policy Network in British Politics. A Critique of Existing Approaches // Policy Network in British Government / Ed. by D. Marsh and R. Rhodes. Oxford: Clarendon Press, 1992. P. 9.

литических сетей, служащих удовлетворению каких-либо общественных потребностей, часто производится по качественным параметрам этого удовлетворения, однако политико-управленческие сети все же больше оцениваются по процессуальным параметрам, например, по транзакционным издержкам, т.е. по затратам на переговоры, на интеграцию и координацию своей деятельности. Тео Туунен демонстрирует это на уровне коллективного выбора и утверждает здесь значимость интегрированности и легитимности: «Ключевой пункт административных ценностей относится к качеству коллективного выбора или совместному выбору решения»¹². Вместе с тем в последнее время подвергается сомнению то обстоятельство, что сетевое управление само по себе способно решить ряд проблем, связанных с распределительной политикой. Акцент на процессуальной стороне сетевого управления как фактора достижения целей оставляет в стороне вопрос о результате. Оказывается, что налаженные процессы координации и взаимодействия в управленческих сетях могут неоднозначно способствовать справедливому удовлетворению исходных интересов. Как показали Лоренс О'Туул и Кеннет Мейер на основе анализа сетевых структур управления в образовании в США, созданные в Техасе управленческие сети не являются нейтральными в политических вопросах и могут способствовать удовлетворению интересов наиболее привилегированной части участников, а не вести к равноправию в потреблении образовательных услуг. Отсюда они делают вывод о необходимости обратить внимание на политическую сторону сетевой модели управления: «Управленческое формирование сети не является ни заменой политике, ни более чистой, а значит принятой, формой политической деятельности. Оно производит определенные виды структур и дилемм, на которые обществоведы уже указали»¹³.

1.3. Понятия политических сетей

По вопросу определения понятия «политическая сеть» между исследователями нет особых споров. В целом ясно, что это понятие может быть сформировано путем определения участников, составляющих сеть, и характера отношений между ними. *В отличие от понятий «система» или «структура» здесь акцент делается на активном и осоз-*

¹² Toonen T. Networks, Management, and Institutions: Public Administration as 'Normal Science' // Public Administration. 1998. Vol. 76. No 2. P. 246.

¹³ O'Toole L., Meier K. Desperately Seeking Selznik: Cooptation and the ark Side of Public Management in Networks // Public Administration Review. 2004. Vol. 64. No 6. P. 620.

нанном взаимодействии акторов, формирующих политическое решение и участвующих в его выполнении. Вместе с тем и рынок, и традиционное иерархическое управление не исключают этой активности и осознанности участников формирующихся связей. Следовательно, политические сети должны обладать какими-то качествами, которые отличали бы их как новую форму управления. Приведем ряд суждений на эту тему.

Для Р. Родса политические сети формируются в различных секторах политики современного государства (здравоохранение, сельское хозяйство, индустрия, образование и т.д.) и представляют собой комплекс структурных взаимоотношений между политическими институтами государства и общества. Он подчеркивает значение именно институциональной составляющей политической сети и ее ограниченность определенными секторальными интересами. Родс включает в рассмотрение и обмен ресурсами между членами сети в процессе налаживания отношений¹⁴.

Таня Берцель, анализируя две школы в концепции политических сетей — немецкую и английскую, дает следующее определение: «Политическая сеть представляет собой набор относительно стабильных взаимоотношений, по природе неиерархических и взаимозависимых, связывающих многообразие акторов, которые разделяют относительно политики общие интересы и которые обмениваются ресурсами для того, чтобы продвинуть эти интересы, признавая, что кооперация является наилучшим способом достижения общих целей»¹⁵. В этом определении обращает на себя внимание то, что участники политической сети преследуют не сепаратные, а общие интересы и что они выбирают для их достижения кооперативные способы деятельности. Следует отметить и то, что таких участников множество и они различны. В этом отношении следует различать *политические сетью policy network* и *политические сетью political network*. Первые — *policy networks* — возникают как реакция на недостатки координации при рыночной и иерархической системах взаимодействий. В этом отношении сетевая координация является более продуктивной и повышает степень управляемости политикой. Здесь политические сети возникают в отдельных секторах политики — экономической, социальной, сельскохозяйственной, жилищной и т.д. Вторые — *political networks* — являются результатом раз-

¹⁴ Rhodes R., Marsh D. Policy Network in British Politics. A Critique of Existing Approaches // Policy Network in British Government / Ed. by D. Marsh and R. Rhodes. Oxford: Clarendon Press, 1992. P. 10–13.

¹⁵ Börzel T. Organizing Babylon — on the Different Conceptions of Policy Networks // Public Administration. 1998. Vol. 76. No 2. P. 254.

вития отношений государства и групп интересов, когда плюралистическая система (независимые интересы воздействуют на государство) и корпоративистская система (формирование организованных интересов находится под контролем государства) перестают работать из-за развитости групп интересов и их стремлении включаться в политический процесс. Такие сети часто называют политико-управленческими сетями (*public governance networks*). Эти типы сетей будут рассмотрены в соответствующих главах учебника.

Авторы книги «Сравнение политических сетей. Политика в сфере труда в США, Германии и Японии» используют понятие организационного государства для описания возникающих отношений между различными участниками принятия политических решений. Межорганизационные сети позволяют описывать и анализировать взаимодействия между всеми значимыми акторами политики — от парламентских партий и министров правительства до ассоциаций бизнеса, профсоюзов, профессиональных обществ и групп общественных интересов. В качестве эмпирической системы организационное государство не обеспечено полной поддержкой правовых норм. Его возникновение в действительности отражает и формальную, и неформальную власть производить решения, которая пронизывает государство и общество. В качестве аналитических категорий, описывающих организационное государство, они предлагают «сферу политики» («сложную социальную организацию, в которой производятся коллективно увязанные решения»), структурными компонентами которой выступают акторы политики, политические интересы, властные отношения, коллективные действия и совместно занятые позиции¹⁶.

Лоренц О'Туул предлагает следующее определение: «В более конкретном смысле сети включают межагентские кооперативные ставки, межуправленческие структуры программного менеджмента, сложное множество соглашений и государственно-частное партнерство. Они также включают системы предоставления услуг, основанные на комплексе провайдеров, который может включать публичные агентства, частные фирмы, неприбыльные и даже укомплектованные волонтерами организации, все они связаны взаимозависимостью и интересами, закрепленными определенной совместной программой»¹⁷. Здесь проведено различие между элементами сети, которые связаны с приняти-

¹⁶ Knoke D., Pappi F., Broadbent J., Tsujinaka Y. Comparing Policy Networks. Labor Politics in the US, Germany, and Japan. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 1996. P. 3–11.

¹⁷ O'Toole L. The Implications for Democracy in a Networked Bureaucratic World // Journal of Public Administration Research and Theory. 1997. Vol. 7. P. 446.

ем решений по политическим вопросам, и теми элементами, которые на основе этих решений предоставляют услуги.

Таким образом, политические сети обладают рядом характеристик, которые отличают их от иных форм управленческой деятельности в сфере публичных потребностей и интересов. *Во-первых*, сети представляют собой такую структуру управления публичными делами, которая связывает государство, бизнес и гражданское общество. Эта структура эмпирически наблюдаема и теоретически описывается как множество разнообразных государственных, частных, общественных организаций и учреждений, имеющих некоторый общий интерес. *Во-вторых*, политическая сеть складывается для выработки соглашений в процессе обмена имеющимися у ее акторов ресурсами. Это означает, что существует взаимная заинтересованность участников сети друг в друге. Ресурсная взаимозависимость является, с точки зрения ряда авторов, центральной характеристикой сетевого взаимодействия¹⁸. Ресурсы могут быть распределены неравномерно, но независимо от степени их концентрации и определенного доминирования ряда участников сети последние вынуждены вступать во взаимодействие. Между участниками сети существует ресурсная зависимость. Как специально подчеркивает Якоб Торфинг, «между сетевыми акторами может быть асимметрическое распределение материальных и нематериальных ресурсов, но так как участие является добровольным и акторы свободны выйти из сети... никакой отдельный актер не может установить свою власть для иерархического контроля над другими»¹⁹. *В-третьих*, важной характеристикой политической сети выступает общий кооперативный интерес. Многие исследователи подчеркивают эту черту особенно, так как она отличает данную регулятивную систему от рынка, где каждый участник преследует прежде всего свои собственные цели. *В-четвертых*, с точки зрения выработки политических решений участники сети не выстраиваются в некоторую иерархию, где какая-либо организация имеет преимущество с точки зрения ее властной позиции. Все участники сети равны с точки зрения возможности формирования совместного решения по интересующему вопросу. Здесь наблюдаются не вертикальные, а горизонтальные отношения. *В-пятых*, сеть представляет собой договорную структуру, состоящую из набора контрактов, возникающих на основе согласованных формальных и неформальных пра-

¹⁸ *Compston H.* Policy Networks and Policy Change. Putting Policy Network Theory to the Test. Hampshire: Palgrave Macmillan, 2009. P. 6–17.

¹⁹ *Torfin J.* Governance Network Theory: Towards a Second Generation // *European Political Science*. 2005. Vol. 4. No 3. P. 307.

вил коммуникации. В политических сетях действует особая культура консенсуса.

В целом **политическая сеть** представляет собой систему государственных и негосударственных образований в определенной сфере политики, которые взаимодействуют на основе ресурсной зависимости с целью достижения общего согласия по интересующему всех политическому вопросу, используя формальные и неформальные нормы.

1.4. Критерии различия политических сетей

Ясно, что политические сети будут различаться по ряду критериев. Конечно, есть различия, связанные со степенью выражения общих качеств политических сетей, но также можно выделить внутренние дифференцирующие критерии. К последним необходимо отнести следующие характеристики сетей:

1) число и тип участников сетей: потребности и интересы участников, их структурные характеристики, ресурсы, потенциал, уровень профессионализации, мировоззрение, полномочия и т.д.;

2) характер институционализации: формальные и неформальные нормы, правила и практики взаимодействия, закрепленные в сетевом общении, характеристики установленного порядка в сети и его стабильности;

3) сфера политики, в которой формируются сети: содержательная сторона деятельности сетей определяется характером сферы политики — экономической, финансовой, социальной, экологической, международной и т.д.; но этот критерий связан также с особенностями формирования соответствующей политики, что выражается в структуре, институционализации, ресурсной зависимости в сетях и т.д.;

4) распределение ресурсов между участниками сетей: уровень заинтересованности в ресурсах друг друга, интенсивность обмена ресурсами, тип обмена ресурсами, формальные и неформальные правила регулирования обмена ресурсами, уровень удовлетворенности обменом ресурсов и т.д.;

5) структурные характеристики сети, определяемые характером отношений между акторами: границы сети (открытые/закрытые), тип членства (принудительный/свободный), структура связей (хаотическая/упорядоченная), интенсивность и сила отношений (частота и длительность), кластеризация в сетях, типы координации сетевого взаимодействия (иерархический, горизонтальные консультации, торг,

взаимопересекающееся членство), уровень централизации, природа отношений (конфликтная, конкурентная, кооперативная) и т.д.;

б) степень концентрации власти: она определяется ресурсами, потребностями и организационными характеристиками сети; выделяются четыре типа властных отношений применительно к публичной политике: захват публичных агентств бизнесом, автономия публичных акторов по отношению к организованным интересам, захват частных интересов государством, смешанный тип;

7) используемые участниками сети стратегии: государство, например, может способствовать или препятствовать формированию сетей в политике, выделять привилегированные интересы и их ассоциации, предоставлять определенным организованным интересам монопольный доступ к публичным благам, субсидировать деятельность ассоциаций и т.д.

1.5. Виды политических сетей

Воспользуемся наиболее широко распространенной типологией политических сетей, предложенной Роем Родсом. Он выделяет пять типов политических сетей, руководствуясь тремя критериями: степенью внутренней интеграции, числом участников сети и распределением ресурсов между ними.

Политические сообщества (*policy communities*) представляют собой такие сети, которые характеризуются стабильностью взаимоотношений, устойчивым и в высокой степени ограниченным членством, вертикальной взаимозависимостью, основанной на совместной ответственности за предоставление услуг, и изоляцией как от других сетей, так и от публичных организаций (включая парламент). Такие сети являются высокоинтегрированными и имеют высокую степень вертикальной взаимозависимости и ограниченную вертикальную координацию. Подчеркивается, что подобные сети концентрируются на основных функциональных интересах (типа образования или пожарной безопасности). Это скорее территориальные сообщества.

Профессиональные сети (*professional networks*) характеризуются преобладанием одного класса участников производства политических решений: профессиональных групп. Эти сети выражают интересы особой профессиональной группы и основаны на высокой степени вертикальной взаимозависимости, а также изолированы от других сетей. Профессиональные сети могут быть представлены в национальном масштабе, например Национальная служба здравоохранения в Великобритании.

Межуправленческие сети (*intergovernmental networks*) формируются на основе представительства местных властей. Их отличительными характеристиками являются топократическое членство, явное исключение иных публичных союзов, широкий охват интересов, связанных со многими службами, ограниченная вертикальная взаимозависимость (так как они не ответственны за оказание услуг), широкая горизонтальная структура и способность взаимодействовать со многими другими сетями.

Сети производителей (*producer networks*) отличаются значительной ролью в политике экономических интересов (публичного и частного секторов), их подвижным членством, зависимостью центра от промышленных организаций при производстве желаемых товаров и при экспертизе, а также ограниченной взаимозависимостью между экономическими группами.

Проблемные сети (*issue networks*) характеризуются большим числом участников с ограниченной степенью взаимозависимости. Стабильность и постоянство находятся здесь в большом почете, а структура имеет склонность к атомистичности.

Ключевые слова

Реляционный подход, сетевой подход, структуры, сети, политические сети, виды сетей.

Литература

- Градосельская Г. В.* Бизнес-сети в России. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014.
- Латур Б.* Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014.
- Методология исследования сетевых форм организации бизнеса / Под ред. М. Ю. Шерешевой. М.: Изд. Дом ВШЭ, 2014.
- Сетевой анализ публичной политики. Учебник / Под ред. Л. В. Сморгунова. М.: РГ-Принт, 2013.
- Castels M.* The Rise of the Network Society. 2nd ed. Malden, MA, Oxford, UK, Chichester, UK: Wiley-Blackwell, 2010.
- Compston H.* Policy Networks and Policy Change. Putting Policy Network Theory to the Test. Hampshire: Palgrave Macmillan, 2009.
- Dorogovtsev S. N.* Lectures on Complex Networks. Oxford: Oxford University Press, 2010.
- Eriksson K.* On the Ontology of Networks // Communication and Critical/Cultural Studies. 2005. Vol. 3. No 4.
- Knoke D.* Political Networks. The Structural Perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- McClurg S., Lazer D.* Political Network // Social Network. 2014. Vol. 36. No 1.
- Policy Network in British Government / Ed. by D. Marsh and R. Rhodes. Oxford: Clarendon Press, 1992.

Вопросы и задания

1. Сетевое общество характеризуется приоритетом структур (отношений) над деятельностью. Но всякая ли структура является сетью?
2. В чем вы видите основное различие и сходство между тремя упомянутыми теориями сетей: теорией сетевого общества, акторно-сетевой теорией и теорией сложных сетей?
3. Назовите основные принципы сетевого анализа политики.
4. Дайте определение политической сети и объясните, чем политическая сеть (*policy network*) отличается от политической сети (*political network*).
5. Назовите критерии, по которым различаются сети.
6. Охарактеризуйте виды сетей.

СЕТЕВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

► В главе рассматриваются понятие и типологии сетевых отношений, основанные на изучении сетей в рамках институциональной методологии, межорганизационного подхода и теории политических сетей. Особое внимание уделяется методам идентификации и анализа сетевых отношений в публичной политике: даются методические указания и описываются актуальные проблемы анализа связей, возникающие в политических сетях. Также поднимается проблема соотношения сетевых взаимодействий и их влияния на процессы выработки и принятия публичных политических решений. ◀

2.1. Отношения как объект сетевого анализа

Методологические подходы к анализу политических сетей оттачиваются от утверждения, что в основе процессов выработки и реализации публичной политики лежит сетевое взаимодействие. В то же время в научной литературе встречается использование различных исследовательских стратегий, что обусловлено различными трактовками понятий политических сетей и сетевой публичной политики. С точки зрения организационных исследований сетевой подход ориентирует нас на выявление разделяемых ценностей и взаимных интересов, вырисовывающихся в рамках новой институциональной методологии. С другой стороны, анализ политических сетей направлен и на изучение процессов ресурсного обмена и ресурсозависимостей, отсылающих нас к теории рационального выбора¹. Однако в отличие от моделей рационального поведения, которые базируются на утверждении об индивидуальных интересах акторов, или организа-

¹ *Peters Guy B. Political Institutions, Old and New // Goodin R. E., Klingemann H.-D. A New Handbook of Political Science. N.Y.: Oxford University Press, 1996.*

ционных моделей, сфокусированных на характеристиках отдельных субъектов, в сетевом анализе мы считаем, что отношения сами по себе уже являются объектом исследования. Интерес к изучению отношений между различными институтами возник, как уже упоминалось выше, в рамках организационной теории. Большая часть исследований в этом направлении сначала была сосредоточена на факторах, детерминирующих межорганизационные отношения, а сам анализ был сфокусирован на отношениях между двумя организациями (диада), но постепенно произошел переход к изучению непосредственно структур, состоящих из нескольких институтов, организационных сетей. В данном аспекте концепция политических сетей полезна для дифференцирования и описания группы государственных и частных организаций, которые вовлечены в государственную политику и имеют стабильные взаимосвязи между собой². Таким образом, основной категорией, на которой мы фокусируемся, изучая политические сети, являются отношения. Именно взаимные связи между субъектами и делают сеть сетью. В такой исследовательской стратегии сетевой анализ заключается в измерении и изучении отношений между группами акторов. Взаимозависимость — это ключевой фактор в построении и поддержании политических сетей. Мы можем видеть, имеют ли определенные акторы более сильные взаимозависимые отношения, так же как и проанализировать системные характеристики всего набора отношений. Структурные свойства сетей могут влиять на характеристики и деятельность акторов.

Итак, мы выяснили, что базовой целью сетевого анализа является идентификация и интерпретация системы отношений между акторами. Для дальнейшей ясности терминологии определим

сетевые отношения как устойчивые связи, которые возникают между двумя участниками сетевого взаимодействия и обладают определенным содержанием, описывающим характер коммуникации и ресурсной зависимости между данными акторами.

После определения совокупности акторов, которые составляют сеть, исследователи выясняют, между какими из них возникают устойчивые связи. В некоторых случаях, когда невозможно определить стабильность отношений, во внимание берется частота взаимодействий.

² *Dowding K.* Model or metaphor? A critical review of the policy network approach // *Political Studies*. 1995. No 43 (1). P. 137; *Thatcher M.* The development of policy network analyses: From modest origins to overarching frameworks // *Journal of Theoretical Politics*. 1998. No 10 (4).

Важно отметить, что, исследуя политические сети, мы можем выделять различные типы отношений. Например, классифицируя сетевые отношения по типу субъектов, выделяют персональные, представительные и институциональные. К персональным относятся коммуникационные связи, возникающие между отдельными индивидами и носящие неформальный характер. Представительные связи имеют место тогда, когда субъекты из разных организаций осуществляют коммуникацию на официальном уровне (переговоры, деловая переписка и т.д.). Институциональные связи образуются, когда передача или обмен информацией между организациями происходит без вовлечения персоналий с их организационными ролями. К таким связям можно отнести периодический плановый обмен данными между финансовыми институтами, образовательными учреждениями, силовыми структурами и т.д. Исследование механизмов выработки и реализации публичной политики, безусловно, подразумевает акцент на первых двух типах сетевых отношений. Р. Родс, например, в качестве решающего элемента политической сети отмечает значимость структурных отношений между политическими институтами, а не межперсональных отношений внутри институтов³. Безусловно, в данном контексте институциональные связи могут возникать на основе персональных, но после их установления в процессе сетевого взаимодействия структурные отношения между акторами, по мнению большинства исследователей, превалируют. В то же время в сетевом политическом анализе достаточно сложно разделять персональные и представительные связи, поэтому в дальнейшем в данной главе под *сетевыми отношениями* мы будем подразумевать отношения между индивидами, которые представляют институты, и считать, что они являются как персональными, так и представительными.

Однако классификация по типу субъектов, участвующих в сетевом взаимодействии, не всегда позволяет нам оценить содержательную часть возникающих между акторами отношений. В этой связи обратимся к методологии анализа социальных сетей, так как вышеупомянутые персональные и представительные связи, несомненно, являются социальными отношениями. Ноук и Куклински в своей работе, посвященной сетевому анализу, дают довольно обширную типологию отношений, которые можно изучать в сетях⁴:

³ Rhodes R. Policy Network. A British Perspective // Journal of Theoretical Politics. 1990. Vol. 2. No 3.

⁴ Knoke D., Kuklinski J. H. Network Analysis. Newbury Park: Sage, 1982.

- индивидуальные оценки (дружба, уважение, симпатия и т.д.);
- транзакции или передача материальных ресурсов (кредитование, покупка, продажа и т.д.);
- трансфер нематериальных ресурсов (коммуникация);
- взаимодействие (кооперация);
- формальные роли;
- родство.

Говоря об исследовании политических сетей, на наш взгляд, необходимо обращать внимание на все эти типы отношений, так как логика неоинституционализма подсказывает, что неформальные отношения непосредственно влияют на процессы выработки и реализации политики. Анализ сетевых отношений содержит в себе множество исследовательских проблем. Как отношения между каждым парами акторов вписываются в систему всех сетевых отношений? Каким образом сетевые отношения влияют на роли акторов и на функционирование сети? Как соотносятся персональные и представительные связи? Какова методика изучения сетевых отношений?

Помимо того что мы выделили некоторые типы сетевых отношений, необходимо отметить также, что связи между акторами могут быть описаны с точки зрения различных критериев. Основные характеристики сетевых отношений приведены в табл. 2.1⁵. Изучение данных параметров играет важную роль в анализе политических сетей, так как природа этих отношений может оказывать значительное влияние на процессы выработки и реализации публичной политики.

Одним из важных этапов сетевого анализа публичной политики является моделирование сетевых отношений. Использование различных моделей позволяет нам фокусироваться на отдельных аспектах функционирования политических сетей: на акторах, отношениях, процессах коммуникации в сетях, специфике ресурсозависимости, принципах выработки и имплементации решений, характеристиках политической сети в целом и т.д. Построение моделей отношений между акторами сети дает исследователю богатую пищу для размышления. Интерпретируя сетевую модель, мы можем выявлять роли различных участников сетевого взаимодействия, анализировать динамику сетевого развития, выделять характерные черты возникающих отношений, находить отдельные части сети или кластеры, проводить сравнительные исследования сетей в разных отраслях или странах и многое другое.

⁵ Brass D. J. A social network perspective on human resources management // Research in Personnel and Human Resources Management. 1995. No 13.

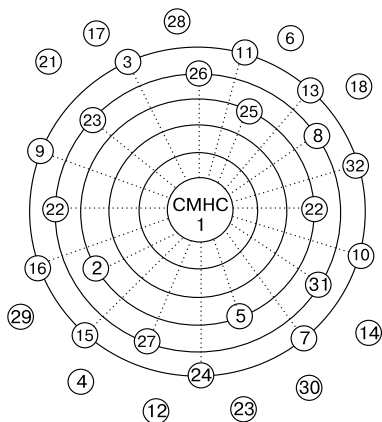

Рис. 2.1. Структура отношений агентств с Центром ментальных проблем (СМНС1) Туссона в сетевой кооперации

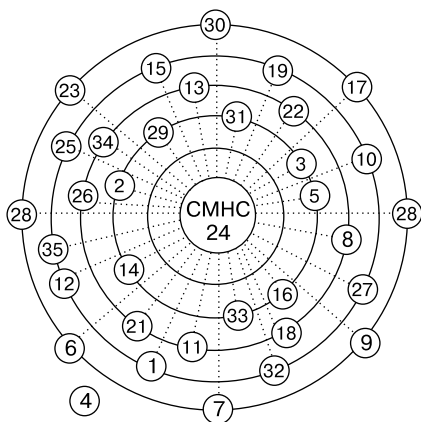

Рис. 2.2. Структура отношений агентств с Центром ментальных проблем (СМНС24) Провиденса в сетевой кооперации

Таблица 2.1

Основные параметры сетевых отношений

Параметр	Определение	Пример
Непрямые связи	Связи между акторами, опосредованные другими акторами	А связан с В, В связан с С; следовательно, А непрямо связан с С через В
Частота	Частота осуществления связи	А вступает в коммуникацию с В 10 раз в неделю
Стабильность	Существование связи во времени	А и В сотрудничают 5 лет
Мультиплексность	Показывает, сколько связей возникает у акторов	А и В — бизнес-партнеры и члены одной организации
Сила	Объем времени коммуникации, эмоциональная интенсивность, взаимные услуги	А и В — ключевые партнеры
Направление	Направление коммуникации	А руководит деятельностью В
Симметричность	Показывает наличие двусторонней связи	А и В активно обоюдно участвуют в коммуникации

В сравнительных исследованиях политических сетей часто используется метод построения сетевых карт (моделей) для анализа

структуры отношений. Подробнее данный метод рассмотрен в главах 5 и 7. В то же время и в работах, посвященных непосредственно анализу сетевых отношений, можно встретить визуализацию некоторых сетевых параметров для удобства представления материала. Например, в работе Х. Б. Милварда и К. Г. Прована «Измеряя сетевую структуру» параметр мультиплексности визуализирован в виде «экрана радара» (рис. 2.1, 2.2)⁶. На данных рисунках агентства, имеющие большее количество связей с СМНС, расположены ближе к центру.

Методы сбора информации для дальнейшего моделирования сетевых отношений зависят от тех целей, которые ставит перед собой исследователь. Это могут быть, например, контент-анализ средств массовой информации, биографический метод, выявление участников рабочих групп по выработке государственных решений, экспертные интервью и т.д. Следует учесть, что для получения данных желательно использовать различные методы, что позволит нивелировать проблемы репрезентативности и полноты получаемой информации.

Анкетирование и интервьюирование методом «снежного кома».

Политические сети и характер сетевых отношений можно выявить с помощью техники интервью методом «снежного кома». Основной принцип данного метода состоит в том, чтобы определять участников сети следующим образом: каждый интервьюируемый представитель предлагает исследователю актора для следующего интервью. Этот подход, в котором структура сети определяет себя сама, выявляет подходящих акторов, принимающих участие в процессах выработки и реализации политики, без учета формальных иерархий и организационных границ. Кто включен в сетевое взаимодействие, а кто нет, проявляется в качестве результата эмпирического исследования. «Снежный ком» начинается с нескольких ключевых акторов, которых исследователь априори считает наиболее активно участвующими в сетевом политическом управлении. Эти респонденты отвечают на вопросы, связанные с механизмами выработки и принятия решений, а также их просят указать, с кем они осуществляют коммуникацию в данных процессах. Таким образом, критерии включения в политическую сеть определяются самими респондентами. Дальнейшие интервью проводятся с указанными акторами в том же ключе до тех пор, пока не возникает постоянного повторения информации. Когда ответы респондентов не добавляют ничего нового в картину исследуемых процессов и не указывают на но-

⁶ *Milward H. B., Provan K. G. Measuring Network Structure // Public Administration. 2002. Vol. 76. Issue 2.*

вых участников политической сети, сбор информации можно считать законченным. В то же время метод «снежного кома» в случае с сетевым анализом публичной политики имеет и некоторые ограничения. Основной проблемой в данном контексте является невозможность определения изолированных акторов сети. Возможно даже, что некоторые кластеры или подгруппы окажутся вне поля зрения исследователя, если, например, его первоначальная гипотеза о ключевых акторах, с которых началось интервьюирование, оказалась неверной. Еще одним недостатком интервью в целом является риск того, что респонденты могут что-то забыть или намеренно умолчать о каких-либо фактах или акторах. Безусловно, эта проблема во многом связана со степенью публичности анализируемых политических сетей и решений. Пример анкеты, используемой для опроса методом «снежного кома», а также изучения характера сетевых отношений, представлен в приложении к данной главе.

Ивент-анализ. Многообразие возникающих между акторами отношений обуславливает и множество методов их идентификации. Одним из распространенных методов, который особенно востребован, когда невозможно провести анкетирование или интервью, является ивент-анализ, т.е. изучение фактов совместного участия акторов в различных публичных формах взаимодействия, где могли возникать сетевые отношения. К таким формам, например, относятся конференции, круглые столы, общественные слушания, заседания экспертных и консультативных советов при органах власти или ассоциациях. Такой анализ дает нам возможность выявить не только возникающие отношения, но и их частоту, стабильность, мультиплексность.

2.2. Доверие, сотрудничество и сплоченность

Как мы уже выяснили, публичная политика характеризуется взаимодействием государственных и частных акторов в прозрачном и публичном поле, где каждый субъект имеет равный доступ к нематериальным ресурсам, ключевым из которых является знание (подробнее см. главу 6) всей многоуровневой системы управления, независимо от места, которое занимает данный субъект в этой структуре. Напрашивается мысль, что существуют некоторые условия включения акторов в данное публичное пространство и вовлечения в функционирование политических сетей, а также факторы, которыми обусловлено занимаемое ими место в сетевой структуре. Рэйчел Паркер выделяет условия осуществления сетевого политического управления и координации

в публичной сфере. Она определила следующие факторы функционирования сетей⁷:

- объединение акторов осуществляется посредством коммуникационных взаимодействий и социальных связей;
- политические сети характеризуются децентрализацией механизмов принятия решений, включающей распределение властных ресурсов (отсутствие доминирования одного актора);
- информация распространяется свободно; отсутствуют механизмы силового влияния акторов друг на друга.

Таким образом, включение акторов в публичную сферу является результатом осуществления коммуникационных взаимодействий, которые, будучи постоянными и повторяющимися, могут трактоваться нами как сетевые отношения. В понятие сетевого управления Р. Паркер вкладывает принятие решений, взаимодействие и координацию деятельности. По ее мнению, для эффективного сетевого политического управления необходимо учитывать следующие параметры:

- плотность (прямые и не прямые связи между всеми участниками);
- широта (вовлечение полного спектра институтов);
- доверие;
- взаимность действий;
- общая идентичность.

Итак, взаимодействие акторов выступает как механизм самоуправления социума, где в качестве сдерживающих факторов присутствуют взаимные интересы участников, доверие и общая идентичность, а процесс управления организуется через создание системы неформальных правил, уравнивающих участников взаимодействия и определяющих допустимые и недопустимые с точки зрения всех участников сети модели поведения. В результате возникает публичное поле как постоянно функционирующая сфера, образуемая политическими сетями с целью упорядочения их активности и координации деятельности.

В литературе, посвященной проблемам публичной политики, авторы отмечают, что сети возникли из-за усложнения системы общественных отношений, обусловленного тем, что ресурсы распределяются по целому ряду различных субъектов, участие которых необходимо для достижения цели, каждый из них привносит свои взгляды и стратегии

⁷ Parker R. Networked Governance or Just Networks? Local Governance of the Knowledge Economy in Limerick (Ireland) and Karlskrona (Sweden) // Political Studies. 2007. Vol. 55. P. 113–132.

в процесс выработки политики⁸. Сети самоорганизуются из взаимозависимых акторов, которые совместно используют ресурсы и имеют общие цели, а также осознают необходимость координации этого взаимодействия, т.е. все участники сети понимают, что только совместные усилия могут привести к реализации общих задач. Если различные акторы разделяют поведенческие стратегии друг друга и имеют общие цели, то между ними появляются сетевые отношения. Следующим этапом в таком случае становится институционализация данных связей и кристаллизация сетевой структуры.

Структура сети (*network structure*) может отличаться от самого сетевого взаимодействия (*networking*), под которым в широком смысле понимается процесс создания связей с другими акторами посредством социального взаимодействия, деловых встреч, мероприятий, форумов и конференций, т.е. реализации различных форм публичности. В отличие от сетевого взаимодействия сетевые структуры в результате формируют новые ценности, новые отношения, измененные восприятия и «активную деятельность»⁹.

Важнейшей особенностью сетевых структур является то, что поведение их участников отличается от того, каким оно было бы, выступай они в качестве отдельных субъектов.

Сетевое политическое управление может быть определено как способность институциональной матрицы государства, в котором отдельные лица, фирмы, социальные группы, общественные организации и политики взаимодействуют друг с другом для осуществления и поддержания государственной политики и улучшения координации частного сектора¹⁰. Как мы видим, сетевое политическое управление основано не столько на интеракции, сколько на механизмах кооперации и совместного решения проблем, т.е. ключевыми факторами эффективности и результативности сетевых взаимодействий в публичной политике являются идентичность, доверие, сотрудничество и сплоченность акторов. Как определить эти характеристики применительно к политическим сетям? В чем специфика сетевых отношений, для которых характерны данные атрибуты? Возможно ли выявить, в отношениях между какими акторами они возникают? Выше мы выяснили, что первостепенная задача сетевого анализа состоит в исследовании,

⁸ *Teisman G., Klijn E.-H.* Partnership Arrangements: Governmental Rhetoric or Governance Scheme // *Public Administration Review*. 2002. No 62 (2). P. 197–205.

⁹ *Keast R., Mandell M., Brown K., Woolcock G.* Network Structures: Working Differently and Changing Expectations // *Public Administration Review*. 2005. No 64 (3). P. 363–371.

¹⁰ *Ahrens J.* Governance and Economic Development: A Comparative Institutional Approach. Cheltenham: Edward Elgar, 2002.

между кем есть отношения, а между кем они отсутствуют. Следующий вопрос, который возникает у исследователя, заключается в том, почему некоторые люди или организации связаны, в то время как другие — нет. Основанием для возникновения сетевой (т.е. равноправной и обоюдной) коммуникации является идентичность субъектов. Общая гипотеза гласит, что индивиды и институты, которые схожи по социальным, экономическим, культурным и географическим характеристикам, будут взаимодействовать чаще, и если они регулярно взаимодействуют, то это будет способствовать выработке доверия, общей позиции, сплоченности.

В поисках идентичности и доверия индивиды стремятся к сетевому взаимодействию с теми, кого они считают похожими и на чьи модели поведения ориентируются. Фактор доверия, в отличие от формальных институтов, позволяет использовать более широкие возможности коммуникации, а в условиях ресурсной зависимости он придает рациональный мотив взаимодействию. В нашей работе мы примем следующее определение данного понятия: *доверие* — *знание о том, что другие акторы сетевой коммуникации разделяют одни и те же ценности, имеют общие интересы, готовы к сотрудничеству и полностью соблюдают правила игры (формальные и неформальные институты)*. В сравнении с поиском идентичности достижение доверия имеет более рациональную основу. Например, для экономистов доверие является определяющим фактором, только благодаря которому возможна кооперация. Это значит, что именно достижение доверия является ключевым этапом трансформации коммуникационных сетей в политические. Можно по-разному интерпретировать феномен доверия в политических сетях. С одной стороны, доверие принято рассматривать как фактор межличностной коммуникации, конечной целью которой является коллективное действие. Для того чтобы достичь обоюдной заинтересованности и выгоды в коллективном действии, участники коммуникации должны пройти несколько коммуникативных этапов: передача информации, достижение взаимопонимания и, наконец, достижение доверия. Экстраполируя данный алгоритм на сетевое взаимодействие, можно предположить, что те же стадии необходимы и для согласования интересов всех членов политической сети. С другой стороны, логично предположить, что существует и институциональное доверие, основанное на межличностном доверии и формируемое, например, в течение длительного сотрудничества. В любом случае, анализируя политические сети и публичную политику, необходимо фокусировать внимание и на специфике доверия, сложившегося в данном публичном пространстве.

Безусловно, доверие можно оценивать с использованием качественных методов (например, интервью), но техники сетевого анализа дают нам возможность делать выводы о доверии и сотрудничестве и на основе количественных параметров. В связи с этим введем понятие *сплоченности*. Моделируя политические сети, мы можем наблюдать, что плотность сетевых отношений в различных участках сети разная. Чем больше связей между какими-либо акторами, тем они сплоченнее. Таким образом, *сплоченность* — это параметр, характеризующий определенную группу акторов и показывающий, насколько сильны отношения между членами данной группы. Чем больше связей между членами группы, тем жестче и крепче структура. Вполне обоснованным представляется следующий вывод: там, где мы наблюдаем большую сплоченность, существуют крепкие доверительные отношения между акторами, и, наоборот, низкая плотность связей демонстрирует низкий уровень доверия между участниками сети. *Плотность* в свою очередь показывает количество отношений в сети, выраженное как пропорция ко всем возможным сетевым отношениям. Чем выше этот показатель, тем больше реальных сетевых отношений между акторами. Анализируя фактор *сплоченности*, мы можем выделять сплоченные подгруппы в сети и делать выводы не только о наличии высокого уровня доверия в этих подгруппах, но и, например, о более тесном сотрудничестве акторов в подгруппах, а сотрудничество подразумевает не только обмен информацией или ресурсозависимость, но и совместное решение задач и координацию действий.

Мы выяснили, что политические сети представляют собой отражение взаимодействий между участниками политической коммуникации, которые возникают в процессе передачи и обмена сообщениями во времени и пространстве. Эти структуры способны приобретать различные формы, среди которых можно выделить сети межличностных контактов, информационные потоки внутри групп и между ними, глобальные сети. Таким образом, основными элементами моделей сетевой политической коммуникации являются субъекты коммуникации и возникающие между ними связи. Более того, характеристики этих элементов и формируют сетевые модели.

Можно выделить следующие типы участников коммуникационно-го процесса: индивидуумы (первые лица организаций, лоббисты или GR-специалисты), институты (организации) и группы, которые могут состоять из индивидуумов или организаций (например, ассоциации бизнеса). Брасс, изучая коммуникацию в социальных сетях организаций, определил, что каждый актер коммуникационной сети характе-

ризуется набором параметров, представленных в табл. 2.2. В анализе политических сетей мы также можем взять на вооружение этот подход.

Таблица 2.2

Типичные параметры, характеризующие участника коммуникационной сети

Параметр	Определение
Степень	Количество прямых связей с другими участниками сети
Входящая степень	Количество прямых входящих связей
Исходящая степень	Количество прямых исходящих связей
Спектр (многообразие)	Количество связей с акторами другого рода (из другой группы, с другим статусом)
Доступность	Насколько доступны остальные акторы сети. Обычно измеряется вычислением средней от всех дистанций (прямая связь равна 1, не прямые — пропорциональны количеству промежуточных связей)
Промежуточность	Показывает, как часто актор является посредником между любыми другими двумя участниками сети, находясь на кратчайшем пути между ними
Близость к центру	Определяет близость актора к центру сети, учитывая значения степени, доступности и промежуточности
Престиж	Основывается на асимметричных связях; чем больше входящих связей, тем выше престиж

Источник: Brass D. J. A social network perspective on human resources management // Research in Personnel and Human Resources Management. 1995. No 13.

В социальной теории позиция и роль являются важными и взаимосвязанными понятиями. Предполагается, что, занимая определенную позицию в сети, каждый актор выполняет какую-либо сетевую функцию (роль). Исполнение данной функции включает в себя поддержание определенного набора отношений с другими акторами, а также реализацию стратегии, важной для конкретного актора и сети в целом. В анализе политических сетей мы концентрируемся на моделях отношений. Таким образом, положение каждого актора приравнивается к определенной структуре коммуникационных связей. Следовательно, описывая каждого актора набором характеристик, мы можем определить, какую роль играет данный актор в сетевом взаимодействии.

Несмотря на то что анализ сетевых отношений и ролей акторов позволяет нам находить объяснения природе механизмов выработки и принятия политических решений, существует целый ряд объективных ограничений, которые необходимо принимать во внимание.

2.3. Сетевые отношения и выработка публичной политики

До сих пор нет четкой ясности, что означает система отношений. Например, не всегда понятно, что имеют в виду респонденты, когда выделяют наличие тех или иных связей с другими акторами. Проблема в том, что некоторые политические отношения носят лишь церемониальный, символический характер, в то время как другие коммуникации имеют решающее значение для процессов выработки политики, наконец, третий тип ориентирован на принятие решений. Какие отношения следует анализировать и как выявлять их характер? Как эта неопределенность влияет на распределение ролей? Джонатан Дэвис поясняет, что в литературе по политическому управлению устоялась следующая позиция: наличие сетевого взаимодействия свидетельствует о наличии сетевого управления¹¹, а Геерт Тэйсман и Эрик-Ганс Кляйн подчеркивают существование разрыва между «мечтой» и «реальностью» соглашений о партнерстве, вовлекающих в сетевое политическое управление. Они утверждают, что, «в то время как, с одной стороны, существует активное взаимодействие между государственными и частными партнерами, с другой стороны, ощущается недостаток совместного принятия решений и преемственности в кооперации»¹². В результате такое взаимодействие носит характер многоуровневого диалога, а не многоуровневого сетевого управления, включающего выработку и принятие политических решений.

Несмотря на широкий круг субъектов, участвующих во множестве встреч и переговоров, лишь некоторые из этих групп действительно влияют на процесс принятия решений. Следовательно, выявление сетевых отношений не всегда позволяет пролить свет на механизмы, которые влияют на процессы выработки политики. Получается, что, даже если исследователь выявил существование сетей, ему еще необходимо провести дополнительный анализ, действительно ли они служат функции управления или же просто объединяют различных субъектов с целью обмена мнениями. Кроме того, необходимо провести четкое разграничение между коммуникацией и управлением, что актуально для разделения сетевых коммуникационных взаимодействий и сетевого политического управления, равно как и сетевых отношений и сете-

¹¹ *Davies J. S.* The Hollowing-Out of Local Democracy and the Fatal Conceit of Governing Without Government // *British Journal of Politics & International Relations*. 2000. No 2 (3).

¹² *Teisman G., Klijn E.-H.* Partnership Arrangements: Governmental Rhetoric or Governance Scheme // *Public Administration Review*. 2002. No 62 (2).

вых политических отношений. Отталкиваясь от данного выше термина *сетевых отношений*, определим

сетевые политические отношения как устойчивые кооперационные связи, которые возникают между акторами в процессе выработки и принятия публичных политических решений и обладают определенным содержанием, описывающим характер коммуникации и ресурсной зависимости между данными акторами.

Отношения в политических сетях, безусловно, имеют коммуникационную природу. В сетевом анализе публичной политики коммуникация рассматривается не просто в качестве акта информационного обмена, а как фактор функционирования сетей в публичной сфере. Если раньше политическое управление предусматривало только субъектно-объектные отношения между теми, кто управляет, и теми, кем управляют, то сетевой подход к политике и управлению показал, что политическая система намного сложнее и многообразнее. Применительно к коммуникационным процессам в политике поле публичной политики является окружающей средой, где и происходит коммуникация, направленная на выработку и реализацию управленческих решений. Здесь мы можем наблюдать взаимозависимость элементов: окружающая среда (публичная политика) влияет на коммуникационные процессы, а коммуникация формирует и развивает окружающую среду.

В целом можно выделить 5 уровней коммуникации в политических сетях:

- 1) информационный;
- 2) транзакционный;
- 3) интерактивный;
- 4) сотрудничество;
- 5) принятие решений.

Как было рассмотрено выше, передача информации является лишь отправной точкой для сетевого взаимодействия. От информационного уровня происходит переход к поиску идентичности. Следующей ступенью становится интерактивный уровень, основой которого стало формирование взаимного доверия участников коммуникационного процесса с целью дальнейшей интеграции. Таким образом, мы можем обратиться к упомянутой характеристике сетевого взаимодействия, подразумевающей общность интересов участников коммуникации и коллективное действие по достижению общих целей.

Мы знаем, что коммуникация, возникающая между различными акторами, может быть детерминирована целым рядом факторов, поэтому в рамках сетевого анализа необходимо классифицировать различные типы коммуникации. Например, между различными сетевыми акторами могут возникать разные виды коммуникации: от простой передачи информации до совместного решения политических задач. Вместе с этим между отдельными акторами может возникать несколько различных типов коммуникационных связей. И количество коммуникаций, и их качественные характеристики также являются объектом анализа. В данном случае исследователь должен так составить анкету для представителей институтов, включенных в сеть, чтобы можно было использовать и качественные, и количественные методы анализа.

ПРИМЕР анкеты для выявления качества и количества коммуникационных связей между сетевыми акторами.

Ниже приводится список организаций, которые участвуют в сетевом взаимодействии в отрасли X. В рамках данного исследования мы хотели бы узнать, вовлечена ли ваша организация в любой из типов коммуникации, перечисленных ниже, с одной или несколькими указанными организациями в течение этого и прошлого года. Пожалуйста, обратите внимание, что, возможно, список организаций не полон. Если ваша организация осуществляет любое из описанных типов взаимодействий с любым другим учреждением, пожалуйста, укажите это в конце, в специально отведенном месте.

Определения

Обмен информацией — вы или представители вашей организации контактируете с представителями приведенных организаций?

Партнерские отношения — заключены ли между вашей организацией и указанными учреждениями партнерские договоры?

Совместное участие в выработке решений — участвуют ли представители вашей организации в различных институтах, где осуществляется разработка или экспертиза политических решений в отрасли, вместе с представителями указанных организаций?

Взаимодействие в процессе реализации политики — взаимодействуете ли вы с указанными организациями в процессе реализации политических решений?

Инструкция

Для каждой из приведенных организаций укажите, осуществляется ли тот или иной тип взаимодействия с вашей организацией, поставив знак «V» в соответствующую ячейку. Если есть еще какие-либо организации, не указанные в анкете, пожалуйста, впишите их в пустые графы в столбце «Организации».

Сетевые взаимодействия

Органи- зации	Обмен информацией	Партнерские отношения	Совместное участие в выработке решений	Взаимодействие в процессе реализации политики
А				
Б				
В				
Г				
Д				

Современные трансформации механизмов государственного управления приводят и к изменению механизмов и роли коммуникационных процессов в сетевом политическом управлении. На начальном этапе развития научного знания о взаимодействии политических акторов исследователи акцентировали внимание на способах трансляции информации и утверждали, что возникающие между ними отношения в силу субъектно-объектной специфики призваны моделировать пространство публичной политики. Кроме того, публичные связи, в отличие от теневых, носили спорадический характер и выполняли лишь функцию имплементации управленческих практик. В современных условиях институционализация сетевых политических отношений становится неотъемлемым элементом развития публичной сферы. С одной стороны, развитие информационно-коммуникационных технологий привело к усилению влияния коммуникации на поле публичной политики и механизмы государственного управления. Появление устойчивых связей является катализатором общественных изменений, где субъектно-объектная система отношений постепенно превращается в сферу, где преобладают равноправные и обоюдоактивные практики взаимодействия. С другой стороны, трансформация общественно-политической структуры детерминирует и развитие технологий и способов выстраивания отношений. Таким образом, мы наблюдаем взаимное влияние: возникновение механизмов и форм отношений является ответом на вызов изменяющейся парадигмы государственного управления и развития сетевых форм интеракции.

Ключевые слова

Сетевые отношения, доверие, сплоченность, плотность, сетевые политические отношения.

Литература

Ahrens J. Governance and Economic Development: A Comparative Institutional Approach. Cheltenham: Edward Elgar, 2002.

Brass D. J. A social network perspective on human resources management // Research in Personnel and Human Resources Management. 1995. No 13.

Davies J. S. The Hollowing-Out of Local Democracy and the Fatal Conceit of Governing Without Government // British Journal of Politics & International Relations. 2000. No 2 (3).

Dowding K. Model or metaphor? A critical review of the policy network approach // Political Studies 1995. No 43 (1). P. 137; *Thatcher M.* The development of policy network analyses: From modest origins to overarching frameworks // Journal of Theoretical Politics 1998. No 10 (4).

Knoke D., Kuklinski J. H. Network Analysis. Newbury Park: Sage, 1982.

Parker R. Networked Governance or Just Networks? Local Governance of the Knowledge Economy in Limerick (Ireland) and Karlskrona (Sweden) // Political Studies. 2007. Vol. 55. P. 113–132.

Peters Guy B. Political Institutions, Old and New // Goodin R. E., Klingemann H.-D. A New Handbook of Political Science. N.Y.: Oxford University Press, 1996.

Rhodes R. Policy Network. A British Perspective // Journal of Theoretical Politics. 1990. Vol. 2. No 3.

Teisman G., Klijn E.-H. Partnership Arrangements: Governmental Rhetoric or Governance Scheme // Public Administration Review. 2002. No 62 (2). P. 197–205.

Вопросы и задания

1. Приведите примеры разных типов сетевых отношений из реальной политической практики: трансакции или передачи материальных ресурсов, коммуникации, кооперации, формальных и неформальных связей.
2. Обоснуйте, почему именно входящие связи влияют на престиж актора в сети.
3. В чем заключаются ограничения опросных методов сбора данных о сетевых отношениях?
4. Как влияет на сплоченность количество симметричных связей? Почему?
5. Разработайте методику анализа сетевых политических отношений в городской публичной политике.
6. Проведите исследование сетевых отношений, с использованием приведенной анкеты.

Пример анкеты, рассылаемой гражданским активистам в Санкт-Петербурге (в рамках исследования сетевых практик взаимодействия гражданских инициатив на городском уровне). Анкетирование было направлено на выявление как самих связей, так и характера отношений.

1. Перечислите, пожалуйста, НКО и гражданские инициативы, с которыми взаимодействует ваша организация (гражданская инициатива) в процессе своей деятельности. Укажите их в порядке убывания значимости взаимодействия (на первом месте — самая важная, на послед-

нем — наименее важная). Если таких НКО (гражданских инициатив) нет, укажите это.

2. Укажите, пожалуйста, какими ресурсами вы обмениваетесь в процессе этого взаимодействия:
 - 2.1. Материально-техническими.
 - 2.2. Информационными.
 - 2.3. Кадровыми.
 - 2.4. Интеллектуальными.
 - 2.5. Финансовыми.
 - 2.6. Посредническими (контактами с интересующими персоналиями и институтами).
 - 2.7. Другими _____
3. Укажите, пожалуйста, какие формы взаимодействия используются вами:
 - 3.1. Обмен информацией.
 - 3.2. Проведение совместных просветительских мероприятий.
 - 3.3. Подготовка совместных публикаций/информационных материалов.
 - 3.4. Участие в форумах/конференциях.
 - 3.5. Участие в общественных советах при органах власти.
 - 3.6. Организация совместных публичных акций.
 - 3.7. Другое _____
4. Взаимодействует ли ваша организация (гражданская инициатива) с политическими партиями и движениями? Если да, с какими? (Если вы ответили «да», то переходите к вопросу 5, если «нет» — к вопросу 6.)
5. Кто является инициатором взаимодействия?
 - 5.1. Политические партии и движения.
 - 5.2. Ваша организация (гражданская инициатива).
6. Пытались ли вы контактировать с политическими партиями и движениями?
 - 6.1. Да.
 - 6.2. Нет.
7. Как реагируют представители органов власти на вашу деятельность?
 - 7.1. Активно поддерживают.
 - 7.2. Оказывают некоторую поддержку.
 - 7.3. Вовлекают во взаимодействие в решении проблем.
 - 7.4. Игнорируют.
 - 7.5. Не знают о существовании вашей организации.
 - 7.6. Оказывают незначительное противодействие.
 - 7.7. Активно противодействуют.
 - 7.8. Другое _____

Глава 2. Сетевые политические отношения

8. Перечислите, пожалуйста, органы государственной и муниципальной власти, с которыми взаимодействует ваша организация (гражданская инициатива) в процессе своей деятельности. Укажите их в порядке убывания значимости взаимодействия (на первом месте — самый важный, на последнем — наименее важный). Если таких органов нет, укажите это.
9. Укажите, пожалуйста, какими ресурсами вы обмениваетесь в процессе взаимодействия с органами власти:
 - 9.1. Материально-техническими.
 - 9.2. Информационными.
 - 9.3. Кадровыми.
 - 9.4. Интеллектуальными.
 - 9.5. Финансовыми.
 - 9.6. Посредническими (контактами с интересующими персоналиями и институтами).
 - 9.7. Другими _____
10. Укажите, пожалуйста, формы взаимодействия с органами власти (выделите ответы маркером):
 - 10.1. Отправка запросов по различным проблемам.
 - 10.2. Участие в консультативных/общественных советах.
 - 10.3. Формализованный обмен информацией.
 - 10.4. Неформальные контакты с представителями органов власти.
 - 10.5. Организация совместных мероприятий.
 - 10.6. Другое _____

ГЛАВА 3

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СЕТИ И ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА

► Глава посвящена описанию методологических подходов к изучению влияния окружающей среды на функционирование политических сетей. Даются основы понятия окружающей среды в рамках организационной теории. Рассматриваются различные примеры интерпретации взаимосвязей между политическими сетями и окружающей средой через призму институциональных условий, трансформаций публичной сферы и концепции многоуровневого управления. ◀

3.1. Факторы окружающей среды

Политические сети не существуют в отрыве от окружающей реальности. Они естественным образом вписываются в ту сложность взаимоотношений, которая характерна для современного общества и публичной сферы. Различные акторы в свою очередь могут одновременно являться участниками разных сетевых взаимодействий, в том числе и различных политических сетей. Безусловно, окружающая среда и воздействие внешних по отношению к сети структур имеют влияние как на стратегии отдельных участников, так и на характер функционирования всей политической сети.

Обратимся к понятию окружающей среды, которое возникает в организационной теории. В самом общем смысле *окружающая среда* — это совокупность факторов, которые находятся вне организации и оказывают воздействие на ее деятельность. Среди основных характеристик современной внешней среды принято выделять сложность, неопределенность и изменчивость. Организация находится в постоянном контакте с внешней средой, поэтому ее способность отвечать на вызовы внешней среды становится ключевым фактором существования и развития. В литературе, посвященной менеджменту организаций, достаточно полно раскрывается содержание факторов внешней сре-

ды. К наиболее известным и доступным работам можно отнести труды Д. Пфедфера¹, М. Хатч², Дж. Лафта³.

Факторы окружающей среды, которые влияют на организации или открытые системы, могут быть как конкретными, так и общими. К конкретным относятся поставщики, партнеры, конкуренты, государственные институты, т.е. акторы, с которыми организация напрямую взаимодействует. Общие факторы включают в себя четыре типа условий, в которых организация осуществляет свою деятельность. К ним относятся: культурные и ценностные ориентации, формирующие различные подходы к решению проблем; экономические условия, в том числе динамика макроэкономических показателей (инфляции, курсов валют, уровня безработицы, конкуренции и т.д.); правовые и политические факторы, обуславливающие стабильность, безопасность и долгосрочные условия развития; технологические аспекты, влияющие на возможность инновации.

Считается, что понятие окружающей среды актуально и для сетевого политического анализа. Мы уже определили, что политические сети представляют собой набор акторов, объединенных системой отношений. Экстраполируя данное определение на политические сети и подчеркивая их специфику, мы понимаем

окружающую среду политической сети как определенную конфигурацию внешних социальных, технологических, институциональных, экономических и политических факторов, влияющих на функционирование политической сети в целом и отдельных ее акторов в частности.

К институциональным факторам относятся особенности политико-управленческой структуры и нормы выработки публичной политики. Социальные условия включают в себя совокупность культурных и ценностных установок, которые модулируют характер публичного взаимодействия акторов. Технологические факторы непосредственно влияют на возможность развития новых форм сетевых интеракций (использование информационно-коммуникационных технологий, краудсорсинг и т.д.). Макроэкономическая конъюнктура наравне с особенностями рынка, в рамках которого существуют политические сети,

¹ *Pfeffer J.* New Directions for Organization Theory: Problems and Prospects. Oxford University Press, 1997.

² *Hatch Mary Jo.* Organization Theory: Modern, Symbolic, and Postmodern Perspectives. OUP-USA, 1997.

³ *Лафта Дж. К.* Теория организации. М.: ТК «Велби», Проспект, 2005.

также оказывает значительное воздействие на сетевых субъектов. Политические факторы в свою очередь определяют контекст, в котором функционируют политические сети.

Одним из ключевых факторов внешней среды для политических сетей является институциональная матрица, которая включает в себя как устойчивую структуру государственных и общественных институтов, так и сложившиеся нормы и «правила игры». Институциональные условия внешней среды можно изучать с точки зрения различных методологических подходов. Например, мы можем описать характерные особенности конфигурации внешней среды политических сетей через призму сложившихся политико-административных режимов. В данном аспекте необходимо прояснить, как сложившаяся структура вовлеченных в политическое взаимодействие акторов влияет на появление сетей, их развитие и функционирование. В теоретическом плане проблема развития сетевых форм кооперации в различных политико-административных режимах обусловлена размытостью соотношения политики и управления, т.е. сетей и иерархий. Опыт показывает, что структуры с высоким уровнем централизации наиболее эффективны в решении однообразных механических задач, в то время как структуры, характеризующиеся децентрализацией, наиболее эффективны в решении задач, которые требуют вариативности и совместного подхода в решении, что актуально для процессов выработки государственных решений в условиях быстро изменяющейся внешней среды. Централизованные структуры характеризуются низким уровнем плюрализма и вовлечения частных акторов в публичное взаимодействие, следовательно, представляют собой серьезное препятствие для развития сетевых интеракций.

Для зарождения политических сетей большое значение имеет наличие механизмов вовлечения в процессы выработки и принятия политических решений. Более того, еще одно немаловажное условие успешного развития заключается в способности каждого актора адаптироваться к условиям изменяющейся среды. Преимущество сети в том, что она повышает адаптивность составляющих ее элементов путем взаимодействия, вариации и селекции. Сети поддерживают взаимодействие элементов как внутри одной социальной системы, так и с участниками других систем. Интенсификация взаимодействия может привести к большей вариативности протекающих коммуникационных процессов. Селекция представляет собой отбор наиболее эффективных акторов и процессов. Данные механизмы встречаются на любом уровне

сетевых структур, от межличностных взаимодействий до коммуникаций между системами, т.е. ключевыми условиями внешней среды для возникновения и функционирования политических сетей являются децентрализация, наличие механизмов вовлечения в публичность, сложность и высокая динамика общественных процессов.

Существующие в современном российском обществе тенденции демонстрируют положительную динамику относительно перспектив институционализации политических сетей и повышения их публичности. Мы наблюдаем, что усилия, детерминирующие изменение политики в некоторых отраслях, происходят в первую очередь не от органов государственной власти. Они проявляются в горизонтальном влиянии: привлечении частных инвестиций, росте конкуренции в новых рыночных нишах, где государство не было основным игроком. Однако роль государственных институтов не стала менее важной — в их компетенции остались выработка направлений государственной политики, регулирование рынков, определение уровня государственного вмешательства и координация взаимодействия экономических и правительственных институтов. В то же время негосударственные акторы получили возможность влиять на процесс выработки и реализации политики. И речь здесь идет не только о теневом лоббировании интересов, но и о появлении горизонтальных сетевых структур взаимодействия в рамках принятия политических решений. Стремление к координации становится решающим фактором трансформации общественно-политической структуры и механизмов политического управления. Государственные и негосударственные акторы, являющиеся активными участниками процессов выработки и принятия политических решений, развивают и способы осуществления взаимодействия⁴. Сегодня негосударственными институтами востребовано множество форм взаимодействия с органами государственной власти:

- контакты с законодательной, судебной и исполнительной властью;
- включение в экспертное сообщество;
- сотрудничество с политическими партиями;
- лоббирование интересов;
- коммуникация со средствами массовой информации;
- участие в работе общественных палаты и советов;
- публичные слушания.

⁴ *Шерстобитов А. С.* Трансформации механизмов взаимодействия государственных и негосударственных акторов в процессе перехода к координационному государству // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2011. Вып. 4. С. 97–103.

3.2. Институциональные контексты окружающей среды

Современные тенденции трансформации механизмов взаимодействия государственных и негосударственных акторов свидетельствуют об изменении управленческой парадигмы в современных условиях. Мы исходим из того, что государство, когда оно вовлечено в публичную сферу, стремится выступать координатором системы многоуровневого управления. Безусловно, роль политических институтов на различных уровнях управления может сильно различаться, но в связи с вовлеченностью в публичную политику и координацию взаимодействий они формируют коллективные цели, которые тесно взаимосвязаны с целями государственной политики. В результате осуществляется переход от административного государства к государству координационному. Фактически координация отличается от администрирования, когда ключевым источником управленческих решений выступает иерархическая структура государственной власти и управления, а общественные структуры лишь оказывают опосредованное влияние на этот процесс, и от рыночной модели государственного управления с ее акцентом на кооперацию, в которой каждый участник пытается максимизировать свой особый интерес. Таким образом, мы наблюдаем, что складывающийся политико-административный режим влияет на качество коммуникации между акторами и может как развивать сетевые структуры, так и препятствовать зарождению и функционированию политических сетей. И если на федеральном уровне эти тенденции пока не так заметны, то в региональном и городском разрезах мы наблюдаем данные трансформации вполне отчетливо. Можно объяснить это тем, что публичная сфера городов и регионов пронизана огромным множеством социальных связей, которые постепенно проявляются и в процессе публичного обсуждения проектов политических решений.

Рассмотрим, как данные институциональные условия влияют на сети в городской публичной политике. Например, в Санкт-Петербурге уже сложились устойчивые сети в таких проблемных зонах, как транспортная инфраструктура, жилищно-коммунальное хозяйство, малое инновационное предпринимательство, экология, избирательный процесс, государственный и муниципальный заказ. Важную роль в данных сетях играют гражданские инициативы и некоммерческий сектор. Являются ли эти сети политическими? Результаты проведенного нами экспертного опроса и интервью с активными участниками взаимодействия показывают, что в случаях с развитием велосипедной инфраструктуры, поддержкой малого бизнеса, решением проблем ЖКХ представители органов власти активно вовлечены в интерак-

ции с негосударственными акторами. Мы наблюдаем различные формы сетевого взаимодействия: проведение общественных слушаний, создание совместных рабочих групп, организацию экспертной поддержки разрабатываемых проектов решений и т.д. В то же время сети гражданских инициатив, посвященных обеспечению прозрачности выборов или отслеживанию коррупции в процессе проведения государственных и муниципальных закупок, игнорируются представителями органов власти, что свидетельствует о разделении публичной сферы, основанном на характере проблем, выносимых на повестку дня. Получается, что типология политико-административных режимов должна учитывать такие факторы, как специфика публичной сферы и повестка дня, в формировании которой включены сети.

В целом можно выделить следующие типы координации в ходе выработки и реализации городской политики:

1) **централизованная координация**, которая характеризуется высоким уровнем концентрации координационных ресурсов в органах власти, выступающих ключевым субъектом формирования повестки дня и включения негосударственных акторов в публичную сферу. Такой тип координации представляет собой модель многоуровневого управления, где властные институты занимают центральное место, но в то же время наблюдается развитие сетевых форм интеракции. В Санкт-Петербурге данный тип характерен для взаимоотношений бизнеса и органов государственной власти. Основной формой координации является взаимодействие через посреднические институты (ассоциации бизнеса, общественные советы, слушания);

2) **кооперационный тип**, возникающий на основе сетевых интеракций негосударственных акторов в тех сферах, где государство не играет доминирующей роли. В то же время наблюдается разная степень включенности сетей гражданских инициатив, которая зависит от характера вопросов, выносимых на повестку дня. Данный тип координации ярко выражен, например, в сфере развития городской велоинфраструктуры, а также в локальных вопросах благоустройства и ЖКХ. Основной формой координации является взаимодействие через общественные советы и представительные органы власти (муниципальные советы и Законодательное собрание);

3) **конфронтационный тип**, который характеризуется разделением публичных сфер в связи с формулируемой повесткой дня. Государство и негосударственные институты обмениваются координационными сигналами, которые носят конфликтный характер. Например, сети гражданских инициатив, направленных на борьбу с коррупцией, наблюдение на выборах игнорируются органами власти, которые не стремятся вовлекать их в публичное взаимодействие. Однако в самой

публичной сфере проявляются односторонние коммуникационные сигналы, призванные выполнять координирующую роль: запросы, жалобы и судебные иски от негосударственных акторов и активное отрицание формируемой повестки дня органами исполнительной власти.

3.3. Секторальная окружающая среда

Как отмечалось выше, довольно сложно определить границы политических сетей. Каждый актор сетевого взаимодействия помимо отношений с другими акторами данной сети обычно имеет множество связей с другими субъектами, а иногда даже включен в другие сети. Традиционно политические сети разделяют по отраслям или кругу проблем, выносимых на повестку дня. Например, Р. Родс отмечает, что политические сети формируются в различных секторах политики современного государства (здравоохранение, сельское хозяйство, индустрия, образование и др.) и представляют собой комплекс структурных взаимоотношений между политическими институтами государства и общества. Он подчеркивает значение именно институциональной составляющей политической сети и ее ограниченность определенными секторальными интересами⁵.

Исследователи сходятся в том, что в качестве специального типа институциональной составляющей существует **секторальная окружающая среда**, представляющая собой совокупность таких факторов, как конкуренция, уровень либерализации, характер государственного регулирования данной отрасли, общая динамика развития рынка, которые оказывают значительное влияние на формирование и функционирование политических сетей.

Исследовательская логика в данном случае заключается в том, чтобы обосновать взаимосвязи между особенностями рынка и специфической политических сетей.

Политические сети в телекоммуникационной отрасли в России (исследование 2008–2009 гг.). В качестве объекта исследования нами был выбран рынок телекоммуникационных услуг. Еще 10–15 лет назад мы могли констатировать, что эта отрасль в России находилась в зачаточном состоянии. Несмотря на то что с начала 90-х годов прошлого века шла постепенная либерализация отрасли, государство полностью или частично владело капиталом большинства крупных телекоммуникационных компаний. Технологический рывок инфор-

⁵ Rhodes R. Policy Network. A British Perspective // Journal of Theoretical Politics. 1990. Vol. 2. No 3.

мационно-коммуникационных систем в XXI в. детерминировал бурное развитие отрасли, где стало появляться все больше частных игроков, что в итоге привело к демополизации большей части рынка. Структура телекоммуникационного сектора подверглась довольно сильным трансформациям, которые проявились в привлечении частных инвестиций, в том числе и из-за рубежа, росте конкуренции в новых рыночных нишах, где государство не было основным игроком (сотовая связь, Интернет). Однако роль государственных институтов не стала менее важной — в их компетенции остались выработка направлений государственной политики, регулирование рынка, определение уровня государственного вмешательства и координация взаимодействия частных и правительственных институтов. В то же время негосударственные акторы получили возможность влиять на процесс выработки и реализации политики. И речь здесь идет не только о технологиях лоббирования интересов, но и, возможно, о появлении горизонтальных сетевых структур взаимодействия в рамках принятия политических решений. В данном исследовании мы исходили из предположения, что роль сетевого политического управления возрастает в условиях конкурентной среды. Такой подход объясняется не только необходимостью выработки простых и адекватных для всех участников правил игры на рынке, но и заинтересованностью государства в развитии информационно-коммуникационных технологий, повышении удовлетворенности потребителей телекоммуникационных услуг, увеличении налоговых поступлений. С другой стороны, мы предполагали, что отсутствие конкуренции или ее неразвитость приводит к тому, что не возникает стимулов к сетевому взаимодействию.

Классифицируя компании федерального уровня, работавшие на телекоммуникационном рынке, следует выделить три основных сегмента: фиксированную связь, сотовую связь и Интернет. Сегмент фиксированной связи в основном был представлен региональными операторами электросвязи, объединенными по территориальному признаку в семь межрегиональных открытых акционерных обществ («Северо-Западный телеком», «Центральная телекоммуникационная компания», «Уралсвязьинформ» и др.), а также оператором междугородной и международной связи «Ростелеком». Контрольные пакеты акций этих компаний (по 51%) были консолидированы в холдинге ОАО «Связьинвест», основным акционером которого являлась Российская Федерация (75% — 1 акция). Таким образом, практически весь сегмент фиксированной связи был подконтролен государству. Безусловно, здесь был представлен и частный бизнес, но в основном его участие заключалось в управлении вышеназванными компаниями или в деятельности частных компаний на региональном уровне. Единственным

серьезным исключением было ОАО «Московская городская телефонная сеть», принадлежавшая АФК «Система».

Учитывая сложившуюся в сегменте фиксированной связи структуру, можно было предположить, что политической сети как таковой не существовало, более того, преобладала корпоративистская модель, когда бизнес управляется по большей части государственными чиновниками. Отчасти такой вывод подтверждался мониторингом деятельности органов государственной власти в отношении данного сегмента телекоммуникационной отрасли. В то же время слабость конкурентной среды могла быть преодолена с помощью институтов гражданского общества. Мелкие компании, конкурировавшие в регионах с монополистами, пытались компенсировать нехватку ресурсов (в первую очередь невозможность прямого доступа к выработке и принятию политических решений), используя влияние отраслевых ассоциаций или ассоциаций малого и среднего бизнеса («Опора», «Деловая Россия»). Однако говорить об эффективности такого механизма не представлялось возможным, так как условия для функционирования полноценной конкуренции в сегменте фиксированной связи так и не были созданы.

Сегмент сотовой связи, наоборот, был представлен крупными частными компаниями, оперирующими практически на всей территории РФ. Основными игроками этого рынка на федеральном уровне являлись ОАО «Мегафон», ОАО «Вымпелком» (бренд «Билайн») и ОАО «МТС» (принадлежал вышеупомянутой АФК «Система»), ОАО «Смартс». Более того, помимо крупных операторов мобильной связи были представлены также и сильные региональные компании, обладавшие серьезными ресурсами если не в рамках всей РФ, то по крайней мере в конкретных регионах. Такой расклад сил делал сегмент сотовой связи действительно конкурентным. Также данный сегмент характеризовался наличием таких влиятельных институтов гражданского общества, как Российский союз промышленников и предпринимателей, Ассоциация региональных операторов мобильной связи. Они активно участвовали в процессе выработки политических решений в отрасли.

Например, можно привести ситуацию с инициированием дискуссии о поправках к закону «О связи». На заседании комиссии РСПП по телекоммуникациям и информационным технологиям, которое состоялось 21 июля 2009 г., было предложено законодательно ограничить деятельность таких брендов, как *Skype* или *Icq*. Подобная инициатива вызвана недовольством российских компаний, теряющих прибыль из-за того, что с помощью *IP*-телефонии *Skype* и *Icq* предоставляют значительно более дешевые услуги, чем, например, сотовые операторы. Идею поддержали и представители органов государственной власти, озаботившись невозможностью контролировать переговоры с использованием технологий *IP*-телефонии.

Еще одним маркером наличия сетевого взаимодействия в данном сегменте являлся тот факт, что представителей бизнеса и экспертного сообщества активно привлекали к нормотворческой работе. В Минкомсвязи была создана рабочая группа по подготовке предложений по решению неотложных проблем отраслевого законодательства. В состав рабочей группы входили не только сотрудники министерства, но и представители ОАО «Вымпелком», ОАО «МТС» и Ассоциации региональных операторов связи. Таким образом, подтвердилась гипотеза о том, что конкурентная среда благоприятствует появлению различных форм сетевых взаимодействий в процессе выработки и реализации политики.

Наконец, интернет-сегмент характеризовался наиболее высокой конкурентной средой и, следовательно, наиболее развитой сетевой структурой взаимодействия между государственными и негосударственными акторами. По данным «Обзора рынка услуг предоставления доступа к сети Интернет», проведенного Федеральной антимонопольной службой, число продавцов в регионах в интернет-сегменте для телекоммуникационных рынков является весьма значительным (до 30 продавцов без учета количества продавцов в городах-миллионниках). За год в каждом субъекте Российской Федерации на рынок выходили в среднем от 3 до 7 новых операторов. Специфика данного сегмента заключалась в том, что он был разделен на несколько уровней, каждый из которых был достаточно конкурентен. На *первом уровне* происходило распределение магистрального трафика, сети были расположены по всей территории Российской Федерации. Основными компаниями на этом уровне являются ОАО «РЖД», ЗАО «Компания ТрансТелеком», ОАО «Ростелеком», ОАО «РТКомм.РУ», ОАО «МТТ», ЗАО «Мастерхост», ООО «СЦС Совинтел», ОАО «Газком», ОАО «Старт Телеком», ЗАО «Синтерра», ООО «Эквант», ОАО «МТС», ОАО «ВымпелКом», ЗАО «ТелиаСонераИнтернейшнлКэрриер Раша». На *втором уровне* также распределялся магистральный трафик, но сети были расположены на территории одного (нескольких) федерального округа — между субъектами Российской Федерации. На этом уровне оперировали компании, аффилированные с ОАО «РЖД», и ЗАО «Компания ТрансТелеком»: ЗАО «БайкалТрансТелеком», ЗАО «ВолгаТрансТелеком», ЗАО «СеверТрансТелеком», ОАО «Ростелеком», межрегиональные операторы фиксированной связи, а также мобильные операторы ОАО «МегаФон», ОАО «Вымпелком», ОАО «МТС». На *третьем уровне* осуществлялось распределение трафика по одному субъекту Российской Федерации, а на *четвертом уровне* трафик распределялся между районами, муниципальными образованиями внутри одного субъекта Российской Федерации. На третьем и четвертом уровнях работало множество средних и малых компаний, которые не только конкури-

ровали, но и взаимодействовали для решения общих проблем, таких, например, как доступ к сетям.

Итак, можно наблюдать различные типы взаимодействия государственных и частных акторов в разных сегментах, выделяемых в телекоммуникационной отрасли. Одним из основных факторов, влияющих на характер процесса выработки политических решений, является структура рыночных отношений в том или ином сегменте. Более конкурентные сегменты характеризуются возникновением и развитием политических сетей, те же сегменты, где преобладают государственные монополии, демонстрируют корпоративистскую модель принятия решений.

3.4. Сетевые стратегии и окружающая среда

В организационной теории важное место занимают стратегии, которые вырабатывают субъекты в своей деятельности. По отношению к факторам внешней среды эти стратегии могут быть реактивными и проактивными. Точно так же и политические сети как структуры, где акторы взаимодействуют для достижения общих целей, выступают реактивными или проактивными при взаимодействии с окружающей средой. Реактивные стратегии выступают ответом на изменяющиеся внешние факторы. Например, изменение макроэкономической конъюнктуры заставляет сетевых акторов корректировать цели и задачи сетевого политического управления. Проактивные стратегии в свою очередь имеют целью изменять окружающую среду и предугадывать возможные трансформации. Данные действия часто встречаются в случаях, когда политические сети формулируют повестку дня или вовлекают новых акторов для достижения более взвешенных результатов. Таким образом, в рамках исследований публичной политики мы можем ориентироваться на изучение взаимосвязей между факторами окружающей среды и стратегиями, актуализирующимися в политических сетях. Как выявлять эти взаимосвязи? Ответ на этот вопрос требует комплексных знаний и умений исследователя. *Во-первых*, он должен ориентироваться в методах анализа публичной политики, чтобы уметь прогнозировать, как те или иные решения повлияют на акторов сети или сектор, в котором они осуществляют свою деятельность. *Во-вторых*, необходимо понимать макроэкономические механизмы и их влияние на субъектов публичной политики. *В-третьих*, нам необходимо разработать методический аппарат для идентификации сигналов, которые политические сети посылают в окружающую среду, и дальнейшей их интерпретации. Такими сигналами могут быть публичные инициативы, появление новых форм сетевого взаимодействия, вовлечение в публичность новых акторов.

Сети и окружающая среда в России. Публичная сфера, которую мы понимаем как открытую, прозрачную область взаимодействия государственных органов власти и частных институтов, в современной России часто выступает лишь в качестве площадки апробации и легитимации политических решений, принимаемых властными институтами. Вместо публичности взаимодействия власти, бизнеса и общества, широкого обсуждения альтернатив, открытого согласования интересов и совместного принятия политических решений данная сфера служит ареной лишь для институционализации диалоговых политических сетей. Снижение уровня гласности разработки, принятия и реализации большинства политических решений на фоне привлечения широкого круга общественных институтов к участию в выработке отдельных проектов (например, закона «О полиции») дает основания утверждать, что пройден лишь первый этап трансформации механизмов взаимодействия государства и общества. Следующим этапом развития системы полноценного многоуровневого управления, основанного на функционировании политических сетей, стремлении к расширению публичной сферы и вовлечении институтов гражданского общества и бизнеса в публичные дела, должны стать дальнейшая децентрализация механизмов принятия решений, включающая распределение властных ресурсов, а также минимизация влияния акторов друг на друга.

С точки зрения сетевого подхода к политике и управлению проблемы развития публичной политики в современной России заключаются во влиянии следующих факторов:

- нестабильность и непрочность связей между публичными акторами;
- разнонаправленность интересов различных акторов;
- преобладание коммуникационных интеракций, выполняющих лишь функцию передачи информации, а не обмена ресурсами и политического управления;
- доминирование непубличных механизмов выработки и принятия политических решений;
- неразвитость существующих публичных институтов взаимодействия органов власти и негосударственных субъектов;
- неравномерность распределения властных ресурсов в публичной сфере.

Три последних фактора непосредственно характеризуют окружающую среду, в которой функционируют сети. Таким образом, мы наблюдаем, что негативное влияние внешних факторов не способствует появлению и развитию сетевых структур. Исследуя механизмы вы-

работки и принятия политических решений, мы приходим к выводу, что взаимодействие акторов в публичной сфере носит характер многоуровневого диалога, а не многоуровневого сетевого управления. Несмотря на широкий круг субъектов, участвующих во множестве встреч и переговоров, лишь некоторые из этих групп действительно влияют на процесс выработки политики. Получается, что существование публичной коммуникации не свидетельствует о функционировании полноценных политических сетей. Сомнения вызывают также прочность и стабильность этих связей. Действительно ли они служат функции управления, или же они просто объединяют различных субъектов с целью обмена мнениями? В рамках исследования процессов изменения публичной сферы в России мы приходим к выводу, что данная размытость обусловлена нелинейной трансформацией системы отношений между субъектами политического управления в современной России, которая находится под влиянием двух разнонаправленных сил. *С одной стороны*, государство, все еще являясь центральным актором, играет ключевую роль в определении вектора политического процесса, разработке и реализации политических решений. *С другой* — органы государственной власти стремятся к переносу ответственности за отдельные направления политики на частных акторов, стимулируя, например, бизнес быть социально ответственным и привлекая институты гражданского общества к решению различных общественных проблем. Однако анализ данных отношений показывает, что эти структуры не институционализируются в публичной сфере. Часто вместе с окончанием совместной работы над конкретными политическими решениями исчезают и публичные связи между акторами. По крайней мере, в такой конфигурации они больше не существуют в публичном пространстве, хотя сетевые отношения, имеющие, по всей видимости, другую структуру, сохраняются. Из этого мы можем сделать вывод о том, что существующая сегодня конфигурация окружающей среды детерминирует появление краткосрочных локальных проблемных сетей, а не долговременных политических сетевых структур. Стратегии же сетевых акторов в свою очередь носят преимущественно реактивный характер.

3.5. Окружающая среда в многоуровневом управлении

Еще одним важным аспектом взаимодействия политических сетей и окружающей среды становится изучение феномена многоуровневого управления. На опыте большинства эмпирических исследований

видно, что политические сети так или иначе оказываются вписанными в политико-административную иерархическую структуру. Мы можем рассматривать различные уровни данной системы как буферную зону, возникающую между политическими сетями и окружающей средой.

Представляется довольно сложным дать исчерпывающее определение многоуровневого управления. Современные исследования данного феномена в политической науке ориентируются на три основных аспекта⁶:

- 1) политическую мобилизацию, которая происходит как в институциональных границах и через стандартные для конкретной сети процедуры, так и за пределами сетей и с использованием несвойственных им механизмов;
- 2) выработку публичной политики, в рамках которой уже нет четкого разделения между управляющими и управляемыми, так же как и между ролями государственных и частных акторов, но характеризующуюся возрастающим значением включения широкого спектра субъектов в процессы разработки и принятия решений;
- 3) политические стратегии, на реализацию которых направлена мобилизация и выработка политики и которые все менее различимы в новых условиях сложности.

Подобная нечеткость и размытость системы многоуровневого политического управления свидетельствует о том, что конкретные (прямые) факторы внешней среды, а именно: деятельность конкурентов, поставщиков, партнеров, некоторых органов власти (например, непрофильных для данного сектора), — находятся где-то на границе между сетевой структурой и внешней средой. Считать ли их акторами сетевого взаимодействия или оставить в качестве внешних субъектов по отношению к сети?

Попытку каким-то образом классифицировать акторов по степени их включенности в политические сети, а следовательно, и по их влиянию предпринимали такие исследователи, как В. Грант⁷, который выделял инсайдерские и аутсайдерские группы, и Д. Марш и Р. Родс⁸, описавшие плотные политические сообщества (*tight policy communities*) и слабые проблемные сети (*looser issue networks*). Таким образом, по

⁶ Schmitter P. Neo-functionalism // A. Wiener and T. Diezeds: European Integration Theory. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 45–74.

⁷ Grant W. Insider Groups, Outsider Groups and Interest Group Strategies in Britain // University of Warwick Department of Politics Working Paper. 1978. No 19.

⁸ Marsh D., Rhodes R. Policy Networks in British Government. Oxford: Oxford University Press, 1992.

Гранту, инсайдерские группы более влиятельны, чем аутсайдерские, а по Маршу и Родесу, политические сообщества оказывают большее влияние на политику, чем проблемные сети. В контексте данной главы особый интерес представляют выводы, которые делает Грант. Если использовать его терминологию, то существует два основных типа акторов многоуровневых политических сетей, классифицируемых по типам контактов, используемых ими, и тактике, которой они придерживаются в отношениях с органами власти: инсайдеры и аутсайдеры. Представляется возможным использование данной типологии для разделения акторов сети на внутренних и буферных. Таким образом, можно считать буферных акторов и участниками сетевого взаимодействия, и субъектами внешней среды. Здесь важно отметить, что в смежных зонах политических сетей иногда встречаются акторы, играющие важную роль как в самом сетевом взаимодействии, так и в коммуникации между группами. Принято выделять три типа таких субъектов:

- 1) посредники, которые оказываются связующим звеном между двумя или более сетями или уровнями управления, но при этом не являются членами ни одной из них;
- 2) «хранители ворот», выступающие единственными посредниками между разными сетями или уровнями управления и активно участвующие в сетевом взаимодействии;
- 3) мосты, которые являются участниками двух и более смежных сетей.

Справедливости ради отметим, что, например, Блаттер указывает на нехарактерность для сетей роли «хранителя ворот»⁹. По его мнению, эта роль больше присуща иерархическим структурам, где «хранитель ворот» обычно занимает ключевую позицию в верхней части структуры. Данный аргумент представляется вполне обоснованным, учитывая, что коммуникация в сетях может возникать напрямую между любыми из акторов.

В заключение необходимо отметить, что исследование окружающей среды политических сетей может сыграть решающее значение в объяснении механизмов выработки публичной политики, принципов организации сетевого взаимодействия, результатов сетевых интеракций. В этом смысле методология и методика сетевого анализа требуют дальнейшей доработки, так как подавляющее большинство методиче-

⁹ *Blatter J. Beyond Hierarchies and Networks: Institutional Logics and Change in Transboundary Spaces // Governance: An International Journal of Policy, Administration and Institutions. 2003. Vol. 16. No 4. P. 503–526.*

ских разработок в современной политической науке сфокусировано на самих сетях, что потенциально может негативно сказаться на объяснительной функции теории политических сетей.

Ключевые слова

Окружающая среда, секторальная окружающая среда, проактивные и реактивные стратегии, многоуровневое управление, инсайдеры и аутсайдеры.

Литература

Лафта Дж. К. Теория организации. М.: ТК «Велби», Проспект, 2005.

Шерстобитов А. С. Трансформации механизмов взаимодействия государственных и негосударственных акторов в процессе перехода к координационному государству // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2011. Вып. 4. С. 97–103.

Blatter J. Beyond Hierarchies and Networks: Institutional Logics and Change in Transboundary Spaces // *Governance: An International Journal of Policy, Administration and Institutions*. 2003. Vol. 16. No 4. P. 503–526.

Grant W. Insider Groups, Outsider Groups and Interest Group Strategies in Britain // University of Warwick Department of Politics Working Paper. 1078. No 19.

Hatch Mary Jo. Organization Theory: Modern, Symbolic, and Postmodern Perspectives. OUP-USA, 1997.

Marsh D., Rhodes R. Policy Networks in British Government // Oxford: Oxford University Press, 1992

Pfeffer J. New Directions for Organization Theory: Problems and Prospects. Oxford University Press, 1997.

Rhodes R. Policy Network, a British Perspective // *Journal of Theoretical Politics*. 1990. Vol. 2. No 3.

Schmitter P. Neo-functionalism // Wiener A. and Diezeds T. *European Integration Theory*. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 45–74.

Вопросы и задания

1. Перечислите конкретные факторы окружающей среды политических сетей.
2. Как соотносятся формальные и неформальные институциональные условия в современной России с точки зрения функционирования политических сетей?
3. Какие качественные методы анализа внешней среды вы можете предложить?
4. Какие сигналы может давать политическая сеть во внешнюю среду?
5. В чем заключается сложность с определением границ политических сетей?

ГЛАВА 4

СЕТЕВОЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОБМЕН

► В главе даны основные подходы к понятиям сетевых ресурсов. Приводится классификация сетевых ресурсов, выделены два типа капитала, имеющие значение для сетевого политического обмена: социальный капитал и интеллектуальный капитал. Также авторы обосновывают важность сетевой коммуникации как основы сетевого политического обмена и выделяют различные типы связей по критерию задействованных в обмене ресурсов. Глава полезна для понимания взаимосвязей между процессами ресурсного обмена, выработки публичной политики и результатов имплементации решений. ◀

4.1. Сетевые ресурсы и социальный капитал

В главе 2 мы рассмотрели основные подходы к анализу сетевых отношений. Частным случаем такого анализа является исследование процессов сетевого политического обмена, к которому мы и обратимся в данной главе. В работах современных политологов и экономистов нередко объектом изучения становятся особенности ресурсных обменов в межорганизационных отношениях и их влияние на деятельность акторов и сетей. В частности, экономические исследования показывают, что обмены ресурсами могут положительно влиять на совершенствование инновационного потенциала¹, увеличение доли на рынках² и даже выживание компаний³. В политической науке и, в частности, в теории политических сетей, как мы отмечали выше, организации начинают сотрудничать и координировать свои стратегии для достижения общих

¹ См.: *Ahuja G.* Collaboration networks, structural holes, and innovation: a longitudinal study // *Administrative Science Quarterly*. 2000. No 45 (3); *Zaheer A., Bell G. G.* Benefiting from network position: firm capabilities, structural holes, and performance // *Strategic Management Journal*. 2005. No 26.

² *Shipilov A. V.* Network strategies and performance of Canadian investment banks // *Academy of Management Journal*. 2006. No 49 (3).

³ *Baum J. A. C., Calabrese T., Silverman B. S.* Don't go it alone: alliance network composition and startups' performance in Canadian biotechnology // *Strategic Management Journal*. 2000. No 21 (3).

целей. Включение сетевых акторов в процессы выработки публичной политики осуществляется для взаимного обмена ресурсами и принятия взвешенных, отвечающих частным и общим интересам всех акторов политико-управленческих решений. С точки зрения исследователя нас интересуют два аспекта: какими ресурсами обмениваются акторы и каким образом осуществляется сетевой политический обмен.

С методологической точки зрения большинство исследований основаны либо на изучении ресурсной зависимости или сетевой теории, либо на совместном использовании обоих подходов. Теория ресурсной зависимости появилась в работах известного английского экономиста Эдит Пенроуз⁴, касающихся стоимости ресурсов, к которым организация имеет доступ. Впоследствии эти идеи были развиты в экономической теории в виде постулатов, что каждая организация обладает набором уникальных ресурсов, которые отличают ее от других организаций и определяют и поддерживают ее конкурентные преимущества. Постепенно сложилась практика использования теории ресурсной зависимости в анализе союзов и межорганизационных отношений. Исследователи стали изучать, как организации осуществляют процессы обмена и совместно используют ресурсы для достижения общих целей. В рамках институциональных экономических исследований деловых альянсов стали применять и сетевую теорию, которая расширяет объект исследования с диад до многосложных структур. В сетях возникает такой механизм, как *сетевой обмен*, т.е. процесс распределения ресурсов в сетевом взаимодействии, основанный на свободном доступе к данным ресурсам акторов сети и направленный на достижение общих целей. В свою очередь *сетевые ресурсы* — это совокупность факторов и конкурентных преимуществ, присущих субъектам сетевого взаимодействия, которые делегируются в процессы сетевого обмена для совместного использования с другими сетевыми акторами и достижения общих целей. Термин «обмен» появился в качестве социологического еще в середине XX в., когда известный американский социолог Дж. Хоманс охарактеризовал социальное действие как процесс обмена, участники которого стремятся максимизировать свою выгоду и минимизировать затраты⁵.

В связи с изучением сетевых ресурсов нередко возникает понятие социального капитала, которое появилось и разрабатывалось в социологической теории. Например, Пьер Бурдьё дал ставшее уже классическим определение социального капитала.

⁴ Penrose E. The Theory of the Growth of the Firm. Oxford: Oxford University Press, 1959.

⁵ Shipilov A. V. Network strategies and performance of Canadian investment banks // Academy of Management Journal. 2006. No 49 (3).

Социальный капитал — это совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с тем, что устойчивая сеть обладает более или менее институционализированными отношениями взаимного знакомства и признания, иными словами, связанных с членством в группе⁶.

П. Бурдь подчеркил прямую зависимость между количеством сетевых отношений и величиной социального капитала. В главе 2, посвященной анализу сетевых отношений, мы рассмотрели типичные параметры, которые характеризуют сетевых акторов. Социальный капитал субъектов сетевого взаимодействия обусловлен конфигурацией именно этих параметров.

Дж. Коулмен предложил немного другую трактовку социального капитала. По его мнению, социальный капитал включает в себя множество различных составляющих, которые характеризуются двумя общими свойствами: они, *во-первых*, состоят из нескольких социальных структур и, *во-вторых*, облегчают определенные действия лиц внутри структуры, будь то индивид или корпорация⁷. Социальный капитал, с одной стороны, является общественным благом, а с другой — создается рациональными акторами, которые реализуют свои стратегии для достижения собственных выгод. В этих условиях важным фактором социального капитала становится доверие, возникающее в процессе выстраивания отношений между акторами. Дж. Коулмен также выделяет и формы социального капитала: организационные, мобилизационные, ресурсы сплоченности и взаимопомощи.

Внимание к конкретным акторам и их сетевому окружению в результате приводит нас к анализу межорганизационных отношений с точки зрения социального капитала. Структура связей организации и характеристики этих отношений представляют собой два типа сетевых ресурсов. Также необходимо подчеркнуть, что и другие акторы сетевого взаимодействия могут выступать в качестве ресурсов. Например, Д. Лави в своих исследованиях сетевых союзов продемонстрировал, как фирмы могут получить преимущества от альянсов в зависимости от ресурсов, которыми наделены их партнеры⁸.

⁶ Бурдь П. Формы капитала // Экономическая социология. 2005. Май. Т. 6. № 3.

⁷ Коулмен Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3.

⁸ Lavi D. The competitive advantage of interconnected firms: an extension of the resource-based view // Academy of Management Review. 2006. No 31 (3).

Социальный капитал является ресурсом в сети индивидуальных и организационных отношений с течением времени. Как и другие формы капитала, он представляет значение для того, кто им обладает. Хотя в научной литературе имеются некоторые разногласия по поводу того, является ли социальный капитал индивидуальным или коллективным активом, представляется очевидным, что бенефициар социального капитала — конкретный актор. Тем не менее необходимо подчеркнуть, что социальный капитал определяется как многоплановое понятие. В современных исследованиях данного феномена выделены и обоснованы три измерения, которые определяют социальный капитал и взаимно влияют и дополняют друг друга. Структурное измерение соотносится с совокупностью связей каждого актора и, собственно, со средой данной сети, т.е. ее структурными и реляционными особенностями и закономерностями. Реляционный аспект связан с качественными и количественными характеристиками отношений между субъектами. Наконец, когнитивное измерение представляет собой набор кодов, языков, нарративов, взглядов и норм, которые являются общими в данной сети. Этот последний параметр отражает идею социального капитала как актива всей сети, а не каждого субъекта в отдельности. Более того, резюмируя содержание данного раздела, отметим, что социальный капитал выступает не только в качестве набора сетевых ресурсов, но в первую очередь инфраструктурой, обеспечивающей процессы сетевого политического обмена.

4.2. Интеллектуальный капитал организации как ресурс сети

Мы уже выяснили, что в рамках сетевого политического управления акторы обмениваются в основном нематериальными ресурсами. В данном случае речь идет об интеллектуальном капитале организации.

Под **интеллектуальным капиталом** понимается совокупность знаний и навыков сотрудников, а также других нематериализованных активов, которые используются организацией в ее деятельности.

Принято выделять три различных измерения интеллектуального капитала: человеческий капитал, структурный капитал и капитал взаимоотношений⁹.

⁹ Sveiby K. E. Intellectual capital. URL: <http://www.sveiby.com/articles/IntellectualCapital.html>.

Человеческий капитал рассматривается как личные навыки и знания работников; **структурный капитал** — как знание, выраженное в процессах и структурах, которые обеспечивают интеллектуальную работу сотрудников; наконец, **реляционный капитал** — как отношения организации с внешними акторами.

Элементы каждого из измерений интеллектуального капитала представлены на рис. 4.1.

Рис. 4.1. Структура интеллектуального капитала

Каждый актор политической сети может обладать достаточно разнообразным набором ресурсных элементов, которые могут быть задействованы в процессе сетевого политического обмена. Изучение и оценка этих нематериальных активов становятся актуальными объектами сетевого анализа. В то же время такой анализ представляет собой достаточно сложную задачу. Мы подчеркнули, что интеллектуальный капитал имеет в качестве основы такую категорию, как знание. О знании и научении в сетевой политике речь пойдет в главе 6, однако

в рамках данной главы мы сконцентрируемся на понятии знания как основы интеллектуального капитала организации.

Еще в 1959 г. Э. Пенроуз подчеркнула растущее значение знаний в экономике, но в то же время она призналась, что весь предмет знания настолько «скользкий», что невозможно дать ему достаточно четкое определение¹⁰. В 1969 г. Питер Друкер отметил, что знание стало основным капиталом, центром затрат и базовым ресурсом экономики¹¹. Однако он так и не предложил конкретного определения для этого базового ресурса. Тем не менее уже в прошлом столетии общепринятым фактом стало то, что знания обеспечивают практически все направления деятельности человека. Более того, они превращаются в наиболее ценный продукт и основной товар, суммарная стоимость которого превосходит стоимость продуктов материального производства. Это, конечно, не говорит о потере производством материальных благ своего значения, но предполагает необходимость осуществления постоянного воспроизводства, распространения и внедрения знаний для обеспечения поступательного развития современного общества.

В своей работе о постиндустриальном обществе Дэниел Белл определил знания как «набор организованных утверждений фактов или идей, представляющих мотивированное суждение или экспериментальный результат, который передается другим с помощью некоторого средства коммуникации в некоторой систематизированной форме»¹². В свою очередь Мануэль Кастельс в ставшей уже классической книге о сетевом обществе полностью соглашается с Беллом и не считает нужным дополнять его определение¹³.

Но как быть тогда с неформализуемым (неявным) знанием? Например, техника удержания равновесия во время езды на велосипеде — это знание, хотя оно и не может быть записано или сертифицировано в традиционном научном смысле. Бадаракко, отвечая на данную критику, выделяет два типа знания — блуждающее и встроенное¹⁴. Блуждающее знание — это любая информация, которая может

¹⁰ Penrose E. *The Theory of the Growth of the Firm*. Oxford: Oxford University Press, 1959. P. 77.

¹¹ Drucker P. F. *The Age of Discontinuity: Guidelines to Our Changing Society*. Heinemann. L., 1969. P. 9.

¹² Bell D. *The Coming of Post-Industrial Society*. N.Y.: Basic Books, 1973. P. 175.

¹³ Castells M. *The Rise of the Network Society*. Blackwell Publishers, Malden MA, and Oxford, UK, 1996. P. 17.

¹⁴ Badaracco J. L., Jr. *The knowledge link; How firms compete through strategic alliances*. Boston, MA: Harvard Business School Press, 1991.

быть представлена в легко передаваемой форме (текстах, рисунках, компьютерных программах). Встроенное же знание присуще в первую очередь сфере отношений между людьми, группами и организациями и выражается в частных нормах, личных позициях, способах принятия решений и т.д. К встроенному знанию можно отнести талант, мастерство, опыт.

В литературе по управлению интеллектуальным капиталом нередко подчеркивается важность отношений между знанием, информацией и данными и указывается, что эти взаимосвязи часто понимаются неправильно. Интуитивное понимание того, что знание — это нечто большее, чем информация, приводит многих исследователей к описанию различий между исходными данными, информацией и знанием. Анализ литературы показывает, что единого понимания знания нет. Одни авторы под данными понимают символы, которые еще не были интерпретированы, под информацией — осмысленные данные и, наконец, под знанием — то, что позволяет людям придавать значение данным и тем самым создавать информацию¹⁵. Дэвенпорт называет данными простые наблюдения состояния окружающего мира, информацией — данные, наделенные актуальностью и целью, а знанием — ценную информацию¹⁶. Свейби утверждает, что сама по себе информация бессмысленна, но становится значимым знанием, когда она интерпретируется¹⁷. Вииг пишет, что информация состоит из фактов и данных, которые организованы для описания частной ситуации или состояния, в то время как знание представляет собой истины и убеждения, взгляды и концепции, суждения и ожидания, методики и ноу-хау¹⁸. Наконец, по мнению японских авторов Нонака и Такеучи, информация образуется как поток значимых сообщений, но становится знанием, когда в результате этих сообщений появляются поддержка и доверие¹⁹.

¹⁵ *Spek R. v. d., Spijkervet A.* Knowledge Management: Dealing Intelligently with Knowledge. Utrecht: Kenniscentrum CIBIT, 1997. P. 13.

¹⁶ *Davenport T. H.* Information Ecology: Mastering the Information and Knowledge Environment. N.Y.: Oxford University Press, 1998. P. 9.

¹⁷ *Sveiby K. E.* The New Organizational Wealth: Managing and Measuring Knowledge-Based Assets. San Francisco: Berrett-Koehler, 1997. P. 42.

¹⁸ *Wiig K. M.* Knowledge Management Foundations: Thinking About Thinking — How People and Organizations Create, Represent, and Use Knowledge. Arlington, TX: Schema Press, 1993. P. 73.

¹⁹ *Nonaka I., Takeuchi H.* The Knowledge-Creating Company: How Japanese Companies Create the Dynamics of Innovation. Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 58.

Изучая политические сети, мы можем фокусироваться на нематериальных ресурсах, которыми сетевые акторы обладают и которые делегируют для совместного использования. Как мы уже отметили, интеллектуальный капитал является достаточно абстрактным понятием, и поэтому его довольно сложно оценить. Однако можно проследить, какие ресурсы отдельных субъектов задействованы в сетевых интеракциях. Например, одной из наиболее эффективных форм сетевого политического обмена является совместное участие в экспертных консультативных советах при органах власти. Анализ того, кто и почему включен в эти советы, может подтолкнуть исследователя к выводам о специфике человеческого капитала, участвующего в процессах сетевого обмена и выработки политико-управленческих решений. При губернаторе Санкт-Петербурга создан Экономический совет²⁰, который призван содействовать проведению общественной экспертизы проектов нормативно-правовых актов и программ, обеспечивающих социально-экономическое развитие экономики Санкт-Петербурга, координацию действий исполнительных органов государственной власти города, учреждений высшего профессионального образования, научно-исследовательских и проектно-конструкторских организаций, профессиональных объединений, промышленных ассоциаций и союзов, предприятий и организаций в области экономической политики. В рамках данного совета функционируют рабочие группы, которые, по сути, являются ядрами политических сетей в таких секторах, как «Макроэкономика и экономическая политика», «Социально-экономическое развитие территорий», «Управление рынком труда», «Социальные отрасли экономики», «Реальный сектор экономики», «Межрегиональные экономические связи и сотрудничество», «Инвестиционная политика» и др.

4.3. Коммуникационные механизмы сетевого политического обмена

Одним из важнейших аспектов сетевого политического обмена оказывается развитие соответствующих форм, механизмов и технологий коммуникации. Постепенный переход к сетевому обществу, для которого характерны доминирование и высокие темпы роста информационного сектора в системе создания благосостояния, определяет все более возрастающую роль коммуникационных процессов. Сетевое общество детерминирует появление принципиально нового понимания коммуникации и присущих ей качеств. Традиционно способность индивидов взаимодействовать ассоциировалась в основном с их уме-

²⁰ Экономический совет при губернаторе Санкт-Петербурга // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://gov.spb.ru/gov/otrasl/c_econom/ekonomicheskij-совет-pri-gubernatore-sankt-peterburga/.

нием получать, воспринимать и обрабатывать информацию. В новых условиях усложнения структуры общества, появления разветвленных сетевых форм, развития информационных технологий возрастает также роль системы взаимосвязей и взаимодействий различных субъектов, в результате эффективного функционирования которой осуществляется политическое управление.

Преимущество сетевой структуры состоит в том, что путем взаимодействия, вариации и селекции она повышает эффективность своих элементов. Сети поддерживают взаимодействие элементов как внутри одной социальной системы, так и с участниками других систем. В свою очередь принципы организации сетей дают возможность управлять соотношением формальных и неформальных каналов, что позволяет коммуникационным стратегиям быть наиболее гибкими и изменяемыми и, более того, помогает объединять институционализированные и неинституционализированные коммуникационные связи в единую структуру.

Коммуникационные сети представляют собой отражение взаимодействий между участниками коммуникации, возникающих в процессе передачи и обмена сообщениями во времени и в пространстве. Эти структуры способны приобретать различные формы, среди которых можно выделить сети межличностных контактов, информационные потоки внутри групп и между ними, глобальные сети. Таким образом, основными элементами моделей сетевой коммуникации являются субъекты коммуникации и возникающие между ними связи.

Сетевая структура обладает качествами, отличными от тех, какими наделены составляющие ее акторы. Например, сетевые акторы располагают различными ресурсами и в связи с этим вовлекаются в процесс сетевой коммуникации с тем, чтобы обмениваться ими с другими участниками. Распределенное и в то же время совместное решение возникающих задач является необходимым условием функционирования системы. Каждый участник вносит свой вклад в процесс публичного управления на разных его этапах: при формировании повестки дня, расстановке приоритетов, выработке альтернатив, принятии решений, их имплементации, мониторинге и контроле реализации.

В современной политической науке понятие коммуникации охватывает все аспекты субъективированного восприятия, истолкования и усвоения людьми информации, все грани процесса установления осмысленных контактов между отправителями и получателями политической информации и ее применения в соответствии с намерениями субъектов²¹.

²¹ Петрунин Ю. Ю. и др. Политические коммуникации: Учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. А. И. Соловьева. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 7.

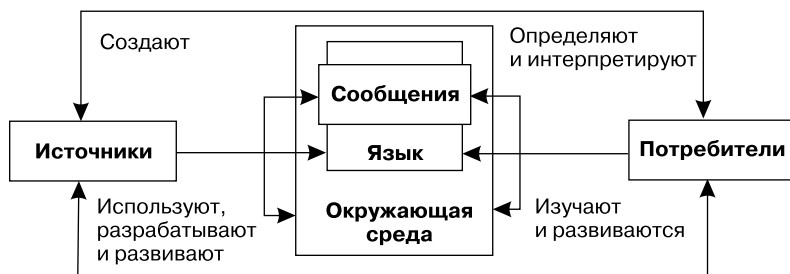

Рис. 4.2. Экологическая модель коммуникации Д. Фулджера

Одной из наиболее интересных в данном аспекте моделей, описывающих коммуникационный процесс как механизм не только взаимодействия между акторами, но и формирования правил и окружающей среды, является экологическая модель Дэвиса Фулджера²² (рис. 4.2). Если мы экстраполируем ее на описание процесса сетевого политического обмена, в основе которого лежит коммуникация, то получается, что сетевые акторы в процессе интеракции обмениваются ресурсами (сообщения) в рамках согласованных правил (язык) и тем самым формируют окружающую среду через реализацию публичной политики.

Таким образом, коммуникация рассматривается не просто в качестве акта информационного обмена, а как фактор функционирования общественной системы. Именно экологическая модель применима к анализу современной политической коммуникации в условиях сетевого общества. Если раньше политическое управление предусматривало только субъектно-объектные отношения между теми, кто управляет, и теми, кем управляют, то в современной политической науке, как мы уже выяснили, пришло осознание того, что политическая система намного сложнее и многообразнее.

Большинство первых исследователей коммуникационных процессов целью коммуникации называли передачу информации. С развитием теории произошло и переосмысление целей коммуникации. Постепенно в коммуникативистике появилась классификация целей коммуникационного процесса. Всего можно выделить 4 уровня целей коммуникации: информационный (передача информации); транзакционный (достижение взаимопонимания); интерактивный (достижение доверия); действие (кооперация).

²² Foulger D. Models of communication process, 2004 // URL: <http://davis.foulger.info/papers/ecologicalModelOfCommunication.htm>.

Таким образом, сетевое взаимодействие подразумевает общность интересов участников коммуникации, взаимопонимание, выражающееся в использовании единых механизмов интеракции, взаимное доверие, заключающееся в прозрачных и простых правилах, и коллективное действие по достижению общих целей. Когда сетевой политический обмен функционирует эффективно, частные стратегии акторов и их взаимное влияние дают скоординированный результат. Установлено, например, что успешные инноваторы выделяются на фоне неэффективных благодаря тому, что они создают механизмы сотрудничества, способствующие признанию точек зрения друг друга и их взаимозависимости²³. Для того чтобы наладить подобную коммуникацию и выработать такие партнерские механизмы, необходимо пройти этап изучения и отладки индивидуальных установок.

4.4. Ресурсные связи

В политических сетях не предполагается прямых механизмов управления, а также отсутствуют возможности в полной мере использовать существующие иерархические структуры в процессе сетевого политического обмена. В результате минимизации внешнего давления и повышения внутренней заинтересованности к выстраиванию отношений возникает множество взаимодействий между различными участниками сетевой структуры. Создается определенная сетевая среда, которую формируют различные акторы и существующие между ними процессы кооперации и обмена ресурсами. В процессе производства новых или усовершенствования старых элементов интеллектуального капитала происходит отбор наиболее эффективных и конкурентоспособных. Когда для каждого участника взаимодействия рациональным становится стремление не только к индивидуальному успеху, но и к групповому, тогда сетевой политический обмен приобретает смысл. Например, для решения какой-либо проблемы в сетевой структуре подбираются необходимые специалисты, каждый из которых привносит свои уникальные компетенции, опыт, знания, полномочия и возможности. При этом все участники данной сети находятся в постоянном взаимодействии, используя различные коммуникационные механизмы.

Процесс решения проблем является одним из важных аспектов политико-управленческой деятельности. Поскольку в большинстве случаев существует несколько вариантов решения проблемы и так как различные подходы в большинстве случаев подразумевают столкновение

²³ *Dougherty D.* Interpretive Barriers to Successful Product Innovation in Large Firms // *Organization Science*. 1992. No 3 (2). P. 179–202.

интересов, публичная политика является одновременно и процессом решения общественных проблем, и последовательностью консенсусов, урегулирующих конфликты интересов. Результаты имплементации публичной политики могут по-разному отражаться на деятельности сетевых акторов, участвующих в процессе ее выработки. Так получается потому, что помимо сетевых интересов у каждого актора есть и свои стратегии, ориентированные на собственные выгоды. Сетевые ресурсы, которые задействуются в процессе выработки конкретного решения, не обязательно представлены всеми субъектами, так же как и последствия принятых решений неравномерно влияют на их деятельность. Степень, в которой акторы могут влиять на публичную политику, зависит не только от их способностей и инструментальных ресурсов, т.е. интеллектуального капитала, но также и от их позиций в сетевой структуре — социального капитала. Мы уже неоднократно подчеркивали, что политические сети представляют собой сложное, но в то же время четко структурированное институциональное пространство, характеризующееся наличием сложившихся практик достижения консенсуса. Сетевые акторы формируют и поддерживают определенные правила игры с тем, чтобы возникающие столкновения интересов эффективно разрешались и не наносили вред сети и ее участникам. Кроме того, пересекающиеся ресурсозависимости служат дополнительным механизмом, который поддерживает соблюдение правил игры. Именно распределенность ресурсов и множество взаимозависимостей обуславливают приоритет сетевых интересов над частными, что заставляет акторов принимать во внимание стратегии друг друга и согласовывать позиции. Этот вывод важен в том смысле, что, изучая процессы выработки публичной политики в сетях, нам важно акцентировать внимание на ресурсах акторов и сети, структуре взаимных зависимостей и устоявшихся правилах сетевого политического обмена.

Существующие ресурсные зависимости позволяют выделить и классифицировать различные типы связей между акторами, первые пять из которых носят только коммуникационный характер:

- 1) информационные, по которым осуществляется обмен общими данными о проблеме и ее возможных решениях;
- 2) экспертные, по которым осуществляется обмен научными и встроенными знаниями о проблеме и решениях;
- 3) связи доверия, выступающие в качестве проводников репутации;
- 4) связи влияния, основанные на использовании авторитета акторов в процессе выработки и принятия решений;
- 5) институционализованные каналы доступа к акторам, принимающим решения (например, в рамках организационной структуры или по заключенным соглашениям);

- 6) кадровые, заключающиеся в использовании человеческих ресурсов сотрудничающими акторами;
- 7) материально-технические (передача оборудования, финансирование и т.д.);
- 8) технологические (передача интеллектуальной собственности).

Выявление различных типов связей с позиций сетевого политического обмена позволяет лучше понять структуру процессов выработки публичной политики. Также подобный анализ дает нам возможность объяснять стратегии сетевых акторов и результаты реализации политико-управленческих решений.

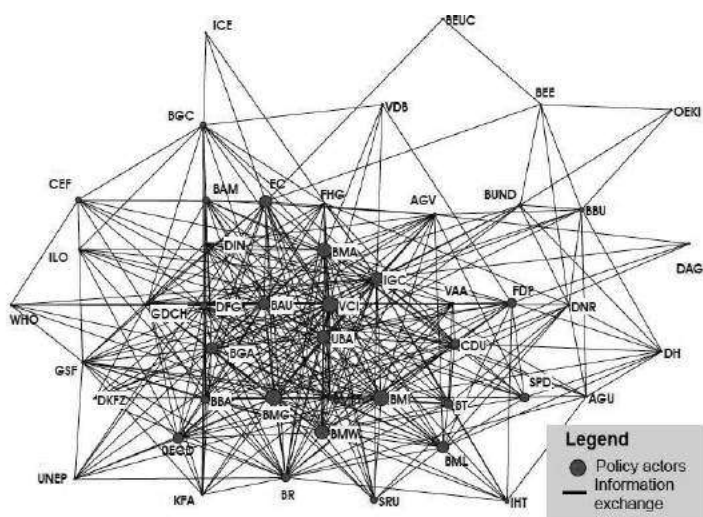

Рис. 4.3. Информационные обмены (связи) и влияние акторов (размер кружка) в политической сети в области законодательства по химическому контролю ФРГ (начало 1980-х годов)

Фолкер Шнайдер в своем исследовании, посвященном сетевой политике в химической отрасли ФРГ в 1980-х годах, строит различные модели взаимодействия одних и тех же акторов, классифицируя сети по разным типам связей²⁴. Одна из моделей для примера представлена на рис. 4.3. В ней автор демонстрирует, что количество связей прямо пропорционально влиятельности акторов в процессах выработки публичной политики.

²⁴ *Schneider V. Policy-Networks in a Complex Systems Perspective. A new look on an old data set // University of Constance. November 2005. URL: <https://www.uni-konstanz.de/FuF/Verwiss/Schneider/ePapers/ChemicalSys5Dez.pdf>.*

Ключевые слова

Сетевые ресурсы, социальный капитал, интеллектуальный капитал, сетевой обмен, ресурсные связи.

Литература

Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2005. Май. Т. 6. № 3.

Коулмен Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3.

Официальный интернет-сайт К. Э. Свейби. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.sveiby.com>.

Ahuja G. Collaboration networks, structural holes, and innovation: a longitudinal study // Administrative Science Quarterly. 2000. No 45 (3).

Badaracco J. L., Jr. The knowledge link; How firms compete through strategic alliances. Boston, MA: Harvard Business School Press, 1991.

Baum J. A. C., Calabrese T., Silverman B. S. Don't go it alone: alliance network composition and startups' performance in Canadian biotechnology // Strategic Management Journal. 2000. No 21 (3).

Davenport T. H. Information Ecology: Mastering the Information and Knowledge Environment. N.Y.: Oxford University Press, 1998.

Lavie D. The competitive advantage of interconnected firms: an extension of the resource-based view // Academy of Management Review. 2006. No 31 (3).

Schneider V. Policy-Networks in a Complex Systems Perspective. A new look on an old data set // University of Constance. November 2005. URL: <https://www.uni-konstanz.de/FuF/Verwiss/Schneider/ePapers/ChemicalSys5Dez.pdf>.

Wiig K. M. Knowledge Management Foundations: Thinking About Thinking — How People and Organizations Create, Represent, and Use Knowledge. Arlington, TX: Schema Press, 1993.

Вопросы и задания

1. Социальный капитал — это индивидуальное или общее благо?
2. В чем заключается сложность оценки сетевых ресурсов?
3. Откройте состав экспертного совета при любом органе власти в вашем субъекте Федерации. Попробуйте выявить, какие ресурсы для сетевой кооперации может делегировать каждый представитель негосударственной организации.
4. Почему в основе большинства ресурсных связей в политических сетях лежит коммуникация?
5. Перечислите типы ресурсных связей между сетевыми акторами.

ГЛАВА 5

СЕТЕВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

► В главе рассматривается эволюция научного осмысления феномена политической коммуникации и ее влияние на становление теории сетей. Предложены методы изучения коммуникационных сетей и параметры их описания. На примере анализа политической коммуникации в период электорального цикла 2011–2012 гг. в России дается методика сравнительного анализа политической коммуникации в социальных медиа. ◀

5.1. Феномен политической коммуникации в современном обществе

В данной главе мы частично отвлечемся от рассмотрения вопросов, связанных с сетями публичной политики, хотя в них, безусловно, тоже осуществляется коммуникация политического свойства. Коммуникационные аспекты выработки, принятия и реализации публичной политики так или иначе рассматриваются во многих других главах нашего учебника. Эта глава в большей степени будет посвящена феномену сетевой политической коммуникации и социальной коммуникации, ориентированной на политические процессы.

Коммуникация (от лат. *communico* — делаю общим, связываю, общаюсь) предполагает некоторую информацию, мысль, эмоцию, чувство, которые передаются от человека к человеку, от одного поколения к другому, т.е. она представляет собой специфическую форму взаимодействия и общения людей в процессе их совместной деятельности¹.

Коммуникация оперирует информацией. На бытовом уровне информация — это сведения об окружающем мире и протекающих в нем

¹ Ирхин Ю. В., Зотов В. Д., Зотова Л. В. Политология: Учебник. М.: Юрист, 2002.

процессах, воспринимаемые человеком или специальным устройством. Основатель кибернетики Норберт Винер — один из первых ученых, заинтересовавшихся данным понятием, — считал, что информация — это обозначение содержания, полученного из внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему и приспособления к нему наших чувств. В теории информации, которая была разработана Клодом Шенноном и Уорреном Уивером в их работе «Математическая теория коммуникации»², под информацией понимают не любые сведения, а лишь те, что полностью снимают или уменьшают существующую до их получения неопределенность. В политической науке принято говорить о *политической информации*.

Под **политической информацией** понимаются те сообщения, которые выбираются людьми из потока разнообразных сведений для подготовки и принятия необходимых им решений в сфере государственной власти или исполнения там своих функций³.

Одним из основателей общей теории политической коммуникации стал К. Дойч, получивший известность в качестве исследователя социальных систем с точки зрения кибернетического подхода. Он предложил рассматривать политическую систему как систему информационно-коммуникативных взаимосвязей⁴, а также понимание политической системы как сети коммуникаций и информационных потоков. В его работах специфика информационных взаимодействий непосредственно связана с четырьмя этапами их функционирования в политической системе:

- 1) получение и отбор информации;
- 2) оценка и обработка информации;
- 3) принятие решений;
- 4) реализация решений и обеспечение обратной связи.

Информация поступает в политическую систему через различные «рецепторы», где осуществляются отбор, первичный анализ и систематизация данных. Вторая фаза заключается в сопоставлении новой информации с уже имеющейся. Новая информация оценивается через

² Shannon C. E. Mathematical Theory of Communication // Bell System Technical Journal. 1948. Vol. 27. P. 379–423.

³ Политические коммуникации: Учеб. пособие для студентов вузов / [Петрунин Ю. Ю. и др.]; под ред. А. И. Соловьева. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 7.

⁴ Deutsch K. W. Problems of World Modelling: Political and Social Implications / Ed. by K. W. Deutsch et al. Cambridge (Mass.), 1977.

призму норм и ценностей политической системы. На данной основе осуществляется третий этап — принятие политических решений. Он имеет целью регулирование сложившегося состояния системы, если достижение новой социально-политической ситуации соответствует поставленным целям. Последний этап предполагает реализацию решений исполнительными органами, или «эффекторами». Он включает направление новой информации о выполнении решений от «эффекторов» к «рецепторам» по принципу обратной связи, что инициирует новый цикл функционирования политической системы. Следует отметить, что данные процедуры происходят и в сетевой политической коммуникации.

Ханна Арендт в своих работах⁵ поставила под сомнение классическую постановку вопроса о власти, согласно которой власть представляет собой совокупность политических институтов, посредством функционирования которых одни социальные группы получают возможность навязывать свою волю другим и действовать в соответствии с так называемыми общими интересами. В современных условиях общественно-политического развития, говоря о власти, задаваться вопросом, кто кем управляет, по меньшей мере неправильно. Власть не есть собственность индивидуума, но находится в полном соответствии с человеческой способностью не просто действовать, а действовать совместно, а потому традиционный анализ институтов государства не только не исчерпывает область существования и функционирования власти, но и не затрагивает самую суть ее, динамику властных отношений. Вместе с тем необходимо постоянное взаимодействие политической власти с общественностью через обратную связь. Именно демократия является единственной формой политического строя, при котором политика обязана постоянно вступать в процесс коммуникации.

Юрген Хабермас развил свою концепцию коммуникации на основе ряда положений своего предшественника в немецкой философии — Карла Ясперса, утверждавшего, что истина — это коммуникация и, стало быть, истинная коммуникация — это коммуникация по поводу поиска истины. Ю. Хабермас считает коммуникацию истинной, лично освоенной социальностью. Но таковой она становится не сразу, а лишь по мере того, как начинает обеспечивать людям возможность совершенно свободного и беспристрастного обсуждения высших ценностей. Последние исторически изменяются и поэто-

⁵ Арендт Х. *Vita Activa*, или О деятельной жизни / Пер. с нем. и англ. В. В. Библихина. СПб.: Алетей, 2000; Арендт Н. *On violence. Crisis of the republic*. N.Y., 1972.

му требуют постоянного спора о себе. Исходя из этого у Ю. Хабермаса сама теория познания предстает как коммуникативный процесс, как коммуникация⁶. Коммуникативными действиями называются такие социальные действия, целью которых является свободное соглашение участников для достижения совместных результатов в определенной ситуации. Эта теория позволяет рассматривать исследования в области политической коммуникации в контексте теории демократии, согласно которой социальная коммуникация является центральным понятием политики, так как создает властные отношения. Из рассуждений Хабермаса следует, что актуальность делиберативной политики прямым образом связана с развитием технологий и средств передачи информации и механизмов коммуникации и осуществляющейся на этом фундаменте глобализации⁷. С точки зрения теории сетей с этим сложно не согласиться, так как с понижением роли государственных институтов возрастает значение частных акторов. Мы видим, как в результате развития теории политической коммуникации исследователи приходят к пониманию сложности системы взаимосвязей между различными участниками политического процесса. В этом смысле концептуализация теории сетей своевременно позволила нам по-новому взглянуть на вопросы политической коммуникации в современном обществе.

5.2. Коммуникационные сети

Попробуем рассмотреть, каким образом осуществляется коммуникация в сетях, и проанализировать, какую роль играет сетевая коммуникация в принятии государственных решений. Кроме акторов и возникающих между ними сетевых отношений, которые мы рассмотрели в главе 2, можно характеризовать и саму сетевую структуру, что очень важно для изучения коммуникационных сетей в целом и политических сетей в частности. Именно выявление свойств самой сетевой структуры позволяет делать выводы о механизмах выработки и принятия политических решений в конкретной политической сети. В таблице 5.1 представлены предложенные Д. Брассом типичные параметры, используемые для описания коммуникационных сетей⁸.

⁶ Современная западная теоретическая социология. Вып. 1. Юрген Хабермас. Реф. сбор. / Отв. ред. Н. Л. Полякова и др. М., 1992.

⁷ Назарчук А. В. Этика глобализирующегося общества М.: Директ-Медиа, 2002.

⁸ Brass D. J. A social network perspective on human resources management // Research in Personnel and Human Resources Management. 1995. No 13.

Таблица 5.1

Типичные параметры, используемые для описания сетей

Параметр	Определение	Коммуникационный эффект
Размер	Количество акторов в сети	Влияет на количество сетевых интеракций каждого актора
Включенность	Количество всех акторов в сети минус количество изолированных акторов. Также может рассчитываться как отношение включенных акторов к общему количеству членов	Обуславливает эффективность распространения информации и демонстрирует институционализацию коммуникационных связей
Способность к взаимодействию	Показатель максимальной или средней дистанции между сетевыми акторами	Характеризует уровень доверия в сетевой коммуникации
Связанность	Отношение количества пар узлов, которые взаимосвязаны, к общему количеству пар узлов	Показывает роль коммуникационных связей между отдельными акторами для всей сети
Плотность	Отношение числа существующих связей к числу всех возможных связей	Демонстрирует интенсивность коммуникационных взаимодействий
Централизация	Усредненный показатель близости всех сетевых акторов к центру сети	Влияет на скорость распространения информации и интенсивность коммуникации
Симметрия	Отношение количества симметричных связей к количеству асимметричных	Демонстрирует соотношение равноправных и неравноправных коммуникационных взаимодействий
Транзитивность	Три актора (А, В, С) являются транзитивными, если А имеет связь с В, В связан с С и С — с А. Степень транзитивности показывает количество транзитивных троек, разделенное на потенциальное количество транзитивных троек	Влияет на скорость и доступность коммуникации

Представленные в таблицах параметры характеризуют сетевые коммуникационные структуры, субъектов коммуникации и возника-

ющие между ними коммуникационные связи. Вместе с тем необходимо также изучать и особенности коммуникационных актов в сетевом взаимодействии.

Коммуникация и коммуникационная сеть в описанной выше системе являются самоорганизующимися в рамках той информационно-коммуникационной среды, которая складывается в данном публичном пространстве (сети, кластере). Можно выделить следующие группы этих характеристик, которые исследователю необходимо описать и проанализировать:

- специфика коммуникации (направления коммуникационных связей, соотношение вербальных и невербальных средств, выбор каналов и т.д.);
- распределенное (совместное) решение поставленных задач — вклад каждого актора в процесс взаимодействия (групповой опыт, синергия);
- вовлеченность каждого актора в процесс обмена нематериальными ресурсами и принятие решений (в идеале должны происходить усвоение знаний, их переработка и генерация нового);
- способы делегирования нематериальных ресурсов организации и доступа к нему;
- механизмы координации (нормы, регламенты).

5.3. Социальные медиа и сетевая коммуникация

Недавние политические события в целом ряде стран, в том числе и в России, показали, что Интернет становится принципиально новой инфраструктурой для политической мобилизации, площадкой, где осуществляется политическая социализация пользователей, ведется политическая дискуссия, оформляется политическая повестка дня. С развитием информационно-коммуникационных и гуманитарных технологий различные политические акторы все активнее используют Интернет. Сеть стала не просто средой, удобной для коммуникации, но и позволила через агрегацию пользователей в различных социальных сервисах сформировать самостоятельное пространство публичного взаимодействия. Свидетельством этому являются последние политические события: «Арабская весна», акции под лозунгом «Occupy Wall-street», протестная активность в российском обществе.

Технологическое развитие информационно-коммуникационных механизмов оказало воздействие на методику проектирования систем,

сформировав новое поколение сервисов Web 2.0, которые не только выполняют информирующую функцию, но и позволяют пользователям самим наполнять сервис значимой информацией, развивая его, способствуя внедрению новых веб-решений, нацеленных на определенные группы пользователей. Наиболее известные примеры подобных сервисов — *Wikipedia*, *eBay*, *LiveJournal*, *YouTube* и др.

Очередным этапом развития данной технологии стали масштабные сервисы, обеспечивающие кросс-языковую и многоформатную коммуникацию или вывод ориентированного на конечного пользователя информационного контента. Они развиваются за счет активного вовлечения пользователей в создание, организацию и структурирование информации. Иными словами, подобные сервисы дают возможность полностью поддерживать и обеспечивать социальные взаимодействия. По мнению многих профессиональных разработчиков и аналитиков, ряд подобных сервисов выходит за рамки поколения сервисов Web 2.0, позволяя говорить о формировании сервисов Web 3.0, где пользователи начинают масштабно участвовать в структурировании информации⁹.

Сетевое общество М. Кастельса уже давно не метафора, так как сегодня максимальная поддержка социального взаимодействия обеспечивается специализированными платформами с синонимичным названием «социальные сети». Крупнейшими непрофессиональными социальными сетями в настоящий момент являются:

- *Facebook* (более 875 млн активных пользователей);
- микроблог *Twitter* (более 200 млн активных пользователей);
- *MySpace* (более 255 млн пользователей);
- «ВКонтакте» (более 80 млн активных пользователей);

Уже устоялось понятие **социальных медиа** — *интернет-площадок, организованных по сетевому принципу, где осуществляется коммуникация между пользователями, совместное формирование и развитие контента, кооперация в процессе обсуждения и распространения информации*. С развитием подобных социальных интернет-сервисов ученые фиксируют изменение социальной и психологической составляющей взаимодействия индивидов, что во многом обеспечивается обезличенным характером коммуникации, которая трансформирует эмоциональную окраску живого общения через употребление специализированных выражений, мемов, демотиваторов, видео и интерактивных инстру-

⁹ *Mills D. Semantic Wave 2008 Report: Industry Roadmap to Web 3.0 and Multibillion Dollar Market Opportunities, 2008.*

ментов. Рассуждения исследователей базируются на постструктуралистской концепции, утверждающей, что каждый пользователь социальной сети выражает себя через текст, изображения или мультимедиа, авторство которых может принадлежать как самому пользователю, так и кому-либо другому. И в этом смысле виртуальное представляется как особая реальность, сконструированная управлением впечатлениями виртуального Я, т.е. пользователи формируют свою идентичность, превращаясь в тексты и визуальные образы¹⁰. При этом часто встречается подмена реальной личности каким-либо персонажем, действующим в сети под ником и выражающим скорее желаемые, нежели реальные качества характера автора.

Другой особенностью социальных сетей является тот факт, что они оказываются элементом социализации, поскольку обилие функциональных возможностей и приложений способствует тому, что пользователи проводят за использованием подобных сервисов количество времени, порой сопоставимое со временем, уделяемым повседневной деятельности. Учитывая, что бум развития социальных интернет-технологий пришелся на последние 10 лет, большинство участников социальных сетей в Интернете составляют индивиды до 40 лет. Поскольку в данный возрастной период люди особенно активны в личном, социальном, политическом плане, это позволяет рассматривать социальные сети как фактор политической мобилизации индивидов и целых социальных групп.

С точки зрения социальных взаимодействий в Интернете при устойчивом посещении социальных сетей у человека возникает объяснимое желание быть включенным в процесс функционирования элементов данного сообщества. Появляется необходимость вхождения в различные мини-сообщества внутри социальной сети, что позволяет объединять ее участников вокруг какой-либо проблемы, дискуссии, мероприятия или интересов. Функциональные возможности подобных сообществ зачастую достаточны для получения и распространения важной для их участников информации: начиная с текстовых сообщений и заканчивая изображениями или видео. В связи с этим возникающие сообщества обладают потенциалом агрегирования информации и ее распространения как среди своих участников, так и на другие группы пользователей через сети доверия, формируемые каждым из пользователей (друзья, знакомые, коллеги).

¹⁰ Черняева К. О. Культурная идентификация в социальных сетях Интернета // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2010. № 1.

В сетевой теории сформирован инструментарий анализа субъектов коммуникации в горизонтальных социальных структурах¹¹. Как мы отмечали выше, существует ряд индикаторов, которые можно выделять в сетях: размер, плотность, централизация, сила связей и другие. Основными элементами сетевых моделей являются субъекты коммуникации (узлы) и возникающие между ними связи. Среди участников коммуникативного процесса выделяются индивиды, группы и институты либо организации. Каждый участник характеризуется рядом параметров, среди которых можно назвать количество входящих и исходящих связей, доступность, промежуточность (количество ситуаций, в которых актор выступает посредником между двумя другими участниками), близость к центру сети и престиж (определяется количеством асимметричных входящих связей). Возникающие между участниками сети связи также подробно классифицируются по таким параметрам, как тип субъектов, специфика коммуникационных каналов (например, разделение на формальные и неформальные), наличие различных иерархий.

В современной политической науке существует несколько точек зрения на мобилизационный потенциал социальных медиа. Исследования, посвященные роли информационно-коммуникационных технологий в революциях, совершенных в Египте и Тунисе, показывают, что социальные сети явились лишь инструментом распространения информации и мобилизации участников на офлайн-выступления¹². Некоторые отечественные исследователи также отмечают, что социальные сети пока еще не стали эффективными инструментами политической борьбы в связи с виртуализацией активности, предельным упрощением политического дискурса в социальных сетях и сравнительно низким уровнем политизации блогосферы. Однако в нашей работе мы выдвигаем гипотезу, что социальные сети могут выступать инструментом формирования повестки дня, управления общественным мнением, влияния на других индивидов и, как следствие, мобилизационным ресурсом. Основанием для такой гипотезы могут послужить примеры организации протестных акций и координации такой активности в социальных сетях «ВКонтакте» и *Facebook* в период российского избирательного цикла 2011–2012 гг. В научной литературе встречаются результаты исследований, подтверждающих и такой подход. Например, Е. Морозов демонстрирует тесную взаимосвязь активности в социаль-

¹¹ См.: Градосельская Г. В. Сетевые измерения в социологии: Учеб. пособие / Под ред. Г. С. Батыгина. М.: Издательский дом «Новый учебник», 2004.

¹² *Eltantawy N., Wiest J. B. Social Media in the Egyptian Revolution: Reconsidering Resource Mobilization Theory // International Journal of Communication. 2011. No 5. P. 1207–1224.*

ных сетях и протестного поведения на опыте Ирана и Молдовы¹³. Мы исходим из того, что многие акторы (например, протестные группы) в условиях снижения возможностей социальной сети «ВКонтакте» в период электорального цикла 2011–2012 гг. в России. В рамках исследования мы фокусируемся на «протестном» и «провластном» сегментах российских социальных сетей и их активности в период думских и президентских избирательных кампаний 2011–2012 гг. В ходе электорального цикла 2011–2012 гг. ярко проявились те новые по характеру и законам функционирования формы гражданской активности и гражданского протеста (локальные общественные организации, не связанные с политическими партиями), которые уже принято исследовать в неразрывной связи с развитием информационно-коммуникационных технологий и повышением сетевой активности граждан.

В исследовании в качестве объекта анализа была выбрана социальная сеть «ВКонтакте» как наиболее популярная в России интернет-платформа. На данный момент в этой социальной сети, по различным оценкам, насчитывается около 80 млн активных пользователей, а ежедневная аудитория составляет до 24 млн посещений. Кроме того, подавляющее большинство пользователей — русскоязычные и проживают в России.

Единицами анализа нами были выбраны группы «ВКонтакте» (далее — группы), т.е. объединения индивидов, основанные на общности интересов. Для отбора сообществ мы выделили ряд критериев, основанных на отношении к политическим элитам и государственным институтам. Это позволило бы нам отнести ту или иную группу к «провластному» или «протестному» сегменту:

- 1) отношение к В. В. Путину и Д. А. Медведеву (*положительное/негативное*);
- 2) отношение к политической партии «Единая Россия» (*положительное/негативное*);
- 3) отношение к лидерам оппозиции (*негативное/положительное*);
- 4) характер материалов о выборах (*легитимные/нелегитимные*);
- 5) оценка протестных акций (*порицание/поддержка*).

В результате было выделено по 50 самых популярных по количеству пользователей групп в каждом из сегментов.

Следующим этапом исследования стало выявление системы отношений между группами. Для этого нами были проанализированы

¹³ Morozov E. The Net Delusion: the Dark Side of Internet Freedom. N.Y.: Public Affairs, 2011.

ссылки, которые администраторы разместили на страницах групп. На основании полученных данных с помощью программного обеспечения *PAJEK*¹⁴ мы проанализировали сетевые структуры данных сегментов. Первым шагом обработки данных стала визуализация сетевых отношений или построение сетевых карт (рис. 5.1, 5.2). По сути, эти сетевые карты не полностью демонстрируют обозначенные сегменты, а представляют ядра клик. Для простоты восприятия далее мы будем также называть эти визуализированные структуры сетями или сегментами в качестве синонимов. Сразу отметим, что визуализация сегментов и сравнительный анализ получившихся сетевых карт не дает достаточно данных для сопоставления, но в то же время может продемонстрировать некоторые особенности интеракций сетевых акторов.

Единственный факт, который отчетливо прослеживается в ходе сравнения получившихся сетевых карт, — большее количество изолированных акторов в «провластном» сегменте. Эту особенность мы попытаемся объяснить ниже. Использование же математических методов, алгоритмы которых реализованы в программном обеспечении *PAJEK*, дает значительно больше материала для анализа и сопоставления. Плотность «протестной» сети хоть ненамного, но все-таки выше, чем «провластной» (0,053 против 0,046), т.е. 50 самых популярных групп имеют больше связей между собой. Средняя степень в «провластной» сети равна 4,52, а «протестной» — 5,2, это значит, что в среднем группы «протестной» сети имеют на 0,7 связи больше, чем «провластной». Все эти параметры говорят о том, что плотность сетей не очень высокая, но, вероятно, распространение информации в «протестной» сети должно осуществляться быстрее. Еще одним косвенным фактором данной гипотезы выступает показатель централизации: 0,15 у «провластной» и 0,1 у «протестной» сети. Этот индикатор указывает на то, что «протестная» сеть более децентрализована, т.е. плотность связей распределена по сети, следовательно, уровень влияния акторов также распределен, а информация по децентрализованным сетям распространяется быстрее.

Однако если мы взглянем на параметр промежуточной централизации, то увидим, что у «протестной» сети он равен 0,15, а у «провластной» — 0,153. Значит, ситуация, когда актор является посредником между любыми другими двумя участниками сети, находясь на кратчайшем пути между ними, встречается немного чаще в «провластной» сети. Скорее всего, этот фактор обусловлен большим количеством изолированных акторов в «провластном» сегменте, которые в данных расчетах не учитываются.

¹⁴ *Batagelj V., Mrvar A. Pajek* — Program for Large Network Analysis. URL: <http://vlado.fmf.uni-lj.si/pub/networks/pajek/>.

Интенсивность и эффективность сетевых коммуникаций прямо пропорциональны централизации и плотности сетей. Следовательно, в основе технологии управления процессами взаимодействия индивидов и сообществ в социальных сетях должна осуществляться деятельность по максимизации данных параметров, которая может, например, заключаться в интенсификации перепостов контента в дружественных сообществах. Довольно невысокие показатели в изучаемых нами кликах скорее свидетельствуют о том, что сами группы, обмен информацией между ними и структуризация контента не имели централизованного управления либо это управление было крайне неэффективным. Это суждение позволяет сделать вывод о том, что активное вовлечение участников в процессы коммуникации было вызвано их внутренними стремлениями к самореализации в политическом и гражданском плане, т.е. к сетевой публичности.

Еще одним интересным наблюдением является сравнение количества «лайков» и перепостов информации мобилизационного характера, аналитических статей и визуальных материалов. Лидерами, естественно, являются демотиваторы и мемы, которые ориентированы на эмоциональную оценку, в отличие от текстов, апеллирующих к рациональному поведению. Просмотр подобных визуализированных материалов требует от пользователей значительно меньше усилий, что, безусловно, влияет на их популярность. а вот сообщения о готовящихся офлайн-мероприятиях и аналитические посты в каждой из групп по данному критерию примерно равны. Более того, новости и аналитика сопровождаются довольно обширными дискуссиями. На наш взгляд, это косвенно подтверждает гипотезу о том, что социальные сети в России выступают не только в качестве инструмента мобилизации, но и как дискуссионные площадки и среды для влияния на мнения других пользователей.

Одним из важных различий между группами, составляющими две клики, является среднее количество участников. В группах «протестного» сегмента число членов оказалось значительно больше, чем в «провластных». С одной стороны, это можно объяснить большей оппозиционностью активных пользователей «ВКонтакте» (молодежь с высшим образованием, проживающая в крупных городах, и т.д.). Но, с другой стороны, данное различие мы можем трактовать как следствие больших значений включенности, способности к взаимодействию, связанности и плотности. Иными словами, мы можем наблюдать прямую взаимосвязь между развитием сетевых взаимодействий между группами и увеличением количества активных участников в самих группах.

Результаты сетевого анализа связей с использованием программного обеспечения PAJEK.

«Провластный» сегмент

Наиболее ценные связи:

Ранг Связь Связанные группы

-
1 4.23	Читатели книг Николая Старикова. «Марш успеха»!
2 4.31	Читатели книг Николая Старикова. Мы против «туниского» сценария для России!
3 4.14	Читатели книг Николая Старикова. Профсоюз граждан России
4 4.36	Читатели книг Николая Старикова. Фронт Защиты Национальных Интересов
5 4.11	Читатели книг Николая Старикова. Информационная поддержка В. В. Путина

«Протестный» сегмент

Наиболее ценные связи:

Ранг Связь Связанные группы

-
1 1.24	Когда в нашей группе будет 1 000 000 участников (...). Я против банды (...)
2 1.29	Когда в нашей группе будет 1 000 000 участников (...). «Марш несогласных»
3 1.43	Когда в нашей группе будет 1 000 000 участников (...). Мы против монополии на власть
4 1.31	Когда в нашей группе будет 1 000 000 участников (...). Михаил Ходорковский: группа поддержки
5 1.18	Когда в нашей группе будет 1 000 000 участников (...). Народ против

По ценности связей мы определили следующие наиболее важные акторы:

«Провластный» сегмент:

1. Читатели книг Николая Старикова.

Ключевое место этой группы в «провластном» сегменте обусловлено, на наш взгляд, популярностью самого Н. Старикова и его идей. В данном случае мы можем наблюдать использование технологии привлечения «лидера мнений», которым Н. Стариков в данном случае, несомненно, является. Сам Н. Стариков довольно активен в публичном поле, в том числе и в социальных сетях, причем в своих публикациях

он поддерживает идеологию современной политической элиты, поэтому признание его авторитета пользователями данного сегмента вполне понятно.

2. «Марш успеха»!

Роль данной группы в структуре взаимосвязей «провластной» клики в очередной раз подтверждает значение групп, направленных на офлайн-активность, т.е. митинги, марши, встречи, дебаты и другие мероприятия, ориентированные на действия вне сети Интернет. Таким образом, прослеживается мобилизационный аспект деятельности активистов в социальных сетях.

3. Мы против «тунисского» сценария для России!

В названии группы содержится мобилизационная идея, которая одновременно является как объединяющей, так и мотивирующей к действию. Главным результатом использования этого лозунга стало цитирование малочисленной группы более влиятельными и популярными.

4. Профсоюз граждан России.

Данная группа выбивается из ряда как «протестных», так и «провластных» акторов. Информация на стене группы довольно разнообразна с точки зрения идеологической окраски. Кроме того, большая часть размещаемых постов носит не политический характер, а стимулирует гражданскую активность. Администраторы группы не ссылаются на другие группы из выявленной «провластной» клики, однако несколько ключевых акторов этого сегмента размещают у себя ссылку на данную группу.

5. Фронт защиты национальных интересов.

Центральное место данной группы обусловлено ее связями с ключевыми акторами «провластной» клики.

6. Информационная поддержка В. В. Путина.

Эта группа характеризуется довольно большим количеством участников, равно как и наличием перекрестных связей с другими близкими к центру клики акторами.

«Протестный» сегмент:

1. Когда в нашей группе будет 1 000 000 участников...

Уже в названии используется технология мобилизации, поэтому популярность данной группы вполне понятна. Более того, эта группа характеризуется и наибольшим количеством участников.

2. Я против банды...

Несмотря на то что престиж определяется количеством входящих связей, данная группа также имеет девять исходящих связей, что довольно много для анализируемых сообществ. Возможно, этот фактор также оказывает значительное влияние на близость к центру исследуемого сегмента. Здесь также мы наблюдаем использование такой технологии, как навешивание ярлыка.

3. «Марш несогласных».

Группа посвящена конкретному мероприятию, поэтому на нее много ссылок в других группах, что в очередной раз подтверждает наш тезис о мобилизующей роли сетевых сообществ.

4. Мы против монополии на власть.

Данная группа хоть и малочисленна, но имеет связи с ключевыми акторами «протестной» клики, поэтому она также находится в центре сетевой карты.

5. Михаил Ходорковский: группа поддержки.

Ключевая позиция этой группы обусловлена наличием связи с самой популярной («Когда в нашей группе будет 1 000 000 участников»). Таким образом, чтобы обеспечить себе важную роль в сетевом взаимодействии, достаточно найти ключевых акторов и взаимодействовать с ними.

6. Народ против «Единой России».

Необходимо отметить, что бренд «Единая Россия» в сети Интернет был целью массивной репутационной атаки с весны 2011 г., когда стартовала так называемая кампания «Единая Россия — партия жуликов и воров», организованная оппозиционными политиками и гражданскими активистами. Этот слоган впервые появился в блоге А. Навального, а потом был растиражирован во всем российском Интернете.

Итак, выделим ключевые технологические аспекты, которые позволяют группам в социальной сети быть наиболее популярными:

- наличие перекрестных связей с наиболее центральными акторами сети;
- максимизация количества взаимосвязей с другими группами;
- постоянное обновление контента, которое стимулирует активизацию членов сообщества;
- увязка онлайн-деятельности группы с офлайн-активностью;
- публикация или размещение ссылок на материалы сторонних интернет-ресурсов;

- использование мотивирующих факторов: цитирование лидеров мнений, тиражирование уже популярных в Сети фраз и стереотипов.

Важной задачей, которую нам необходимо решить в результате данного эмпирического исследования, является выявление механизмов объединения различных акторов в сеть. Мы предположили, что основным фактором в условиях поляризации общественных настроений становится общность идеологических предпочтений, которые агрегируются в виде противоположных ценностей у аудиторий различных социальных сетей. Анализ содержания новостей и материалов, размещаемых в группах, а также профилей участников исследуемых групп дал противоречивые результаты. В «провластном» сегменте базовые ценностные ориентации аудитории действительно являются общими для подавляющего большинства членов сети. Они проявляются в поддержке идей консерватизма, вертикали власти, особой роли России в мировом политическом процессе, поддержке существующего политического курса, отрицании либеральной идеологии и так называемой «оранжевой угрозы». «Протестная» же клика характеризуется большим разбросом в ценностных ориентациях как самих сообществ, так и их участников. В данной клике, которая, как мы уже показали, является ядром оппозиционной сети, встречаются материалы довольно широкого идеологического спектра: от коммунистических до праворадикальных. Получается, что единственной точкой соприкосновения для данных сетевых акторов является отношение к властным элитам и современному политическому процессу в России. С одной стороны, этот факт позволяет нам делать вывод о правильности выбранного метода отбора групп по данному признаку. С другой — мы имеем возможность наблюдать и анализировать мобилизационный потенциал социальных сетей. В условиях поляризации общества клики социальных сетей формируются на основе ограниченного числа общих интересов. В данном случае это отношение к результатам выборов в Государственную думу и ходу президентской избирательной кампании. Идеологические основания не играют практически никакой роли в выборе тех, с кем осуществляется сетевое взаимодействие. Тогда становится понятно, почему более активные и многочисленные «протестные» сообщества не демонстрируют на фоне «провластных» значительно более высоких показателей централизации, плотности, связанности, симметрии и других параметров. Мы делаем вывод о том, что «протестная» социальная сеть ориентирована лишь на решение конкретной проблемы, т.е. на

мобилизацию оппозиционных усилий. Подтверждают такой вывод протестные митинги, которые проходили в российских городах в этот период. Они аккумулировали совершенно разные протестные группы. Можно предположить, что со временем данная «протестная» клика распадется на множество мелких сегментов, объединенных идеологическими основаниями и, следовательно, характеризующихся высоким уровнем сплоченности, связанности, плотности и т.д.

Анализ контента и страничек участников групп, посвященных офлайн-активности («Марш успеха» и «Марш несогласных»), показывает, что новостные материалы в данных сообществах ориентированы не только на мобилизацию, но и на распространение информации о прошедших мероприятиях, интерпретацию данных событий и дальнейшую коммуникацию. Таким образом, мы наблюдаем тесную взаимосвязь между мобилизацией социального действия и сетевой активностью пользователей. Она, на наш взгляд, проявляется в алгоритме «мобилизация—действие—распространение информации—мобилизация», т.е. мобилизация офлайн-активности участников социальных сетей в итоге приводит и к интенсификации сетевой коммуникации, что проявляется, например, в росте частоты обновления контента в сообществах и на страничках пользователей сразу после проведения мероприятий. Более того, интересным представляется и тот факт, что мобилизация активности в одной из клик приводит и к мобилизации в противоположном сегменте.

Итак, проведенный анализ «провластного» и «протестного» сегментов социальной сети «ВКонтакте» продемонстрировал возможности методологии и методики исследования социальных сетей, дал нам возможность выявить ядра данных сегментов и определить их ключевые параметры, провести сравнительный анализ на основе сопоставления набора критериев, которые характеризуют сетевое взаимодействие. Кроме того, мы определили базовые технологические аспекты, которые позволяют группам в социальной сети быть наиболее популярными, а также механизмы мобилизации действий.

Ключевые слова

Политическая коммуникация, коммуникационные сети, сетевые параметры, социальные медиа, сетевая мобилизация.

Литература

*Арендт Х. Vita Activa, или О деятельной жизни / Пер. с нем. и англ. В. В. Би-
бихина. СПб.: Алетейя, 2000.*

Градосельская Г. В. Сетевые измерения в социологии: Учеб. пособие / Под ред. Г. С. Батыгина. М.: Издательский дом «Новый учебник», 2004.

Назарчук А. В. Этика глобализирующегося общества. М.: Директ-Медиа, 2002.

Политические коммуникации: Учеб. пособие для студентов вузов / [Петрунин Ю.Ю. и др.]; под ред. А. И. Соловьева. М.: Аспект Пресс, 2004.

Brass D. J. A social network perspective on human resources management // *Research in Personnel and Human Resources Management*. 1995. No 3.

Deutsch K. W. Problems of World Modelling: Political and Social Implications / Ed. by K. W. Deutsch et al. Cambridge (Mass.), 1977.

Eltantawy N., Wiest J. B. Social Media in the Egyptian Revolution: Reconsidering Resource Mobilization Theory // *International Journal of Communication*. 2011. No 5. P. 1207–1224.

Morozov E. The Net Delusion: the Dark Side of Internet Freedom. N.Y.: Public Affairs, 2011.

Вопросы и задания

1. Каким образом развитие коммуникации повлияло на становление сетей в обществе и политике?
2. Как теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса соотносится с сетевой теорией?
3. Каковы ограничения использования социальных медиа в качестве ресурсов политической мобилизации?
4. Какие практические шаги необходимо предпринять, чтобы ускорить распространение информации в социальных сетях?
5. Разработайте методику исследования социальных сетей во время избирательной кампании.

ГЛАВА 6

ЗНАНИЕ И НАУЧЕНИЕ В СЕТЕВЫХ СТРУКТУРАХ

► В главе раскрываются вопросы значения сетевой коммуникации как новой модели организационной коммуникации в обществе знаний, особенности менеджмента знаний в сетевой организации, инновационный потенциал сетевой организации. Особое внимание уделяется воспроизводству знаний в сетевой организации, организационному и сетевому научению. ◀

6.1. Сетевая коммуникация как новая модель организационной коммуникации в обществе знания

В современном обществе организационные основы взаимодействия людей претерпевают ряд существенных изменений. Изменяется и оценка роли и значения организационной коммуникации. Постепенный переход к обществу знания, для которого характерны революционные преобразования в информационно-коммуникационных технологиях, высокие темпы роста информационного сектора в системе создания благосостояния, определяет все более возрастающую роль коммуникационных процессов. Таким образом, возникает необходимость в глубоком изучении процессов коммуникации и управления ими.

Существует достаточно большое количество трактовок самого понятия «коммуникация». Упомянутый выше К. Шеннон рассматривает коммуникацию как процесс передачи и получения информации. Однако еще в 1928 г. английский литературный критик И. А. Ричардс дал следующее определение: «Коммуникация имеет место, когда одно человеческое сознание так действует на окружающую его среду, что это влияние испытывает другое человеческое сознание, и в этом дру-

гом сознании возникает опыт, который подобен опыту в первом сознании и вызван в какой-то мере этим первым опытом»¹.

Стоит отметить, что данные определения хоть и указывают на существование получателя информации, но не учитывают его роли в коммуникационном процессе, а также изменение характера коммуникативного взаимодействия, связанного с ролью знания и научения в организации. Есть существенные различия между информацией и знанием. Поэтому под коммуникацией сегодня понимают процесс налаживания связей между субъектами, передачу и обработку знания и, наконец, эффект от коммуникационного взаимодействия.

Выделяя основные характеристики современной сетевой коммуникации, следует отметить следующее:

- коммуникация характеризуется производством, накоплением и передачей знания;
- в коммуникации имеет место обработка знания посредством научения;
- и отправитель, и получатель информации активно вовлечены в коммуникационный процесс;
- качество коммуникации непостоянно, так же как изменчивы ее модели в современной сетевой организации.

В значительной мере качество коммуникации и эффективность процесса производства, обмена и воспроизводства информации определяется организационными условиями. От того, будет организация построена на основе принципа иерархии, рынка или сети, зависят структура и принципы коммуникационного процесса. То, как люди взаимодействуют в организации и координируют свою активность, определяет способы научения людей в организации, а следовательно, и их корпоративное знание и культуру. Актуальность менеджмента знания в этой связи очевидна. Технологии менеджмента знания способствуют эффективности распространения и использования интеллектуального капитала организации, частью которого являются информация и стратегии коммуникативного действия. Особое значение для развития сетевой коммуникации и знания имеют новые информационные технологии, используемые, в частности, в публичном секторе в виде электронного правительства. Последнее вместе с электронной демократией способствует формированию публичного знания и развитию публичной сетевой коммуникации.

¹ Encyclopaedia Britannica. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://concise.britannica.com/ebc/article-9109625>.

Понятие организационной коммуникации выкристаллизовывается в 50-х годах прошлого века и теснейшим образом связывается с эффективностью деятельности организации. Г. Саймон говорил, что «коммуникация является абсолютно существенной для организации». Бавелас и Баррет в 1951 г. писали в работе «Экспериментальный подход к организационной коммуникации», что коммуникация «является сущностью организационной активности». К. Булдинг в работе «Организационная революция: Исследование этики экономической организации» (1953), поднимая проблемы этики и власти в организациях, утверждал, что «организация состоит из системы коммуникации».

Это же движение в определении места коммуникации в организациях характерно и для современных исследований: от рассмотрения организационной коммуникации как средства достижения целей в организации к утверждениям, что коммуникация является ключевым моментом организационной деятельности. Данное смещение акцентов является отражением существенных изменений в характере современной организации, где коммуникативные аспекты, связанные с использованием интеллектуального капитала организации, явного и неявного знания, приобретают решающее значение. Одним из адекватных определений современной организации в этой связи представляется понятие интеллектуальной организации. Организации стали подвижными, быстро изменяющимися, состоящими из множества более автономных образований; возрастает активность как организаций в целом, так и их составных частей. Устойчивость организаций в этих условиях в значительной мере определяется интенсивностью и проработанностью коммуникативных процессов. Сетевая структура организации, которая потеснила иерархию и рыночную координацию, значительно модифицировала подходы к организационной коммуникации.

Прежде всего следует отметить ряд новых концептуальных предпосылок организационной коммуникации, возникших под влиянием сетевой методологии (табл. 6.1).

Ранние теории организационной коммуникации предполагали рациональное поведение индивида в организации. Инструментальный характер рациональности был связан с достижением целей организации наиболее эффективным путем, для принятия оптимальных решений. Рационализация коммуникативных процессов в организации строилась с тем расчетом, чтобы можно было получить рациональное решение для организационных целей путем снижения неопределенности и разнообразия. Даже если коммуникативный процесс невозможно было полностью рационализировать (а он и не поддается полной рационализации), то все равно считалось, что артикуляция рационального решения возможна.

Таблица 6.1

Старые и новые предпосылки организационной коммуникации

Старые предпосылки	Новые предпосылки
Инструментальная рациональность	Интерпретативная рациональность
Приоритет формальности	Подвижность граней между формальным и неформальным
Коммуникация как механический процесс	Коммуникация как творческий процесс
Инвариантность коммуникативных процессов	Вариативность коммуникативных процессов
Пассивность получателя информации	Активность всех участников коммуникации
Информация	Знание
Служебная роль коммуникации	Коммуникация как организационный/социальный капитал

Концепция «связанной рациональности» Г. Саймона привела к разработке модели «удовлетворяющего решения», которая принимала в расчет тот факт, что люди останавливаются часто на первом удовлетворяющем всех решении, а не стремятся к полностью оптимальному решению. Этому способствовали и недостаток информации, и оценка ситуации, в которой находились участники коммуникации при принятии решения.

Концепция «интерпретативной рациональности» (герменевтический подход, теория соглашений, культурологический подход) ограничила далее рациональность возможностью нахождения согласия в процессе коммуникации путем интерпретации смыслов ментальных репрезентаций, т.е. вводя оценку в договорное соглашение. Как пишет один из разработчиков нового институционализма Л. Тевено, «если мы соглашаемся с тем, что координация действий требует усилий, а не осуществляется автоматически согласно законам природы, то отсюда следует преимущественно интерпретативный, а не только калькулятивный характер рациональности человеческого поведения. Чтобы скоординировать свои действия с окружающими, человек должен прежде всего применить те или иные конвенциональные рамки, позволяющие ему понять действия и намерения других людей. Понимание рамок требует не только когнитивных, но и оценочных усилий. От формы оценок зависят направление и фокус избирательного внимания человека»². Проблема

² Тевено Л. Ценности, координация и рациональность: экономика соглашений или эпоха сближения экономических, социальных и политических наук // Институциональная экономика: Учебник / Под общ. ред. А. Олейника. М., 2005. С. 76–77.

ма интерпретации находит выражение в таких теориях организационной коммуникации, как критический подход С. Дитца, ассимиляционный подход Ф. Джеблина, культурологический подход Р. Родс — один из известных исследователей политических сетей, совместно с М. Бевиrom развивают интерпретативный подход к современной публичной политике и управлению, говоря о том, что он является адекватным для современного принятия политических решений.

Организационная коммуникация в досетевом обществе отдавала приоритет формально узаконенным и более или менее стабильным элементам. Коммуникация на основе служебных норм и статусов, предписанных целей и вертикально оформленных процессов занимала доминирующие позиции. Конечно, теория неформальной организации внесла в это некоторые модификации, описав межличностное общение на основе симпатий, престижа и морального авторитета, но она не могла преодолеть общее формально-нормативное доминирование административной коммуникации и координации. Сетевой принцип организации заставил снять резкое размежевание между формальной и неформальной коммуникацией. Концепция сетевого взаимодействия в политике и публичном управлении первоначально базировалась на инструментально-рациональном описании процесса принятия решений сетевыми акторами, обменивающимися своими ресурсами. Рациональное поведение в сетях и институциональное закрепление сетевых практик общения в правилах и достигнутых договорных соглашениях первоначально описывалось как достаточное для жизнедеятельности сети и для удовлетворения базовых интересов ее участников.

Вместе с тем ученые, которые разрабатывали теорию политических сетей, включали в свои размышления морально-психологическое измерение управления и процесса производства политического решения. Это означало, что данная теория государственного управления близка к политической философии и ценностно ориентированному подходу. Общее моральное измерение поведения в сетях поставило перед исследователями вопрос о том, как оно достигается. Совместное понимание проблемы, доверие друг к другу, общие идеи и ценности и их выражение в определенных правилах сетевого поведения становятся предметами специального анализа.

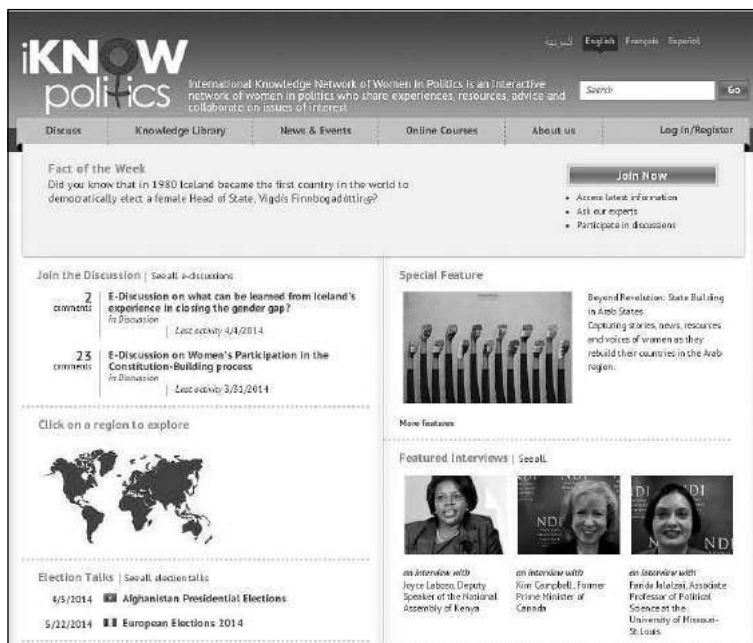
В условиях сетевых организационных структур ставится задача преодолеть рассмотрение организационной коммуникации как механического процесса. Кибернетические и базирующиеся на них модели коммуникации видят в ней процесс, в котором источник информации в закодированной форме посылает информационный сигнал посред-

ством некоторых коммуникационных каналов получателю информации, который должен ее раскодировать. Все возможные ошибки должны, по идее, быть исправлены в процессе такого вида коммуникации или уровень их должен быть понижен, т.е. получатель информации воспринимает ее более или менее адекватно посланному сигналу. Механистичностью характеризуется и коммуникация в бюрократической организации, построенной на принципах инструментальной рациональности и нормативности. Сетевая коммуникация является более сложной и неопределенной с точки зрения функционирующих в ней информационных процессов, однако это не рассматривается в качестве недостатка, а выступает условием инноваций и творчества. Творческий характер сетевой коммуникации обеспечивается многими ее условиями: базисным доверием, ориентацией на сотрудничество, меньшими транзакционными затратами, свободой интерпретации, большим разнообразием информационных источников и синергией информационных ресурсов, открытостью общения и др. Информационно-коммуникационная способность сетей производить инновации отмечается всеми исследователями, и она базируется на других информационных потоках, чем иерархические организации.

Инвариантность коммуникативных процессов как предпосылка старого подхода к организации означала, что модели организационной коммуникации для сходных организаций могут быть одинаковыми. Отдельные особенности организаций не принимались в расчет, и считалось, что их действие можно свести к минимуму посредством хорошего менеджмента. Не случайно в науке, посвященной организационной коммуникации, основное внимание как раз и уделялось разработке таких коммуникационных алгоритмов (моделей). Впоследствии, однако, было замечено, что при всех схожих элементах организации одни действуют более успешно, чем другие. Кроме того, разные внешние условия определяли различие в адаптационных возможностях организации, а в одинаковых условиях тем не менее организации действовали с различным успехом. В значительной мере результаты определялись тем, как организации используют свои способности, в том числе коммуникативные. На смену инвариантности пришла идея множественности процессов и моделей организационной коммуникации.

Прежние организации использовали процессы коммуникации для получения и передачи информации, но пассивность получателя информации делала информационный процесс однонаправленным. Господствующие здесь субъект-объектные отношения деформировали коммуникативный процесс, делали его однозначным и определенно

организованным. В условиях сетевого взаимодействия картина изменяется. То, что М. Кастельс относит к «третичным отношениям социальности» — персонализированным сообществам, повышает значимость активности всех участников коммуникативного процесса в сети: «Сети строятся на основе выбора и стратегии социальных деятелей, будь то отдельные лица, семьи или общественные группы»³.

Международная сеть знания для женщин в политике (*the International Knowledge Network of Women in Politics, iKNOW Politics*) является рабочим электронным пространством, созданным, чтобы обеспечивать потребности избранных государственных служащих, кандидатов, лидеров и членов политических партий, исследователей, студентов и других активистов, заинтересованных в продвижении женщин в политику. Сеть является общим проектом Программы развития ООН, Совета ООН по гендерному равенству и усилению полномочий женщин, Национального демократического института по международным делам, Межпарламентского союза и Международного института за демократию и помощь на выборах (*IDEA*).

³ Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург, 2004. С. 154.

Цель сети состоит в том, чтобы повысить уровень участия и эффективность деятельности женщин в политике, используя электронные форумы. Международная сеть играет центральную роль в достижении этой цели, предлагая пользователям следующие возможности:

- ресурсы доступа, включая электронную библиотеку, информация и экспертиза других пользователей, экспертов и практиков;
- создание знания на дискуссионных форумах, через информационные обмены и коллективные ответы экспертов на поступающие запросы;
- обмен опытом с использованием специальных инструментов для более легкого изучения уроков и лучшей практики между членами глобального сообщества, нацеленного на продвижение женщин в политику.

Современные сетевые формы организационной коммуникации отличаются от предшествующих несетевых форм значительным акцентом на передачу знания, а не информации. Знание отличается от информации не только упорядочиванием данных, но и смысловыми значениями. Иногда информация рассматривается как явное знание, тогда как неявное знание не может быть четко выраженным, и здесь имеются свои сложности в процессе обмена им. Существует и более радикальный и, по-видимому, имеющий достаточные основания подход, при котором информация и знание различаются принципиально: информация является раскодированным сигналом, поступающим от внешней среды; знание является смыслом, которым человек наделяет вещи и события.

Вместе с тем, как бы мы ни рассматривали структуру знания, ясно, что его роль в современном обществе значительна, а коммуникативное сетевое взаимодействие является одним из эффективных способов его формирования, передачи и развития. Р. Макфи и П. Зог определяют четыре основных потока современной организационной коммуникации, в основе которой (в качестве как объекта, так и «живой силы» и стремления) лежит организационное знание⁴:

- общение членов организации (*membership negotiation*) — социализация, но также идентификация и самопозиционирование;
- организационное самоструктурирование — рефлексивное, особенно менеджериальное структурирование и контрольная деятельность;
- координационная деятельность — взаимодействие для выравнивания или подгонки различных видов деятельности в организации;

⁴ McPhee R., Zaig P. Organizational Theory, Organizational Communication? Organizational Knowledge, and Problematic Integration // Journal of Communication. 2001. September. P. 587–588.

- институциональное позиционирование организации в социальной системе институтов — по большей части внешняя коммуникация с целью признания и включения в сеть социальных транзакций.

Все эти потоки организационной коммуникации в реальности взаимосвязаны, и одним из значимых типов взаимосвязи выступает организационное знание. Любая идея, циркулирующая в потоках коммуникации в организации, по сути, принадлежит организации.

Следует также подчеркнуть, что в современных условиях ориентация на информационный капитал организации является недостаточным для эффективной и производительной деятельности фактором. На первый план выходит социальный капитал, включающий в себя отношения взаимозависимости, общие цели, ценности, опыт, знание, ответственность и доверие. В этом отношении социальный капитал отличается от информационного капитала как совокупности описаний социальной действительности.

Организационная сетевая коммуникация, как и информация, на которой она основывалась в прошлом, выполняла служебную функцию по отношению к целям организации. Она не рассматривалась в качестве источника возрастания стоимости произведенного товара или услуги. В настоящее время организационная сетевая коммуникация и знание относятся к значимому социальному капиталу организации, выполняющему функции источника и средства ее развития и реализации целей. Одна из главных черт данного капитала состоит в том, что он является принципиально неисчерпаемым и способен возрасти по мере его использования.

6.2. Менеджмент знания и сетевая коммуникация

Менеджмент знания в современных организациях охватывает все основные стороны их развития и изменения. Выделяются *два поколения подходов к менеджменту знаний*. Первое поколение включало в себя разработчиков менеджмента знаний, фокусировавшихся на изучении носителей знаний, которыми выступали индивиды в организации. Второе поколение интерпретирует менеджмент знаний как поиск, анализ, понимание и развитие знаний в организационном контексте и применительно к организациям. В этом втором подходе особое внимание уделяется сетевой модели организационных отношений. Также следует отметить, что менеджмент знаний самым тесным образом связан

с внедрением новых информационных технологий. В публичном секторе менеджмент знания опирается в определенной мере на возможности электронного правительства и электронной демократии. Идея электронного правительства находит применение в публичном управлении в том аспекте, который начинает активно развиваться в конце 1990-х годов, а именно — касавшемся проблем публичного управления в условиях формирующегося общества знания.

В целом концепция общества знания затрагивает многие стороны современного социального развития. Не случайно основной социальной группой будущего многие сегодня называют «работников знания», или «когнитариев». Общество знания прежде всего влияет на экономику, позволяя ей включать знание в основной актив современного производства. Развитие технологической окружающей среды современных форм жизни модифицирует их, делает более информационно насыщенными и динамичными. Современное общество создает разветвленную информационную инфраструктуру, обеспечивающую современные потоки общения, движения товаров, производства услуг, культурное взаимодействие. Общество знания невозможно без инноваций, которые пронизывают современное производство, науку, культуру и общение. Инновационный характер деятельности заставляет учиться и делает образование решающей сферой развития производства и общественных отношений. Поэтому существенное значение приобретает такой фактор развития, как инвестиции в людей и совершенствование их способностей.

В этом отношении технологии менеджмента знания (*knowledge management*) начинают использоваться в публичном секторе довольно активно, а электронное правительство здесь служит удобным средством их реализации. Значение менеджмента знания для публичного сектора определяется рядом обстоятельств, среди которых обычно выделяют 1) роль знания как средства конкуренции между публичными акторами и между публичным и частным секторами в деле производства товаров и услуг, которые становятся все более наполняемыми невидимым капиталом (знаниями); 2) необходимость постоянного обучения и переобучения государственных служащих, когда, с одной стороны, знания устаревают очень быстро, а с другой — в условиях подвижности кадров в управлении возникает проблема поддержания институциональной памяти и механизмов передачи опыта; 3) усложнение целей политики и необходимость обмена знаниями в качестве фактора эффективной их реализации, минуя институциональные барьеры, разделяющие государственных служащих.

Сегодня знания превратились в решающий фактор развития экономики, социальной сферы, политики и культуры. Требование управлять знаниями является необходимым условием конкурентоспособности современной организации в частном или публичном секторе. От этого в значительной мере зависит эффективность деятельности и потенциал развития любой организации. Современное публичное управление учитывает эту особенность и использует возможности новых информационных технологий для совершенствования процесса принятия решений, развития внутриправительственной деятельности, предоставления общественных услуг и в целом — для построения новых демократических отношений между государством и обществом.

Менеджмент знания в публичном управлении — новое направление организации деятельности государственных структур. Возникнув в качестве важнейшего фактора повышения эффективности деятельности бизнес-структур в 1990-х годах, он начинает использоваться и в публичном секторе, в органах законодательной и исполнительной власти.

По сути, менеджмент знания — это новые стратегии и технологии управления интеллектуальным капиталом организации, основанные на революции в знаниях и коммуникации. Как вид управленческой деятельности и специфическая функция, считает Б. З. Мильнер, управление знаниями имеет ряд особенностей:

«Во-первых, знания являются и ресурсом и объектом управления практически во всех подразделениях и в рамках всех функций, поскольку не существует ни одного вида деятельности в организации, для которого знания не были бы источником развития и совершенствования. Во-вторых, управление знаниями непосредственно связано с использованием современных информационных технологий, сети Интернет, других разветвленных и универсальных сетей, позволяющих накапливать и распространять необходимые знания. В-третьих, функция управления знаниями выполняет интеграционную и координационную роль в процессе организационного обучения. И, в-четвертых, в качестве важного условия эффективного управления знаниями следует считать демократическое управление в организациях»⁵.

Коммуникационные аспекты менеджмента знания затрагивают его существенные характеристики и процессы. *Во-первых*, менеджмент знания учитывает, что процессы получения, обработки и использования знания невозможны без коммуникации; при этом коммуникация понимается не только как передача информации (знание не сводится к информации), но и в качестве процесса формирования разделяемых

⁵ Мильнер Б. З. Управление знаниями: Эволюция и революция в организации. М., 2003.

участниками организации ментальных моделей. *Во-вторых*, коммуникация выступает центральным фактором расширения знания в организации, так как обмен знаниями в процессе общения взаимно обогащает его участников и создает дополнительный импульс для эффективной деятельности. *В-третьих*, менеджмент знания посредством коммуникации организует то, что называется «организационным научением» (*organizational learning*); способность обучаться — это свойство не только членов организации, но и организации в целом. *В-четвертых*, эффект знания в организации определяется ее коммуникационными способностями в отношении внешнего окружения; обширные межорганизационные связи (а следовательно, и общение) позволяют более эффективно осуществлять выбор в условиях быстро изменяющейся ситуации. *В-пятых*, развитые организационные потоки коммуникации способствуют единой организационной культуре и повышению общей корпоративной ответственности за реализацию организационной цели на основе совместного знания. *В-шестых*, организационное знание, функционирующее и обновляющееся в процессе коммуникации, составляет условие развития организации, позволяет снизить издержки «организационного торможения» реформ.

Распределение знаний в сетях определяется всеми характеристиками сетевого взаимодействия. Особую роль здесь играют такие сетевые свойства, как слабость или сила взаимодействий, проницаемость сетевых границ, наличие тесных кластерных групп в сетях (сетевые команды), влияние внешних сетей, сетевая культура распределения знаний и т.д. Так, сильные сетевые структуры способствуют формированию и передаче обычно сложных знаний, неcodифицированных и неявных; они формируют контекстуально связанное знание, требуют интенсивного обмена ресурсами. Слабые же связи в сетях порождают простое и codифицированное знание, свободное от контекста, и не требуют интенсивного обмена ресурсами (табл. 6.2)⁶.

Особое значение эти и другие коммуникативные компоненты менеджмента знания имеют для государственного управления, ориентированного на эффективное следование общественному благу и сотрудничество с гражданским обществом. Повышение уровня взаимосвязей между различными государственными структурами, а также невозможность выполнения задач без сетевых структур, включающих гражданские ассоциации и бизнес, увеличивают сложность организации управления. Эффективное управление в этой ситуации может быть до-

⁶ *Hakkarainen K., Palonen T., Paavola S., Lehtinen E.* Communities of Networked Expertise. Professional and Educational Perspectives. Amsterdam [et al]: Elsevier, 2004. P. 75.

стигнуто в том числе и за счет формирования и институционализации совместных ментальных моделей, влияющих на процессы разработки, принятия и реализации государственных решений. Доверие к государству возникает на основе разделяемого знания.

Таблица 6.2

Обмен знаниями и сила сетевых связей

Свойство	Сила связей	
	Сильные	Слабые
Информационный поток	Насыщенный и взаимный	Ненасыщенный и часто асимметричный
Уровень сложности обмена знаниями	Обычно сложное	Простое и точное
Форма знания	Часто некодифицированное и неявное	Часто кодифицированное
Отношение к экологии знания	Контекстуально связанное, т.е. является частью большой структуры знаний	Часто контекстуально свободное и понятное
Тип коммуникации	«Плотный» и незавершенный, включая «умные головы», экспертные команды и особые коммуникационные шрифты	«Редкий» и легкий для понимания
Управление сетевыми взаимосвязями	Требует ресурсов	Не требует больших ресурсов

В этом отношении особую важность приобретает такая форма электронной демократии, как электронное правительство, способное служить катализатором реформирования публичного сектора на основе менеджмента знания. Электронное правительство играет важную роль на всех этапах формирования знания — при возникновении взаимного доверия, концептуализации, кристаллизации, передаче знания. При этом электронное правительство выполняет важную функцию приобщения населения к цифровым технологиям взаимодействия. Граждане, используя электронное правительство, научаются получать информацию, услуги и осуществлять коммуникацию через электронные сети. Электронное правительство стимулирует развитие новых познавательных навыков и создание своеобразной сети публичного знания, если иметь в виду расширение электронного правительства в область электронной демократии. Электронное правительство поддерживает включение граждан, их ассоциаций, бизнеса в общество, основанное

на знаниях, стимулируя коммуникацию по трем сферам «правительство—правительство», «правительство—бизнес», «правительство—граждане». Важный сегмент движения за электронное правительство — поддержка новых технологий в предоставлении образовательных услуг, реализация принципа «пожизненного обучения» (*lifelong learning*). Западный опыт свидетельствует о значительной роли электронного правительства в развитии доверия к электронному предоставлению услуг вообще; электронное правительство поощряет лидерство в использовании новых технологий для честной и свободной конкуренции в сфере услуг. Оно расширяет пространство коммуникации, что способствует развитию знания и его совместного использования. Отмечается, что электронное правительство трансформирует стандарты спроса в частном секторе, изменяя ожидания граждан.

6.3. Инновационный потенциал сетевой организации в обществе знания

Хотя инновационные идеи часто возникают стихийно, однако для их возникновения нужна определенная среда. Но даже если идея возникла, ее необходимо сообщить другим людям, убедить их в том, что идея заслуживает доверия и может быть реализована на практике. Совместно разделяемое мнение относительно полезности идеи является результатом определенного процесса обучения, происходящего в условиях некоторых норм и практик. Следующий немаловажный этап — применение этой идеи на практике. Практический результат, полученный от применения какой-либо новой идеи, может быть единичным, но часто трудно определить, будет ли эта же практика полезна и в других подобных условиях. Ясно, что люди скорее доверяют делам, чем словам, а отсюда демонстрация опыта и полученного результата позволяет с большим доверием отнестись к возможности практической пользы идеи. Идея для своего воплощения требует наличия людских, финансовых, психологических и других условий, которых может и не быть в пункте возникновения идеи и ее «инженерной» проработки. И, наконец, если полезность идеи ясна и она нашла применение, то возникает задача распространения этого нововведения для более широкого использования. На этом пути возникают дополнительные сложности и проблемы.

Следовательно, три ключевые фазы в инновационном процессе — возникновение идеи, применение идеи на практике и более широкое распространение этой практики — связаны с наличием знания, коммуникацией, материальными и другими ресурсами, рисками нововве-

дений, сопротивлением изменениям и т.д. В этом отношении считается, что сетевая структура взаимодействия позволяет более эффективно решать задачи этих различных фаз инноваций, чем рынки и иерархии, за счет особенностей сетевой организации. Более того, как подчеркивается в ряде работ, сетевая структура взаимодействия является одной из эффективных форм возникновения инноваций, т.е. она сама способствует инновационному поведению ее участников, независимо от того, для каких конкретно первоначальных целей эти сети создавались.

Можно отметить ряд положений, характеризующих **инновационный потенциал сетей**.

Во-первых, *сети интенсифицируют рост нового знания* за счет интенсивного обмена, концентрации и распределения знания и информации. Сотрудничество при сетевом взаимодействии в этом отношении подобно «мозговому штурму» при разрешении возникающих теоретических и практических проблем, требующих новых идей и решений.

Во-вторых, сама сетевая организация является структурой, обеспечивающей концентрацию так называемого «невидимого» знания. *Сети представляют собой резервуар знания*, взять из которого идею может только участник сетевого взаимодействия. Часто неявное знание служит важной базой для производства новых идей. Сети в этом отношении служат средой, позволяющей превратить неявное знание в явное.

В-третьих, *сети построены на взаимном доверии*, которое представляет собой важное условие принятия идеи и опыта ее применения. Взаимное доверие предполагает и более эффективный способ распространения инноваций. Снижение издержек на взаимное убеждение является важным преимуществом сетевой структуры.

Глобальная университетская сеть инноваций (*The Global University Network for Innovation, GUNi*).

Данная сеть создана в 1999 г. ЮНЕСКО, Университетом Объединенных Наций и Политехническим университетом Каталонии. В настоящее время состоит из 208 членов из 78 стран. Членами сети являются кафедры ЮНЕСКО, университеты и институты высшего образования, исследовательские центры и другие сети, связанные с инновациями и имеющие отношение к высшему образованию. Центральный офис сети располагается в Испании (Барселона), в Политехническом университете Каталонии. Принципами данной инновационной сети являются:

- а) образование — академическое и профессиональное обучение, постоянное исследование и формирование способностей к образованию являются условиями развития любой страны;
- б) человеческие ресурсы играют основную роль в социально-экономическом и культурном развитии стран;

- в) межуниверситетская кооперация нацелена на долговременные связи между институтами высшего образования и исследования как в индустриальных, так и в развивающихся странах в основном для обмена занятиями;
- г) любая кооперация должна основываться на желании развития партнерского университета в соответствии с его собственными целями;
- д) прогресс в высшем образовании должен основываться на долговременном выборе, который делается в ответ на социальные требования, особенно те, что связаны с миром, демократическим управлением и устойчивым развитием;
- е) ассоциация, основанная на общем интересе, взаимном уважении и доверии, должны быть главной матрицей для обновления высшего образования;
- ж) межуниверситетская кооперация между высшим образованием и обществом, основанная на солидарности и взаимном уважении, формирует общее культурное наследие.

В-четвертых, в сетях происходит интенсивное взаимодействие ее участников, позволяющее каждому из них наблюдать качественную и новую практику, а не только руководствоваться идеями. В этом отношении сети способствуют прямой передаче нового опыта и *выполняют важную функцию демонстрационного эффекта распространения инноваций*.

В-пятых, каждая серьезная инновация связана с риском. *Сетевая организация*, построенная на обмене ресурсами и взаимной защите общего интереса, *может способствовать страхованию отдельных ее участников от возможных рисков*, связанных с нововведениями. Она повышает доверие к эффективности инноваций.

В-шестых, *сети возникают, как правило, вокруг инновативных центров* — фирм, университетов, гражданских ассоциаций, индивидов и т.д. Данный центр обеспечивает жизненный цикл сетевой организации, а значит, и возможность распространения нововведений и новых идей.

В-седьмых, сети по своей структуре подвижны и обеспечивают свободный поток информации и знания за счет горизонтальных структур коммуникации. *Эта свобода коммуникации дает возможность соединения различных потоков знания*, что повышает вероятность возникновения инноваций. Таким образом, сетевой принцип организации позволяет повысить инновационный потенциал деятельности за счет организационного капитала, присущего ему, а также за счет новых возможностей, предоставляемых для обмена знаниями, опытом и совместного обучения. *Инновационные сети* ориентируются на производство и внедрение инноваций, а также объединяют, как правило, инновационные институ-

ты, т.е. те, которые сами внедряют инновации и являются лидирующими в соответствующей сфере деятельности высшего образования и науки.

Вместе с тем **инновационные сети имеют еще ряд преимуществ**, способствующих производству инноваций.

Во-первых, именно инновационные сети выступают политическими проводниками инноваций, способствуя их распылению в общественной среде и создавая базу для принятия соответствующих политических решений. Они выступают авангардом в инновационных переменах, создавая открытые каналы распространения инноваций в образовательной среде.

Во-вторых, инновационные сети выполняют специфическую функцию обучения инновационному поведению. Они стимулируют это поведение путем привлечения к инновационному движению всех его участников в зависимости от уровня и качества ресурсов, которыми те обладают. В этом отношении инновационные сети являются каналом наиболее демократичного внедрения инноваций в практику посредством совместного обучения и действия с учетом возможностей участников сетей.

В-третьих, инновационные сети содержат в себе оценочные механизмы инновативности поведения его участников. Уровень активности участников сети и продуктивности идей и практик служит значимым показателем оценивания.

В-четвертых, инновационные сети создают необходимый климат и этику инновационной деятельности, которые облегчают взаимодействие и способствуют реализации заявленных целей. Инновационная коммуна, возникающая на базе интенсивного онлайн- и непосредственного общения, обладает специфической инновационной культурой.

В-пятых, инновационные сети ускоряют процесс выработки и внедрения инноваций, повышая эффективность и конкурентоспособность их участников, быстрее других адаптирующихся к быстро меняющимся условиям окружающей среды.

В литературе отмечается ряд механизмов для объяснения механизмов распределения знаний для инноваций в сетях⁷:

Процесс производства знаний и инновационная диффузия происходят в сильных и взаимно связанных командах в организации. Члены этих сообществ обычно знают друг друга достаточно хорошо и обладают знанием об экспертных возможностях каждого, а также о существенных условиях их продуктивного сотрудничества. Такие неформальные

⁷ Hakkarainen K., Palonen T., Paavola S., Lehtinen E. Communities of Networked Expertise. Professional and Educational Perspectives. Amsterdam [et al]: Elsevier, 2004. P. 75.

сообщества знаний оказывают существенное влияние на производство инноваций.

Другим путем распределения знаний и идей является формирование «сетей знакомств» (*affiliation networks*). Наиболее значимые акторы постоянно встречаются друг с другом, так как они являются членами различных групп доверия, комитетов или других работающих структур. Как и в случае с практическими сообществами, акторы этих сетей знают друг друга и доверяют друг другу. Распределение информации и знаний здесь происходит в условиях, когда формируются ключевые акторы, через которых и происходит этот процесс.

Наконец, инновации распределяются через различного рода социальные инфекции, которые распространяются слабо связанными акторами, не формирующими стабильные или постоянные сети. Понятие «социальная инфекция» описывает процесс, когда индивиды перенимают установки и модели поведения других посредством влияния на них других людей. Знание здесь распространяется только в одну сторону, и участники вряд ли знают друг друга достаточно хорошо.

6.4. Воспроизводство знаний в сетях

Концепция воспроизводства интеллектуального капитала может рассматриваться с различных точек зрения. До сих пор нет единой концепции данного процесса, которая имела бы парадигмальный характер. Как правило, процесс воспроизводства интеллектуального капитала рассматривается как часть процесса экономического и социального воспроизводства в эпоху научно-технической и информационной революций. Естественно, что воспроизводство знаний играло свою роль в эпоху промышленной революции, но только сегодня оно приобретает самостоятельное значение, что выражается в комплексе наук, отражающих эти изменения. Новые социологические теории подчеркивают значение неопределенности, изменения, саморазвития для социальных систем, включая в этот процесс в качестве эндогенного фактора когнитивные и деятельностные компоненты в их единстве. Теория эволюционной экономики пытается ответить на вопрос о новых факторах экономического роста. Инноватика описывает процессы возникновения нового в теории и практике. Теория инновационных систем, возникающих на различных уровнях социальной организации общества, представляет собой попытку увязать различные институциональные и процессуальные проблемы производства интеллектуального капитала. Коммуникативистика акцентирует внимание на процессах общения как условиях порождения социального мира, нового знания

и новых форм взаимодействия. Когнитивистика обращается к комплексному анализу процессов познания и формирования знания. Прикладные аспекты производства знания отражаются в стратегическом менеджменте, ресурсной теории организации, менеджменте знаний.

В условиях научно-технической революции особое значение имеет вопрос о науке как форме самовозрастания (*самовоспроизводства*) интеллектуального капитала. Здесь возникают проблемы научного потенциала общественного развития в эпоху знаний, воспроизводственной структуры научного знания, конструктивного взаимодействия универсальных оснований и многообразия форм научной деятельности, социального заказа и философских оснований научной деятельности как условия функционирования науки в качестве формы самовозрастания интеллектуального капитала, взаимодополнительности ценностных ориентаций и идеалов научной (и образовательной) деятельности.

В связи с воспроизводственными процессами, связанными с интеллектуальным капиталом, интерес вызывают *социальные коммуникативные технологии*. Процесс воспроизводства интеллектуального капитала является очень важным с точки зрения развития общества, основанного на знании. Он детерминирован множеством коммуникационных взаимодействий, как сетевых, так и иерархических. Субъекты, формирующие интеллектуальный капитал и являющиеся его носителями, должны эффективно управлять этими коммуникациями. Появление и развитие общества знания привело к тому, что появилась необходимость в формировании новых способов осуществления коммуникации, коммуникативных технологий, отвечающих современным требованиям к возможности производства и самовоспроизводства интеллектуального капитала.

Проблема воспроизводства интеллектуального капитала, в центре которого лежит вопрос о соотношении явного (формализованного) и неявного (неформализованного) знания, связана также с темой дискурсивных практик. Особенности этих практик определяют многие процессы его производства и самовоспроизводства в теоретическом и практико-организационном отношении.

Проблема производства интеллектуального капитала состоит в поиске ответов на вопрос, как он возникает, сохраняется, развивается и растет в организации или обществе. При этом имеет значение, с одной стороны, предметное содержание интеллектуального капитала (знание, связи, знаки, символы, умения, структуры и т.д.), с другой — его экономическое содержание как особой совокупности факторов производства товаров и услуг, выраженных в стоимостной форме. Также следует подчеркнуть, что под интеллектуальным капиталом понимается не просто

совокупность неосязаемых ресурсов, а таких развивающихся неосязаемых ресурсов, которые выступают фактором развития организации (общества), т.е. речь идет о новом организационном знании и процессе его возникновения. Структура интеллектуального капитала интерпретируется по-разному, но в целом подчеркивается ее неопределенность и подвижность. Особое значение приобретает вопрос о производстве интеллектуального капитала, так как организация, стремящаяся получить конкурентное преимущество перед другими организациями, должна обладать умением производить этот капитал. Однако этот вопрос все еще является довольно дискуссионным и неопределенным. Тем не менее в рамках тех или иных теоретических построений, касающихся места и роли интеллектуальных ресурсов в деятельности организации, вопросам их производства уделяется определенное внимание. Здесь мы выделим ряд концепций производства знания⁸, которые в настоящее время являются определяющими дискуссию по этому вопросу.

Концепция «комбинирования знания». Концепция «комбинирования знания» возникает в работах Йозефа Шумпетера, который одним из первых указал на роль новых ресурсов в развитии организации в своих работах «Теория экономического развития» и «Социализм, капитализм и демократия». Постоянное изменение экономической структуры, по Шумпетеру, определяется давлением конкуренции, заставляющей предпринимателей находиться в постоянном поиске новых комбинаций производственных ресурсов. Одним из таких ресурсов выступает научно-технический прогресс, стимулирующий возникновение инноваций, т.е. новых идей, воплощенных в новые технологии и продукты. Таким образом, на экономические процессы серьезное влияние оказывают новые идеи, стимулирование развития которых является приоритетной задачей предпринимателей. Идея Й. Шумпетера как раз и состояла в том, что экономическое развитие не есть лишь результат воздействия безличных рыночных сил, оно реализуется через предпринимательские нововведения, представляющие собой новые комбинации факторов производства. Быстрая смена идей порождает нестационарный характер развития экономики, которая воспроизводится не в прежних формах и масштабах, а с эволюцией, т.е. трансформацией исходного состояния. И новые ресурсы производятся и воспроизводятся с эволюцией, т.е. с ростом. Способом их производства с эволюцией выступает «комбинирование знания»,

⁸ Знание часто является общим сигнификатом интеллектуальных ресурсов, хотя, например, такие структурные компоненты интеллектуального капитала, как человеческие ресурсы, организационные ресурсы и потребительские ресурсы, по содержанию, конечно, шире, чем явное или неявное знание.

т.е. такое объединение интеллектуальных усилий предпринимателя и изобретателя, которое способствует появлению новых товаров, методов производства, рынков, материалов и организаций. Следовательно, «комбинирование знаний» означает, *во-первых*, сочетание знаний, касающихся различных форм деятельности предприятия/фирмы — создания новых товаров, новых методов производства, новых логистических схем, новых форм организации и т.д. *Во-вторых*, «комбинирование знаний» охватывает взаимодействие различных агентов изменений, занятых на предприятии. *В-третьих*, принцип предпринимательства распространяется на всех участников создания нового знания. В современной экономике предприниматель выступает партнером изобретателя, распознающим ценность нововведения, осваивающим его и представляющим рынку. Предпринимательство является эквивалентом инновационности, позволяющей предпринимательскому бизнесу добиться более или менее длительного конкурентного преимущества на рынке. Однако для Шумпетера комбинированию подвергалось прежде всего формализованное знание, он не придавал особого значения неявному знанию.

Концепция социально-культурного взаимодействия в организации. В теориях организационной культуры производство знания рассматривается в рамках моделей, описывающих возникновение и передачу культуры как совокупности ценностей и устойчивых образцов поведения в ходе социального взаимодействия в организациях. В работах сторонников теории «человеческих отношений» организационная культура рассматривается как убеждения и знания, передаваемые в организации посредством механизмов организационно-культурной интеграции ее членов и адаптации организации в целом к окружающей среде. Производство и воспроизводство знания в ходе социально-культурного взаимодействия связано с трактовкой организации в качестве некоторого сообщества индивидов, использующих свою идентификацию с организацией для мобилизации интеллектуальных ресурсов при возникновении внутренних и внешних проблем жизнедеятельности организации. В этом отношении организации, обладающие потенциалом интеграции, могут воспроизводить и усиливать организационную культуру, тогда как неинтегрированные организации становятся перед проблемой распада. Важно подчеркнуть, что воспроизводство знания и убеждений осуществляется в ходе организационной практической деятельности и неразрывно с ней связано. Процесс интерпретации приобретает здесь кардинальное значение. В этом отношении мир становится осмысленным, когда интерпретируются события, вещи и взаимодействия. Вещи существуют. События происходят, а взаимодействия осуществляются, когда они имеют смысл.

Концепция воспроизводства интеллектуальных ресурсов в теории «ресурсной организации». Создание ресурсной теории организации связано с практическими и теоретическими условиями. В практическом смысле на формирование данной концепции повлияло изменение условий конкуренции фирмы на рынке из-за перехода современной экономики от статичного состояния к подвижности, связанной и с разнообразием быстро изменяющихся потребностей клиентов, и с исчерпанием потенциала прежних факторов производства, и с расширением возможностей рынка в условиях глобализации. В теоретическом отношении прежняя неонституциональная концепция фирмы как системы нерыночных институтов, направленных на экономию транзакционных издержек, подверглась критике и стала заменяться концепцией фирмы как социального образования, конкурентным преимуществом которого выступали факторы социально-культурного порядка.

Впервые теория ресурсной организации появляется в работах Э. Пенроуз в конце 1950-х годов. В работе «**Теория роста фирмы**» (1959) Э. Пенроуз рассматривает фирму как неделимый фонд производственных, физических и человеческих ресурсов, которые используются в единстве и создают конкурентные преимущества для фирмы. Обучение в процессе производства и создание дополнительной стоимости приводит к росту фирмы. Следствием роста является избыток высокоспецифических ресурсов фирмы (например, знаний рабочих или уникального оборудования), которые сохраняются и умножаются только внутри самой фирмы. По Пенроузу, возможность накопления специфических ресурсов организации является основанием существования фирмы.

В 1980-х годах вновь возникает интерес к ресурсной теории, и она разрабатывается применительно к новым экономическим и социальным условиям. В аспекте создания интеллектуального капитала организации данная теория делает акцент на производстве следующих его форм: 1) *формирование способностей организации (building-capacity)*; 2) *производство институтов* на основе когнитивных процессов взаимодействия в организации.

Понятие способностей как организационно-специфических ресурсов фирмы было введено Дж. Ричардсоном в 1972 г. Для него способности — это знания, умения и опыт осуществления различных видов производственной деятельности. Некоторые виды деятельности схожи, т.е. требуют схожих способностей, часть из них может дополнять друг друга как в техническом, так и в экономическом смысле, т.е. они соединяются в процессе производства и должны быть координируемы. Взаимосвязь такого рода видов деятельности и способностей создает спектр возможных организационных и межфирменных форм взаимо-

действия (например, сильно дополняющие виды деятельности требуют общей собственности или тесной межфирменной долгосрочной кооперации). Д. Тис, Дж. Пизано и А. Шуен в работе «Динамические способности и стратегический менеджмент» (1991) вводят понятие «динамические способности» (*dynamic capabilities*), которые они определяют как потенциал фирмы в интегрировании, создании и реконфигурации внутренних и внешних компетенций для соответствия быстро изменяющейся среде. Динамические способности отражают потенциал организации в достижении новых и инновационных преимуществ. Авторы выделяют следующие виды динамических способностей, или «компетенций»: 1) активы (уникальные технологические, финансовые, репутационные ресурсы); 2) координационные/управленческие структуры (обеспечивают организационно-специфические координацию, обучение, реконфигурацию способностей); 3) траектории развития (эволюционный путь, который прошла организация, как ограничитель возможностей дальнейшего развития).

Формирование способностей является важной задачей организации нового типа. В целом способность организации проводить свою политику развития определяется не только имеющимися ресурсами, но и условиями организации менеджмента, что означает преобразование ряда значимых процессов и структур. Это формирование идеологических способностей организации, т.е. способности к производству легитимных идей, обеспечивающих легитимацию проводимой политики, идентификацию работников с проводимой политикой и доверие к ней. Это и формирование способности организации обеспечить такую структуру управления, которая учитывала бы современный характер самостоятельности в ее деятельности, ее определенную автономию и умение создавать благоприятные режимы развития. К совокупности способностей следует отнести и так называемые технические способности, т.е. умение создать экспертную среду и обеспечить необходимый качественный и количественный состав менеджеров, экспертов, их способности работать в новых условиях, а также включать в эту деятельность всех работников организации. К важным способностям организации относятся и способности к внедрению выработанных направлений развития, которые противодействовали бы партикуляристским интересам отдельных групп и создавали единое корпоративное действие. При этом организация может выбрать различную стратегию формирования своих способностей: 1) за счет трансформации внутренних условий деятельности, включая организацию менеджмента знаний; 2) за счет включения во внешние сетевые структуры, обеспечивающие рост знаний и компетенций в ходе обмена ресурсами знания;

3) за счет привлечения на временной основе специалистов-экспертов, обеспечивающих перестройку структуры, знаний и компетенций в организации. Как правило, современная организация выбирает весь комплекс стратегий, обеспечивая совершенствование своих интеллектуальных ресурсов.

Само понятие «построение способностей» является достаточно дискуссионным в силу его неопределенности. Некоторые полагают, что этот концепт не отличается от таких понятий, как «построение институтов», «институциональное усиление», «развивающий менеджмент». В целом «построение способностей» шире, чем обучение или система повышения квалификации; этот процесс охватывает все стороны деятельности организации, включая систему «развития человеческих ресурсов» (понимание, навыки, информация, знание, обучение, практика), «организационное развитие» (включая управленческие структуры, процессы и процедуры как внутри организации, так и систему отношений с окружающей средой), «институциональное развитие» (привычки, традиции, закреплённые формальные и неформальные нормы взаимоотношений). В этот процесс включается и формирование лидерства в организации, соответствующее ее новым задачам в условиях подвижной и неоднородной окружающей среды.

Динамическая модель создания знания. Икуджиро Нонака и Хиротака Такеучи в работе «Компания — производитель знания» (1991) представили данную модель на основе анализа опыта деятельности японских фирм (рис. 6.1). Авторы указывали, что взаимоотношения организации и изменчивого окружения не ограничиваются пассивным приспособлением, они включают в себя и активное взаимодействие. Организации способны изменяться, опираясь исключительно на собственные силы. Желая динамично реагировать на изменившееся окружение организация должна не только эффективно использовать информацию и знание, но и создавать их. Сотрудники организации должны не пассивно встречать инновации, а быть их активными проводниками.

По своей сути развитие знаний в организации представляет собой, по мнению этих авторов, спиралевидный процесс, охватывающий, с одной стороны, переходы между формальным и неформальным знанием (то, что они называют трансформацией знания), с другой — различные уровни знания, включая в себя индивидуальный, групповой, организационный и межорганизационный уровни. При этом знание отличается от информации. Самым значимым отличием является то, что знание связано с деятельностью, которая переводит поток сообщений в осмысление задач и целей деятельности.

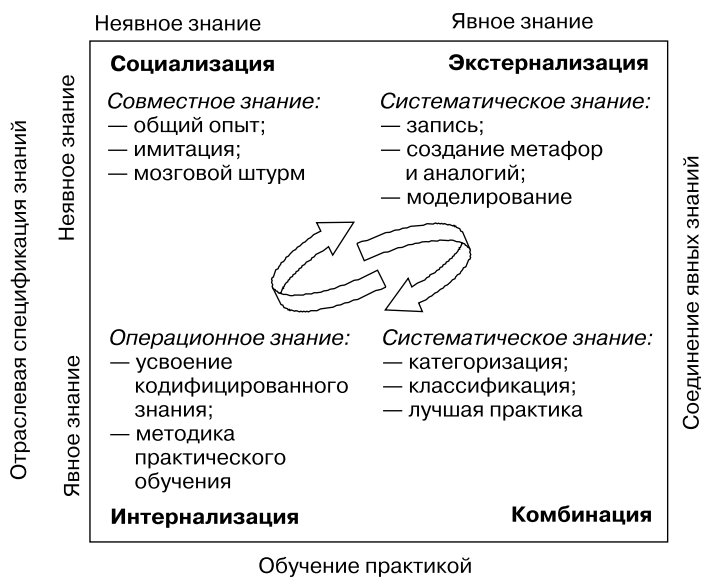

Рис. 6.1. Динамическая модель создания знаний Нонака—Такеучи

Трансформация знания делится на четыре вида — социализация, экстернализация, комбинация и интернализация знания (см. рис. 6.1). При этом четыре вида трансформации знания выполняют определенную задачу в ходе динамического взаимодействия формализованного и неформализованного знания. Социализация (переход знания из одного неформализованного в другое неформализованное) понимается как процесс распространения знания и создание тем самым знания неформализованного, например распространяемых интеллектуальных моделей и технических навыков. С нее начинается формирование определенного поля взаимодействия. *Экстернализация* связывает знание неформализованное и формализованное, в результате чего появляются метафоры, аналогии, концепции, гипотезы и модели. Экстернализация инициируется диалогом или коллективным размышлением. *Комбинация* знаний формирует новые системы в рамках формализованного знания, добавляя одни концепты к другим, развивая концептуальные положения и модели. Этот вид трансформации знания связывает новое и уже существующее знание, участвует в создании новых продуктов, услуг или систем управления. Интернализация знания представляет собой процесс воплощения формализованного знания в неформализо-

ванное; он тесно связан с тем, что называется «методикой обучения на практике».

Нонака и Такеучи выделяют *пять необходимых условий развертывания спирали создания знания* организацией. Первое условие они называют «намерением», принимающим форму стратегии: смысл стратегии состоит в развитии способности организации воспринимать знание, создавать, накапливать и использовать его. Второе условие создания знаний — это самостоятельность, или автономия. Создающая знание организация должна быть самовоспроизводящейся системой. Третье условие формирования знаний — это «встряска и созидательный хаос», т.е. создание условий для постоянного изменения порядка в организации. Значимым условием выступает избыточность информации, говорящая о том, что информации никогда не бывает много, т.е. организация должна стремиться преднамеренно иметь частично избыточную информацию о деловой активности, управленческих функциях и о компании в целом. Пятое условие связано с разнообразием информации как по содержанию, так и по каналам доступа к ней сотрудников.

Виды трансформации и условия раскручивания спирали знания в организации составляют содержание пятифазной модели процесса создания знаний: распространение неформализованного знания, создание концепции, проверка концепции, построение архетипа, переход знания на другой уровень. Как подчеркивают авторы концепции, результатом взаимодействия всех факторов (видов, условий, процессов) создания знаний в организации является инновация.

6.5. Сетевое научение

Сетевое научение (network learning) тесно связано с понятием «организационное научение». Понятие «организационное научение» (*organizational learning*) вошло в организационную теорию вместе с пониманием роли интеллектуального капитала в деятельности организации. Научение в этом смысле становится процессом производства и воспроизводства интеллектуального капитала организации. В противоположность старой организации, где научение отождествлялось с обучением, а последнее рассматривалось в качестве хотя и планомерного, но все же спорадического процесса, разделенного по времени обучения и работы, современная интеллектуальная организация находится в постоянном процессе научения, а следовательно, значе-

ние приобретает процесс управления получением знания. В этом отношении следует различать организационное научение и обучение⁹. **Организационное научение** является процессом изменения поведения организации (и людей в организации) под влиянием воздействия внутренних и внешних факторов организации. Научение осуществляется спонтанно в процессе жизнедеятельности организации. **Организационное обучение** представляет собой осознанное приобретение знаний и навыков поведения. В большинстве подходов организационное научение включает в себя и обучение, т.е. результатом такого научения будет изменение как поведения, так и сознания. Однако эти результаты не всегда совпадают. В этом отношении выделяют различные типы научения (рис. 6.2)¹⁰.

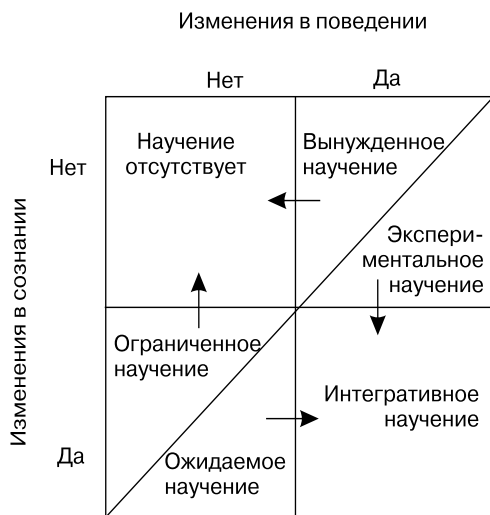

Рис. 6.2. Интегративная модель результатов научения

Научение отсутствует, когда не происходит изменений ни в поведении, ни в сознании. Вынужденное научение определяется влиянием

⁹ Различие между научением и обучением первоначально возникло в психологии поведения животных и человека как различие между спонтанным и сознательным приобретением опыта деятельности в конце XIX в. Потом это различие стало использоваться в социальной психологии, педагогике, социологии, теории организации, институциональной и сетевой методологии.

¹⁰ Knight L. Network learning: Exploring learning by interorganizational networks // Human Relations. 2002. Vol. 55. No 4. P. 433.

внешних факторов, заставляющих вести себя определенным образом в значительной мере неосознанно. Экспериментальное научение — это приобретение опыта путем проб и ошибок. Ограниченное обучение связано с изменением в сознании, однако не оказывает влияния на поведение. Часто оно является также формальным. Ожидаемое научение планируется и осуществляется сознательно, оно нацелено на изменение поведения, но только после соединения с практической деятельностью. Наконец, интегративное научение предполагает компетенции и навыки, которые осознаны и выражаются в изменении поведенческих практик.

В этом случае общая направленность изменений будет следующей: 1) научение превращается в перманентный процесс, связанный с решением основных задач организации и вплетенный в него, и затрагивает работников всех уровней; 2) особое внимание уделяется практическому знанию, «знанию как»; 3) акцент в обучении ставится скорее на процессах, чем на структурах и функциях, скорее на изучении опыта работы во многих организационных формах, работы в составе коллектива; 4) изменяется установка на обучение: внимание обращается преимущественно на формирование устойчивого интереса к самообучению, личной ответственности обучающегося за результаты обучения и получение знаний; 5) предпочтение отдается программам обучения, построенным на формировании умений производить оценивание деятельности, ее результативности и эффективности; вот почему технологии оценивания начинают применяться повсеместно; 6) современное научение и обучение нацелено на формирование инновационного мышления, методологическую культуру, восприимчивость к постоянному выбору новых решений и действий. М. Рубинштейн и А. Фирстенберг уподобляют интеллектуальную организацию человеческому организму, в котором «мыслит» не только разум, а все тело: «Информация в организации должна становиться общим достоянием, она должна превращаться в часть коллективной памяти, и тогда она сможет быть базисом общих представлений. Проблема в том, как сохранить информацию, как усвоить ее так, чтобы это знание стало частью живого организма организации, частью общей индивидуальности корпорации — каждого работника организации»¹¹.

Дж. Стоунхауз в работе «Управление организационным знанием» (1999 на русском языке) разбивает процесс научения в организации на две отличные друг от друга, но связанные между собой части цикла на-

¹¹ Рубинштейн М., Фирстенберг А. Интеллектуальная организация. Привнеси будущее в настоящее и преврати творческие идеи в бизнес-решения. М., 2003. С. 3.

учения: *индивидуальное научение и организационное научение*. Каждая из частей зависит от другой и связана с ней организационным контекстом (культура, структура и инфраструктура), который будет как способствовать, так и стимулировать научение индивидуумов и их групп. Оба цикла научения связаны с созданием нового и использованием уже имеющегося знания. Научение также связано с сохранением, распределением, передачей и координацией знаний. В свою очередь способность организации разрабатывать и улучшать базу знаний зависит от ее системы управления знаниями. Создание *культуры* научения предполагает приращение знаниям высокой ценности, стимулирование сомнений и экспериментирование через делегирование полномочий индивидуумам, создание атмосферы доверия для стимулирования обмена знаниями, практическое научение с целью обмена неявными знаниями. *Считается, что наиболее адекватной моделью структуры интеллектуальной организации считается сетевая организационная структура, которая как строится организацией внутри, так и используется вовне.* Информационная и телекоммуникационная *инфраструктура* создается для того, чтобы отдельные члены организации и вся организация могли наращивать свой интеллектуальный потенциал путем ускорения обучения.

Сетевое научение (network learning) представляет собой совокупность процессов спонтанного и сознательного изменения поведения индивидов, организаций и сетевого сообщества в целом под влиянием сетевой структуры взаимодействий и совместного знания в сетях. Условия, определяющие эффективность сетевого научения, связаны с основными характеристиками этой формы координации взаимодействий. Можно выделить следующие общие условия эффективного научения для участников сетевого взаимодействия: 1) чем больше разнообразие среди участников сети, тем выше вероятность заинтересованности передачи инструментального, нормативного и процедурного опыта и знаний; 2) чем выше интенсивность общения в сети, тем больше условий для формирования совместного опыта и знаний; 3) чем выше открытость сетевого взаимодействия, тем вероятнее, что плохой или хороший опыт будет служить научению; 4) «сила слабых связей»: они помогают получить доступ к большему количеству разнообразных ресурсов, но не способствуют инновационности; 5) плотные сети с сильными связями облегчают передачу неявного знания и противодействуют его оппортунистическому использованию; 6) в динамичной и сложной среде слабая сетевая структура в сочетании с плотными сетями повышает уровень инновационности; 7) чем больше в сети значимых узлов, тем вероятнее, что они будут выступать брокерами

по концентрации и передаче опыта и знаний; вместе с тем акторы, находящиеся на периферии сети, имеют больше возможностей получать не концентрированное знание, а новую информацию из окружающей среды; 8) чем больше доверия и открытости в сети, тем эффективнее усвоение инновационного опыта и знаний за счет формирующейся способности признавать и усваивать ценное знание.

Следует отметить, что сетевое научение понимается не только и не столько в смысле научения его участников (индивидов или организаций), но и научения сети как сообщества. Как пишут Луис Найт и Энни Пай, «при таком сетевом подходе изменение качеств сети, таких как совместные практики и процессы, будет являться демонстрацией сетевого научения. Сетевое научение по определению должно характеризоваться общесетевыми переменами качеств; в отсутствие этого нет сетевого научения»¹². В этом смысле сетевое научение происходит, когда наблюдаются перемены в трех основных областях сетевого взаимодействия: в сетевых интерпретациях, в сетевой структуре и в сетевых практиках. В сетевых интерпретациях в результате научения происходят перемены в методах оценки и осмысления общих проблем, когда растет значение общих ценностей, интересов и смыслов. В сетевой структуре изменения связаны с развитием обязательств по отношению к сети, когда формируются отношения взаимной зависимости и сотрудничества, множество локализованных и фрагментированных действий. В сетевых практиках возрастает значение ориентированности на участников сетей и их возможности получать дополнительные ресурсы не только от взаимного обмена, но и за счет сети в целом.

Ключевые слова

Знание, сети знаний, менеджмент знаний, инновации, инновационные сети, сетевое научение, организационное научение.

Литература

Быков И. А. Сетевая политическая коммуникация: теория, практика и методы исследования. СПб.: ФГБОУ ВПО «СПГУТД», 2013.

Информационная эпоха: вызовы человеку / Под ред. И. Ю. Алексеевой и А. Ю. Сидорова. М.: РОССПЭН, 2010.

Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург, 2004.

Мильнер Б. З. Управление знаниями: Эволюция и революция в организации. М., 2003.

¹² *Knight L., Pye A.* Network learning: Exploring learning by interorganizational networks // Human Relations. 2002. Vol. 55. No 4. P. 433.

Нонака И., Такеучи Х. Компания — создатель знания. Зарождение и развитие инноваций в японских фирмах. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2003.

Рубинштейн М., Фирстенберг А. Интеллектуальная организация. Привнеси будущее в настоящее и преврати творческие идеи в бизнес-решения. М., 2003.

Стоунхаус Дж. Управление организационным знанием // Менеджмент в России и за рубежом. 1999. № 1.

Химанен П., Кастельс М. Информационное общество и государство благосостояния: Финская модель. М., 2002.

Considine M., Lewis J., Alexander D. Networks, Innovation and Public Policy: Politicians, Bureaucrats and the Pathways to Change inside Government. Houndsmills, UK: Palgrave, 2009.

Knight L., Pye A. Network learning: An empirically derived model of learning by groups of organizations // Human Relations. 2005. Vol. 58. No 3.

Nieves J., Osorio J. The role of social networks in knowledge creation // Knowledge Management Research & Practice. 2013. No 11.

Вопросы и задания

1. Чем знание отличается от информации? Каково его значение для эффективности деятельности организации?
2. Как сетевая структура воздействует на коммуникационные процессы?
3. Найдите в Интернете сети знаний в политике и опишите их возможности.
4. Почему возникает потребность в менеджменте знаний? Какова роль менеджмента знаний в сетях?
5. Чем отличается научение от обучения? Есть ли связь между научением и обучением?
6. В чем смысл сетевого научения? Как сети способствуют и препятствуют научению?

РАЗДЕЛ II

**МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКИХ СЕТЕЙ**

ГЛАВА 7

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ СЕТЕЙ

► В данной главе раскрываются основные подходы к сетевому моделированию, основанному на теории графов, методы построения социограмм и критерии описания сетевых моделей. Авторы рассматривают и сравнивают основные программные продукты, используемые для сетевого анализа, а также демонстрируют различные примеры сетевого моделирования в анализе публичной политики. Кроме того, в главе даются подходы к сбору данных для моделирования политических сетей. ◀

7.1. Теория графов и сетевой анализ

Как мы уже отмечали ранее, сети в политической науке часто воспринимаются как метафоричное описание структур взаимодействия акторов в процессе выработки и принятия решений. Однако необходимость изучения системы отношений между субъектами публичной политики требует разработки соответствующего методического аппарата, основанного в том числе и на количественных методах анализа. Одной из популярных стратегий сетевых исследований уже давно является моделирование политических сетей.

Сетевая модель — это представленный в виде рисунка образ сети, состоящей из узлов и связей между ними.

Моделирование приобретает особое значение при рассмотрении объектов, а также экономических, социальных и политических процессов, которые довольно сложно отследить, что, безусловно, характеризует и сетевую публичную политику. В современных общественных науках широко применяются математические модели. Первые сетевые модели появились в теории графов в дискретной математике. Родоначальником теории графов принято считать Леонарда Эйлера, который в 1736 г. решил известную проблему семи мостов в Кенигсберге, — в старинной математической задаче спрашивалось, как можно прой-

ти по всем семи мостам Кёнигсберга, не проходя ни по одному из них дважды. Эйлер нашел математическое доказательство того, что, начав с некоторой точки, невозможно пройти все мосты и вернуться в исходную точку, не пройдя один из мостов дважды.

Графы бывают ориентированные и неориентированные.

Неориентированным графом $G(V, E)$ называется совокупность двух множеств: непустого множества V (множества вершин) и множества E , которое является множеством неупорядоченных пар элементов из V (множества ребер). В свою очередь **ориентированный граф (орграф)** — это граф, ребрам которого присвоено направление. Такие ребра принято называть дугами.

Примеры неориентированного и ориентированного графов представлены на рис. 7.1. В анализе политических сетей направление связей особенно важно, так как оно показывает вектор трансфера ресурсов, политическое влияние, поддержку, доверие. Следует упомянуть также о таком типе моделей, как *эгоцентрическая сеть, демонстрирующая структуру отношений одного актора с другими участниками*.

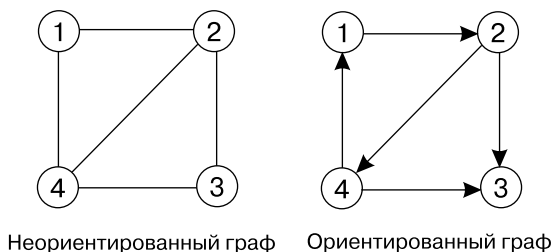

Рис. 7.1. Примеры неориентированного и ориентированного графов

Постепенно теория графов, разрабатывавшаяся в математике, стала актуальной и в других научных дисциплинах: физике, механике, биологии и др. В социологии теория нашла применение в построении социограмм. Основателем этого направления стал Якоб Леви Морено, который предложил термин «социометрия» для обозначения исследований систем отношений между индивидами. По его мнению, общество не является агрегированной совокупностью индивидов и их характеристик, как обосновывают статистики, а представляет собой структуру межперсональных связей¹. Поэтому базовым социальным

¹ Морено Я. Л. Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе / Пер. с англ. А. Боковикова, под науч. ред. Р. А. Золотовицкого. М.: Академический проект, 2001.

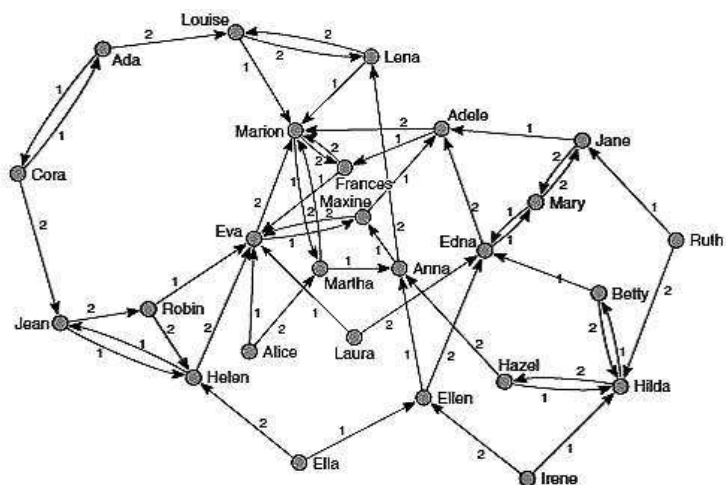

Рис. 7.2. Социограмма желаемых партнеров по обеденному столу

элементом является не просто индивид, а индивид (актор) вместе со своими социальными, экономическими и культурными связями. Эти элементы объединяются в группы, которые и формируют в итоге общество. Социометрия изучает структуру малых групп, в частности социальный выбор в малых группах. Например, в рамках данной методологии строятся социограммы связей дружбы, сотрудничества, авторитета и т.д. На рис. 7.2 продемонстрирован граф, полученный Я. Л. Морено в результате опроса 26 девушек, которые жили в одном общежитии при Нью-Йоркской школе². Каждая из них должна была ответить на вопрос, с кем из остальных девушек ей хотелось бы сидеть за обеденным столом. Учитывались только два приоритетных выбора. Направление дуг показывает вектор выбора, т.е. если девушка выбирала кого-то в качестве партнера по обеду, то в социограмме от ее вершины исходила дуга по направлению к выбранной девушке. Данный граф демонстрирует структуру отношений в группе. Он не только показывает, кто из девушек наиболее популярен, но и позволяет оценить, от кого исходит выбор. Например, Хильда была выбрана четырьмя другими девушками, двух из которых она выбрала сама. Но больше никто из этих девушек не выбран, поэтому Хильда находится на периферии социограммы, в то время как Францес, которую выбрали всего два раза, находится в центре структуры, так как ее выбрали

² *Moreno J. L. The Sociometry Reader. Glencoe, Ill.: The Free Press, 1960.*

две «популярные» девушки. Отметим, что стандартный подсчет количества выборов этого не показал бы.

Необходимо подчеркнуть, что социометрия не является единственной традицией в общественных науках, которая фокусируется на социальных связях. Антропологи изучают родственные и дружеские отношения, психологи — чувства, экономисты — торговые и организационные связи между фирмами, наконец, политологи фокусируются на властных отношениях.

Теория графов дает нам возможность использования широкого спектра количественных измерений, некоторые из них были представлены в главе «Сетевая политическая коммуникация». В моделировании политических сетей вершинами будут акторы, а ребрами (дугами) — возникающие между ними связи. Изучая сети, нам необходимо выявить наличие направления сетевых связей. Связь имеет направление, если от одного актора к другому осуществляется коммуникация или передача ресурсов. Однако, если в исследовании невозможно определить направление связи, мы строим неориентированную сетевую модель (или модель, где все связи являются двусторонними). Такая ситуация может возникнуть, когда в качестве источника данных о наличии сетевых отношений выбираются, например, такие формы сетевого политического участия, как общественные советы или ассоциации, членами которых являются разные акторы. В этом случае не всегда возможно достоверно установить направление связей.

Можно анализировать сети на различных уровнях. По мнению российского социолога и автора работ по анализу социальных сетей Г. В. Градосельской³, сетевой подход является по своему потенциалу одной из самых перспективных стратегий межуровневого анализа. Особенно востребованной может стать возможность сравнить между собой разные сетевые структуры — рабочие группы, межорганизационные ассоциации, сети партнерских контактов, социальные и биографические сети. На первом этапе исследования происходит отбор данных о каждом участнике сети, составе акторов, их связях и направлениях этих связей. В политических сетях нередко акторы имеют разные типы связей, поэтому в выборку для анализа можно включать и данные о различных типах отношений. Если подняться на уровень выше, то небольшие сети (кластеры) можно рассматривать как новые единицы анализа и проанализировать связи между ними. Тогда структурно-эквивалентная концепция ослабляется и на первый план выступает идентификация ролей и позиций акторов⁴.

³ Градосельская Г. В. Сетевые измерения в социологии: Учеб. пособие. М., 2004. С. 50.

⁴ Там же.

Кластеризация также выступает методом сетевого моделирования.

Кластер — это совокупность сетевых акторов, между которыми возникают достаточно тесные сетевые отношения, характеризующиеся высокой степенью сплоченности.

Выделение кластеров в политических сетях формирует клики и кланы, характеризующиеся стабильностью и концентрацией ресурсов.

Сбор данных для построения сетевых моделей нередко вызывает серьезные затруднения у исследователей. Помимо описанных в главе 2 опросов методом «снежного кома» в сетевом политическом анализе применяются следующие основные методы сбора данных:

- контент-анализ средств массовой информации;
- анализ статистических данных и официальных документов;
- ивент-анализ общего участия в событии или институте публичного взаимодействия.

Контент-анализ СМИ. Приведем пример использования анализа новостных сообщений в СМИ для определения постоянных и наиболее значимых акторов сетевого взаимодействия в телекоммуникационной отрасли. В данном случае нами был проведен анализ новостных и аналитических материалов деловых и общественно-политических средств массовой информации за 2009 г. Для исследования были выбраны следующие ресурсы: статьи ИД «Коммерсантъ» (журналы «Власть», «Деньги», газета «Коммерсантъ»), Эксперт Online 2.0, ежедневная деловая газета «РБК Daily», новости Российского союза промышленников и предпринимателей, общероссийских общественных организаций «Деловая Россия» и «Опора России». В результате было подсчитано количество упоминаний акторов телекоммуникационной отрасли в материалах, где упоминались одновременно и государственные, и негосударственные субъекты. Наиболее значимые результаты мониторинга по сегменту сотовой связи представлены в табл. 7.1. Полученные данные можно использовать для построения 4 эгоцентричных моделей политической сети в сегменте сотовой связи в России, состоящих из ненаправленных связей, имеющих разную силу. Однако существуют ограничения и этого метода, которые заключаются главным образом в репрезентативности полученных данных: довольно сложно проанализировать весь спектр СМИ, выявляются лишь публичные коммуникации, большая часть новостных сообщений основана на официальных пресс-релизах заинтересованных сторон, частота упоминаний используется в отрыве от контекста и т.д.

	1	2	3	4
1	0	1	0	1
2	1	0	1	1
3	0	1	0	1
4	1	1	1	0

a

	1	2	3	4
1	0	1	0	0
2	0	0	1	1
3	0	0	0	0
4	1	0	1	0

б

Рис. 7.3. Матрицы сопряженности для графов, изображенных на рис. 7.1: *a* — матрица сопряженности для неориентированного графа; *б* — матрица сопряженности для ориентированного графа

Обычно для построения сетевой модели собранные данные систематизируют в виде матрицы смежности, в которой отражают наличие связей между акторами, их направление и силу (интенсивность). Отсутствие связи обозначается нулем, наличие — положительным числом в зависимости от силы связи. Например, на рис. 7.3 представлены матрицы смежности для графов, изображенных на рис. 7.1. В данном случае сила связей во всех случаях одинакова, поэтому в матрицах сопряженности связи обозначены единицей.

Таблица 7.1

Результаты мониторинга новостных и аналитических материалов, затрагивающих сферу телекоммуникационной политики в России за 2009 г.

Актор	Количество упоминаний	С какими акторами чаще упоминался (количество упоминаний вместе)
Министерство связи и массовых коммуникаций РФ (включая все подчиненные ведомства)	97	РСПП (57), Президент РФ (33), ОАО «Связьинвест» (30), ОАО «Ростелеком» (20), Председатель Правительства РФ (18), «Деловая Россия» (14), ОАО «МТС» (13), ОАО «ВымпелКом» (11), ОАО «Мегафон» (11), Ассоциация региональных операторов мобильной связи (9)
Российский союз промышленников и предпринимателей	72	Минкомсвязь (57), Председатель Правительства РФ (43), Комитет ГД по информационной политике, информационным технологиям и связи (31), ОАО «МТС» (27), ОАО «Мегафон» (26), ОАО «Вымпелком» (22)

Окончание табл. 7.1

Актор	Количество упоминаний	С какими акторами чаще упоминался (количество упоминаний вместе)
Федеральная антимонопольная служба	43	ОАО «Связьинвест» (21), ОАО «Мегафон» (12), ОАО «МТС» (10), ОАО «Вымпелком» (10), Минкомсвязь (8)
Федеральная служба по тарифам	22	ОАО «Связьинвест» (13), Минкомсвязь (9), РСПП (5)

7.2. Программное обеспечение для сетевого моделирования

Для моделирования и визуализации сетей применяется специализированное программное обеспечение, которое облегчает количественный и качественный анализ сетевых структур посредством описания сетевых характеристик и наглядного представления результатов первичных данных. Существует довольно много программных продуктов для сетевого анализа. Например, в данном учебнике для построения сетевых моделей использовались *Pajek* или *UCInet 6* (в пояснении к рисункам указано, какое конкретно программное обеспечение было использовано в каждом случае)⁵. Большим преимуществом *Pajek* является тот факт, что помимо Руководства пользователя разработчики также выпустили доступный и достаточно подробный учебник по использованию этого программного обеспечения в сетевом анализе⁶.

Использование современных технологий позволяет решать следующие задачи анализа сетей:

- визуализацию сетей на основе данных об акторах и сетевых отношениях;
- выделение кластеров и подгрупп;
- выявление параметров сети (средней степени, централизации, связанности и др.);
- определение ролей сетевых акторов.

⁵ Программное обеспечение *Pajek* можно бесплатно скачать по ссылке с официальной страницы. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://vlado.fmf.uni-lj.si/pub/networks/pajek/>. Там же можно найти и скачать Руководство пользователя.

Программное обеспечение *UCInet* и Руководство пользователя доступны по адресу: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.analytictech.com/ucinet/>. Бесплатный период использования — 60 дней.

⁶ *Nooy W. de, Mrvar A., Batagelj V. Exploratory Social Network Analysis with Pajek*. Cambridge University Press, 2005.

В социальной теории позиция и роль являются важными и взаимосвязанными понятиями. Предполагается, что, занимая определенную позицию в сети, каждый актер выполняет какую-либо сетевую функцию (роль). Исполнение данной функции включает в себя поддержание определенного набора отношений с другими актерами, а также реализацию стратегии, важной для конкретного актора и сети в целом. В анализе политических сетей мы концентрируемся на моделях отношений. Таким образом, положение каждого актора приравнивается к определенной структуре коммуникационных связей. Следовательно, описывая каждого актора набором характеристик, мы можем определить, какую роль играет данный актер в сетевом взаимодействии.

По данным Википедии, в настоящее время существует более 70 различных программ, используемых для моделирования и анализа сетей⁷.

По функционалу и области применения принято выделять три группы программ для сетевого анализа⁸:

- «полного цикла», которые включают обработку данных, элементы дескриптивной статистики, модуль визуализации и т.д.;
- «неполного цикла», в которых не реализованы некоторые модули программ «полного цикла»;
- «узкой специализации», которые созданы для решения специальных задач.

Рассмотрим наиболее популярные сегодня программные продукты для сетевого анализа.

UCINet u NetDraw. Этот пакет программ, которые обычно используются совместно (NetDraw идет в качестве бесплатного дополнения к UCINet), является одним из первых и самых авторитетных. Его разработчиками стали признанные специалисты в области сетевого анализа С. Боргатти, М. Эверетт и Л. Фриман. В открытом доступе представлен онлайн-учебник, посвященный сетевому анализу с использованием данного пакета⁹. Здесь представлен почти полный функционал для исследования сетей — методы измерения центрально-

⁷ Social network analysis of tware. Материал из Википедии — Свободной энциклопедии. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/Social_network_analysis_software.

⁸ Быков И. А. Сетевая политическая коммуникация: Теория, практика и методы исследования: Монография. СПб.: ФГБОУ ВПО «СПГУТД», 2013. С. 80.

⁹ Hanneman R. A., Riddle M. Introduction to social network methods Riverside, CA: University of California, Riverside. 2005. URL: <http://faculty.ucr.edu/~hanneman/nettext/>.

стей, связанности, обнаружение подгрупп, выявление ролей, а также некоторые статистические процедуры. Пакет программ поддерживает и трансфер данных в другие пакеты для сетевого анализа. К его недостаткам можно отнести то, что имеется ограничение по количеству обрабатываемых вершин (не более 32 767) и многие процедуры выполняются медленно уже на 5 тыс. вершин, поэтому для анализа больших сетей он не пригоден. Хотя отметим, что данный минус значим для анализа социальных сетей, в которых количество узлов может быть огромным, в политических сетях же обычно число акторов измеряется десятками.

Pajek. Название происходит от словенского слова «паук» — разработчиками данного инструмента являются словенские ученые и программисты. Эта программа предназначена для анализа больших сетей, состоящих из сотен тысяч или даже миллионов вершин. Однако простота интерфейса (рис. 7.4), отсутствие платы за установку и наличие качественного учебника для эксплоративного анализа сетей делают данный пакет очень популярным, в том числе и для изучения политических сетей.

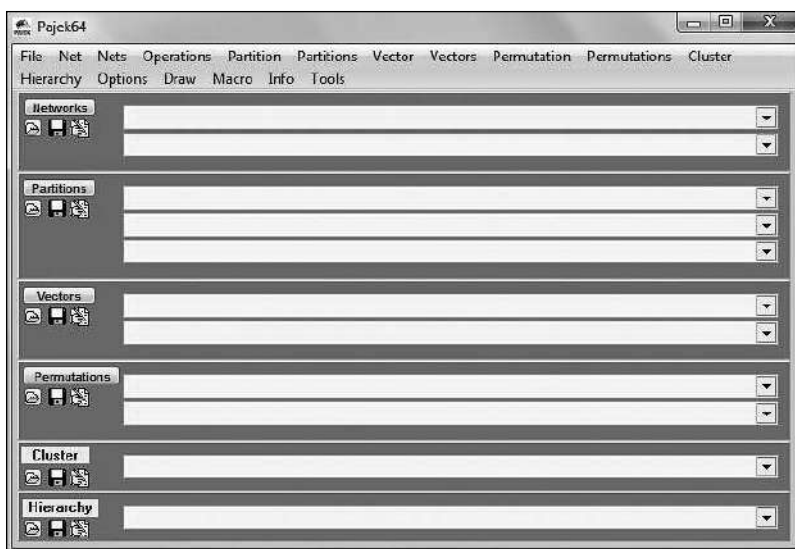

Рис. 7.4. Интерфейс программного обеспечения для сетевого анализа *Pajek*

Gephi¹⁰. Данный инструмент также является бесплатным и поэтому достаточно популярным в современных сетевых исследованиях. У этой платформы удобный интерфейс и широкие возможности визуализации (в том числе и 3D) различных типов сетей и графов. Отличительной особенностью данной платформы также является наличие открытого кода, что позволяет продвинутым исследователям разрабатывать необходимые для конкретных исследований плагины, т.е. динамически подключаемые приложения, предназначенные для расширения и/или использования ее возможностей.

NetMiner¹¹. Это платная программа, используемая в сетевых исследованиях. По отзывам пользователей, она имеет один из наиболее удобных интерфейсов в сравнении с другими подобными продуктами. Отличительной особенностью является возможность навигации по отдельным участкам сетевой структуры. На данной платформе реализован весь спектр описательных статистических методов, а также широкие возможности представления данных.

STATISTICA Neural Networks¹². Единственный в мире программный продукт для нейросетевых исследований, полностью переведенный на русский язык. По словам разработчиков, этот пакет предлагает множество уникальных преимуществ и богатых возможностей, так как методологии нейронных сетей получают все большее распространение в самых различных областях деятельности — от фундаментальных исследований до практических приложений анализа данных, бизнеса и промышленности.

Как отмечает большинство авторов, описывающих программное обеспечение для сетевого анализа, сравнение данных платформ является довольно сложной задачей, так как каждая из них обладает определенным функционалом, направленным на решение конкретных проблем в исследовании сетевых структур. Безусловно, наличие широкого выбора инструментов предоставляет исследователю множество возможностей. В то же время в своих работах ученые обычно используют 1–2 программы, которые дополняют друг друга.

Попытаемся представить основные характеристики наиболее популярных программных продуктов в сравнительной перспективе (табл. 7.2).

¹⁰ *Gephi*. The Open Graph Visualization Platform. URL: <https://gephi.org/>.

¹¹ *Net Miner*. Software for Social Network Analysis. URL: <http://www.netminer.com/index.php>.

¹² *STATISTICA Neural Networks*. URL: http://statsoft.ru/products/STATISTICA_Neural_Networks/.

Таблица 7.2

Сравнительные характеристики программных платформ для сетевого анализа

Программное обеспечение	Данные	Дескрип- тивная статистика	Процедуры	Модели- рование	Визуа- лизация	Дружест- венность интерфейса
UCInet и NetDraw	++	+	++	++	+	+
Pajek	+	++	+	++	+–	+–
Gephi	++	+–	+	++	++	++
NetMiner	++	++	++	++	+–	+–
STATISTICA Neural Networks	++	+–	+–	+–	+–	++

Примечание: «+» — функция присутствует минимально, «+–» — функция присутствует, но реализована с некоторыми недостатками, «++» — функция реализована на высоком уровне.

Источник: Быков И. А. Сетевая политическая коммуникация: Теория, практика и методы исследования: Монография. СПб.: ФГБОУ ВПО «СПГУТД», 2013. С. 85.

7.3. Модели политических сетей

Методики сетевого моделирования нашли широкое применение в современных политических исследованиях. Использование количественных методов и механизмов визуализации делает сами работы и их результаты более наглядными, интересными и аргументированными. В данном разделе мы продемонстрируем возможности сетевого моделирования в анализе публичной политики и рассмотрим, каким образом можно интерпретировать полученные модели и их характеристики для объяснения механизмов выработки и принятия политико-управленческих решений.

Проблемная сеть в сегменте сотовой связи РФ. В 2009–2010 гг. в Министерстве связи и массовых коммуникаций РФ было создано несколько рабочих групп по уточнению существующих и разработке новых нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность операторов сотовой связи, функции надзорных органов и механизмы функционирования данного сегмента. В нашем исследовании мы попытались выяснить, каким образом в процессы выработки решений были включены различные акторы. Сегмент сотовой связи в России характеризуется ограниченным количеством субъектов рынка, общественных структур и институтов регулирования. Сам рынок очень конкурентный, поэтому компании, оперирующие на рынке, являются скорее соперниками, а не партнерами. Основываясь на таких характеристиках

сегмента, мы предположили, что сетевое взаимодействие здесь может носить скорее проблемный характер. Как мы уже упоминали выше, проблемные сети (*issue networks*) характеризуются ограниченной степенью взаимозависимости. Стабильность и постоянство, т.е. минимизация сетевой динамики, являются ключевыми факторами таких сетей, а структура имеет склонность к атомистичности¹³. Взаимодействие акторов осуществлялось в рамках нескольких форм публичного сетевого участия: рабочих групп при министерстве, экспертных советов и нескольких совещаний. Таким образом, в качестве метода сбора данных выступил ивент-анализ. Сетевые коммуникации были выявлены на основе данных с официального сайта Министерства связи и массовых коммуникаций (<http://minsvyaz.ru>). Ресурсами, которыми акторы обменивались в процессе взаимодействия, были экспертные оценки и властные полномочия. Выявление характера обмена ресурсами между акторами дало возможность определить направления связей.

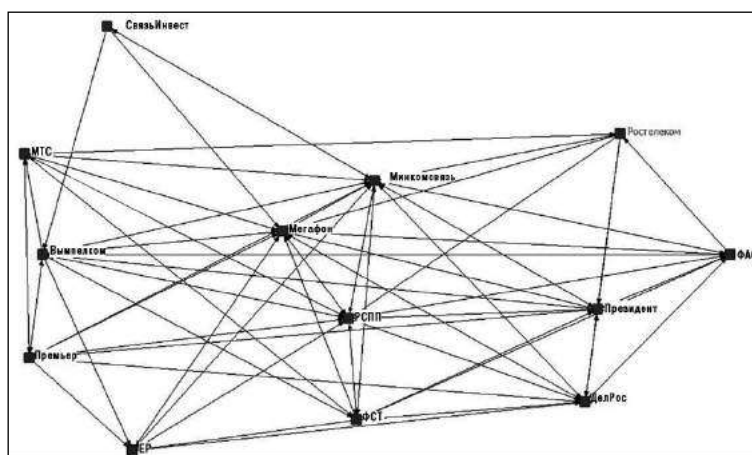

Рис. 7.5. Проблемная сеть в сегменте сотовой связи в РФ на федеральном уровне (13 акторов)

Результаты обработки данных и моделирования проблемной сети представлены на рис. 7.5, выполненном в программе *UCINet 6*. Нами были выделены 13 ключевых акторов, связи между которыми носили устойчивый характер. Таким образом, данная сетевая модель показывает систему отношений, возникшую между акторами, которые участ-

¹³ Rhodes R. Policy Network. A British Perspective // Journal of Theoretical Politics. 1990. Vol. 2. No 3.

вовали в работе коллегиальных органов, экспертных советов и рабочих групп по подготовке проектов норм, регулирующих сегмент сотовой связи. Визуализация данных взаимодействий дает нам возможность увидеть, что центральную роль в этом публичном поле играли следующие акторы: Министерство связи и массовых коммуникаций, Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП) и ОАО «Мегафон».

Эти акторы характеризуются наибольшим количеством входящих связей, что свидетельствует о том, что они выступали основными реципиентами трансфера ресурсов. Получается, что ОАО «Мегафон» в данной проблемной сети обладало большим влиянием на процессы выработки и принятия решений по сравнению с другими операторами сотовой связи. В то же время подчеркнем, что эксплоративный характер исследования лишь дал возможность сформулировать дальнейшие вопросы и гипотезы. Ключевым фокусом сетевого анализа публичной политики является определение взаимосвязей между структурой сетевого взаимодействия и результатами процессов выработки и принятия политико-управленческих решений. Поэтому следующим этапом исследования должен стать поиск ответов на вопросы, почему именно эти акторы являются ключевыми в данной проблемной сети и как это повлияло на принятые решения. В этом смысле непубличность процессов выработки политики в современной России ставит серьезные препятствия перед исследователями. Мы лишь предположили, что ключевым фактором, объясняющим роль ОАО «Мегафон» в сетевых интеракциях, стал тот факт, что компания была близка к бывшему министру информационных технологий и связи (Министерство было переименовано в 2008 г.) Л. Д. Рейману. Однако обосновать данный вывод на момент проведения исследования не представлялось возможным. Что касается роли РСПП, то эта ассоциация крупного бизнеса традиционно считается влиятельным институтом, что и подтверждает в нашей сетевой модели.

Пример ввода данных в программу для сетевого анализа UCINet 6

Для моделирования описываемой проблемной сети собранные данные были представлены в текстовом редакторе для дальнейшего импортирования в UCINet 6.

```
dln = 13
```

```
format = fullmatrix
```

```
labels:
```

```
Минкомсвязь, РСПП, ФАС, ФСТ, МТС, Мегафон, Вымпелком, Президент,  
Премьер, ДелРос, СвязьИнвест, Ростелеком, ЕР
```

```
data:
1 1 1 1 0 1 1 1 1 1 1 1 1
1 1 1 1 1 1 1 1 1 1 0 0 1
1 0 1 0 0 1 0 1 0 1 0 1 0
1 1 1 1 0 1 0 1 0 1 0 0 1
1 1 0 1 1 1 0 0 1 0 0 1 0
1 1 1 0 0 1 1 0 0 1 0 0 1
1 1 1 1 1 1 0 0 1 0 0 0 1
1 0 0 0 0 1 1 0 0 0 0 0 0
1 1 0 0 1 1 1 1 0 1 0 0 1
1 0 1 0 0 1 0 1 0 0 0 0 0
1 0 0 0 0 1 1 0 0 0 0 0 0
1 1 0 0 1 1 0 1 0 1 0 0 0
1 1 0 0 0 1 0 0 0 1 0 0 0
```

Примечание: *n* — количество вершин; *format* — формат матрицы сопряженности (полная матрица); *labels* — названия вершин по порядку; *data* — матрица сопряженности.

Политическая сеть в телекоммуникационной отрасли в Испании.

Хорошим примером демонстрации публичности политического процесса является сетевой анализ телекоммуникационной политики в Испании. Политологи Д. Санчо и Х. Хордана исследовали политическую сеть в процессе либерализации телекоммуникационного рынка в Испании¹⁴. Сравнительный анализ политической сети в 1996 г. (рис. 7.6) и 1999 г. (рис. 7.7) показал в том числе и трансформацию ролей различных акторов сетевого взаимодействия. Например, за три года число изолированных акторов значительно уменьшилось, снизилась и роль посредников в политической сети. Как мы видим на представленных рисунках, политическая сеть, хоть и представляет собой динамическую структуру, характеризуется наличием довольно прочных и стабильных отношений между политическими акторами.

Авторы приходят к выводу, что либерализация рынка не только сформировала конкурентную среду, но и детерминировала развитие сетевых взаимодействий в процессе выработки и реализации публичной политики в отрасли. Также в исследовании отмечается, что увеличение количества сетевых акторов и связей между ними заставляет участников вырабатывать более сложные и долгосрочные стратегии поведения. В свою очередь для долгосрочных стратегий важное значение имеют стабильность и прочность сетевых отношений, поэтому сеть становится более устойчивой и характеризуется более прогнозируемой динамикой.

¹⁴ *Jordana J., Sancho D. Policy networks and market opening: Telecommunications liberalization in Spain // European Journal of Political Research. 2005. No 44. P. 519–546.*

В то же время большинство авторов отмечает, что моделирование политических сетей редко дает нам возможность объяснять результаты публичной политики даже в условиях прозрачности процессов выработки решений. Таким образом, сетевое моделирование может выступать лишь одним из методов анализа, который необходимо комбинировать с другими количественными и качественными подходами.

7.4. Перспективы моделирования политических сетей в анализе российской публичной политики

Исследуя механизмы выработки и принятия политических решений в современной России, мы приходим к выводу, что взаимодействие акторов в публичной сфере носит характер многоуровневого диалога, а не многоуровневого сетевого управления. Несмотря на широкий круг субъектов, участвующих во множестве встреч и переговоров, лишь некоторые из этих групп действительно влияют на процесс выработки политики. Получается, что существование публичной коммуникации не свидетельствует о функционировании полноценных политических сетей. Сомнения вызывают и прочность и стабильность этих связей. Действительно ли они служат функции управления или же просто объединяют различных субъектов с целью обмена мнениями? В рамках исследования процессов изменения публичной сферы в России мы приходим к выводу, что данная размытость обусловлена нелинейной трансформацией системы отношений между субъектами политического управления в современной России. Проведенный сетевой анализ публичной политики в сотовом сегменте телекоммуникационной отрасли показал, что акторы, заинтересованные в процессах выработки политики, объединяются в проблемные сети, которые характеризуются следующими параметрами:

- центральными акторами в сети являются органы власти (большее количество входящих связей);
- некоторые частные акторы активнее вовлекаются органами власти во взаимодействие (больше институциональных связей, чаще остальных выступают участниками различных форм интеракции);
- публичное сетевое взаимодействие носит непостоянный характер, сети распадаются после решения проблемы;

- проблемные сети включают небольшое количество акторов;
- низкий показатель мультиплексности публичных связей;
- проблемные сети формируются по одним и тем же принципам, следовательно, существуют некоторые характеристики, которые обуславливают их организацию.

Таким образом, анализ трансформационных процессов в российской публичной сфере ориентирует нас на выявление разделяемых ценностей и взаимных интересов, вырисовывающихся в рамках новой институциональной методологии. Более того, мы исходим из предположения, что неоинституциональные изменения детерминируют развитие новых форм публичного взаимодействия государственных и частных акторов. Возможно, устоявшиеся сети неформальных отношений между индивидами, представляющими различных субъектов политического процесса, будут выкристаллизовываться и в публичной сфере, способствовать закреплению новых форм и механизмов интеракции. Изменение роли государства и негосударственных акторов в непубличном пространстве и оформление действительно общих интересов и ценностей, на наш взгляд, должны находить отражение и в поле публичной политики. Одним из маркеров данных процессов может стать, например, появление и укрепление различных институтов, включающих как представителей органов власти, так и бизнесменов, сотрудников некоммерческих организаций, экспертов, гражданских активистов.

Сравнительный анализ политических и проблемных сетей в ЕС и России демонстрирует разные основания для инициирования взаимодействия. В России инициаторами вовлечения в публичность в основном выступают частные институты, обладающие достаточными ресурсами, государство же берет на себя роль координатора. В ЕС, в частности в Германии, наблюдается обоюдный интерес к кооперации.

Еще один вывод, который мы можем сделать на данном этапе, заключается в том, что способности государства к координации ограничены возможностью взаимодействия лишь с определенным количеством заинтересованных групп. С одной стороны, государственные органы вовлекают во взаимодействие частных акторов, с другой — институциональные интеракции осуществляются лишь с теми акторами, которые обладают достаточными ресурсами влияния как на властные институты, так и на других участников рынка.

Определенные препятствия в исследовании возникают и в процессе сбора данных для построения сетевых моделей. Представители

некоторых акторов по разным причинам неохотно делятся информацией о своих связях и механизмах взаимодействия с другими акторами. В итоге исследователь рискует упустить из виду важную информацию о политической сети, что, естественно, скажется на адекватности и качестве моделей.

Ключевые слова

Сетевая модель, теория графов, визуализация, матрица сопряженности, программное обеспечение для сетевого анализа.

Литература

Быков И. А. Сетевая политическая коммуникация: Теория, практика и методы исследования: Монография. СПб.: ФГБОУ ВПО «СПГУТД», 2013.

Градосельская Г. В. Сетевые измерения в социологии: Учеб. пособие. М., 2004.

Морено Я. Л. Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе / Пер. с англ. А. Боковинова, под науч. ред. Р. А. Золотовицкого. М.: Академический Проект, 2001.

Hanneman R. A., Riddle M. Introduction to social network methods Riverside, CA: University of California, Riverside. 2005 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://faculty.ucr.edu/~hanneman/nettext/>.

Jordana J., Sancho D. Policy networks and market opening: Telecommunications liberalization in Spain // European Journal of Political Research 44: 519–546, 2005.

Moreno J. L. The Sociometry Reader. Glencoe, Ill.: The Free Press, 1960.

Nooy W. de, Mrvar A., Batagelj V. Exploratory Social Network Analysis with Pajek. Cambridge University Press, 2005.

Rhodes R. Policy Network, a British Perspective // Journal of Theoretical Politics. 1990. Vol. 2. No 3.

Вопросы и задания

1. Каким образом теория графов повлияла на развитие методов сетевого анализа?
2. Перечислите набор данных, необходимых для построения сетевых моделей.
3. Какие методы сбора эмпирических данных для сетевого моделирования используются в политических исследованиях?
4. Подготовьте матрицу сопряженности дружеских отношений в вашей академической группе.
5. Установите на свой ПК одну из программ для сетевого анализа и постройте сетевую модель (социограмму) на основе подготовленной матрицы сопряженности.

КОНФИГУРАТИВНЫЕ МЕТОДЫ АНАЛИЗА СЕТЕВОЙ ПОЛИТИКИ

► В главе раскрываются возможности объединения конфигуративных методов (булева алгебра и логика нечетких множеств) с сетевым анализом политики. Рассматриваются основные правила булевой алгебры и логики нечетких множеств, а также их потенциал в изучении политики, показывается, как можно использовать объединенные методы при изучении конфликтной политики. ◀

8.1. Возможности синтеза конфигуративных методов и сетевого анализа

Взаимосвязи сетевого анализа и конфигуративного анализа посвящен ряд исследований¹. Эти исследования свидетельствуют, что есть явные преимущества объединения разных исследовательских стратегий в так называемые «множественные методы», «мультиметоды», или «смешанные методы», но имеются методологические угрозы и слабости. Мануэль Фишер говорит о следующих преимуществах объединения различных методов: *во-первых*, такая стратегия позволяет расширить перспективу рассмотрения изучаемой проблемы и, следовательно, повысить обстоятельность исследования; *во-вторых*,

¹ Morse J. M. Principles of Mixed Methods and Multimethod Research Design // Handbook of Mixed Methods in Social and Behavioral Research / Ed. by A. Tashakkori, C. Teddlie. Thousand Oaks, SA: Sage, 2003; Yamasaki S., Streitzer A. Beyond Methodological Tenets. The Worlds of QCA and SNA and their Benefits to Policy Analysis // Innovative Comparative Methods for Policy Analysis. Beyond Quantitative-Qualitative Divide / Ed. by B. Rihoux, H. Grimm. N.Y.: Springer, 2006. P. 95–122; Spreitzer A., Yamasaki S. Comparing Policy Networks: Policy Network Typology Building and Hypotheses Testing with QCA // Applications of Social Network Analysis. ASNA 2005 / Ed. by U. Serdult, V. Taube. Berlin: Wissenschaftlicher Verlag, 2008; Fisher M. Social Network Analysis and Qualitative Comparative Analysis: Their mutual benefits for the explanation of policy network structures // Methodological Innovations Online. 2011. Vol. 6. No 2. P. 27–51.

смешанные методы могут компенсировать многие несовершенства, связанные с использованием только одного метода; *в-третьих*, использование различных методов в единстве позволяет повысить общую силу и обоснованность исследовательской стратегии. Однако смешанная методология редко проработана основательно. Наиболее серьезной и фундаментальной проблемой является то, что лежащие в основе предпосылки различных объединяемых методов могут подрывать друг друга и противостоять друг другу. Есть также практический риск объединения, так как исследователь подвергается атаке со стороны множества подходов в случае неудачного объединения методов, тогда как использование одного хорошо проработанного метода может не вызвать таких нареканий².

Конфигуративный метод означает систематический анализ сложных событий, когда эти события рассматриваются в форме комбинации факторов, которые производят определенный результат.

Ниже будет дано объяснение конфигуративных методов исследования (булева алгебра и логика нечетких множеств как методология анализа), здесь же подчеркнем, что и сетевой анализ, и конфигуративные методы отличаются от обычных статистических подходов тем, что они полагаются на другие онтологические допущения. Закон больших чисел, вероятность, линейная зависимость между переменными, относительно строгая взаимосвязь причины и следствия заставляют говорить об изучаемой реальности как о системе упорядоченных, более или менее однозначно определенных, гомогенных отношениях между элементами. Средние значения, характеризующие динамику развития систем, допускают интерпретацию отклоняющихся случаев как несистемных и нехарактерных. Исчезающее многообразие компенсируется силой, установленной статистической зависимостью. Наоборот, в сетевом и конфигуративном анализе действительность рассматривается в множестве условий и действий, а сочетание причин и следствий порождает множество моделей адаптации к окружающей среде. В этом отношении, как пишут Сакура Ямасаки и Астрид Шпрейцер, стратегия объединения двух подходов «в основном возможна благодаря общему онтологическому допущению, лежащему в основании обоих методов: феномены рассматриваются сопряженными и стохастическими, а не линейными и аддитив-

² Fisher M. Social Network Analysis and Qualitative Comparative Analysis: Their mutual benefits for the explanation of policy network structures. P. 30.

ными; отсюда многоколлинеарность не рассматривается в качестве проблемы»³.

8.2. Булева алгебра

Булева алгебра стала применяться как качественная методология анализа эмпирического материала, представленного в категориальной форме с помощью неметрической шкалы наименований. При этом оказалось, что данная методология позволяет выполнить ряд задач, которые ранее в политическом исследовании вызывали затруднения.

Содержание булевой алгебры. Булева алгебра возникла как исторически первый раздел математической логики в середине XIX в. и названа по имени Джорджа Буля (1815–1864) — ирландского математика и логика, который первый представил логику в качестве алгебры классов, связанных операторами «и», «или» и «не». С его работ начинается *алгебра логики* и ее составная часть — *алгебра высказываний*, в которой методы алгебры применяются для изучения операций над высказываниями, в отношении каждого из которых можно утверждать только то, что его содержание истинно или ложно. В политологии булева алгебра (как синоним всей алгебры логики) стала использоваться в 1980-х годах нашего столетия, и первым здесь следует назвать Чарльза Рэйджина, работы которого сразу же привлекли внимание исследователей⁴. Появляются и другие публикации, раскрывающие существо использования алгебры логики в политических исследованиях⁵. Алгебра логики начинает использоваться в исследованиях различных феноменов политической жизни, в том числе и публичной политики⁶.

³ *Yamasaki S., Streitzer A.* Beyond Methodological Tenets. The Worlds of QCA and SNA and their Benefits to Policy Analysis. P. 104.

⁴ *Ragin Ch.* (ed.) Issues and Alternatives in Comparative Social Research. Leiden: E. J. Brill, 1991; *Idem.* The Comparative Method. Moving Beyond Qualitative and Quantitative Strategies. Berkeley: University of California Press, 1987; *Ragin Ch.* The Logic of the Comparative Method and the Algebra of Logic // *Journal of Quantitative Anthropology*. 1989. Vol. 1. No 2; *Ragin Ch., Meyer S., Drass K.* Assessing Discrimination. A Boolean Approach // *American Sociological Review*. 1984. Vol. 49. No 1.

⁵ *Abell P.* Foundations for a Qualitative Comparative Method // *International Review of Social History*. 1989. Vol. 34. No 1; *Markoff J.* A Comparative Method: Reflections on Charles Ragin's Innovations in Comparative Analysis // *Historical Methods*. 1990. Vol. 23. No 4; *Romme A.* Boolean Comparative Analysis of Qualitative Data. A Methodological Note // *Quality & Quantity*. 1995. Vol. 29. No 2; *Configurational Comparative Methods. Qualitative Comparative Analysis (QCA) and Related Techniques* / Ed. by B. Rihoux, Ch. Ragin. Thousand Oaks, Ca: Sage, 2009.

⁶ См.: *Innovative Comparative Methods for Policy Analysis. Beyond Quantitative-Qualitative Divide* / Ed. by B. Rihoux, H. Grimm. N.Y.: Springer, 2006.

Как отмечал Чарльз Рэйджин, нет необходимости рассматривать алгебру Буля во всей полноте, для того чтобы понять ее возможности в социальной науке; булевы принципы, используемые в качественном анализе, являются очень простыми⁷. Смысл использования алгебры логики в качественном исследовании состоит в том, что исследователь анализирует эмпирические данные, формализуя их качества в высказываниях, оцениваемых как ложные (отсутствие качества) или истинные (наличие качества). Таким образом формализуются причины и следствия явлений, которые затем сводятся в таблицы истин, анализируемых путем специальной процедуры минимизации логических выражений. Джордж Ромм писал, что логика Буля позволяет ограничить субъективность интерпретации полученных данных, хотя и не решает эту проблему полностью:

«Качественный анализ, например, интервью или документальных данных, стремится поймать основной смысл и структуры, воплощенные в данных. Этот вид индуктивного анализа, по-видимому, интересуется (внешней) обоснованностью, так как реальный смысл, который спрятан за данными, может обнаружиться через аргументацию, переходящую от части к целому. Тем не менее он также полагается в значительной мере на субъективную интерпретацию и суждение и, таким образом, вводит элемент неопределенности в обоснованность. Эта проблема может быть каким-то образом редуцирована через использование процедуры двойного кодирования и иных мер, чтобы перепроверить потенциально субъективные интерпретации. Однако надежность мер и выводов, достигнутых при качественном анализе социальных процессов, все же склонна подвергаться различным вызовам»⁸.

Выделяют следующие аспекты булевой алгебры, которые являются существенными для ее использования в социальной науке⁹.

1. **Использование бинарных данных.** В булевой алгебре *бинарные данные* означают качественное высказывание, которое интерпретируется либо как истинное (или наличие качества), либо как ложное (или отсутствие качества). Истинностное значение высказывания является здесь его основным качеством: быть истинным или ложным. Эти два утверждения кодируются двоичной системой счисления (1 и 0): 1 присписывается истине, 0 — лжи.

⁷ *Ragin Ch.* The Comparative Method. Moving Beyond Qualitative and Quantitative Strategies. Berkeley: University of California Press, 1987. P. 85.

⁸ *Romme A.* Boolean Comparative Analysis of Qualitative Data. A Methodological Note // *Quality & Quantity*. 1995. Vol. 29. No 2. P. 317–318.

⁹ Подробнее см.: *Сморгунов Л. В.* Современная сравнительная политология: Учебник. М.: РОССПЭН, 2002. С. 114–143.

Хотя подобные процедуры сопровождаются некоторой потерей информации, но обычно потеря не является большой. Если используются интервальные шкалы, то при булевом анализе возникает необходимость их трансформации в номинальные шкалы измерения, что предполагает включение в процесс трансформации теоретических критериев.

2. Построение таблицы истинности. В алгебре логики *таблица истинности*, или матрица истинности, понимается как инструмент, с помощью которого определяются истинностные функции сложных высказываний, зависящие от истинностных значений составляющих его простых высказываний. Следовательно, комбинации независимых переменных и их следствий (зависимой переменной) выстраиваются в ряды, совокупность которых и дает таблицу истинности. Следуя определению таблицы истинности, истинностные значения простых высказываний будут являться значениями независимых переменных, а сложное высказывание (следствие, или зависимая переменная) — функцией истинностных значений независимых переменных. Заметим, что в таблицу истинности могут попадать и ненаблюдаемые комбинации независимых переменных. Вообще при булевом анализе число примеров каждой комбинации причинных условий не является важным, в отличие от статистического анализа. Основной аналитической единицей здесь выступает не число примеров какой-либо комбинации независимых переменных, а число типов ситуаций (т.е. рядов истинностной таблицы).

3. Логическое сложение (дизъюнкция). *Логическое сложение*, или дизъюнкция, обозначает операцию соединения двух или более высказываний при помощи логического союза «или» для производства более сложного высказывания. Обозначается оно специальным знаком \vee , или знаком $+$. Союз «или» не предполагает здесь связи между высказываниями по смыслу, а только по их истинности или ложности.

4. Логическое умножение (конъюнкция). В булевой алгебре под *логическим умножением*, или конъюнкцией, понимается операция соединения двух или более высказываний при помощи логического союза «и». Булево умножение, как и сложение, не является арифметическим. Оно представляет собой соединение ряда суждений, которые могут быть истинными либо ложными. При использовании логического умножения в сравнении оно обозначает соединение высказываний о наличии или отсутствии соответствующих условий, признаков или качеств.

5. Комбинаторная логика. Как раздел математической логики *комбинаторная логика* занимается изучением таких понятий и методов, которые при построении формальных логических систем принимаются

обычно не нуждающимися в дальнейших пояснениях. Однако Рэйджин использует это понятие для того, чтобы подчеркнуть значение сочетания условий при определении соотношения совокупности причин и следствия, т.е. в смысле объединения высказываний. В этом смысле «при качественном сравнении, основанном на булевой алгебре, причины не рассматриваются в изоляции, но всегда внутри контекста наличия и отсутствия других каузально релевантных условий»¹⁰.

6. Булева минимизация. Техника *булевой минимизации* позволяет сократить число высказываний таблицы истинности, относящихся к какому-либо следствию. Получаемое в результате высказывание является более компактным за счет уменьшения сложности путем сокращения высказываний. Исследователи, которые используют булеву алгебру в политическом анализе, подчеркивают сходство процедуры минимизации с логикой эксперимента, при котором в случае, если при включении в эксперимент какой-либо переменной и ее исключении результативные переменные не изменяются, то данную переменную можно считать иррелевантной для данного эксперимента. Процедура минимизации используется при упрощении совокупности высказываний до тех пор, пока это возможно. Таким образом, она носит ступенчатый характер и позволяет переходить от одного уровня упрощенных высказываний к другому.

7. Тупиковая минимизация выражений. В принципе минимизация выражений может заканчиваться и на обозначенной выше процедуре. Однако в ряде случаев, когда полученная формула все же достаточно сложна, производят дальнейшую минимизацию с использованием некоторой процедуры формирования высказывания, имеющего тупиковую сокращенную нормальную форму выражения, или *тупиковую минимизацию выражений*. Здесь используются правила поглощения высказываний. Применяемая в исследованиях, данная процедура получила название «выбор существенных основных импликантов». Ромм пишет: «Существенные основные импликанты конституируют логически минимальные условия зависимой переменной. Другими словами, они включают в себя достаточные и/или необходимые условия для этой переменной. Этот шаг является важным, когда достигнутое на предыдущем этапе редуцированное из таблицы истинности высказывание включает так называемые циклические комбинации. Циклические комбинации подразумевают комплекс пересекающихся основных

¹⁰ *Ragin Ch. The Comparative Method. Moving Beyond Qualitative and Quantitative Strategies.* P. 93.

импликантов, среди которых не все необходимы для минимального покрытия таблицы истинности. Если достигнутое ранее редуцированное выражение не включает циклических комбинаций, то комбинации условий в этом выражении соответствуют существенным основным импликантам»¹¹.

8. **Использование законов де Моргана.** Рэйджин предложил использовать законы де Моргана в том случае, когда необходимо анализировать комбинации условий, которые не дают изучаемого результата, т.е. закодированы 0. Но для этого не обязательно начинать все сначала: строить исходную формулу, проводить минимизацию выражений, использовать таблицу основных импликантов. Возможно применить законы де Моргана к уже полученному решению для позитивного результата, для того чтобы достичь решения для негативных результатов.

9. **Необходимые и достаточные причины.** В комбинации условий, определяющих появление результата, важно установить значимость этих условий для появления следствия. Для этого используются понятия необходимых и достаточных причин (условий). Определение необходимых и достаточных причин не может быть оторвано от теории, которая специфицирует соответствующие условия. Причина определяется в качестве необходимой, если она должна быть в наличии, для того чтобы определенный результат произошел. Причина определяется в качестве достаточной, если она способна вызвать результат сама по себе.

10. **Факторизация булевых выражений.** Для уяснения того, какая причина является необходимой и в каком положении эти причины по отношению друг к другу находятся (являются они эквивалентными или нет), используется процедура факторизации, т.е. выделения общей причины в совокупности объединенных причин.

Возможности булевой алгебры в исследовании. Использование булевой алгебры при проведении исследований помогает решать ряд задач.

Во-первых, булева алгебра позволяет осуществлять фальсификацию и определение гипотез исследования. В общем, минимизация таблицы истинности является непосредственной попыткой фальсификации первоначальных гипотез, тогда как получение основных импликантов позволяет определить гипотетический минимум условий определенно-го следствия. Как подчеркивает Ромм,

¹¹ Romme A. Boolean Comparative Analysis of Qualitative Data. A Methodological Note. P. 324.

«шаг упрощения предпосылок является особенно важным ввиду ограниченного разнообразия большинства таблиц истинности. Ограниченное разнообразие данных, включенных в таблицы истинности, может проистекать из двух причин: 1) набор существующих случаев в таблице истинности берется из огромного числа действительно существующих случаев; 2) этот набор действительно существующих случаев может быть меньшим, чем весь набор теоретически возможных случаев... Эти ограничения затрудняют возможности проверки каузальных аргументов... Данная проблема не может быть разрешена конвенциональным компаративным методом, основанным на системе логики Милля. Таким образом, упрощение предпосылок может быть включено для того, чтобы сделать выводы относительно большего числа случаев [чем в таблице истинности] или относительно теоретически возможных случаев»¹².

В этом смысле фальсификация и определение гипотез с помощью булевой алгебры позволяют проверить большее число случаев, которые по разным причинам исследователь-компаративист не смог включить в рассмотрение (в том числе и теоретически возможные случаи).

Во-вторых, булева алгебра позволяет обращаться к сложным каузальным предположениям, увеличивая число условий, подлежащих анализу. В сущности, этот подход начинается с предпосылки максимизации причинной сложности, тогда как статистический метод начинается с предпосылки простоты взаимосвязи. Конечно, булев анализ по сравнению с «*case-study*» подходом не характеризуется максимальным вниманием к историческим деталям, но он позволяет включить в рассмотрение максимальное число возможных комбинаций условий и является более надежным с точки зрения получения теоретических обобщений.

«Заметим, — пишет Рейджин, — что булев подход выполняет то, что ориентированные на исследование отдельных случаев ученые пытаются сделать, но с привлечением большего массива данных. В “*case*”-ориентированных исследованиях ученые анализируют подобия и различия, чтобы определить общие, лежащие в основе структуры и типы. ...Тем не менее сеть подобий и различий часто выпадает из рук. Булев метод таблицы истинности с его правилами упрощения сложности обеспечивает основу для управления этой запутанной сетью. Он позволяет этим исследователям увидеть и понять сложные структуры и предположения»¹³.

Одновременно данная техника позволяет (если это нужно) производить экономное объяснение каузальных взаимозависимостей. Эко-

¹² Ibid. P. 325–326.

¹³ *Ragin Ch. The Comparative Method. Moving Beyond Qualitative and Quantitative Strategies.* P. 122.

номное объяснение достигается определением наибольших классов условий, для которых характерен определенный результат.

В-третьих, булева алгебра позволяет осуществлять типологию процессов и феноменов, вовлеченных в исследование. При этом следует заметить, что булев подход в целом применим к формированию теоретических типологий наряду с историческими. В принципе логические комбинации условий, наблюдаются они исследователем в действительности или нет, покрывают все возможные теоретические комбинации, которые путем минимизации можно сгруппировать в некоторые теоретические типы. Другой вопрос — их интерпретация. Но здесь, как уже подчеркивалось, булев подход должен идти вместе с теорией; он не заменяет интерпретационный анализ, а является ему помощником. К тому же булева алгебра может использоваться для проверки уже созданных теоретических или исторических типологий и классификаций.

В-четвертых, существование многих концептуальных схем относительно политических процессов часто требует проверки их взаимодополнительности. К тому же многие концепции противостоят друг другу, выдвигая исключаящие предположения и выводы. Булев подход позволяет осуществить оценку взаимодополняющих или конкурирующих концепций. При этом переменные, на которых строятся различные концепции, не отвергаются, а включаются в булево исследование в качестве самостоятельной комбинации условий наряду с другими возможными комбинациями. Задачей булева анализа выступает проверка концепций путем нахождения границ между возможными комбинациями переменных, а также установления большей или меньшей значимости включенных в рассмотрение условий. Все этапы булева анализа — построение таблицы истинности, минимизация, выделение основных импликантов, факторизация комплексов условий — могут способствовать прояснению ситуации в отношении конкурирующих объяснений политического мира.

В-пятых, техника булева анализа способствует одновременно осуществлять исследование в целостности причин и следствий изучаемого явления, а также изучать отдельные составляющие этой целостности. В этом отношении она включает в себя ориентацию на холизм и на индуктивный анализ. Рэйджин пишет:

«При булевом анализе случаи рассматриваются как комбинации частей. Эти комбинации могут быть интерпретированы как различные ситуации. Фундаментальный принцип холизма обеспечивает теоретическую основу для такого рассмотрения случаев: изменение любой отдельной части целого, любого элемента является — по крайней мере потенциально — изменением характера целого. Этот подход прямо противостоит большинству

статистических подходов, где цель — оценить средний результат каждой переменной (каузальной значимости каждой части) через все оценки других переменных. Также булев подход не является крайним в своем холизме. В наиболее крайней форме холистская философия доказывает, что каждая сущность является уникальной, что случаи не могут сравниваться один с другим, пока они не поняты во всей их сложности и индивидуальности. Очевидно, булев подход не идет дальше этого... Короче, он является аналитическим при изучении случаев, так как проверяет одинаковые каузальные условия в каждом комплексе. Тем не менее он является холистским в способе, когда сравнивает различные ситуации и, таким образом, сохраняет наилучшие признаки “*case*”-ориентированного подхода»¹⁴.

Следует заметить, что для использования булевой алгебры в социальном сравнении разработаны специальные компьютерные программы. Первой подобной программой минимизации булевых таблиц истинности была программа *BASIC*, созданная Робертом Макдермоттом в первой половине 80-х годов. Немного позже Криссом Дрессом и Чарльзом Рэйджином была разработана усовершенствованная программа под названием *QCA* (*Qualitative Comparative Analysis*) — качественный сравнительный анализ. Последняя программа специально приспособлена к социальным данным и активно используется сегодня в сравнительных исследованиях. Программа *QCA* имеет больше возможностей и сама формирует таблицу истинности из матрицы данных, поступающих на входе.

8.3. Логика нечетких множеств

В социальных науках в конце 1990-х годов появляется интерес к возможностям логики нечетких множеств, или «мягкой» логики (*fuzzy-logic*). Общий смысл данной логики заключается в том, что любые определения (понятия) страдают неточностью, а следовательно, мы можем говорить лишь о степени истинности выраженного в них содержания. Является ли вода горячей, это вопрос степени; является ли государство демократическим — это также вопрос степени. Если булева алгебра является бинарной логикой (истина или ложь), то «мягкая» логика — это логика нечетких границ, логика неопределенности. Ее значение для современного мира и современной науки хорошо описано в работах Барта Коско¹⁵. Она используется активно в инженеринге,

¹⁴ *Ragin Ch.* The Comparative Method. Moving Beyond Qualitative and Quantitative Strategies. P. 122–123.

¹⁵ *Kosko B.* Fuzzy Thinking: The New Science of Fuzzy Logic. N.Y.: Hyperion, 1993.

в разработке проблемы искусственного интеллекта, в теории принятия решений и др. В последние годы она становится новым методологическим инструментом анализа в общественных науках¹⁶.

«Неопределенные множества, — пишет Чарльз Рэйджин, — предлагают исследователям интерпретативную алгебру, язык, который наполовину является вербально-понятийным и наполовину — математико-аналитическим. Следовательно, наибольшая ценность методологии неопределенных множеств для социальных исследователей состоит в ее потенциале для разнообразия, интенсификации и расширения “диалога” между идеями и данными в социальном исследовании. Этот диалог является систематической взаимной игрой между теорией и анализом данных, которая случается в большинстве исследований, — движением между использованием данных для совершенствования теории и использованием теории для руководства исследованием данных»¹⁷.

В целом «мягкая» логика позволяет использовать переменные, которые в большей степени связаны с содержательными характеристиками объектов изучения и их теоретической интерпретацией. В ее методологический инструментарий входит возможность наиболее широкого и точного представления разнообразия характеристик объекта изучения. Она позволяет включить в исследование качественные характеристики феномена с использованием множества исследуемых случаев. «Мягкая» логика соединяет количественный и качественный подходы в сравнительном исследовании.

Рэйджин говорит о трех основных опорах данного подхода¹⁸. *Во-первых*, в противоположность количественным исследованиям, основанным на изучении множества случаев, где предпосылка гомогенизации этих случаев является существенной, исследовательский подход на основе использования логики нечетких множеств фокусируется на *разнообразии*, используя аналитические стратегии, характерные для качественных исследований. Здесь важным, однако, является то, что предлагаемая стратегия «ориентации на многообразие» может использоваться для изучения не только отдельных, но и большого числа случаев. *Во-вторых*, эта стратегия изучения случаев ориентируется на такое понимание гетерогенности и различия, которое касается различия по роду, т.е. она использует «конфигуративный подход», заключающийся в том, что случаи рассматриваются в качестве специфических конфигураций

¹⁶ Richardson G. The Structure of Fuzzy Preferences // Social Choice and Welfare. 1998. Vol. 15. No 3; Ragin Ch. Fuzzy-Set Social Science. Chicago, L.: The University of Chicago Press, 2000.

¹⁷ Ragin Ch. Fuzzy-Set Social Science. P. 4.

¹⁸ Ibid. P. 5–6.

качеств и аспектов определенного множества. В этом отношении *случаи рассматриваются по степени принадлежности к классам и видам*, а не на основе вариации их признаков, т.е. отклонения от средних величин. *В-третьих*, и это Рэйджин считает наиболее важным, *связь между теорией и эмпирическим исследованием данных в общественных науках может быть значительно усовершенствована* на основе использования логики нечетких множеств, так как нечеткие множества могут наиболее тесным образом соответствовать теоретическим концептам.

Методология «мягкой» логики следует за булевым подходом. Но она отличается от последнего дальнейшей проработкой возможности использования отдельных случаев. Как указывает Рэйджин,

«в то время как оба подхода имеют сильные и слабые стороны, последний... использует таблицу истинности в качестве ключевого аналитического инструмента. ...Преимущество таблицы истинности, основанной на “мягкой” логике, состоит в том, что этот подход является более прозрачным. Таким образом, исследователь осуществляет более прямой контроль над процессом анализа данных. Этот тип контроля является центральным для практики проведения кейс-ориентированного исследования»¹⁹.

Необходимо выделить следующие основные операции.

1. **Оценивание принадлежности к множеству.** В противоположность булевой алгебре с четким множеством, где наличие/отсутствие качества и принадлежности фиксируется 1 и 0, в логике нечетких множеств используется *шкала принадлежности* к тому или иному «мягкому» множеству, значения которой будут располагаться между 1 и 0. Если оценка 1 говорит о полной принадлежности к множеству, то оценка 0 свидетельствует, что объект не принадлежит множеству; промежуточные оценки говорят о степени принадлежности. Например, имеется группа стран, принадлежащих к множеству демократических государств. Есть группа стран, которые не принадлежат к данному множеству. Но есть и такие страны, оценка которых по уровню демократичности не столь однозначна. Логика нечетких множеств позволяет устанавливать соответствующие принадлежности. Отметим, что данная операция не является автоматическим следствием ранжирования стран на основании каких-то коэффициентов демократичности. Важную роль в процессе отнесения играет концептуализация демократичности, отсутствия демократичности и промежуточной оценки принадлежности/непринадлежности к соответствующей группе стран. Некоторое общее

¹⁹ *Ragin Ch. Qualitative Comparative Analysis Using Fuzzy Sets (fsQCA) // Configurational Comparative Methods. Qualitative Comparative Analysis (QCA) and Related Techniques / Ed. by B. Rihoux, Ch. Ragin. Thousand Oaks, Ca: Sage, 2009. P. 89.*

представление о шкалах принадлежности, которые используются для отнесения к тому или иному множеству, приводится в табл. 8.1. Важно опять заметить, что этот вопрос решается не автоматически, а путем концептуальной интерпретации избранной шкалы.

Таблица 8.1

«Четкие» и «мягкие» множества

«Четкое»	Множество			
	«Мягкое»			
	с тремя оценками	с четырьмя оценками	с шестью оценками	с непрерывными оценками
1 = полностью в; 0 = полностью вне	1 = полностью в; 0,5 = ни полностью в, ни полностью вне; 0 = полностью вне	1 = полностью в; 0,67 = более в, чем вне; 0,33 = более вне, чем в; 0 = полностью вне	1 = полностью в; 0,9 = большей частью, но не полностью в; 0,6 = более или менее в; 0,4 = более или менее вне; 0,1 = большей частью, но не полностью вне; 0 = полностью вне	1 = полностью в Степень членства более «в», чем «вне»: $0,5 < X_i < 1$; 0,5 = в промежутке; ни в, ни вне Степень членства больше «вне», чем «в»: $0 < X_i < 0,5$; 0 = полностью вне

2. **Отрицание.** Отрицание имеется и в булевой алгебре. Там отрицание принадлежности к демократиям, или отрицание 1 (т.е. недемократия), будет характеризоваться оценкой 0. Отрицание в случае решения вопроса о членстве в «мягком» множестве будет рассматриваться как результат вычитания значения принадлежности к множеству из 1.

3. **Логическое сложение (и) — взаимное пересечение множеств.** Логическое сложение в логике нечетких множеств будет означать выбор минимума из оценок принадлежности к «мягким» множествам, которые объединяются. Если, например, объединяются оценки принадлежности к множеству развитых стран (допустим, 0,7) и оценки принадлежности к множеству демократических стран (допустим, 0,8), то выбирается минимальная оценка 0,7. Таким образом, страна попадает в множество одновременно развитых и демократических стран с оценкой принадлежности 0,7.

4. **Логическое умножение (или) — объединение множеств.** Логическое умножение означает такую операцию, при которой из двух оценок при-

надлежности к «мягким» множествам выбирают максимальную оценку. Если, например, мы формируем множество развитых или демократических стран, то оценка принадлежности здесь будет 0,8.

5. Переход к таблице истинности. Переход от исследования принадлежности к «мягким» множествам к построению таблицы истинности содержит решение трех основных задач. Во-первых, установление *прямого соответствия* между жесткой таблицей истинности в случае использования булевой алгебры и векторным пространством, определенным условиями «мягкого» множества. Во-вторых, оценка *распределения случаев* в соответствии с логически возможными комбинациями условий. В-третьих, оценка *состоятельности данных* для каждой каузальной комбинации, используя аргумент, что каузальная комбинация является подмножеством результата.

6. Конструирование таблицы истинности. Таблица истинности составляется с учетом возможной процедуры минимизации высказываний, касающихся комбинации условий, обеспечивающих наличие того или иного результата.

7. Исследование необходимых условий. Необходимым для появления результата считается условие, которое ведет к результату, но его наличие не гарантирует, что результат произойдет. Для этого в логике нечетких множеств используется связь необходимости с оценкой состоятельности данных для каждой каузальной комбинации.

8.4. Объединение сетевого и конфигуративного анализа

Объединение сетевого и конфигуративного анализа возможно на основе изучения публичной политики как процесса производства решений по существу публичных проблем. При этом сетевая структура взаимодействия акторов, участвующих в процессе производства и принятия политических решений, может рассматриваться как совокупность таких характеристик, как интенсивность общения в сети, наличие и обмен ресурсами, уровень согласия и конфликта по существу рассматриваемых вопросов. При этом характеристики, описывающие взаимодействие в сети (конфликтная или консенсусная сеть), определяются рядом условий, в которых акторы сетевого взаимодействия общаются. Следовательно, исследователь может определиться с выбором зависимых и независимых переменных, подчиняясь производимой концептуализации сетевой политики. В одном случае, если анализируются сетевые решения и их условия, зависимыми переменными

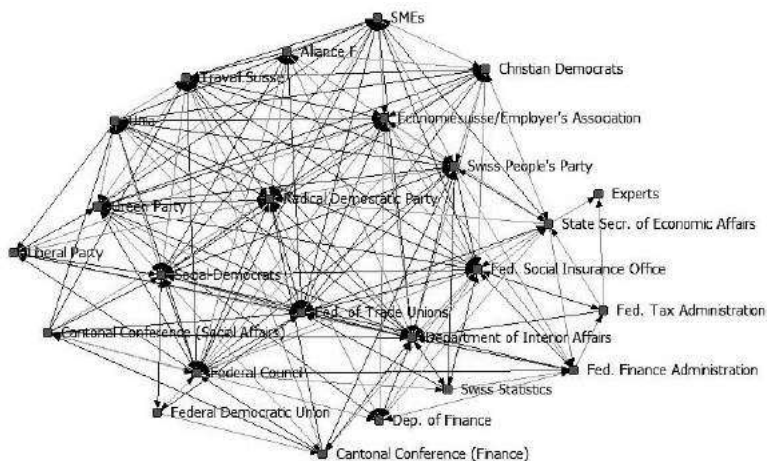

Рис. 8.1. Конфликтные связи в политической сети, сформированной 11-й пенсионной реформой в Швейцарии

могут выступать принятые решения, а независимой — характер сетевого общения (конфликтная или консенсусная сеть). В другом случае, когда анализируются причины конфликтности в сетевой политике, само свойство сети может рассматриваться в качестве зависимой переменной, конфликтность или консенсусность которой определяется рядом связанных условий. В этом случае исследователь анализирует достаточные причины возникновения конфликтной или консенсусной сети, используя процедуры качественного анализа на основе логики нечетких множеств. Примером использования сетевого подхода и логики нечетких множеств может служить исследование публичной политики по вопросам пенсионной реформы в Швейцарии Мануэлем Фишером²⁰.

Так, Мануэль Фишер, анализируя факторы, влияющие на конфликтный потенциал сетей в публичной политике Швейцарии, пришел к выводу о множестве сочетаний причин, порождающих конфликтные сети: влияние общественного мнения (А), проблема вхождения в объединенную Европу (Е), состояние федерализма (F), предпарламентское обсуждение проблем (Р). На рис. 8.1 представлен результат конфликтных связей в политической сети Швейцарии по поводу

²⁰ Fisher M. Social Network Analysis and Qualitative Comparative Analysis: Their Mutual Benefits for Explanation of Policy Network Structure // Methodological Innovation Online. 2011. Vol. 6. No 2. P. 27–51.

проведения 11-й пенсионной реформы. Реформа проводилась при поддержке правых партий, тогда как левые партии — социал-демократы и зеленые, а также профсоюзы выступали против. Рисунок демонстрирует состояние связей по поводу пенсионной реформы. Темные линии (которых большинство) свидетельствуют о конфликте, светлые линии — о согласии по отдельным вопросам реформы. Оценка средней величины связей с их учетом является отрицательной ($-0,04$). Если включать в подсчет только ключевых участников, то средняя величина отношений будет еще более отрицательной ($-0,1$).

В данном исследовании, результаты которого с использованием логики нечетких множеств представлены в табл. 8.2, высокий уровень состоятельности и соответствия сочетания условий, определяющих конфликтный потенциал сетей в публичной политике Швейцарии, выразился в первоначальном сложном решении, состоящем из трех возможных сочетаний условий: конфликты возможны при сочетании $\sim EA$ (отсутствие вхождения в объединенную Европу и значительное вовлечение в процесс общественного мнения) или $\sim E \sim F \sim P$ (отсутствие вхождения в объединенную Европу, недостаток федерализма, плохое предпарламентское обсуждение проблем) или $\sim F \sim PA$ (недостаток федерализма и плохое предпарламентское обсуждение проблем и значительное вовлечение в процесс общественного мнения). В результате достаточными условиями для конфликта в сети являются отсутствие вхождения в объединенную Европу ($\sim E$), недостаток федерализма ($\sim F$), плохое предпарламентское обсуждение проблем ($\sim P$) и значительное вовлечение в процесс общественного мнения (A).

Таблица 8.2

Достаточные условия для конфликта

Условие	Состоятельность данных	Уровень соответствия	Уникальность соответствия
$\sim EA +$	1,00	0,68	0,16
$\sim E \sim F \sim P +$	1,00	0,58	0,06
$\sim F \sim PA$	1,00	0,61	0,10
Решение	$\sim EA + \sim E \sim F \sim P + \sim F \sim PA$		
Состоятельность решения	1,00		
Соответствие решения	0,84		
Предпосылки	$\sim E, \sim F, \sim P, A$		

Говоря о том, как качественный анализ на основе конфигуративных методов обогащает сетевой подход, авторы, использующие эту комбинацию методов, подчеркивают следующие позитивные моменты. *Во-первых*, конфигуративные методы позволяют изучать сложные конфигурации сетевого взаимодействия. *Во-вторых*, они нацелены на исследование причин, определяющих как возможные сетевые комбинации, так и возможные результаты выбора политики. При этом объединение сетевого и конфигуративного методов позволяет соотносить систему отношений в сетях с контекстом их деятельности. *В-третьих*, конфигуративный анализ позволяет анализировать всю совокупность возможных моделей взаимосвязи причин и следствий в сетевой политике.

* * *

Рассмотрение вопросов, касающихся применения булевой алгебры и логики нечетких множеств в сетевых политических исследованиях, показывает большие возможности данной техники. Ее специфика заключается в том, что она применяется как средство качественного анализа категориальных данных и позволяет использовать в особом виде экспериментальную методику. Алгоритмы конфигуративного метода — теоремы и законы, построение таблицы истинности, минимизация, нахождение основных импликантов, определение принадлежности к мягким множествам, нахождение необходимых и достаточных причин и т.д. — позволяют получить широкие обобщения эмпирического материала, в то же время экономные и четкие. Следует подчеркнуть, что этот анализ осуществляется в сочетании с концептуальной работой и постоянным обращением к анализу отдельных эмпирических случаев. Как и всякий метод, стратегия конфигуративного анализа ограничена своими условиями и предпосылками, но ее применение, несомненно, обогащает технологию сетевого политического анализа.

Ключевые слова

«Смешанный метод», конфигуративный метод (анализ), булева алгебра, необходимые и достаточные причины, «мягкая логика», шкала принадлежности, отрицание, пересечение множеств, объединение множеств.

Литература

Сморгунов Л. В. Современная сравнительная политология: Учебник. М.: РОССПЭН, 2002. С. 114–143.

Abell P. Foundations for a Qualitative Comparative Method // International Review of Social History. 1989. Vol. 34. No 1.

Configurational Comparative Methods. Qualitative Comparative Analysis (QCA) and Related Techniques / Ed. by B. Rihoux, Ch. Ragin. Thousand Oaks, Ca: Sage, 2009.

Innovative Comparative Methods for Policy Analysis. Beyond Quantitative-Qualitative Divide / Ed. by B. Rihoux, H. Grimm. N.Y.: Springer, 2006.

Markoff J. A Comparative Method: Reflections on Charles Ragin's Innovations in Comparative Analysis // Historical Methods. 1990. Vol. 23. No 4.

Ragin Ch. The Comparative Method. Moving Beyond Qualitative and Quantitative Strategies. Berkeley: University of California Press, 1987.

Ragin Ch. Fuzzy-Set Social Science. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 2000.

Romme A. Boolean Comparative Analysis of Qualitative Data. A Methodological Note // Quality & Quantity. 1995. Vol. 29. No 2.

Вопросы и задания

1. Почему появляется необходимость объединения различных методов?
2. В чем суть комбинации сетевого подхода и конфигуративных методов?
3. Каковы особенности использования булевой алгебры в политических исследованиях?
4. В чем единство и различие логического умножения и логического сложения в булевой алгебре и логике нечетких множеств?
5. Каковы особенности логики нечетких множеств в политических исследованиях?
6. Назовите условия возможного объединения.

СТАТИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ АНАЛИЗА ПОЛИТИЧЕСКИХ СЕТЕЙ

► Глава посвящена рассмотрению статистических методов анализа политических сетей. Даны основные понятия математической статистики. Авторы отдельно демонстрируют возможности сетевого подхода к анализу статистических данных. В главе представлены основные статистические параметры, характеризующие политические сети, а также одна их интерпретация для анализа публичной политики. Авторы рассматривают различные механизмы применения статистических методов в исследовании политических сетей и сетевой публичной политики. ◀

9.1. Математическая статистика в сетевом анализе: основные понятия

Математическая статистика направлена на установление закономерностей, которым подчинены массовые случайные явления, на основе обработки статистических данных, полученных в результате наблюдений. Количественные исследования в сетевом анализе публичной политики становятся все более популярными. Это обусловлено в первую очередь тем, что сети, акторы и связи между ними описываются большим количеством измеряемых параметров. Многие из этих показателей мы уже рассматривали в предыдущих главах этого учебника. Двумя основными задачами использования методов математической статистики в сетевом анализе являются:

- определение способов сбора и группировки этих статистических данных;
- разработка методов анализа полученных данных и интерпретации результатов в зависимости от целей исследования.

Анализируя статистические данные, мы ориентируемся на выявление закономерностей между значениями различных параметров,

которыми описываются политические сети. По правилам математической статистики для того, чтобы по исследованию выборки можно было сделать выводы о поведении интересующего нас признака генеральной совокупности, нужно, чтобы выборка правильно представляла пропорции генеральной совокупности, т.е. была репрезентативной. Обычно в анализе политических сетей мы исследуем всю генеральную совокупность. В этом случае нередко возникает сложность, связанная с тем, что иногда бывает достаточно трудно охватить всех сетевых акторов, если, например, в результате опроса мы упустили наличие связей. Также мы не всегда можем адекватно оценить все имеющиеся между акторами связи, их характеристики (например, частоту). Эти потенциальные ограничения обязательно нужно учитывать, применяя статистический аппарат в анализе политических сетей. Основные методы сбора данных в сетевом анализе мы рассматривали в предыдущих главах (см. главу «Моделирование политических сетей»).

Традиционным методом группировки данных в анализе политических сетей является выделение сегментов. **Сегмент сети** (*partition of network*) — часть сети, получающаяся в результате классификации вершин в сети таким образом, когда каждая вершина приписывается ровно к одному классу. Выделяя классы сетевых акторов, мы присваиваем каждому сегменту и соответственно каждому актору порядковый номер, который является целым неотрицательным числом. Основания для классификации могут быть разными. В политических сетях мы можем выделять сегменты, основанные на принадлежности акторов к какой-либо группе. Тогда можно, например, определить 4 сегмента и обозначить акторов следующим образом: 1 — органы государственной власти, 2 — органы муниципальной власти, 3 — бизнес, 4 — некоммерческие организации. В большинстве сетевых исследований классификация акторов тождественна по содержанию кластеризации. В таком случае мы выделяем классы акторов по кругу проблем, в решении которых они участвуют. Обычно акторы, активно взаимодействующие в течение достаточно продолжительного времени и участвующие в решении нескольких задач в одной проблемной области, образуют тесные связи. В результате кластеризации мы выделяем такие сплоченные группы, которые могут быть рассмотрены нами далее в качестве сегментов сети. Выделение сегментов особенно полезно тогда, когда мы имеем дело с сетями, состоящими из большого количества акторов. Это дает возможность изучать различные сегменты в отдельности. В то же время заметим, что не во всех сетях

можно выделять различные сегменты. Сети могут быть и односегментными (*unipartite networks*).

Сетевая методология обладает целым набором подходов к работе с данными, которые разработаны в рамках теории графов. В основном эти подходы сводятся к выявлению ролей акторов в сетевом взаимодействии на основе набора параметров, характеризующих самих акторов и их связи (см. главу 2). Также мы можем характеризовать целым набором индикаторов и всю сетевую структуру (см. главу «Сетевая политическая коммуникация»). Однако в сетевых политических исследованиях, так же как и в других случаях применения статистики в общественных науках, востребованы корреляционный и регрессионный методы анализа зависимостей между переменными.

Корреляционный анализ — метод обработки статистических данных, с помощью которого измеряется теснота связи между двумя и более переменными. Корреляционный анализ тесно связан с регрессионным, с его помощью определяют необходимость включения тех или иных факторов в уравнение множественной регрессии, а также оценивают полученное уравнение регрессии на соответствие выявленным связям.

Регрессионный анализ — статистический метод исследования влияния одной или нескольких независимых переменных на зависимую переменную. Независимые переменные иначе называют регрессорами, или предикторами, а зависимые переменные — критериальными. Терминология зависимых и независимых переменных отражает лишь математическую зависимость переменных, а не причинно-следственные отношения.

Различают *параметрическую* и *непараметрическую* регрессию. Строгую границу между этими двумя типами регрессии провести сложно. Сейчас не существует общепринятого критерия их отличия. Например, считается, что линейные модели являются параметрическими, а модели, включающие усреднение зависимой переменной по пространству свободной переменной, — непараметрическими.

В рамках данного учебника мы не будем подробно останавливаться на изучении корреляционного и регрессионного методов статистического анализа. Этому посвящены отдельные учебные материалы и курсы по использованию математической статистики в общественных науках. Здесь важно отметить, что исследователю важно понимать смысл использования статистического аппарата и уметь интерпретировать результаты статистических расчетов. В программных пакетах, рассмот-

ренных в главе 7, реализованы некоторые функции описательных статистик. Тем не менее во многих работах по политическим сетям авторы используют и другие программы для статистического анализа: *SPSS*, *R* и др. Все рассматриваемые в данной главе сетевые параметры (в том числе атрибуты акторов и отношений) могут быть измерены с помощью программного обеспечения для сетевого анализа. Конкретные алгоритмы действия пользователя, естественно, зависят от особенностей программ и их интерфейсов. Для того чтобы рассчитывать данные параметры, необходимо ознакомиться с руководством пользователя, которое сопровождает каждый программный продукт. В этой главе мы приведем несколько примеров использования статистических подходов в исследованиях политических сетей.

9.2. Сетевой анализ на основе статистических данных

Сетевой анализ может быть применен к изучению крупномасштабных явлений, описываемых набором статистических показателей. В своей работе, посвященной использованию программного обеспечения *Pajek* в сетевых исследованиях, авторы приводят следующий пример¹. В 1974 г. Иммануил Валлерстайн² ввел понятие капиталистической мировой системы, которая оформилась еще в XVI в. Эта система характеризует мировую экономику, представляющую собой сети торговых связей, и состоит из ядра, полупериферии и периферии. Страны обязаны своим богатством или бедностью своей позиции в данной структуре. Ядро существует потому, что ему удается полностью эксплуатировать периферию и, в меньшей степени, полупериферию. В свою очередь, полупериферийные экономики получают выгоды оттого, что являются посредниками между ядром и периферией. Современная мировая система основана на глобальном разделении труда. Страны в ядре специализируются на капиталоемкой и высокотехнологичной продукции, в то время как периферийные страны задействованы в основном в трудоемких отраслях производства товаров с невысокой добавленной стоимостью. Центральные страны импортируют сырье и товары с низкой добавленной стоимостью из периферийных государств и превращают их в дорогие высокотехно-

¹ *Nooy W. de, Mrvar A., Batagelj V. Exploratory Social Network Analysis with Pajek. Cambridge University Press, 2005.*

² *Wallerstein I. The Modern World System: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. N.Y.: Academic Press, 1974.*

логичные продукты, которые затем экспортируются по всему миру. В результате мы наблюдаем большой товарооборот между развитыми экономиками и меньший — между периферийными. Более того, ядро доминирует в мировой торговле: государства, находящиеся в центре этой сети, чаще участвуют в торговых связях, чем периферийные страны, и стоимость экспорта товаров из ядра превышает стоимость импорта, потому что их продукция имеет высокую добавленную стоимость. Именно поэтому страны из ядра в экономическом плане постоянно доминируют.

Какие страны относятся к ядру, полупериферии или периферии? В политической экономии было сделано несколько попыток, чтобы ответить на этот вопрос с помощью методов сетевого анализа. Исследователи проанализировали структуру торговых отношений и классифицировали страны. Например, государства, которые торгуют практически со всеми другими странами, попадают в ядро мировой экономики. Статистика мировой торговли, которая находится в широком доступе, предлагает практически всю генеральную совокупность данных, необходимых для проведения такого анализа.

Авторы предлагают результаты анализа на основе статистики по мировой торговле металлом и металлическими изделиями, взятой за 1994 г. На рис. 9.1 изображена торговля производителей металла и их позиции в мировой системе в 1994 г.³ В соответствии с пространственным пониманием понятий ядра, полупериферии и периферии ключевые страны находятся в центре (черные вершины), полупериферия составляет среднее кольцо (серые вершины), а периферийные страны (белые вершины) расположены на внешнем кольце. Интенсивные торговые связи между странами в ядре, а также между ядром и полупериферией очевидны, как и относительное отсутствие торговли между производителями металла на периферии. Мы должны, однако, отметить, что впечатление о четких границах между тремя классами намеренно создано исследователями: эта модель лишь демонстрирует место стран в мировой системе производителей металла, а не обосновывает.

Итак, на основе статистических данных и методов сетевого моделирования авторы выделили три сегмента в мировой торговле металлом и обозначили позиции (роли) различных стран-производителей в данной структуре.

³ *Nooy W. de, Mrvar A., Batagelj V. Exploratory Social Network Analysis with Pajek. Cambridge University Press, 2005.*

жесткую и устойчивую структуру, которая, по-видимому, является более сплоченной. В сетевом анализе мы исследуем параметр плотности, для того чтобы характеризовать сплоченность акторов в сетевом взаимодействии. Определяя плотность, обычно мы не обращаем внимания на параметры отношений, их количественные и качественные характеристики. Хотя на интуитивном уровне понимаем, что наличие нескольких типов отношений или регулярность взаимодействия указывает на наличие более сплоченных связей между конкретными акторами.

Плотность и степень. Параметр плотности демонстрирует отношение имеющихся связей между акторами сети к потенциально возможному количеству связей. Например, если показатель равен 0,075, это значит, что в сети возникло лишь 7,5% связей из всех возможных. Плотность обратно пропорциональна размеру сети: чем больше акторов включено в сетевую структуру, тем ниже плотность, так как число возможных связей быстро возрастает с числом вершин, а количество связей, которые каждый актор может поддерживать, ограничено. Поэтому в анализе больших социальных сетей данный параметр используется достаточно редко. В политических сетях количество акторов обычно не такое большое, поэтому плотность сети является довольно важным параметром, который нам необходимо изучать и интерпретировать, т.е. связывать с результатами сетевых интеракций в публичной политике. Отдельное внимание следует уделять и количеству связей каждого актора, т.е. степени. В сплоченных кластерах сетей мы обнаруживаем акторов с высокой степенью. Таким образом, мы можем использовать среднюю степень всех акторов для измерения структурной сплоченности сети. Этот показатель считается лучшим, чем плотность, поскольку он не зависит от размера сети. Особенно это важно в сравнительных исследованиях, где изучаются сети, имеющие разное количество акторов, и параметр плотности не будет адекватно описывать различия сетевых структур. Напомним, что модели политических сетей часто представляют собой ориентированные графы, поэтому помимо средней степени для акторов в таких сетях принято считать и показатели исходящей и входящей степени.

Престиж. Количество входящих связей актора сильно влияет на его позицию в сетевой структуре. Чем больше входящих связей, тем ближе актор расположен к ядру сети и выше его престиж. Правда, бывают случаи, когда о престиже сигнализируют исходящие связи. Например, если связи демонстрируют направления финансирования. Такие связи лучше исключать из анализа значимости актора. Обычно в политических сетях наибольшее количество входящих связей у акторов, принимающих решения, или тех, кто играет ключевую роль в процессе их выработки.

Тем не менее для того, чтобы ответить на вопрос о взаимосвязи между статусом актора в сетевой структуре и показателем входящей степени, мы можем использовать стандартный корреляционный анализ.

Мы определили, что связь между двумя явлениями, как правило, измеряется коэффициентами корреляции. Коэффициенты корреляции лежат в диапазоне от 1 до -1 . Положительный коэффициент показывает, что высокое значение одного параметра связано с высоким значением другого, т.е. прямую зависимость. а отрицательный коэффициент демонстрирует наличие обратной зависимости. Как правило, мы можем сказать, что нет никакой корреляции, если абсолютное значение коэффициента меньше 0,05. Если абсолютное значение коэффициента составляет от 0,05 и 0,25, то связь слабая, коэффициенты от 0,25 до 0,60 (и от $-0,25$ до $-0,60$) показывают умеренную зависимость, и коэффициент от 0,60 до 1,00 (или от $-0,60$ до $-1,00$) интерпретируется как показатель сильной зависимости между параметрами. В программных платформах для сетевого анализа обычно реализованы возможности вычисления двух типов коэффициентов корреляции: Спирмена и Пирсона. Коэффициент ранговой корреляции Спирмена обычно определяет, соответствует ли ранжирование акторов по одной характеристике (например, входящей степени) ранжированию по другой характеристике (например, статусу). Величина различий между рядами не имеет значения, хотя, конечно, обе характеристики предварительно должны быть измерены для дальнейшего ранжирования.

Коэффициент корреляции Пирсона использует точные количественные значения обоих параметров. Это предполагает линейную связь между двумя характеристиками, т.е. прирост значения одного параметра приведет к фиксированному увеличению (или уменьшению) другого. В нашем случае корреляция Пирсона может показать, что если актор получает еще одну входящую связь, то это увеличивает его статус на определенное значение. Коэффициент Пирсона считается более точным и чувствительным, чем коэффициент Спирмена. Но это может быть не только преимуществом, но также и недостатком. Если существует линейная зависимость между двумя параметрами, характеризующими актора сети, то коэффициент корреляции Пирсона описывает его более точно, чем коэффициент Спирмена. Однако утверждение, что изменение значения одного параметра связано с фиксированным изменением значения другого, очень категорично и поэтому часто не выполняется. Например, одна дополнительная входящая связь может повлечь за собой значительное увеличение статуса актора по сравнению с участниками, у которых мало входящих связей, но также может вызвать и небольшой прирост статуса у акторов со средней входящей степенью. В этом случае

коэффициент Пирсона занижает фактическую связь. Таким образом, важно использовать коэффициент корреляции Пирсона, только если его результаты не слишком расходятся с результатами коэффициента Спирмена. Если они очень разные, то можно сделать вывод о том, что данные содержат множество неточностей измерения.

Область влияния. Значимость актора очень ограничена фактором престижа, для измерения которого мы используем только количество прямых входящих связей. В этом смысле не имеет значения, исходят эти связи от периферийных акторов с низкой входящей степенью или других важных для сетевого взаимодействия акторов с высоким показателем входящих связей. Иными словами, измеряя престиж, мы не учитываем общую структуру сети. В методологии сетевого анализа существуют способы расширения данных измерений, учитывающие и не прямые связи между акторами. Это имеет серьезное значение, так как очень часто участники сетевой структуры из-за отсутствия ресурсов не могут получить прямой доступ к субъектам принятия решений. Например, общественная организация «Деловая Россия» хоть и имеет множество компаний-членов (входящих связей), но выполняет зачастую лишь посреднические функции. Если мы учтем все входящие связи, в том числе и те, которые идут через посредников, то получим область влияния актора (*influence domain*). Чем больше эта область влияния, тем выше структурный престиж актора и его значимость как для сети, так и для процессов выработки публичной политики. В хорошо связанной сети с большим количеством взаимных связей большинство акторов так или иначе связаны между собой. В результате значения области влияния акторов различаются слабо. В этом случае лучше в индексе престижа учитывать не все не прямые связи, а, допустим, лишь те, что имеют одного-двух посредников.

Конечно, выбор максимального расстояния от акторов, входящих в область влияния, является совершенно произвольным, хотя исследователь должен пытаться каким-то образом мотивировать свой выбор. Однако в сетевой теории есть понятие *престижа непосредственного соседства* (*proximity prestige*), которое преодолевает эту проблему. *Этот индекс престижа учитывает всех акторов в области влияния, но придает большее значение связям, которые имеют меньше посредников, т.е. прямые связи получают наибольший удельный вес. Он является отношением области влияния актора к средней дистанции от всех акторов данной области.* Максимальное значение престижа непосредственного соседства достигается, если актор имеет прямые входящие связи от всех остальных акторов, и равно 1. Акторы без области влияния характеризуются престижем непосредственного соседства, равным нулю. С точки зрения анализа по-

литических сетей данный показатель имеет следующий смысл: чем выше показатель престижа непосредственного соседства, тем более значим и влиятелен актор для своего окружения.

Сетевые ядра. Распределение показателя степени по сетевой структуре показывает локальные концентрации связей вокруг отдельных вершин, но это не говорит нам о том, возникают ли вокруг этих вершин с высокой степенью определенные кластеры, или эти акторы просто разбросаны по всей сети. На сетевой карте (визуализированной модели) также не всегда представляется возможным оценить, возникают ли кластеры, связанные с акторами, характеризующимися высокой степенью. В сетевом анализе принято использовать степень, чтобы идентифицировать кластеры сетевых узлов, которые тесно связаны, так как каждый актор имеет конкретную минимальную степень внутри кластера. Все акторы, которые по отношению к этим акторам имеют меньшую степень, не включаются в кластер. Получается, что если мы определяем в качестве минимальной степени 5, то все акторы, которые в данной потенциальной совокупности будут иметь степень меньше 5, не принадлежат к данному кластеру.

Таким образом, мы не обращаем внимания на степень одной вершины, но пытаемся выделить степень всех акторов в кластере. Эти кластеры называются *k-ядра*, где *k* указывает на минимальную степень каждой вершины в ядре. Например, 5-ядро содержит все вершины, соединенные степенью 5 и более с другими вершинами в ядре. Данные *k-ядра* определяют относительно плотные подсети (*subnet works*), т.е. помогают найти сплоченные подгруппы. Однако *k-ядро* не обязательно само по себе является сплоченной подгруппой. В анализе политических сетей наличие сплоченных подгрупп подразумевает, что их составляют акторы с наиболее близкими интересами, ценностями, нормами, позициями по проблематике сети.

9.4. Простые закономерности в сетевом политическом анализе

Политическое влияние. Важным аспектом изучения политических сетей часто является *социальное/политическое влияние* (*social/political influence*). Далее в тексте мы будем использовать термин «политическое влияние», хотя в англоязычных источниках также встречаются понятия *contagion* (буквально «инфекция») или *network diffusion* («сетевая диффузия»). Политическое влияние показывает, что если существует связь между субъектами *i* и *j*, то, возможно, субъекты могут влиять друг на друга, так что их переменные атрибуты (нормы, ценности, интересы)

становятся похожи друг на друга. Например, акторы в результате кооперации принимают общую позицию по какому-либо вопросу или выбирают общую модель поведения⁴.

Передача атрибутов от одного актора к другому является конкретным случаем постоянно осуществляющегося распространения (диффузии) идей, норм, ценностей, моделей поведения по сети. Предположим, что переменная атрибута $y(i) = 1$ указывает, что актор имеет определенный политический интерес (желание повлиять на конкретное политическое решение), в то время как 0 свидетельствует о его отсутствии. Мы не уверены, что этот интерес имеет тенденцию к распространению по сети, но видим картину значения переменных $y(i) = y(j) = x(N) = 1$ во многих случаях пар субъектов i и j . Иными словами, мы наблюдаем множество обстоятельств, при которых для пар акторов i и j с имеющейся между ними связью оба актора имеют данный интерес. Тогда мы можем рассматривать это как свидетельство того, что данный интерес распространяется по сети и он может появиться и у других акторов, входящих в эту сетевую структуру. Подтвердить наличие этого политического влияния мы можем, проведя анализ наличия данного атрибута у сетевых акторов через определенный промежуток времени. Если он проявился у новых акторов, это значит, что наше предположение было верным.

Используя логистическую регрессию, в которой предполагается, что зависимая переменная принимает два значения и имеет биномиальное распределение (1 или 0 — появился политический интерес или нет), мы сможем выявить, как такие предикторы, как идентичность акторов, их институциональные особенности, влияют на восприятие акторами политического влияния. Что касается метода сбора данных, то выявление данных атрибутов в политических сетях осуществляется посредством опросов или интервью с акторами сетевого взаимодействия, т.е. исследователь должен сразу предложить гипотезы о наличии тех или иных интересов, норм или моделей поведения, которые есть у акторов.

Конечно, если у нас есть большой объем данных о динамике изменения сети, например, результаты нескольких замеров, сделанных через определенные промежутки времени, можно достичь более интересных результатов. С помощью регрессионного анализа мы можем выявить, есть ли зависимость между динамикой распространения политического влияния и изменением области влияния актора во времени, позициями акторов в сетевом взаимодействии, показателем престижа, другими параметрами, описывающими актора. Рональд Берт, например, на основе

⁴ *Robins G., Lewis J. M., Wang P. Statistical Network Analysis for Analyzing Policy Networks // The Policy Studies Journal. 2012. Vol. 40. No 3.*

данной методики продемонстрировал, что индивиды, которые занимают *структурные дыры* (*structural holes*), т.е. выступают посредниками между разными сегментами сети, получают серьезные преимущества в осуществлении сетевого влияния⁵. Мы описали ситуацию, когда переменная атрибута может измениться (у актора появляется политический интерес), но сами сети и связи тоже не являются статичными. Одной из причин, по которой появляются связи, может быть то, что у двух несвязанных акторов есть одинаковые атрибуты. Такой феномен называется «гемофильность». Например, люди склонны становиться друзьями с людьми своего возраста. Однако гемофильность не единственная причина отбора акторов для выстраивания связей. Акторы с определенными атрибутами могут стремиться к выстраиванию или, наоборот, получению большего количества связей по сравнению с другими акторами. Естественно, что в политических сетях все стремятся выстроить отношения с властными институтами, так как они принимают решения. В свою очередь органы власти могут ориентироваться на выстраивание отношений с экспертным сообществом для получения знаний о проблеме.

В диссертации на соискание степени *PhD* по политическим наукам Брайан Гринфилд⁶ изучил, каким образом различные атрибуты государств как акторов межгосударственных сетей влияют на восприятие норм и ценностей. Автор изучил сети межправительственных организаций и выявил наличие и характер зависимостей между включенностью государств в сети межправительственных организаций и распространением социальных, экономических и политических прав женщин и прав сексуальных меньшинств. За основу были взяты данные участия государств в межправительственных организациях и индексы развития вышеуказанных норм в большинстве стран мира за период 1981–2007 гг. С помощью регрессионного анализа было доказано, что множество различных норм успешно распространяется по межгосударственным сетям. Кроме того, все случаи, рассмотренные в данном исследовании, включают контрольные переменные для многих релевантных каналов диффузии норм, не связанных с сетями межправительственных организаций: эффекты географической близости, лингвистического сходства, исторических колониальных связей, религиозной идентичности. Это позволило автору исключить важные альтернативные объяснения конвергенции между поведением государств, которые имеют тесные связи между собой вне межправительственных институтов.

⁵ Burt R. S. *Structural Holes: The Social Structure of Competition*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992.

⁶ Greenhill B. *Norm Transmission in Networks of Intergovernmental Organizations* // Dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy University of Washington, 2010. URL: http://www.dartmouth.edu/~briangreenhill/greenhill_dissertation.pdf.

В другой части исследования Б. Гринфилд демонстрирует прямую зависимость между включенностью государственных органов в межправительственные сети и государственными усилиями по соблюдению прав человека, которые выражались в ратификации Международного уголовного суда (рис. 9.2).

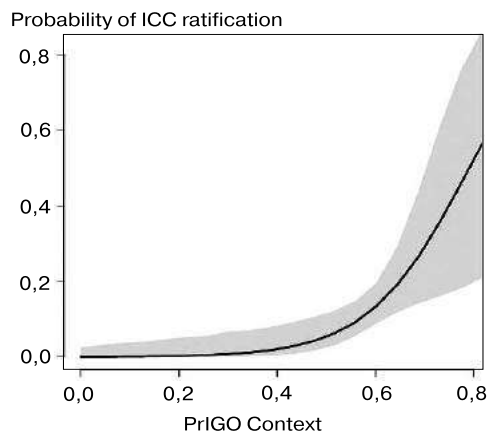

Рис. 9.2. Прогнозируемые вероятности ратификации Международного уголовного суда (ось ординат) в зависимости от включенности в сети межправительственных организаций (ось абсцисс)

Процессы отбора акторов для потенциального взаимодействия в политических сетях могут предложить новые возможности для постановки исследовательских вопросов, которые не актуальны для стандартных наборов данных. Отбор является обычным сетевым процессом образования связей, вытекающим из закономерностей атрибутов. Тем не менее отношения могут также образовываться из-за наличия в сети устоявшихся практик возникновения связей. Например, во многих политических сетях существует механизм образования связей с экспертными институтами, которые редко обладают теми же атрибутами, что другие акторы, но все равно остаются востребованными. Эти структурные процессы могут привести к сетевой конфигурации, которая не связана с атрибутами вообще. Самой простой для понимания является взаимность в сетях, т.е. наличие исходящей связи от актора i к j может способствовать формированию связи от j к актору i . Взаимность является основным социальным процессом, который мы видим во многих социальных сетях. Дело в том, что усилие для возвратно-поступательного движения может произойти независимо от конкретных атрибутов

акторов. Это, конечно, не означает, что данный процесс отбора является универсальным или детерминированным, но тенденция к взаимности часто очень сильная⁷.

Можно проводить сравнительные исследования сетей, состоящих из одних и тех же акторов, но различающихся по типам связей. В этом случае нам необходимо ответить на вопрос, влияет ли наличие отношений X_{ij} между узлами i и j на формирование другого вида отношений между теми же акторами — Z_{ij} . Такая зависимость, когда связи в одной сети, как правило, соответствуют отношениям в другой, называется сетевой увязкой (*network entrainment*). Это лишь один из многих типов сетевых аналогий, которые могут применяться к нескольким сетям. Например, Джон Паджетт и Кристофер Анселл доказали, что параметры *посреднической центральности* (*betweenness centrality*) в сетевой структуре в брачных, торговых и политических сетях совместно способствовали общему влиянию Медичи⁸.

9.5. Статистические модели анализа политических сетей

В данном параграфе обратимся к более сложным подходам к статистическому анализу политических сетей, которые представляют собой комплексные методологии, включающие определенные алгоритмы проведения исследований.

Статистические модели современных сетевых политических исследований основаны на включении предположений о взаимозависимостях между отдельными наблюдениями и анализе сложных сетевых структур. На сегодняшний день в анализе политических сетей в основном выделяются три типа статистических методов: *процедуры квадратичного распределения* (*quadratic signment procedures QAPs*), *экспоненциальные модели случайных графов* (*exponential random graph models ERGMs*) и *стохастические актор-ориентированные модели* (*stochastic actor-oriented models SAOMs*). С помощью моделей можно делать прогнозы о формировании отношений между субъектами, о том, как отношения влияют на характеристики акторов (в том числе их производительность), как сетевые структуры взаимодействуют, используя различные модели отношений⁹.

⁷ Robins G., Lewis J. M., Wang P. Statistical Network Analysis for Analyzing Policy Networks // The Policy Studies Journal. 2012. Vol. 40. No 3.

⁸ Padgett J. F., Ansell C. K. Robust Action and the Rise of the Medici, 1400–1434 // American Journal of Sociology. 1993. Vol. 98. P. 1259–1319.

⁹ Lubell M., Scholz J., Berardo R., Robins G. Testing Policy Theory with Statistical Models of Networks // The Policy Studies Journal. 2012. Vol. 40. No. 3.

Процедуры квадратичного распределения. *QAP* используется в качестве статистического теста для определения того, коррелируют ли между собой две матрицы. Данный метод не является специфичным для анализа политических сетей. Первоначально он был предложен статистиком Натаном Мантелом¹⁰, чтобы ответить на вопрос, можно ли географически сгруппировать болезни. В сетевом анализе мы часто заинтересованы в том, чтобы выяснить, коррелируют ли между собой структуры двух сетей, состоящих из одинакового набора узлов. Например, взаимосвязана ли неформальная коммуникационная сеть в организации с формальной иерархией? Данная статистическая процедура реализована, например, в программном пакете *UCINET*.

Одной из вариаций данного метода является *MRQAP* — построение многомерной регрессии квадратичного распределения. Например, в статье Лайлы Маруф «Социальные сети и обмен знаниями в организациях»¹¹ эта процедура была использована для того, чтобы выяснить, есть ли существенная связь между силой деловых связей и обменом публичными знаниями, а также для определения, взаимосвязаны ли сила социальных связей и обмен частными знаниями. Автор выдвигает следующие гипотезы исследования:

- H1a. Прочность бизнес-отношений существенно влияет на обмен публичным некодированным знанием.
- H1b. Частота бизнес-отношений существенно влияет на обмен публичным некодированным знанием.
- H1c. Прочность бизнес-отношений существенно влияет на обмен публичным кодированным знанием.
- H1d. Частота бизнес-отношений существенно влияет на обмен публичным кодированным знанием.
- H2a. Прочность социальных отношений существенно влияет на обмен частным некодированным знанием.
- H2b. Частота социальных отношений существенно влияет на обмен частным некодированным знанием.
- H2c. Прочность социальных отношений существенно влияет на обмен частным кодированным знанием.
- H2d. Частота социальных отношений существенно влияет на обмен частным кодированным знанием.

В результате проведенного анализа подтверждаются гипотезы H1b и H1c.

¹⁰ Mantel N. The Detection of Disease Clustering and a Generalized Regression Approach // Cancer Research. 1967. Vol. 27. P. 209–220.

¹¹ Marouf L. N. Social networks and knowledge sharing in organizations: a case study // Journal of Knowledge Management. 2007. Vol. 11. No 6. P. 110–125.

Экспоненциальные модели случайных графов. *ERGMs* в основном представляют собой модели для анализа структуры сети и эффектов социального отбора. Используя эти модели, можно изучить, каким образом формируется конфигурация в сети. Например, если параметр для триад включен в модель наряду с другими конфигурациями, такими как ребра и двойные звезды (элемент сети, состоящий из трех акторов, но имеющий только две связи), можно сделать вывод, как много триад формируется в сети по сравнению с ожидаемым числом, основанным на простом подсчете конфигураций ребер и двойных звезд. Для заданного числа ребер количество триад будет формироваться случайно, так же как и для заданного числа двойных звезд. Данные модели позволяют оценить, насколько различные типы индивидуальных, диадических и более сложных сетевых конфигураций вероятны с точки зрения сетевых выборов, учитывающих взаимозависимости между диадами.

Экспоненциальная модель случайных графов была, например, использована в исследовании «Системы взглядов и социальный капитал как драйверы структуры политических сетей: кейс-стади регионального планирования в Калифорнии»¹². Совместное влияние системы взглядов и транзитивности, показанное в этом исследовании, подчеркивает важность коалиционной политики даже в условиях политических сетей, характеризующихся высоким уровнем включенности разных акторов и широкими возможностями к сотрудничеству. Акторы, которые являются единомышленниками, взаимодействуют против оппонентов, хотя сама сетевая конфигурация позволяет им сотрудничать. Изученные авторами работы сетевые структуры похожи на коалиции, конкурирующие за политическую власть, которые пытаются обезопасить свои собственные политические предпочтения и получить наибольшую долю преимуществ от сотрудничества.

Важную роль политических взглядов также подчеркивает то, что политические сети продолжают формироваться под влиянием политической власти, а не только на основе стремления к сотрудничеству между сообществом единомышленников и политических акторов. Как и предполагали авторы работы, в политических сетях, если акторы не разделяют убеждения других акторов и поэтому принадлежат к разным кластерам по принципу тождественности данного атрибута, то существует существенно негативное влияние на потенциал межкластерного сотрудничества (табл. 9.1). В то же время внутри кластеров акторы образуют коалиции для конкуренции с субъектами из других кластеров.

¹² Henry A. D., Lubell M., McCoy M. Belief Systems and Social Capital as Drivers of Policy Network Structure: The Case of California Regional Planning // Journal of Public Administration. Research and Theory. 2011. Vol. 21 (3). P. 419–444.

Таблица 9.1

Влияние членства в кластере единомышленников и социального капитала на сотрудничество в сетевой структуре

	Мерсед	Риверсайд	Сан-Диего	Сакраменто
<i>Эффекты системы взглядов</i>				
Связи внутри кластеров	-0,09 (0,23)	0,11 (0,24)	-0,04 (0,19)	-0,12 (0,13)
Кросс-кластерные связи	-0,43* (0,20)	-0,83* (0,20)	-0,37* (0,15)	-0,48* (0,09)
<i>Социальный капитал</i>				
Взаимность	0,33 (0,26)	-0,91* (0,24)	-0,66* (0,21)	-0,78* (0,13)
Транзитивность	0,13* (0,01)	0,14* (0,01)	0,10* (0,01)	0,06* (0,00)
Триады	-0,13* (0,05)	-0,16* (0,03)	-0,09* (0,03)	-0,04* (0,01)
Актеры, связанные через посредника	-0,03 (0,03)	-0,02* (0,01)	-0,03* (0,01)	-0,02* (0,00)

Примечание: * показатели статистически значимы.

Стохастические актор-ориентированные модели. SAOMs специально разработаны для анализа данных, отражающих развитие сетей во времени. На начальном этапе эти модели были предназначены для изучения динамики сетевой самоорганизации. В последнее время они стали одним из основных инструментов для исследования коэволюции сетевых структур и индивидуального поведения, так что теперь являются одним из немногих принципиальных методов для изучения механизмов отбора или влияния¹³.

Выделим четыре базовых положения стохастических актор-ориентированных моделей.

1. Время непрерывно, так что, хотя сеть наблюдается в дискретные моменты времени, изменения в сетевых связях (или атрибутах) могли произойти в любой прошедший момент между наблюдениями. Это предположение позволяет конфигурации сетевых отношений выстраиваться связь за связью, между наблюдениями.
2. Изменение в сети — появление или исчезновение сетевой связи, изменение атрибута — зависит только от состояния сети в данный конкретный момент времени, а не в предыдущие моменты.
3. Актеры контролируют свои исходящие связи.

¹³ *Snijders T. A. B., van de Bunt G. G., Steglich C. E. G.* Introduction to Stochastic Actor-Based Models for Network Dynamics // Social Networks. 2010. Vol. 32. P. 44–60.

4. В любой момент один случайно выбранный актор может изменить одну связь или один атрибут. Это позволяет упростить моделирование, так как есть только одно основное изменение в любой момент.

Ключевые слова

Корреляционный анализ, регрессионный анализ, сетевой сегмент, сетевые параметры, сетевое влияние, статистические модели сетевого анализа.

Литература

Greenhill B. Norm Transmission in Networks of Intergovernmental Organizations // Dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy University of Washington, 2010. URL: http://www.dartmouth.edu/~briangreenhill/greenhill_dissertation.pdf.

Henry A. D., Lubell M., McCoy M. Belief Systems and Social Capital as Drivers of Policy Network Structure: The Case of California Regional Planning // Journal of Public Administration. Research and Theory. 2011. Vol. 21 (3). P. 419–444.

Lubell M., Scholz J., Berardo R., Robins G. Testing Policy Theory with Statistical Models of Networks // The Policy Studies Journal. 2012. Vol. 40. No 3.

Marouf L. N. Social networks and knowledge sharing in organizations: a case study // Journal of Knowledge Management. 2007. Vol. 11. No 6. P. 110–125.

Nooy W. de, Mrvar A., Batagelj V. Exploratory Social Network Analysis with Pajek. Cambridge University Press, 2005.

Padgett J. F., Ansell C. K. Robust Action and the Rise of the Medici, 1400–1434 // American Journal of Sociology. 1993. Vol. 98. P. 1259–1319.

Robins G., Lewis J. M., Wang P. Statistical Network Analysis for Analyzing Policy Networks // The Policy Studies Journal. 2012. Vol. 40. No. 3.

Snijders T. A. B., van de Bunt G. G., Steglich C. E. G. Introduction to Stochastic Actor-Based Models for Network Dynamics // Social Networks. 2010. Vol. 32. P. 44–60.

Вопросы и задания

1. Каким образом осуществляется выделение сетевых сегментов?
2. Какова область применения статистического аппарата в сетевых исследованиях?
3. Перечислите основные сетевые параметры и их содержание для сетевой организации.
4. Приведите примеры распространения сетевых атрибутов в политических сетях.
5. Предложите идею для использования одной из статистических моделей для конкретного кейс-стади по теме вашей научной работы.

РАЗДЕЛ III

СЕТЕВАЯ ПОЛИТИКА

ГЛАВА 10

СЕТЕВОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

► В главе раскрывается соотношение понятий «руководство» и «сетевое политическое управление», дается развернутое определение сетевому политическому управлению, выделяются и описываются модели (типы) сетевого политического управления. ◀

10.1. Термин «руководство» и сетевое политическое управление

В современной теории публичного управления термин «правительство» (*government*) стал все больше заменяться термином «руководство», или «общее управление» (*governance*). Английское слово «*governance*» на русский язык сложно поддается однозначному переводу. Это и «руление», «управление на высших уровнях организации», «руководство», «общее управление», «политическое управление». Традиционно в теории организации бизнеса данный термин означал ту роль, которую выполнял совет директоров в представлении и защите интересов всех держателей акций фирмы, работников, потребителей продукции. Он также использовался для определения деятельности некоторых структур, подобных советам или комитетам, которые представляли и защищали интересы какого-либо сообщества людей. В публичном управлении вначале содержание термина касалось деятельности правительственных агентств, которые контролировали бизнес, осуществляющий по контракту выполнение публичных услуг. В дальнейшем, однако, понятие *governance* получило более широкую трактовку, касающуюся специфики осуществления публичного управления не только государством, но и другими структурами бизнеса и гражданского общества. В этом отношении все значения данного термина связаны друг с другом, но это слово обладает более широкой коннотацией, если его использовать, как часто делают, в ряду с другими терминами, напри-

мер, рынком и иерархией как двумя способами координации взаимодействий. Мы используем это слово в смысле общего политического управления, т.е. руководства, которое включает многие значения других толкований термина.

Понятие «руководства» в современной науке государственного (шире — публичного) управления приобретает концептуальное значение. Некоторые исследователи ставят «руководство» в качестве самостоятельной концепции наряду с государственным менеджментом, институциональной концепцией управления и концепцией политических сетей, хотя и подчеркивают ее несомненную связь с двумя последними теоретическими движениями. Выделяют четыре основных подхода к позиционированию понятия руководства в теории публичного управления¹.

1. *Руководство как качественное управление* или как корпоративное руководство. Здесь речь идет собственно о принципах функционирования публичного управления, когда устанавливается справедливое отношение к гражданам и негосударственным организациям на основе правления закона.

2. *Руководство как концепция нового государственного менеджмента*, устанавливающая, что государство должно скорее «править», а не «грести». При таком подходе речь фактически идет о политическом функционировании централизованного управления.

3. *Руководство как многоуровневое управление или система межуправленческих отношений*, когда акцент ставится на особом характере связей между различными уровнями управленческой деятельности. Хотя здесь не всегда используется понятие «сеть», но при таком подходе так или иначе ставится вопрос о пересечении границ управленческой активности, что уже характеризует сетевое взаимодействие.

4. *Руководство как сетевое управление*, которое имеет место внутри подвижных связей между публичными и непубличными акторами, что делает процесс управления сложным и трудным для осуществления.

Уже в 1990-х годах в концепции политических сетей Тания Берцель выделяет самостоятельную школу (по преимуществу немецкую), описывая ее концептуальную особенность через понятие *governance*². Многие другие исследователи, которые пишут о теории политических

¹ *Klijn E.-H.* Trust in Governance Networks: Looking for Conditions for Innovative Solutions and Outcomes // *The New Public Governance? Emerging perspective on the theory and practice of public governance* / Ed. by St. Osborn. L.; N.Y.: Routledge, 2010. P. 303–305.

² *Börzel T.* Organizing Babylon — on the Different Conceptions of Policy Networks // *Public Administration*. 1998. Vol. 76. No 2.

сетей, используют это понятие для характеристики процесса налаживания отношений между участниками сетей и принятия политических решений. Отметим здесь суждение Гая Питерса:

«Дискуссия о руководстве содержит более содержательный взгляд на государственную службу. Здесь перспектива состоит не столько в том, чтобы государственная служба стремилась принять философию и идеи общественного сектора; преобладающий взгляд состоит скорее в том, чтобы общественные институты в качестве выразителей общественного интереса могли и должны были играть лидирующую роль в межсекторальной мобилизации ресурсов и в совместном определении ставок. Роль политических институтов в различных типах управления может сильно различаться, но поскольку имеется определенная значительная вовлеченность в руководство, постольку в [политическом] процессе представлены также коллективные цели»³.

При этом политические сети в управлении, представленные концепцией руководства, часто рассматриваются в аспекте некоторого единства, трудно разложимого на части. Сетевой анализ здесь выполняет некоторую вспомогательную функцию.

Перспектива использования понятия «руководство» для описания новой ситуации в государственном управлении делает теорию последнего непосредственно связанной с политической наукой. По преимуществу концепция руководства является политологической концепцией и в определенной мере восстанавливает значение теории государственного управления в политической науке.

Под руководством в данном случае понимается такая сетевая структура управления публичными делами, которая включает в себя государство, бизнес, гражданское общество, открыто сотрудничающие друг с другом в выработке сложных политических решений.

Государственное управление предстает здесь не столько исполнительской функцией государства, очень отдаленно связанной с непосредственным общественным влиянием, сколько одним из субъектов общественно-политического процесса по выработке согласованного политического решения совместно со структурами гражданского общества и бизнесом. Для государственного управления эта особенность выражается во включении в процесс принятия решений внешних общественных и частных акторов, а значит, в развитии отношений общественной коммуникации, дискурса, договора.

³ *Peters G. Governance Without Government? Rethinking Public Administration // Journal of Public Administration: Research and Theory. 1998. Vol. 8. No 2. P. 229.*

Фактически руководство отличается и от простого администрирования, когда источником политических решений выступает политическая верхушка иерархической лестницы государственной власти и управления, а общественные структуры лишь оказывают опосредованное влияние на этот процесс, и от рыночной модели государственного управления с ее акцентом на торговой сделке, в которой каждый участник пытается максимизировать свой особый интерес. Руководство осуществляется способом организации общих переговоров между государственными и негосударственными структурами по осуществлению взаимного интереса совместными усилиями, а следовательно, для принятия политического решения, удовлетворяющего все стороны соглашения. Руководство не только отличается от рыночных и иерархических моделей управления; оно более эффективно, как считается, для удовлетворения общественных потребностей, т.е. выработки решения по общим вопросам.

В этом отношении повышается значение самоорганизации, управления через сообщества, интенсификации отношений между обществом и государством. Но здесь происходят существенные изменения в функциях государства. Оно в общественных делах должно не само «грести», а «быть капитаном». Здесь функция координации приобретает решающую роль, а вовлечение всех в публичность становится новой мобилизацией для бизнеса и гражданского общества. Поэтому понятными становятся социальная ответственность для бизнес-структур и гражданских ассоциаций. Каковы возможные тенденции в государственном управлении современных стран, которые будут связаны с этими изменениями? Можно ли признать все современные трансформации в них перспективными? Как быть со случайными событиями, которые могут значительно повлиять на возможную конфигурацию государственного управления? Например, отмечено, что часто неэффективность государственных структур в современных странах компенсируется активностью сообществ, в том числе и сетевых. Это особенно заметно в условиях чрезвычайных ситуаций. В целом управляемость и конкурентоспособность повышается через управление за счет сообществ. Следовательно, сегодня эффективное и действенное публичное управление может быть тогда, когда оно осуществляет привлечение бизнеса и гражданского общества к выполнению публичных дел и занимается координацией взаимодействия в рамках сетевого политического управления.

10.1. Понятие сетевого политического управления

Определения сетевого политического управления по своим основным параметрам могут совпадать с общими определениями сети, помимо, конечно, участников сетевого взаимодействия. Впервые понятие сетевой структуры применительно к публичной политике и управлению было использовано Хюдж Хекло в 1978 г. в работе «Проблемные сети и устройство исполнительной власти», где описаны сетевые взаимодействия между правительственными агентствами, законодательными комитетами и группами интересов. Впоследствии сетевая конфигурация политического управления стала предметом анализа применительно к различным сферам, отраслям и функциям управленческой деятельности в публичном пространстве. Общая характеристика сетевого политического управления представлена табл. 10.1⁴. В ней показано, что *акторы*, вовлеченные в сетевое политическое управление, могут характеризоваться по их отношению к социальным группам, общественному сектору, позиционированию в центре или на периферии, по направленности подотчетности и ответственности. При этом устанавливаемые *сетевые связи* будут включать в себя обмен разного рода ресурсами, могут быть сильными и слабыми, формальными и неформальными, основанными на определенном виде административной власти и типе подотчетности. *Широта сетевого взаимодействия* охватывает различные инструменты политики, ее операционные функции, проблемы и отрасли. При этом *конфигурация сети* может быть различной — от внутривластных отношений до частно-государственного партнерства. *Системная связь сети* сможет обладать различной степенью открытости, а ее динамика — сосредотачиваться на входных параметрах системы или на результате. Важное значение имеют типы обратной связи, режимы подотчетности и менеджмент оценки качества. Обратим внимание на то, что в таблице представлены черты сетевого политического управления с учетом новых ИКТ последнего десятилетия. Это означает, что здесь учтено влияние новых информационных технологий, которые имеют знак 2.0 или даже 3.0. Следовательно, к сетевому политическому управлению нужно добавить признаки, которые учитывали бы интерактивность, социальные

⁴ Представленные в таблице описания характеристик/процессов отличаются от исходной версии (отличия выделены курсивом): Koliba Ch., Meek J., Zia A. Governance Networks in Public Administration and Public Policy. Roka Raton; L.; N.Y.: CRC Press, 2011. P. 331–334.

сети и новые технологии политического участия (непосредственная демократия, экспертная оценка, блоги, краудсорсинг и др.).

Таблица 10.1

Таксономия сетевого политического управления

Сетевой элемент	Характеристика элементов/процессов	Описание характеристик/процессов
Актор	Социальная шкала	Индивиды, группы, <i>социальные сети</i> , организации/институты, альянсы
	Общественный сектор	Публичный, частный, неприбыльный
	Уровни управления	Местный, региональный, субъект Федерации (территория), государственный, <i>виртуальный</i> , международный
	Роль центральности	Наличие центра-периферии, разные траектории
	Используемый капитал	Финансовый, физический, природный, человеческий, социальный, культурный, политический, <i>сетевой</i> , знание
	Кому подотчетна сеть	Представительным органам и депутатам, гражданам и группам интересов, судам, собственникам, потребителям, чиновникам/надзорным органам/руководителям, профессиональным ассоциациям, партнерам
	Кто подотчетен сети	Представительные органы и депутаты, граждане и группы интересов, суды, собственники, потребители, чиновники/надзорные органы/руководители, профессиональные ассоциации, партнеры
Критерии оценки результативности	Имеют отношение к политическим функциям и отраслям политики	
Связи	Обмен ресурсами	<i>Активный, пассивный, рыночный, гражданский, семейный, клановый</i>
	Сила связи	Сильная, слабая
	Формальность связи	Формальная, неформальная
	Административная власть	Вертикальная (команда и контроль), диагональная (переговоры и торговля), горизонтальная (сотрудничество), конкурентная
	Тип подотчетности	<i>Экономическая, социальная, политическая, культурная, правовая</i>

Сетевой элемент	Характеристика элементов/процессов	Описание характеристик/процессов
Широта сетевого взаимодействия	Инструменты политики	Нормы, гранты, контракты, переговоры, ваучеры, налоги, заем
	Операционные функции	Ресурсный обмен, координация, обмен информацией, развитие способностей
	Политические функции	Определение проблем, проектирование политических решений, координация политических решений, осуществление политики (регулирование), осуществление политики (предоставление услуг), оценка и мониторинг политики, корректировка политики
	Отрасли политики	Здравоохранение, экология, образование и т.д.
	Макроуровень управленческой структуры	Руководящая организация, совместное управление, сетевая административная организация
	Конфигурация сети	Внутриправительственные отношения, коалиции заинтересованных групп, подсистемы регулирования, гранты и контрактные соглашения, частно-государственное партнерство
Широта систем	Свойства сетевых границ	Открытые, закрытые
	Системная динамика	На входе, процессуальная, на выходе, с учетом результатов
	Типы обратной связи	Инструменты политики, репрезентация, административная власть, подотчетность, менеджмент качества, <i>коммуникация</i>
	Гибридные режимы подотчетности	<i>Государственно-гражданские, «три партийные», альянсные и др.</i>
	Менеджмент оценки эффективности	Управляющие сообщества практиков, режимы сбора данных, оценка политики, <i>сетевая активность</i>

Определение понятия сетевого политического управления включает в себя обычные характеристики сетей. Для Кейта Прована и Патрика Кениса любые целе-ориентированные сети должны иметь управление для обеспечения вовлечения участников в коллективные и взаимно поддерживаемые действия, для определения конфликта и для того, чтобы ресурсы распределялись эффективно. Акцент на управлении в сетях редко ставился, а сетевое управление не рассматривалось в качестве

основного. В этом смысле «хотя все сети включают в себя комплекс взаимодействий между участниками, однако исследование управления в них касается использования институтов и структур власти и сотрудничества для распределения ресурсов, координации и контроля совместных действий в сети в целом»⁵. При таком рассмотрении сетевое политическое управление можно понимать как элемент или подсистему любой сетевой структуры, которая осуществляет координацию действий и участвует в эффективном распределении ресурсов. Но эти замечания нам важны и при определении такого сетевого политического управления, которое относится к публичной политике и управлению. Они даже более значимы здесь, так как большая часть политических сетей в сфере публичной политики и управления является управленческими сетями, нацеленными на координацию и распределение ресурсов для принятия и реализации публичных решений.

Такое **сетевое политическое управление** можно определить как устойчивую сложную структуру взаимодействий всех заинтересованных сторон в определенной отрасли политики или сформированную для решения определенной политической проблемы, координирующую свою деятельность в рамках политических институтов на основе доверия, взаимной зависимости, обмена ресурсами и легитимности властных действий.

Формально политические решения принимаются органами государственной власти в рамках предписанных им властных полномочий, однако сам факт принятия решений предполагает наличие сетевого обсуждения, согласия и поддержки. В этом отношении центральным вопросом сетевого политического управления выступает роль государства и государственных институтов. Обладая большими материальными, организационными, властными ресурсами, государство в сетевом политическом управлении выполняет две важнейшие функции: поддержание устойчивости взаимодействий и вовлечения в публичность. *Поддержание устойчивости взаимодействий* означает сохранение ассоциации людей, их групп и интересов в обществе или в определенной сфере публичной политики. *Вовлечение в публичность* является важной функцией государства, ориентированного на ассоциацию людей и их групп для решения их проблем и принятия справедливых решений, что направлено против захвата публичной сферы какой-то одной группой частных интересов.

⁵ Provan K., Kenis P. Modes of Network Governance: Structure, Management, and Effectiveness // Journal of Public Administration Research and Theory. 2007. Vol. 18. No 4. P. 231.

Возникновение потребности в сетевом политическом управлении возникает особенно тогда, когда имеются сложные проблемы и высока вероятность неопределенности в их решении. Тогда формирование сетевых структур в публичном управлении имеет некоторые общие основания⁶:

- *сложные политические проблемы*, когда их невозможно решить одному актору и требуются коллективные действия многих участников;
- *неопределенность и риск* являются существенными для такого сетевого управления;
- относительно *высокую взаимозависимость* между акторами;
- сложная структура взаимодействия, так как *каждый участник является автономным* и каждый имеет собственное представление о проблеме, ее решении и своих собственных интересах;
- сложность взаимодействий возникает на основе *конфликта ценностей*, которыми руководствуются участники сети;
- *инновационное решение*, которым, как правило, характеризуется сетевое политическое управление, возникает на основе *доверия*;
- взаимодействия в сетевом политическом управлении являются *длительными и динамичными*.

10.2. Модели сетевого политического управления

Модели сетевого политического управления можно описать, основываясь на различных критериях. К таким основным критериям относятся следующие условия и характеристики сетей: 1) причины формирования сетей; 2) политические функции; 3) структура политических возможностей формирования сетей; 4) отраслевая специфика сетей; 5) тип управления в сетях.

Причины формирования сетей определяются либо потребностью акторов объединяться для решения каких-то политических проблем, либо структурой предпочтений или возможностей, которые предоставляют политические сети. В этом отношении вхождение в политические сети может быть свободным или навязанным. Вместе с тем следует учи-

⁶ См.: *Klijn E.-H.* Trust in Governance Networks: Looking for Conditions for Innovative Solutions and Outcomes // *The New Public Governance? Emerging perspective on the theory and practice of public governance* / Ed. by St. Osborn. L.; N.Y.: Routledge, 2010. P. 306–309; *Klijn E. H., Edelenbos J.* The Influence of Democratic Legitimacy on Outcomes in Governance Networks // *Administration & Society*. 2012. Vol. 45. No 6. P. 630.

тывать и более общие причины ориентации на сетевое взаимодействие в политике. К ним обычно относят: снижение партийного влияния в политике; расширение правительственного контроля и его потенциального проникновения в любую сферу общественной жизни из-за сложности и опасности возникающих проблем; опустошение государства, так как публичные услуги стали обеспечиваться преимущественно негосударственными структурами; ненасытная жажда информации у части правительственных агентств, которую они хотят получить от провайдеров и пользователей для управления оказанием услуг; рост участия корпораций в политике и в процессе принятия решений; развитие организационного представительства атомистических интересов граждан в противовес корпоративной власти⁷.

Политические функции касаются всех процессов выработки и реализации политики и включают в себя определение проблем, политическое проектирование, политическое планирование, координацию политики, формирование способностей, институциональное научение, корректировку политики, осуществление политики и ее регулирование, предоставление публичных услуг.

Структура политических возможностей — это совокупность условий, позволяющих политическим акторам создавать сети и активно их использовать для решения политических задач. Как правило, применительно к публичному управлению и политике такая структура определяется уровнем принятия в системе принципов современного политического управления (*political governance*): открытости, публичности, справедливости, ответственности, чувствительности, эффективности и др. Конечно, следует сказать, что в системе управления важное значение имеет в этой связи состояние или реформа публичного управления, нацеленная на снижение уровня бюрократического контроля, ограничение ручного управления, децентрализацию принятия решений, внедрение активных механизмов обратной связи, формирование культуры коммуникации и взаимодействие с обществом.

Отраслевая специфика сетей прежде всего указывает, какие секторы задействованы в сетевом взаимодействии: частный, бизнес, гражданское общество, местное самоуправление, государство. Потом можно говорить о специфических отраслях, таких как здравоохранение, образование, экология, производство, культурная индустрия, индустрия отдыха и т.д. На рис. 10.1 изображена сеть, сформированная в определенной

⁷ Rethemeier K., Hatmaker D. Network Management Reconsidered: An Inquiry into Management of Network Structures in Public Sector Service Provision // Journal of Public Administration Research and Theory. 2007. Vol. 18. No 5. P. 619.

сфере образования⁸. Различные фигуры, обозначающие узлы сети, касаются участников сетевого взаимодействия. Так, темные круги обозначают законодательные комитеты, темные квадраты — законодателей, темные треугольники — правительственные агентства, белые квадраты — провайдеров образовательных услуг, белые треугольники — ассоциации провайдеров, перечеркнутые прямоугольники — бизнес, взаимопересекающиеся треугольники — консультантов. Из схемы видно, что ключевую функцию в политике образования взрослых играют законодательные комитеты и ассоциации провайдеров образовательных услуг. При этом между ними существуют отношения, связанные с обменом ресурсами, при которых структура сети определяется балансированием взаимодействий между держателями ресурсов (законодателями и правительственными агентствами) и получателями ресурсов (провайдерами) с желанием сделать процедуру обмена взаимной и транзитивной.

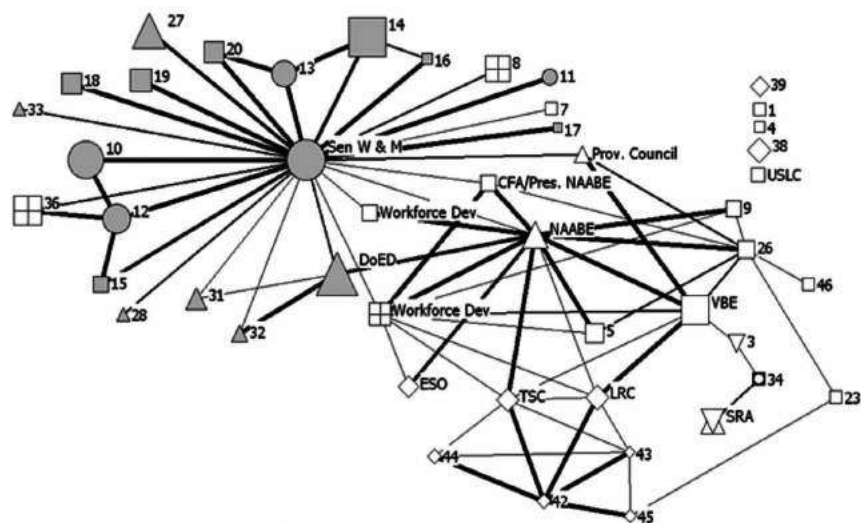

Рис. 10.1. Сети доверия в политическом управлении образованием взрослых в 2005 г. (без интернет-коммуникации)

Тип управления в сетях касается того, насколько равноправны с точки зрения координации и обмена ресурсами участники сети. Здесь можно использовать наиболее распространенную типологию Кейта Прована

⁸ Park H., Rethemeyer K. The Politics of Connections: Assessing the determinants of Social Structure in Policy Networks // Journal of Public Administration Research and Theory. 2012. Vol. 21. No 5. P. 15.

и Патрика Кениса, которые выделяли три типа внутрисетевого управления: сети самоорганизации; сети с лидирующей организацией и сети административного управления⁹. *Сети самоорганизации*, или сети участия, являются самой простой формой. Управление в этой модели или осуществляется посредством формально утвержденных собраний, или более неформально — через различные процессы взаимодействия с участием наиболее централизованных акторов. В крайнем случае такие сети могут быть высокодецентрализованными, включающими всех членов сети в постоянный процесс взаимодействия. *Сети с лидирующей организацией* представляют собой централизованную организацию управления. Здесь все сетевые уровни активности и ключевые решения скоординированы каким-либо одним членом сети, выполняющим функцию лидера. Лидирующая организация обеспечивает управление сетью и снижает затраты на достижение сетевых целей для всех участников сети, часто беря издержки управления на себя. Роль лидирующей организации часто устанавливается самими членами сети, которые полагают эту модель управления эффективной. Но она может определяться и извне, внешними источниками ресурсообеспечения сети. *Сети административного управления* — третья модель, и основная идея ее заключается в том, что административная структура создается специально для управления сетевой активностью. Эта модель является также централизованной, но ее отличием от сетей с лидирующей организацией является то, что административная структура не имеет собственных интересов, кроме управления сетью, т.е. она не является самостоятельным членом сети как носителя интереса. Административное управление сетью устанавливается либо самими членами сети, либо посредством мандата, данного ему организатором сети. Оно может состоять из относительно небольшого штата либо формировать какую-либо более или менее устойчивую структуру типа управлений, советов, имеющих свой офис.

Представленные в табл. 10.2 типы сетевого политического управления являются идеальными типическими конструкциями, которые лишь в общем виде позволяют понять особенности формирования и деятельности политических сетей в публичной политике и управлении¹⁰. *Внутри государства правительственные сети* возникают в качестве потребности ответить на несовершенство формальной системы государственного управления. В условиях более или менее открытых и свобод-

⁹ Provan K., Kenis P. Modes of Network Governance: Structure, Management, and Effectiveness // Journal of Public Administration Research and Theory. 2007. Vol. 18. No 4. P. 234–236.

¹⁰ Представленные в таблице описания частично отличаются от исходной версии: Koliba Ch., Meek J., Zia A. Governance Networks in Public Administration and Public Policy. Roka Raton; L.; N.Y.: CRC Press, 2011. P. 142.

ных взаимодействий государственных служащих и государственных структур сети возникают из-за того, что современная система управления и принятия решений является сложной и затрагивает многоаспектные проблемы. В общем, даже формальная структура принятия решений может направляться в сторону сетевого взаимодействия. То же самое касается и *межправительственных сетей*. Они еще более разнообразны и менее формализованы.

Таблица 10.2

Типы политических управленческих сетей

Тип сети	Причина формирования сетей	Политические функции	Структура политических возможностей	Тип межсекторного взаимодействия	Сетевая управленческая структура
Внутриправительственные сети	Недостатки формальных организаций и потоков; влияние новых ИКТ	Все	Децентрализация, открытость, партнерство	Между департаментами	Сети с лидирующей организацией, сети самоорганизации
Межправительственные сети	Недостатки формальных организаций и потоков; влияние новых ИКТ	Все	Децентрализация, открытость, партнерство	Между государствами	Сети с лидирующей организацией, сети самоорганизации
Коалиции заинтересованных групп	Влияние на процесс принятия решений	Определение проблем, политическое проектирование и планирование, политическая координация, корректировка политики	Децентрализация, открытость, партнерство	НКО — бизнес-государство	Сети с лидирующей организацией
Субсистемы регуляции	Влияние на системы регуляции	Осуществление политики — регулирование, корректировка политики	Ограничение регулирующих функций государства, партнерство, приватизация, национализация	Государство-бизнес	Сети с лидирующей организацией

Окончание табл. 10.2

Тип сети	Причина формирования сетей	Политические функции	Структура политических возможностей	Тип межсекторного взаимодействия	Сетевая управленческая структура
Грантовые и контрактные соглашения	Получение грантов и заключение контрактов	Осуществление политики — предоставление публичных услуг, корректировка политики	Приватизация, партнерство, децентрализация и децентрализация функций	Государство — НКО, государство — бизнес	Сети с лидирующей организацией
Государственно-частное партнерство	Участие бизнеса и гражданского общества в осуществлении государственных услуг	Все	Приватизация, партнерство, децентрализация	Государство — бизнес — НКО	Сети самоорганизации, сети административного управления

Коалиции заинтересованных групп — наиболее распространенная сетевая модель взаимодействия, которая строится на основе развивающегося влияния групп интересов на государственную политику. Здесь следует отметить влияние гражданских интересов и социальных сетей. Индивидуальные интересы включаются в политический процесс посредством различного рода аутсорсинговых технологий, позволяющих формировать каналы донесения интересов и проектов до тех, кто принимает политические решения. Сети, связанные с *субсистемами регуляции*, возникают в ответ на передачу ряда функций самоорганизованным группам. Это касается оценки качества продукции и услуг, аккредитации, лицензий и др. *Грантовые и контрактные соглашения* возникают, когда государство передает посредством контрактов и грантов право деятельности по оказанию услуг некоммерческим организациям или бизнесу. И, наконец, *государственно-частное партнерство* является относительно недавним типом управленческих сетей. Такой тип сетевого политического управления можно определить как стратегические альянсы между государством, бизнесом и неприбыльным сектором, при которых риск и власть разделены между партнерскими организациями.

Ключевые слова

Сетевое политическое управление, руководство, модели сетевого политического управления, сети самоорганизации, сети с лидирующей организацией, сети административного управления.

Литература

Государственная политика и управление. Ч. 1: Концепции и проблемы государственной политики и управления / Под ред. Л. В. Сморгунова. М.: РОССПЭН, 2006.

Михайлова О. В. Сети в политике и государственном управлении. М.: ИД КДУ, 2013.

Bogason P., Toonen T. Introduction: Networks in Public Administration // Public Administration. 1998. Vol. 76. No 2.

Börzel T. Organizing Babylon — on the Different Conceptions of Policy Networks // Public Administration. 1998a. Vol. 76. No 2.

Knoke D. Political Networks. The Structural Perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

Koliba Ch., Meek J., Zia A. Governance Networks in Public Administration and Public Policy. Roca Raton; L.; N.Y.: CRC Press, 2011.

The New Public Governance? Emerging perspective on the theory and practice of public governance / Ed. by St. Osborn. L.; N.Y.: Routledge, 2010.

Provan K., Kenis P. Modes of Network Governance: Structure, Management, and Effectiveness // Journal of Public Administration Research and Theory. 2007. Vol. 18. No 4.

Rhodes R. Understanding Governance. Policy Network, Governance, Reflexivity and Accountability. Buckingham; Philadelphia: Open University Press, 1997.

Вопросы и задания

1. Как повлияла сетевая методология на анализ государственного (публичного) управления и политики?
2. Почему возникла концепция руководства?
3. Какие условия определяют возможность и необходимость появления сетевого политического управления?
4. Каковы основные признаки сетевого политического управления?
5. Определите, какие функции выполняют коалиции заинтересованных групп из следующего перечня политических функций: определение проблем, политическое проектирование и планирование, политическая координация, осуществление политики (регуляция), осуществление политики (предоставление услуг), политическая корректировка, политическая оценка?
6. Каково место государства в сетевом политическом управлении? Почему государство выбирает сетевое политическое управление?

СЕТЕВАЯ ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА

► В главе дается описание сферы сетевого анализа публичной политики, раскрываются теоретические предпосылки такого анализа, рассматриваются конкретные примеры сетевого анализа публичной политики. Особое внимание уделяется рассмотрению процесса выработки и реализации публичной политики и основных его моделей в аспекте сетевого подхода. ◀

Публичная политика (*public policy*), или, как у нас часто называют, — государственная политика (что не совсем соответствует исходному понятию, так как помимо деятельности государства сюда входит деятельность и органов местного самоуправления, и других субъектов, ответственных за публичные блага), давно была предметом изучения в политической науке. Но в качестве самостоятельной ее отрасли в США она была выделена Американской ассоциацией политической науки только в 1951 г. среди семнадцати приоритетных направлений. В 1970-х годах проявляется первый интерес к сетевому анализу публичной политики¹. Ранее для изучения американской политики использовалась концепция «железного треугольника», который объединял в производстве политики исполнительные структуры власти, комитеты конгресса и клиентулу заинтересованных групп. В 1970-х годах такой подход при изучении сельскохозяйственной политики, политики использования водных ресурсов, политики публичных работ стал характеризоваться неполнотой. В этой связи Хьюдж Хекло писал, «рассматривая железные треугольники контроля, мы склонны не замечать по сути открытые сети людей, которые все в большей мере оказывают влияние на правительство»². Как особый сетевой подход к изучению

¹ *Hecko H.* Issue Networks and the Executive Establishment // *The New American Political System* / Ed. by A. King. Washington, D.C.: American Political System, 1978.

² *Hecko H.* Issue Networks and the Executive Establishment // *Public Policy Theories, Models, and Concepts. An Anthology* / Ed. by D. McCool. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall, 1995. P. 263.

публичной политики он оформляется только к концу 1980-х — началу 1990-х годов. Уже в 1990—2000-х годах появляется множество работ по сетевой публичной политике, что свидетельствует об устойчивом интересе к данной проблематике.

11.1. Сферы сетевого анализа публичной политики

Что же понимается под публичной политикой и какова сфера ее регулирования? Какие аспекты, проблемы и структуры подвергаются анализу с позиций сетевой теории? Те или иные исследователи обращают внимание на различные аспекты темы, а потому так много здесь подходов и классификационных схем. Обратим внимание на общее определение публичной политики и особенности ее изучения, которые дают авторы работы Арнольд Хайденхаймер, Хьюдж Хекло и Кэролин Адамс. «Сравнительная публичная политика, — пишут они, — является изучением того, как, почему и с каким результатом различные правительства проводят особые курсы действий или бездействия»³. В соответствии с этим выделяются как бы несколько взаимосвязанных тем, связанных так или иначе с вопросом расширения участников выработки политического курса.

1. Для ответа на вопрос, *как* правительства выбирают свои действия, исследователю необходимо сосредоточить внимание на структурах и процессах, посредством которых вырабатываются правительственные решения. Подчеркивая значение исследования выработки правительственного курса, авторы подчеркивают, что необходимо детально проверять, как правительства, партии, группы интересов и бюрократия действительно работают по разрешению различных проблем публичной политики.

2. При ответе на вопрос, *почему* выбирается тот или иной курс, предполагается изучение множества условий: исторического развития, которое оказывает влияние на принимающих решения; политической культуры нации и политической субкультуры отдельных групп населения; изменяющегося общественного мнения; уровня развития и наличия ресурсов; текущих политических проблем и т.д. Многое в этой теме зависит от изучения взаимодействия политиков, бюрократии, различных групп интересов, а также от того, какими идеями руководятся те, кто решения принимает.

³ Heidenheimer A., Hecllo H., Adams C. Comparative Public Policy: The Politics of Social Choice in America, Europe and Japan. N.Y.: St. Martin Press, 1990. P. 3—4.

3. Одним из главных интересов исследования публичной политики является сравнение того, к *каким результатам* приводит деятельность правительства, т.е. речь идет об эффективности правительственной стратегии и тактики. Очевидным результатом здесь будет ответ об удовлетворенности или неудовлетворенности народа деятельностью правительства. Однако проблема эффективности гораздо сложнее. К тому же на начальном этапе выработки политики трудно бывает определить ее будущую эффективность.

4. При сравнительном изучении публичной политики речь идет прежде всего о деятельности *различных правительств*, но не исключительно. Исследователи-компаративисты часто сравнивают не страны и правительства, а отдельные регионы или локальные единицы управления внутри стран. Следует также сказать и о роли частного сектора, участвующего в осуществлении публичной политики. Таким образом, агенты публичной политики сегодня являются более разнообразными, чем просто столичные политики.

5. Последним элементом в определении является *курс действия или бездействия*, который, собственно, и представляет собой политику. Однако недостаточно определять курс через политические и управленческие решения или их отсутствие. Нужно иметь в виду весь комплекс практических действий по реализации решения. Если же говорить о бездействии правительства в каком-либо вопросе, то не всегда оно выражает какой-то особый курс.

Общий вывод: «Возможно, публичная политика стала мозаичным соединением органов государственной власти различных уровней и акторов частного сектора, обладающих публичной ответственностью за политику, чего ранее никогда не наблюдалось»⁴.

Развернутое описание содержания сетевого анализа публичной политики можно обнаружить в ряде публикаций⁵.

Применительно к публичной политике выделяются структурные компоненты политических сетей (*policy networks*), широкое представление о компонентах политического процесса (*policy process*), включающее в себя взаимодействие акторов по поводу политики, возникаю-

⁴ Heidenheimer A., Hecló H., Adams C. Comparative Public Policy: The Politics of Social Choice in America, Europe and Japan. N.Y.: St. Martin Press, 1990. P. 4.

⁵ Klijn E.-H., Koppenjan J. F. M. Public management and Policy Networks. Foundations of a Network Approach to Governance // Public Management. 2000. Vol. 2. No 2; Compston H. Policy Networks and Policy Change. Putting Policy Network Theory to the Test. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2009; Governance Networks in Public Administration and Public Policy / Ed. by C. Koliba, J. Meek, A. Zia. Boca Raton; L.; N.Y.: CRC Press, 2011.

щие совместные когнитивные компоненты, выбор стратегий, описание детерминант политики, оценку результатов выбора публичной политики (*policy network outcomes*) и характеристики сетевого менеджмента (*network management*). Это систематическое описание можно представить в таблице (табл. 11.1).

Таблица 11.1

Теоретические предпосылки сетевого анализа политики

Политические сети	Процесс выработки политики	Сетевой результат выбора политики	Сетевой менеджмент
Состав акторов политических сетей: государственные органы, партии, группы давления, гражданские ассоциации, лоббистские структуры и т.д.	Определение различий интересов и уровня взаимозависимости акторов; снижение напряжения между различием и единством в сетях	Политическая стратегия	Управление актуальными и потенциальными конфликтами, возникающими по поводу затрат и выгод
Взаимная зависимость акторов сетевого взаимодействия: устойчивая система отношений, узлы отношений	Выработка совместных установок на сферу политики, политических проблем и политических решений	Сетевой этос	Управление сотрудничеством, распределение рисков, связанных с кооперацией
Власть акторов в сетях, определяемая их ресурсами и сетевыми позициями: право вето	Определение акторами собственных политических стратегий	Сетевые институты	Регулирование состава сетей и их характера; поддержка устойчивости сетей; координация
Характер распределения ресурсов, ресурсный обмен	Взаимодействие акторов по поводу выбора единой стратегии	Сетевые практики взаимодействия	Координация взаимодействия с внешней средой
Институционализация взаимодействий в сетях: формальные и неформальные правила	Единая стратегия и ее оформление в решениях	Устойчивые коммуникационные потоки	Обеспечение взаимных потоков коммуникации
Типы и особенности сетей: закрытые и открытые сети	Определение взаимной ответственности за избранную стратегию	Сетевая ответственность	Обеспечение взаимной ответственности в сетях

Публичная политика как ключевая фаза современного политического процесса включает регулирование таких областей, как здравоохранение, жилищное строительство, налоги, социальное страхование, экологическая безопасность, образование, занятость. Гэбриэл Алмонд и Бингхем Пауэлл определяют области изучения публичной политики по результатам правительственной активности и видам правительственной деятельности, касающимся достижения поставленных целей.

Они классифицируют эти действия и результаты по четырем группам. *Во-первых*, публичная политика различных государств может быть представлена в виде выделения ресурсов из национальных и международных источников, т.е. денег, товаров, людей и услуг, для обеспечения потребностей населения. Чисто количественная оценка публичной политики позволяет говорить о масштабах публичного сектора и о его структуре. *Во-вторых*, публичная политика характеризуется распределительной и перераспределительной активностью правительств. При сравнении государств важно ответить на вопрос, какие блага и почему перераспределяются в данном обществе. *В-третьих*, публичная политика регулирует человеческое поведение, т.е. использует принуждение и стимулирование для осуществления согласия относительно выделения ресурсов и их распределения. В различных системах используются различные способы регулирования поведения и включения населения в процессы производства и распределения общественных благ. В значительной мере это определяется типом политической системы, характером публичной администрации. *В-четвертых*, публичная политика может быть охарактеризована символическим действием, политическими речами, праздниками, публичными мероприятиями, используемыми лидерами для социализации молодежи и идентификации населения с режимом, т.е. для вовлечения населения в желаемые формы поведения⁶.

Сфера сетевого анализа публичной политики имеет границы, сопоставимые со сферой демократической теории. По всей видимости, публичная политика представляет собой особый род активности государства и других публичных организаций, нацеленной на удовлетворение потребностей населения, что особенно характерно для демократических государств и политических систем. Хотя и другие государства проводят публичную политику, но демократическая публичная политика более разнообразна, широка по охвату предметов регулирования, отчетливо связана с демократическими характеристиками политической системы (партии, избирательные системы, ответственность государства, гражданские инициативы, местное самоуправление и т.д.). Сетевой анализ публичной политики в сопоставлении с анализом демократических систем показывает значительный уровень взаимодействия между ними. В этом смысле сетевая публичная политика в демократических государствах логически завершает тему демократии, так как последняя характеризуется не только институтами, процедурами, взаимодействиями,

⁶ Almond G., Powell B. (eds.). Comparative Politics Today. A World View. 4th ed. Glenview; Boston; L.: Scott, Foresman and Company, 1988. P. 120–121.

ресурсами, но и существом проводимой публичной политики. Демократические институты и процедуры дополняются здесь демократическими политическими стратегиями, содержание которых опирается на принцип приоритета прав человека, свободы и справедливости. Рассмотрим ряд подходов в сетевом анализе публичной политики, которые выражают ее взаимосвязь с демократической теорией.

11.2. Изучение сетей в публичной политике

В целом изучение политических сетей касается прежде всего различных направлений публичной политики, а соответственно, взаимодействия государства и институтов гражданского общества, участвующих в производстве политических решений и обменивающихся ресурсами для этого. Теория политических сетей как теория «посредничества интересов» применяется для анализа «отдельных случаев», например, политических сетей в Великобритании, политических элит в США; используется этот подход при изучении Западной Европы, США и Японии, Латинской Америки⁷. Изучение политических сетей, конечно, более благоприятно там, где стили публичной политики и политические демократические режимы создают условия для объединения разнообразных интересов в сети.

Политические сети в Великобритании. Проиллюстрируем возможности сетевого подхода при изучении аграрной политики в Великобритании. Как утверждает Мартин Смит, взаимоотношения между Министерством сельского хозяйства, рыболовства и продуктов питания и Национальным союзом фермеров традиционно рассматривались в аспекте корпоративистской политики, тогда как на самом деле они могут быть описаны в виде модели «политической коммуну» (*policy community*)⁸. Господствующим стилем выработки политики в Великобритании яв-

⁷ *Atkinson M., Coleman W.* Strong States and Weak States: Sectoral Policy Networks in Advanced Capitalist Economies // British Journal of Political Science. 1989. Vol. 14. No 1; *Knoke D., Pappi F., Broadbent J., Tsujinaka Y.* Comparing Policy Networks. Labor Politics in the US, Germany, and Japan. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 1996; *Smith M.* Pressure Power & Policy. State Autonomy and Policy Network in Britain and the United States. Hempel Hempstead: Harvest Wheatsheaf, 1993; *John P., Cole A.* When Do Institutions, Policy Sectors, and Cities Matter? Comparing Networks of Local Policy Makers in Britain and France // Comparative Political Studies. 2000. Vol. 33. No 2; *Sikkink K.* Human Rights, Principle Issue-Networks, and Sovereignty in Latin America // International Organisations. 1993. Vol. 47. No 3.

⁸ *Smith M.* The Agricultural Policy Community. Maintaining a Closed Relationship // Policy Networks in British Government / Ed. by D. Marsh, R. Rhodes. Oxford: Clarendon Press, 1992. P. 27.

ляется стиль консультации с легитимизированными внешними группами, которые часто стремятся к небольшой корректировке политики посредством обычных непубличных отношений с государственными служащими, связанными с соответствующей отраслью политики. Смит выделяет следующие основные характеристики сети в аграрной политике.

Во-первых, сельскохозяйственная политическая коммуна является высокоинтегрированной. Она имеет ограниченное число членов, разделяющих совместные интересы; она обладает ограниченной горизонтальной структурой и сильно изолирована от других сетей. Хотя в данном виде сети недостает вертикальной взаимозависимости, отсутствие субцентральных административных единиц результируется в ресурсах, распределенных между министерством, которое разрабатывает политику и проводит ее, и союзом фермеров, который может обеспечивать информацию, сотрудничество и помощь в осуществлении политики.

Во-вторых, данная сеть характеризуется идеологической структурой, которая представляет собой господствующий набор убеждений, разделяемых членами сельскохозяйственной политической коммуны. Правительство, чиновники, министры и представители союза фермеров убеждены, что государство должно вмешиваться в дела отрасли, обеспечивать ценовую поддержку и способствовать росту производства. Следовательно, проблемы, с которыми сталкиваются члены сети, относятся не к тому, нужно или нет поднимать цены и производство, а к тому, насколько они могут быть подняты.

В-третьих, важным средством исключения нежелательных групп из политической коммуны являются ее институциональные структуры. Выделяются четыре основные институциональные структуры.

1. Министерство, которое является центром выработки сельскохозяйственной политики и обладает всеми необходимыми для этого полномочиями; оно заинтересовано в поддержании хороших отношений с фермерами и в росте сельскохозяйственных финансов.

2. До того как Великобритания стала членом Европейского сообщества (ЕС), важной институциональной структурой являлось Ежегодное обследование положения в сельском хозяйстве, которое определяло уровень цен на сельхозпродукты на текущий год.

3. В структурном отношении выделяются «правила игры», определявшие, какие группы могут иметь доступ в данную политическую коммуна.

4. Четвертый структурный компонент сети был сформирован после вступления Великобритании в ЕС. Он включает Совет министров сельского хозяйства и Генеральный директорат VI Комитета ЕС. Эти

структуры оказывают существенное влияние на ценовую национальную политику в Великобритании.

В-четвертых, признаком сельскохозяйственной сети типа «коммуна» является то, что она имеет как бы два круга — основную и вторичную коммуны. Основная коммуна включает группы, которые вовлечены в ежедневное действие по выработке и проведению сельскохозяйственной политики. Вторичную коммуны составляют группы, которые имеют доступ в министерство только тогда, когда рассматриваются специальные вопросы. Например, Национальный союз фермеров постоянно участвует в сельскохозяйственной политике, тогда как другие организации — Ассоциация землевладельцев или Национальный союз сельскохозяйственных и привлекаемых рабочих — принимают в ней участие от случая к случаю.

Сеть по выработке и проведению сельскохозяйственной политики в Великобритании, таким образом, является довольно тесной политической коммуной, построенной на разделяемой ее членами идеологии. Она исключает многие другие группы из влияния на сельскохозяйственную политику. Как подчеркивает Смит, «существование тесной политической коммуны с ограниченным участием создает множество преимуществ для правительства. Она позволяет повышать уровень государственной автономии, создавая для него возможность вмешиваться в новые области политики. Так как государство решает, какой должна быть сельскохозяйственная политика, ему легче достигнуть своих целей в кооперации с фермерами. Более того, в проведении сельскохозяйственной политики легче иметь дело с одной группой, чем со многими»⁹. Несмотря на то что в 1980-х годах данная политическая сеть столкнулась с новыми проблемами (появление групп, пытающихся активно влиять на сельскохозяйственную политику, — экологи, потребители сельхозпродукции), тем не менее ее основные параметры остались без изменений, а политика формировалась и проводилась в созданных этой сетью условиях.

Сравнение сетей на уровне местной политики в Великобритании и Франции. Работа Питера Джона и Элистера Коула¹⁰ интересна в том отношении, что использование сетевого подхода при изучении

⁹ *Smith M.* The Agricultural Policy Community. Maintaining a Closed Relationship // Policy Networks in British Government / Ed. by D. Marsh, R. Rhodes. Oxford: Clarendon Press, 1992. P. 27.

¹⁰ *John P., Cole A.* When Do Institutions, Policy Sectors, and Cities Matter? Comparing Networks of Local Policy Makers in Britain and France // Comparative Political Studies. 2000. Vol. 33. No 2.

местной политики в Великобритании и Франции строится по законам классического сравнительного исследования. Рой Родс в своей статье 1990 г. писал, что «кросс-национальные исследования не могут предполагать, что национальные различия являются значимыми. Более важными могли бы быть секторальные различия»¹¹. Что влияет больше на политику: национальные институты, право, конвенциональные нормы или особенности сектора, к которой политика относится, — существующие там группы, неформальные отношения, экономическое положение, технологические изменения? Этот вопрос и интересует авторов проведенного исследования, посвященного местной политике в двух странах.

В качестве зависимых переменных Джон и Коул выделяют элементы политических сетей (членство, структура, производительность, перемены). *Сетевое членство* означает композицию сети и обычно включает политиков, бюрократов, представителей бизнеса, но в различных пропорциях. *Сетевая структура* может быть закрытой или открытой, т.е. включать небольшое число ключевых фигур — тех, кто преобладает в процессе формирования политики, или состоять из более широкого набора участников. *Сетевая производительность* может быть высокой или низкой — в зависимости от желания участников сети взаимодействовать для достижения общей цели. Будут ли участники взаимодействовать, зависит от институциональных традиций и намерений, которые произрастают из природы сектора политики и/или политической культуры. *Сетевые перемены* определяются характером управленческих отношений в сетях. В противоположность государственному управлению сетевое руководство (*governance*) менее статичное; изменяются сетевое членство, структура, способность отвечать на новые обстоятельства и адаптация к новым институциональным различиям.

Независимые переменные избраны авторами исходя из наибольшего контраста между двумя странами. Здесь использована стратегия сравнительного анализа наиболее различающихся систем. Среди независимых переменных отмечены институты (британская и французская системы отношений центра и мест при выработке политики), сектора (местная экономика и среднее образование) и местные территории (Лидс и Саусхэмптон в Великобритании и Лилль и Ренн во Франции). Как пишут Джон и Коул,

«если сравнение восьми сетей обнаружит подобия относительно одной независимой переменной, тогда вывод будет состоять в том, что эта пере-

¹¹ Rhodes R. Policy Network. A British Perspective // Journal of Theoretical Politics. 1990. Vol. 2. No 3. P. 312.

менная имеет значение в качестве противоположной или дополнительной к другим переменным. И наоборот, если сравнение покажет различия между подобными случаями, то вывод будет такой, что другие независимые переменные служат объяснению сетей»¹².

Для исследования были сформулированы три основные гипотезы:

1) вариации в структуре и функционировании сетей более зависят от содержания секторов политики — экономики и образования, чем от институционального устройства или особенностей территорий;

2) вариации в структуре и функционировании сетей могут быть объяснены в основном устройством французских и британских политических институтов, а не особенностями секторов политики или территорий;

3) вариации в структуре и функционировании сетей определяются особенностями городов, а не характеристиками секторов политики или институтов.

Сравнительное исследование в результате показало, что существует взаимозависимость между институтами, секторами и городами, определяющими политические сети. Так, для выработки и осуществления политики в области среднего образования национальные традиции являются преобладающим фактором, и они же определяют характеристики политического сектора и степень институциональных различий. Нет какой-либо одной-единственной причины, влияющей на формирование местной политики.

11.4. Сетевые компоненты процесса выработки политики

Существует несколько подходов к описанию моделей разработки политической стратегии и политических программ, которые основываются на выделении ее субъектных, нормативных, процессуальных, целевых и обуславливающих факторов и их взаимосвязи. При этом на построение моделей оказывает влияние то, исповедует ли исследователь теорию рационального выбора или нет, т.е. считает ли он, что процесс выработки политики включает взаимодействие индивидов, ориентирующихся на максимальную выгоду, или в ходе выработки политики в процесс включаются коллективные агенты, институты, интересы и т.д.

¹² *John P. Cole A. When Do Institutions, Policy Sectors, and Cities Matter? Comparing Networks of Local Policy Makers in Britain and France. P. 255.*

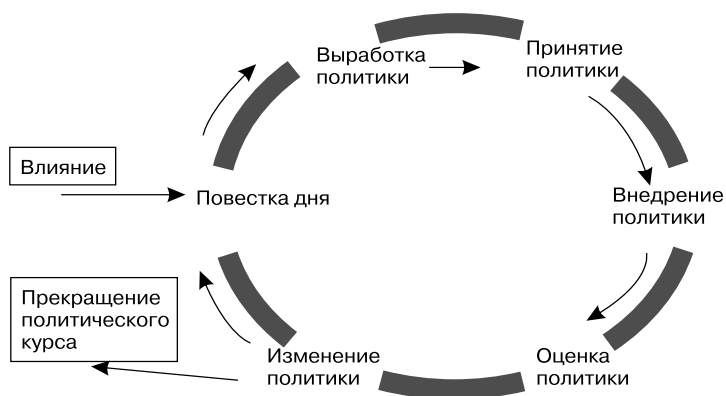

Рис. 11.1. Политический цикл

В целом политический процесс в этом отношении (т.е. «функционирования» некоторого политического курса действий) может быть представлен следующими основными фазами¹³ (рис. 11.1). Дипак Гупта пишет, что в действительности, конечно, политический процесс гораздо сложнее, но это упрощение позволяет понять логику «формирования политики»¹⁴. Начальным пунктом считается определение «повестки дня» — вопроса или проблемы, которые являются актуальными для решения и вовлекаются в обсуждение.

В теории публичной политики выделяются два вида таких поставленных проблем («повесток»): те, которые находятся под контролем власти и решаются властями, и те, которые возникают в обществе, но пока не получили политического внимания. Второй вид проблем влияет на первый, но может долгое время не получать своего разрешения в политике. После того как проблема вышла на повестку дня государственных органов, начинается процесс выработки политики — согласования интересов, определения целей и средств их достижения. Разработанный политический курс должен получить закрепление в целом ряде решений и программ, что само по себе является довольно сложным процессом нахождения компромиссов и соглашений. Политический курс институционализируется в решениях определенными органами государственной власти и с использованием определенных процедур (президент, правительство, парламент, референдум). Определенная и закрепленная в решениях политика должна быть осуществлена, что

¹³ Gupta D. *Analyzing Public Policy. Concepts, Tools, and Techniques*. Washington, D.C.: CQPress, 2001. P. 47.

¹⁴ Ibid.

предполагает целый комплекс мер по внедрению принятых решений и программ. Эти меры касаются деятельности государственных органов, бизнеса, структур гражданского общества. Торможение принятых решений может осуществляться на любом уровне и в любой области, если не разработана система внедрения политики. Оценивание политики представляет собой относительно самостоятельный этап политического цикла, и он направлен на проверку эффективности и качества выработанного политического курса, который уже осуществляется в действительности. Конечно, оценивание присутствует и на ранних этапах политического процесса, но здесь оно приобретает самостоятельное значение. Как правило, оценивание политического курса — это самостоятельная профессиональная деятельность экспертов и соответствующих агентств. Оценка политики приводит либо к корректировке (изменению) политики, либо к отказу от политического курса.

То, какие факторы учитываются на всех этапах политического цикла, в науке публичной политики описано в моделях политического процесса, которые используются в качестве базовых для дальнейшего сетевого анализа публичной политики.

Одна из первых систематических моделей политического процесса была разработана Ричардом Хоффебертом под названием «*модель открытых систем*» (*the open-systems framework*)¹⁵. Эта модель построена на идее «воронки причинности», в соответствии с которой процесс выработки политики представляет собой последовательный переход от более широких и неопределенных условий (исторически-географические условия) к оформленному правилами поведению элит в процессе обсуждения политических целей и выработки решений. «Воронка причинности» как бы вовлекает в процесс ряд условий, между которыми существуют отношения прямой и отдаленной зависимости. Окончательный политический выбор, таким образом, является прямым и непрямым функциональным результатом следующей цепи: историко-географические условия — социоэкономическая структура — массовое политическое поведение — правительственные институты — поведение элит в процессе оформленного обсуждения политики — выработанная политика. На поведение элит воздействуют соответствующие события, проистекающие из предыдущих факторов по отдельности или в совокупности. Данная концепция активно используется при изучении политических процессов, в меньшей степени она нашла отражение в сетевой публичной политике¹⁶.

¹⁵ *Hoffebert R.* The Study of Public Policy. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1974.

¹⁶ *Duncan T., Dinan C.* The Role of Interested Groups in England's Emerging Tourism Policy Networks // Current Issues in Tourism. 2001. Vol. 4. No 2—4.

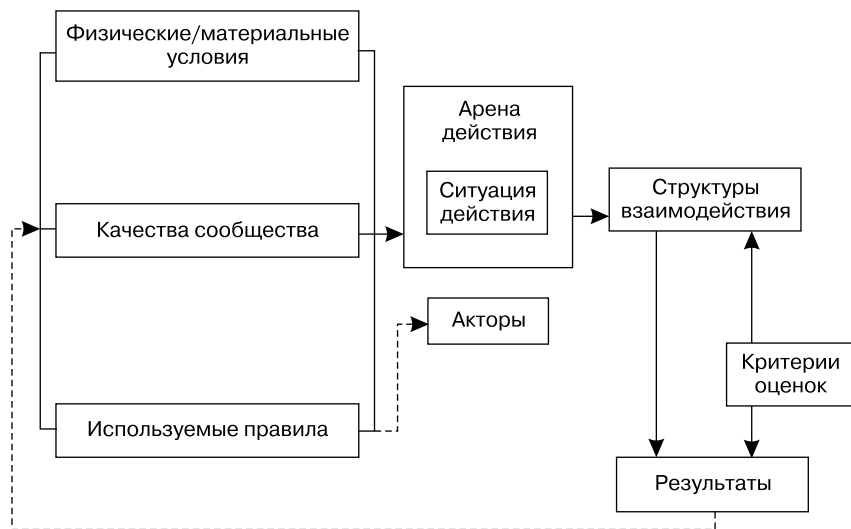

Рис. 11.2. Структура институционального анализа

Модель «институционального рационального выбора» (*institutional rational choice*) была разработана Элино́р Остро́м и ее коллегами¹⁷. По этой модели (рис. 11.2) результат выработки политики представляет собой функцию индивидуальных действий вовлеченных в процесс акторов, на которых влияют два основных вида условий: 1) индивидуальные условия; 2) условия, связанные с ситуацией принятия решений. Индивидуальные условия включают в себя ценности и ресурсы индивидов, позволяющие им влиять на процесс выработки целей. Ситуация принятия решений описывается как совокупность условий, связанных с институциональными правилами, природой соответствующих благ и характеристиками сообщества (социально-экономические условия и общественное мнение). Основная идея этой модели состоит в том, что индивиды, выбирающие политические приоритеты, будут действовать по-разному в зависимости от различий в ситуации принятия решений. При этом следует учитывать три уровня институционального анализа: операциональный уровень (уровень агентов, принимающих решения);

¹⁷ Strategies of Political Inquiry / Ed. by E. Ostrom. Beverly Hills: Sage, 1982; Ostrom E. Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action. N.Y.: Cambridge University Press, 1990; Ostrom E. Institutional Rational Choice: An Assessment of the Institutional Analysis and Development Framework // Theories of the Policy Process / Ed. by P. Sabatier. Boulder; Co; Oxford: Westview Press, 1999 (2007).

уровень коллективного выбора (согласованные коллективные нормы, управляющие агентами); конституционный уровень (конституция, управляющая выбором коллективных норм). Говоря о значении этой модели для сетевого политического исследования, Кристофер Колиба, Джек Мик и Асим Зиа подчеркивают, что она представляет интегрированные структуры для связывания условий, атрибутов и правил с действиями и установками взаимоотношений, а также обеспечивает основу для понимания коллективных действий и объединения ресурсов¹⁸.

Модель «*политических потоков*» (*the policy streams*)¹⁹, разработанная Джоном Кингдоном, включает в себя описание трех «потоков», составляющих процесс выработки политики. Первый поток назван «проблемным потоком», состоящим из информации о реальных проблемах и результатах предыдущей правительственной деятельности. Второй поток — «сообщество» исследователей, консультантов и других специалистов, которые анализируют проблемы и формулируют различные альтернативы. Третий поток назван «политическим» и состоит из выборов, деятельности политиков, конкуренции в ходе принятия законов и т.д. Когда три потока объединяются, тогда возникает «окно возможностей» для принятия соответствующих политических решений. Модель «политических потоков» включает в себя ряд характеристик, которые имеют отношение к сетевому анализу. Особенно это касается второго потока — «сообщества», описываемого в качестве сети участников выработки политики. Данная модель прямо используется для сетевого анализа публичной политики рядом исследователей²⁰.

Модель «*конкурирующих защищающих коалиций*» (*competing advocacy coalitions*)²¹ представляет собой попытку синтеза многих идей, проистекающих из других моделей. Именно эта модель

¹⁸ Governance Networks in Public Administration and Public Policy / Ed. by C. Koliba, J. Meek, A. Zia. Boca Raton; L.; N.Y.: CRC Press, 2011. P. 47.

¹⁹ Kingdon J. Agendas, Alternatives, and Public Policies. Boston: Little, Brown & Co, 1984.

²⁰ Zahariadis N., Allen C. Ideas, Networks, and Policy Streams: Privatization in Britain and Germany // Review of Policy Research. 1995. Vol. 14. No 1–2; Zahariadis N. Ambiguity, Time, and Multiple Streams // Theories of the Policy Process / Ed. by P. Sabatier. Boulder, Co, Oxford: Westview Press, 1999; Hoeijmakers M., De Leeuw E., Kenis P., De Vries N. K. Local Health Policy Development Processes in the Netherlands: An Expanded Toolbox for Health Promotion // Health Promotion International. 2007. Vol. 22. No 2.

²¹ Sabatier P. An Advocacy Coalition Framework of Policy Change and the Role of Policy-Oriented Learning Therein // Policy Science. 1988. Vol. 21. No 3; Sabatier P., Jenkins-Smith H. Policy Change and Learning: An Advocacy Coalition Approach. Boulder, CO: Westview Press, 1993; Sabatier P., Jenkins-Smith H. The Advocacy Coalition Framework: An Assessment // Theories of the Policy Process / Ed. by P. Sabatier. Boulder; Co; Oxford: Westview Press, 1999.

чаще всего берется в качестве основы сетевого анализа публичной политики²².

В данной модели (рис. 11.3) акцент делается на условиях, определяющих перемену политического курса и соответственно выбор нового. Замена политического курса другим осуществляется под влиянием трех основных наборов факторов: 1) взаимодействие конкурирующих коалиций в подсистеме выбора политики; 2) внешние по отношению к первой подсистеме перемены; 3) относительно стабильные общественные параметры. Подсистема конкурирующих коалиций состоит из акторов, представляющих многие публичные и частные организации на всех уровнях управления, — тех, кто разделяет набор базовых идей и верований (политические цели, мнения, ощущения) и кто пытается манипулировать правилами различных управленческих институтов для достижения со временем политических целей. Конфликт между коалициями опосредуется «политическими брокерами», т.е. акторами, которые связаны скорее с условиями системной стабильности, чем с собственно политическими целями. Внешние по отношению к коалиционной системе перемены включают подвижки в социально-экономических условиях, изменения в правящей коалиции, решения, проистекающие из других областей политики. Это могут быть цены на товары и услуги, изменения общей экономической конъюнктуры на рынке, новые выборы, принятые решения в области социальной политики, которые влияют на экономические стратегии, и т.д. Стабильные системные параметры включают в себя базовые социальные структуры и конституционные правила. Они ограничивают действия акторов и влияют на их ресурсы. Например, конституционное разграничение полномочий между федерацией и составляющими ее частями, конечно, влияет на возможности принятия политических решений центральными властями по многим позициям.

Объединенная с сетевым анализом публичной политики, модель «конкурирующих защищающих коалиций» обогащается новыми концептуальными разработками. Так, Адам Генри пишет, что теория ресурсной зависимости, которая описывает процесс взаимодействия в сетях, совместима с теорией коалиций и сетеобразованием, которые находятся в центре модели. Синтез может усилить использование модели в качестве основной структуры, описывающей политический процесс.

²² См.: *Henry A. Ideology, Power, and the Structure of Policy Networks // Policy Studies Journal*. 2011. Vol. 39. No 3; *Matti S., Sandstrom A. The Rationale Determining Advocacy Coalitions: Examining Coordination Networks and Corresponding Beliefs // Policy Studies Journal*. 2011. Vol. 39. No 3; *Governance Networks in Public Administration and Public Policy / Ed. by C. Koliba, J. Meek, A. Zia. Boca Raton; L.; N.Y.: CRC Press, 2011.*

Все общие модели выработки политики в целом следуют общему алгоритму принятия политических решений (интересы—приоритеты—риски—цели—ресурсы—решения) и определению соответствующих внутренних и внешних условий (исторические, социально-экономические, институциональные и другие факторы) для взаимодействия конкурирующих в политике акторов (политические элиты, органы власти, лоббисты, политические партии, ассоциации гражданского общества, группы давления и др.). Каждая модель акцентирует внимание на тех или иных аспектах и стадиях выработки политической линии. Есть страновая специфика в процессах и механизмах выработки политики, но модели определяют некоторые универсальные характеристики, которые им свойственны в различных политических системах, прежде всего демократических.

Ключевые слова

Сетевая публичная политика, таксономия сетевого анализа публичной политики, политический цикл, модель открытых систем, модель «рационального институционального выбора», модель политических потоков, модель конкурирующих защищающихся коалиций.

Литература

- Волгин Н. А.* Социальная политика. М.: Экзамен, 2008.
- Глобализация и социальная политика развитых стран. М.: ИНИОН, 2008.
- Гомберт Т., Блезиус Ю., Крель К., Тиене М.* Курс социальной демократии. Ч. 1: Основы социальной демократии. М.: РОССПЭН, 2010.
- Сидорина Т. Ю.* Два века социальной политики. М.: РГГУ, 2005.
- Compston H.* Policy Networks and Policy Change. Putting Policy Network Theory to the Test. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2009.
- Governance Networks in Public Administration and Public Policy / Ed. by C. Koliba, J. Meek, A. Zia. Boca Raton; L.; N.Y.: CRC Press, 2011.
- Gupta D.* Analyzing Public Policy. Concepts, Tools, and Techniques. Washington, D.C.: CQPress, 2001.
- Kingdon J.* Agendas, Alternatives, and Public Policies. Boston: Little, Brown & Co, 1984.
- Ostrom E.* (1) Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action. N.Y.: Cambridge University Press, 1990.
- Rhodes R.* Understanding Governance. Policy Network, Governance, Reflexivity and Accountability. Buckingham; Philadelphia: Open University Press, 1997.
- Sabatier P., Jenkins-Smith H.* Policy Change and Learning: An Advocacy Coalition Approach. Boulder, CO: Westview Press, 1993.

Вопросы и задания

1. Какова специфика сетевого анализа публичной политики?
2. Назовите сетевые особенности политического процесса, результата политики и сетевого менеджмента.
3. Назовите основные циклы публичной политики и возможности сетевого анализа отдельных циклов.
4. В чем отличие основных моделей выработки публичной политики?
5. Почему теория «защищающих коалиций» чаще всего используется при сетевом анализе политики?

СЕТЕВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ

► В главе анализируется влияние Интернета на современные политические партии. Раскрываются основные подходы к изучению роли представительства партий в сети, рассматриваются сайты политических партий и их значение, интенсивность представительства российских и зарубежных партий в Интернете, новые формы взаимодействия партий и групп интересов. Особое внимание обращается на сетевые, киберпартии, их политические характеристики и возможности. ◀

Современные политические партии используют сетевой потенциал взаимодействия, ориентируясь на основные цели своей деятельности. Традиционные средства массовой информации (СМИ) характеризуются большой подконтрольностью и высокими барьерами для их использования в политике. Только большие и ресурсно обеспеченные партии и группы могут здесь конкурировать друг с другом. Хотя государство пытается создавать некоторые равные возможности доступа в СМИ, однако этого недостаточно для равенства конкурентных шансов. Интернет в этом отношении обладает рядом преимуществ. Он бросает вызов ограниченностям включения граждан в политику, делая доступ к информации, обмену мнениями и организации взаимодействия более легким и менее затратным. Особенно это значимо для относительно небольших групп и альтернативных точек зрения. Он выравнивает информационные, дискурсивные и организационные возможности для политических игроков и обычных граждан, заставляя традиционные политические силы приспосабливаться к новым условиям. Если партия является организацией, основная цель которой — осуществление политики посредством участия в выборах, получения мест в парламентах и формирования правительства, то использование сетей сегодня для этого достаточно эффективно и действенно. Но партии по-разному используют сетевой потенциал. Одни из них сохраняют традиционные организационные структуры, используя выход в Интернет как вторичный ресурс деятельности, другие приобретают

новые конфигурации под влиянием сетевого взаимодействия, а третьи вообще организуются как сетевые партии. В данной главе и будут рассмотрены все эти трансформации.

12.1. Интернет как ресурс политических партий

Сегодня вряд ли найдется политическая партия, которая не присутствовала бы во Всемирной сети. По-разному используя ее возможности, политические партии все же ощутили влияние новых информационных коммуникационных технологий (ИКТ). Политические партии начали осваивать сетевое пространство с середины 1990-х годов. В Нидерландах в январе 1994 г. поместила свой сайт левая Партия зеленых, в ноябре того же года — Лейбористская. В 1998 г. все парламентские партии этой страны (за исключением ортодоксально-протестантской партии — Политическая реформированная партия) имели свои сайты. В Великобритании первой партией, отметившей свое присутствие в Интернете, была Лейбористская. В октябре 1994 г. она поместила онлайн-конференцию своей партии во Всемирную паутину наряду с некоторыми другими данными о партии (рис. 12.1). С тех пор партии и их представители в Палате общин стали использовать сети для своей деятельности. В 2000 г. 16% депутатов Палаты общин имели свои веб-сайты, в 2004 г. их доля увеличилась до 63%, в 2007 г. — до 73%. В Рунете пионером в создании сайта стала в марте 1996 г. российская политическая партия «Яблоко».

Первые попытки использования онлайн-пространства были связаны с чисто информационным присутствием, затем появились каналы обратной связи, а потом партии стали осваивать технологии свободного создания контента и присутствия в социальных сетях. Особенно интенсивно процесс освоения партиями и политиками онлайн-пространства начинается с 2004 г., когда произошел переход от технологии Web 1.0 к Web 2.0, что позволило осуществлять интерактивное взаимодействие и наполнять контент веб-сайтов на основе визуализации, персонификации и коммуникационного стимулирования. Первым использованием новых ИКТ по модели Web 2.0 была президентская кампания демократа Говарда Дина в 2004 г., в которой использовались блоги и новые каналы коммуникации (например, сервер meet.com). Хотя для данного претендента кампания была неудачной, но уже в 2007–2008 гг. Барак Обама выиграл президентские выборы благодаря не в последнюю очередь активному использованию новых возможностей Интернета.

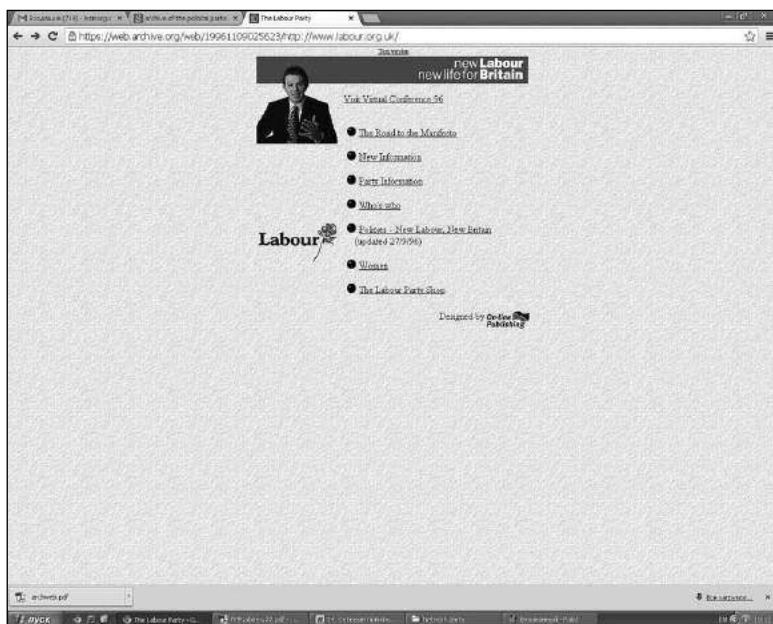

Рис. 12.1. Первый сайт Лейбористской партии Великобритании (1996 г.)

Источник: Архив сайтов. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [web.archive.org/web/19961109025623/http://www.labour.org.uk.](http://web.archive.org/web/19961109025623/http://www.labour.org.uk/)

Так как любая партия состоит из своего организационного ядра, активистов и сторонников, то присутствие партий в сетях позволило организовать их взаимодействие более эффективно и быстро. Интернет стал ресурсом мобилизации политических действий партий и их представителей в парламентах. Партии стали активно использовать социальные сети для своего представительства там и для позиционирования партий и их активистов. Пиппа Норрис, описывая основные задачи, которые позволяют решать веб-сайты политических партий, подчеркивает два момента: во-первых, они функционируют в качестве плюралистических форумов, которые дают возможность высказываться оппозиционным политикам и увеличивают объем информации, касающейся партийной политики и их намерений; во-вторых, они функционируют как каналы для политического участия, облегчая установление взаимных связей между гражданами и партиями¹.

¹ Norris P. Preaching to the Converted? Pluralism, Participation and Party Websites // Party Politics. 2003. Vol. 9. No 1. P. 21–45; Williamson A. MPs Online Connecting with Constituents. L.: Hansard Society, 2009. P. 2–5.

Имеются три основных подхода к описанию роли представительства партий в Интернете. Согласно *первому подходу* выход партий во Всемирную сеть не изменяет сути политики и деятельности партий. И в условиях современного информационного общества политика существует «как обычная политика»². Добавляются лишь новые инструменты и появляются дополнительные возможности, но сути это не меняет, так как обычные средства информации и традиционные структуры организации партий являются все же преобладающими в современном мире. При этом рост затрат на представительство во Всемирной паутине способствует большой дифференциации среди политических акторов. Обладающие значительными ресурсами могут позволить себе более развернутое представительство в сети, но и это не заменяет традиционной активности. Обоснование, сделанное на основе опыта 1990-х, находит тем не менее и сегодня своих сторонников.

Второй подход является более оптимистичным. В нем основным аргументом выступает демократическая природа Всемирной сети, позволяющая усилить равенство представительства и информационных возможностей политических акторов в политических процессах. Особенно это значимо для небольших политических групп, которые не могут себе позволить на равных конкурировать, используя обычные ресурсы и информационные каналы влияния. Вот почему ряд небольших и радикальных партий показывают часто электоральные результаты, которые в отсутствие Интернета им вряд ли удалось получить. Последнее обстоятельство, конечно, не является основным в обосновании электоральных успехов таких партий, но равные возможности, предоставляемые Всемирной паутиной, помогают услышать и сравнить голос всех политических сил.

При *третьем подходе* обращается внимание на то, что, переходя в онлайн-пространство, партии начинают трансформироваться организационно и проводить свою политику, учитывая особенности информационной сети. Они фактически превращаются в новые сетевые партии. Интернет в этом случае становится пусковым механизмом трансформации традиционных структур и форм деятельности — так, что природа партий начинает меняться. Правда, это только тенденция, а не свершившийся факт. Появляются собственно интернетовские партии, о деятельности которых будет рассказано в соответствующей части главы.

² Margolis M., Resnick D. Politics as Usual: The Cyberspace “Revolution”. Thousand Oaks, CA: Sage, 2000.

В целом современные партии становятся *профессионализированными медиакоммуникационными партиями*, обладающими следующими основными признаками³:

- профессиональный коммуникационный менеджмент;
- постановка проблем, основанных на критериях медиалогики (*Twitter*);
- ориентация скорее на отдельные вопросы, чем на согласованные программы;
- осознанные способности, отфильтрованные стратегическим центром власти;
- незначимость ресурса активного членства (волонтеры в кампаниях).

Политические партии стали размещать свои материалы в сети Интернет в виде веб-сайтов.

Веб-сайт — это совокупность определенным образом структурированных и систематизированных материалов (информации, интерактивных средств, поисковых систем, библиотек и др.), оформленных для размещения в Интернете организацией или частным лицом для свободного, авторизуемого или ограниченного доступа пользователей сети.

Размещение на сайтах партий видов информации и опций со временем менялось в зависимости от функциональной направленности сайтов и возможностей, которые предоставляли развивающиеся ИКТ.

Как видно на одном из первых партийных сайтов Великобритании (см. рис. 12.1), сайт выполнял три основные функции: информационную, мобилизационную, функцию участия. Отсюда следующие опции, которые предлагал сайт: участие в виртуальной конференции партии; информация о партийном манифесте, партийных деятелях, текущих событиях; знакомство с особенностями политики партии; участие женщин в партийной деятельности; магазин партийной символики и литературы. Дизайн первых сайтов был упрощенным, но и здесь уже присутствовали такие необходимые элементы, как партийный слоган («Новые Лейбористы — новая жизнь для Британии»), партийная символика (красная роза), портрет лидера (говорящий Тони Блэр). В настоящее время функции веб-сайтов значительно расширены и детализированы, хотя остается определенная ориентация сайтов на выполнение трех основных названных функций. Например, лейбористы отмечают, что в ходе избирательной кампании 2010 г. количество

³ См.: *Hartleb F.* All Tomorrow's Parties: The Changing Face of European Party Politics. Brussels: Center for European Studies, 2012. P. 38.

еженедельных контактов в сети выросло до 450 тыс. по сравнению со 150 тыс. в 2005 г.

Выделяются следующие *функции партийных веб-сайтов*: функция укрепления бренда партии, функция партстроительства, функция распространения информации и убеждения, функция артикуляции и объединения интересов, функция социализации и мобилизации, функция сбора партийных финансов, коммуникативная функция и создание партийных сообществ, функция связи с социальными сетями и другими сотрудничающими с партиями организациями в сети⁴. Наполняя эти функции содержанием, партии двигались от пассивных форм взаимодействия с гражданами к активным. Общая тенденция здесь может быть выражена динамикой различных форм активности партий в сети: информационные веб-сайты партий — персональные веб-сайты — рассылка новостей через электронную почту — сетевая организация политических кампаний — сетевые дискуссионные форумы — электронная переписка — использование мобильной связи — блоги — участие в социальных сетях — чаты.

Посещение сайта гражданами является главным показателем значимости партии, ее активности и привлекательности. Ясно, что этот показатель значительно возрастает во время избирательных кампаний или обсуждения сложных событий, происходящих в стране. Общее сравнение посещаемости сайтов партий можно сделать на основании данных специализированной информационной компании «Alexa» (*The Web Information Company* «Alexa»; веб-сайт компании — www.alexa.com), использующей специальную метрику для анализа посещаемости сайтов в глобальной информационной сети. Табл. 12.1 дает общее сравнение активности использования сайтов политических партий в сети в зарубежных странах.

В феврале 2014 г. наиболее посещаемыми были партийные сайты Лейбористской партии в Великобритании, Социал-демократической партии в Германии, Демократической партии в США, Национального фронта во Франции. Сравнение показывает, что популярность партии в стране соотносима с высокими показателями глобальной коммуникации партий. Интересно, что ряд партийных сайтов активно посещается зарубежными пользователями сети. Так, сайт Либертарианской партии в США посещается жителями США — 78,2%, Китая — 4,5%, Румынии — 3,3%. Сайт Национального фронта (Франция) посещается жителями Франции — 72,3%, США — 9,8%, Германии — 5,0%, Таиланда — 2,8%, Великобритании — 2,5%.

⁴ См.: *Кислицина И. С.* Политические партии в коммуникативном пространстве Интернета: Дис. канд. полит. наук. 2009.

**Посещаемость сайтов основных политических партий
в зарубежных странах в феврале 2014 г.**
(ранжирование партий по показателю национальной коммуникации)

Партия	Показатель		Количество ссылок на сайт на других доменах	Количество просматриваемых страниц на одно посещение сайта
	глобальной коммуникации*	национальной коммуникации**		
Великобритания				
Лейбористская партия (www.labour.org.uk)	161 366	5 405	2 082	2,60
Либерально-демократическая партия (www.libdems.org.uk)	335 105	12 289	1 802	6,40
Консервативная партия (www.conservatives.com)	259 433	14 993	2 556	2,20
Германия				
Социал-демократическая партия Германии (www.spd.de)	118 758	9 803	4 334	2,90
Левые (www.die-linke.de)	244 289	14 657	1 912	3,10
Христианско-демократическая партия Германии (www.cdu.de)	231 701	18 046	2 534	2,30
Союз 90/«Зеленые» (www.gruene.de)	377 616	20 139	2 434	2,40
Христианский социальный союз (www.csu.de)	415 628	23 333	1 023	3,0
Свободная демократическая партия (www.fdp.de)	317 527	26 334	12 85	2,90
США				
Демократическая партия (www.democrats.org)	51 484	9 577	3 729	1,77
Республиканская партия (www.gop.com)	84 460	11 692	3 268	1,54
Либертарианская партия (www.lp.org)	174 122	38 269	4 048	2,10
Франция				
Национальный фронт (www.frontnational.com)	42 891	1 919	1 123	2,26

Окончание табл. 12.1

Партия	Показатель		Количество ссылок на сайт на других доменах	Количество просматриваемых страниц на одно посещение сайта
	глобальной коммуникации*	национальной коммуникации**		
Социалистическая партия (www.parti-socialiste.fr)	159 008	5 924	2 333	1,9
Зеленые за европейскую экологию (www.eelv.fr)	188 981	9 145	1 050	1,80
Союз за народное движение (www.u-m-p.org)	250 928	10 107	1 105	1,80
Коммунистическая партия (www.pcf.fr)	347 063	15 543	1 184	1,40
Демократическое движение (www.mouvementdemocrate.fr)	599 399	33 015	460	1,70

Примечания: * Показатель *глобальной коммуникации (Traffic Rank)* — комбинация средней суточной посещаемости сайта и количества просмотров страниц этого сайта за последние три месяца. Чем меньше показатель, тем выше ранг.

** Показатель *национальной коммуникации (Traffic Rank in)* — комбинация средней суточной посещаемости сайта и количества просмотров страниц этого сайта за последний месяц в отдельной стране. Чем меньше показатель, тем выше ранг.

Неравномерно представлены связи партийных сайтов с другими сайтами в сети. По показателю количества ссылок на партийный сайт на других доменах лидируют Консервативная партия Великобритании (2556 доменов), Социал-демократическая партия Германии (4334 домена), Либертарианская партия в США (4048 доменов), Социалистическая партия во Франции (2333 домена). Количество связанных с сайтами доменов свидетельствует о сетевой активности партийных сайтов и уровне интереса к ним. В определенной мере это показатель сетевизации (*networking*) сайтов политических партий. Данные о количестве просматриваемых страниц на одно посещение сайта могут свидетельствовать об информационной насыщенности и разнообразии информации, представленной на партийных сайтах. Здесь лидируют Либеральная демократическая партия Великобритании, объединенные Левые в Германии, Либертарианская партия в США и Национальный фронт во Франции.

Анализ российских партий представлен в табл. 12.2. Как видно из этих данных, показатели российских партий соотносимы с показателями зарубежных партий, что свидетельствует о высоком уровне представительства российских партий в сети. Наибольшей популярностью

в России пользуются веб-сайты КПРФ и «Единой России». У КПРФ показатели глобального и национального трафика даже выше, чем у «Единой России». Заметно представлены эти партии и на других доменах, что свидетельствует о высоком уровне связи сайтов с другими сайтами. Наиболее читаемыми являются сайты политических партий КПРФ (2,90), «Единой России» (2,50) и ЛДПР (2,30). По странам посещаемость сайта КПРФ дифференцируется следующим образом: 78,3% — жители России, 7,3% — Украины.

Таблица 12.2

**Посещаемость сайтов основных политических партий
в России в июне 2014 г.**

(ранжирование партий по показателю национальной коммуникации)

Партия	Показатель		Количество	
	глобальной коммуни-кации	националь-ной комму-никации	ссылок на сайт / на других доменах	просматриваемых страниц на одно посещение сайта
КПРФ (www.kprf.ru)	47 967	3 256	1 386	2,90
«Единая Россия» (www.er.ru)	102 845	4 272	1 339	2,50
ЛДПР (www.ldpr.ru)	226 661	12 191	547	2,30
«Яблоко» (www.yabloko.ru)	226 567	12 594	799	2,00
«Справедливая Россия» (www.spravedlivo.ru)	468 482	37 225	426	1,50
«Патриоты России» (www.patriot-rus.ru)	2 378 908	23 846	68	2,20
«Гражданская платформа» (www.civilplatform.ru)	772 670	45 732	81	1,48

Сайты политических партий анализируются довольно часто. В общем, такие показатели, как информационное обеспечение, увеличение ресурсной базы (членство, финансирование, партийная торговля), участие (почта, обратная связь, голосование, чаты, дебаты), сетевизация (число связей сайта и посещение сайтов), организация кампаний и др., служат базой для оценки эффективности партийного киберпространства. При этом отмечается, что партийные сайты создают новое пространство возможностей для участия граждан в деятельности партий посредством открытости, обратной связи и дебатов. Особое внимание в настоящее время уделяется представительству партий в социальных сетях. Здесь важную роль начинают играть блоги и представительство партий в социальных сетях: «ВКонтакте»,

Facebook, Twitter, YouTube и др. Это мощный канал организации поддержки и мобилизации. Многие исследователи подчеркивают, что для современных партий членство не является особо важным. Важно присутствие партий и их лидеров в социальных сетях. Не все российские партии пока имеют там свое представительство (табл. 12.3). Первую позицию занимает партия «Единая Россия», на страницу которой «ВКонтакте» подписано 16 330 читателей, а в *Twitter* — 44,4 тыс. читателей (рис. 12.2). У нее же и лидирующие позиции занимает лидер партии — Д. А. Медведев с 2 млн 220 тыс. подписчиков. Меньше всего представлена «Справедливая Россия». Как партия она слабо представлена «ВКонтакте», нет ее в *Twitter* (есть некоторые региональные отделения), хотя руководители и лидеры партий имеют там свое представительство. В *Twitter* у лидера «Справедливой России» С. М. Миронова насчитывалось 128 тыс. читателей.

Таблица 12.3

Представительство российских парламентских партий в социальных сетях в марте 2014 г.

Партии	«ВКонтакте», тыс. человек	<i>Twitter</i>		
		Число твиттов, тыс.	Число читателей, тыс.	Число читателей у лидера партии, тыс.
«Единая Россия»	16,33	60,5	44,4	2 220
ЛДПР	55,377	1,142	5,726	817
КПРФ	26,603	3,845	7,901	125
«Справедливая Россия»	0,285	нет	нет	128

Присутствие партий в Интернете свидетельствует о значимости данного информационного ресурса. Однако упование только на него не является эффективным для политической деятельности. Трюгве Олсон и Терри Нельсон подчеркивают, что у Интернета нет никакого магического влияния на победу партии в выборах. Они предлагают десять советов для стратегии использования веб-пространства в политической деятельности⁵:

- Интернет является многоуровневым политическим ресурсом — он позволяет использовать эти ресурсы в зависимости от их качеств более эффективно, с большей скоростью, для большей аудитории и с низкими затратами.

⁵ *Olson T., Nelson T. The Internet's Impact on Political Parties and Campaigns // KAS International Reports. 2010. No 6. P. 63–64.*

Рис. 12.2. Скриншот страницы партии «Единая Россия» в «Твиттере» (март 2014 г.)

- Интернет является постоянно развивающейся платформой, на основе которой могут создаваться и использоваться новые инструменты для достижения стратегических политических целей. Успешное использование Интернета в политике связано не только с инструментами, которые были выработаны ранее, но и с определением новых инструментов и даже их созданием для решения стратегических задач.
- Для того чтобы сделать базовые инструменты Интернета эффективными, нужно соединить их со стратегическими целями

и развить в таком направлении, чтобы они стали полезными для индивидов, борющихся за стратегические цели.

- Так как Интернет стал политическим инструментом, который развивался в направлении перехода от средства коммуникации к становлению в качестве необходимой части любого структурного компонента политической партии и кампании, то он является не дополнением к партии и ее кампании, а инструментом для связи и для использования всеми формами партийной деятельности.
- Наиболее важные перемены, которые принес Интернет, связаны не с его внешним влиянием на организацию политических кампаний и взаимодействие с избирателями, а на внутреннюю работу партий. Извлечение выгоды из власти Интернета требует каждый раз продумывания многообразных путей, как можно увеличить эту власть для улучшения деятельности партий по достижению внешних целей.
- Глобальный доступ и скорость движения информации через Интернет требуют, чтобы политические партии и кампании всегда находились в динамике.
- Способность Интернета объединять индивидов для политических действий означает, что политики должны постоянно помнить об управлении политическими кампаниями не только сверху вниз, но и учитывать их движение снизу вверх. В то же самое время они должны знать, что если сами не заполняют ценностное пространство, то Интернет позволит другим индивидам, группам и политическим партиям быстро заполнить этот вакуум.
- Использование новых веб-технологий является решающим для перевода интернет-активности в политическую поддержку. Однако важно помнить, что не кандидат или партия с большим количеством друзей в *Facebook* или с огромным количеством твиттов выигрывает выборы; выигрывает тот, кто получает большинство голосов в день выборов.
- Интернет стал постоянным хранилищем для оппозиционных исследований всего, что делают и говорят партии и их кандидаты, и эта информация доступна их оппонентам в любой момент. Наличие политического успеха в век Интернета требует от политиков признания того, что их слова и дела находятся потенциально в публичном пространстве и могут быть использованы за или против них в любое время.

- Только лишь потому, что другая партия или кандидат используют основные средства Интернета или тактику как часть их усилий, не означает, что это является частью и вашей побеждающей стратегии. В то время как часто стараются делать все то, что делают через Интернет оппоненты, значимая онлайн-деятельность должна предприниматься только для достижения особых политических целей, а не просто для активности.

12.2. Политические партии и группы интересов

При сетевом анализе политических партий взаимодействие их с различными группами интересов принимает две основные формы:

- 1) особенности формирования сетевого взаимодействия партий и организованных групп интересов;
- 2) сетевая трансформация политических партий в условиях интенсивного взаимодействия с группами интересов.

Организация взаимодействия партий с группами интересов является предметом особого внимания. Отмечается разнообразие мнений относительно связей политических партий и заинтересованных групп. Ряд исследователей пишет о тенденции ослабления таких связей⁶. Другие подчеркивают особый характер отношений, превращающий партии в новые структуры, так называемые *расширенные партийные сети* (*extended party networks*)⁷.

На *ослабление взаимосвязей* политических партий и групп интересов влияют те основные факторы, которые способствовали превращению партий из массовых организаций во всеохватные и картельные партии. В настоящее время отмечают следующие основные факторы, влияющие на взаимодействие партий и организованных групп интересов, а также на ослабление его форм и интенсивности. *Во-первых*, это усиление дифференциации и фрагментации групп интересов. Увеличение числа и дробление интересов усложняет процесс выбора агентов взаимодействия для партий. *Во-вторых*, подчеркивается снижение роли

⁶ См.: Katz R., Mair P. Parties, interest groups and cartels: A comment // Party Politics. 2012. Vol. 18. No 1; Allern E., Bale T. Political parties and interest groups: Disentangling complex relationships // Party Politics. 2012. Vol. 18. No 1.

⁷ См.: Koger G., Masket S., Noel H. Partisan Webs: Information Exchange and Party Networks // British Journal of Political Science. 2009. Vol. 39. No 3; Grossmann M., Dominguez C. Party Coalitions and Interest Group Networks // American Politics Research. 2009. Vol. 37. No 5; Heany M., Masket S., Miller J., Strogovich D. Polarized Networks: The Organizational Affiliations of National Party Convention Delegates // American Behavioral Scientist. 2012. Vol. 56. No 12.

различного рода социальных расколов (социальных кливиджей), которые заставляли в прошлом объединяться социал-демократов с профсоюзами, аграриев с фермерскими союзами, христианские партии с религиозными организациями. *В-третьих*, увеличение роли средств массовой информации, и особенно новых социальных сетей, способствует появлению новых каналов обмена информационными ресурсами, которые не предполагают тесной координируемой связи между партиями и группами интересов. *В-четвертых*, в связи с тем, что возможности политического влияния для групп интересов в современной политике расширились и они могут осуществлять его без особого взаимодействия с партиями, партии стали меньше внимания уделять традиционным связям. *В-пятых*, картельный характер современных партий и их стремление координировать межпартийную кооперацию, а также повышение значения связей партий с государством усилили раздел политического общества на относительно самостоятельные партийные слои и слои различных ассоциаций гражданского общества. Критика партий как агентов государства способствовала ослаблению традиционных связей политических партий и гражданских ассоциаций.

В концепции «расширенных партийных сетей» партийная организация и деятельность рассматривается в контексте многообразных связей, возникающих внутри и вокруг формальных организаций партий. Реально политическая партия сегодня представляет собой многообразную сеть отношений, используемую как для достижения победы на выборах, так и для проведения своей политики (правительственной или оппозиционной). Называются следующие участники сетевого взаимодействия: формальные организации партий, финансовые доноры, партийные активисты и организаторы кампаний, сотрудничающие группы интересов, дружественно настроенные средства массовой информации. Центральным вопросом таких сетей является положение формальных партийных структур. С одной стороны, в таких расширенных партийных сетях они не могут действовать вне условий взаимозависимости. Как подчеркивают Мэтт Гроссманн и Кейси Домингес на основании анализа исследований партийных сетей и их коалиционной природы, «партийные чиновники... являются просто агентами составляющих коалиции сильных меньшинств — так, что официальные комитеты не могут быть властными вне зависимости от поддержки этих интересов»⁸. С другой стороны, в таких сетях одни акторы могут оказывать большее влияние, чем другие. Но решающее значение имеет то, что формальные организации включают в себя признанных авторитет-

⁸ Grossmann M., Dominguez C. Party Coalitions and Interest Group Networks // American Politics Research. 2009. Vol. 37. No 5. P. 771.

ных лидеров, которые обладают властью усиливать координацию и согласие. Без иерархии более значимые игроки могут влиять только неформально и непрямо⁹. Вообще в связи с новыми отношениями между партиями и группами интересов в США ставится вопрос о *новой теории коалиционных партий*. При этом подчеркивается, что партийные политики начинают выполнять менеджеральные роли, способствуя взаимодействию заинтересованных групп в такой партийной коалиции¹⁰. Правда, анализ реальных расширенных партийных сетей демонстрирует неоднозначность роли формальных организаций в сетевом взаимодействии. Рассмотрим это на примере политических партий в США.

В табл. 12.4 приведены некоторые данные о состоянии сетей демократов и республиканцев по трем основным группам сетевого взаимодействия: кампании поддержки, законотворческие коалиции и комитеты политических действий. При этом отмечены ключевые акторы в сетях и особенности сетевой структуры. Если сравнить сети кампаний поддержки, то демократы и республиканцы не особо различаются по таким параметрам, как размер сети (количество групп в сети) — соответственно 121 и 118 групп; плотность сети (соотношение наличных связей и возможного числа связей в сети) — соответственно 0,21 и 0,17; степень централизации (показывает долю узлов, имеющих приоритет по числу связей по отношению ко всем другим узлам) — соответственно 14,1 и 14,4%. Значительно различаются показатели центральности узла (доля узлов, определяющих кратчайшие пути связи между двумя другими узлами). Для демократов — это 6,4%, для республиканцев — 13,1%, что говорит о большем количестве акторов в сети республиканцев, которые выполняют функции кратчайшей связи. Этот факт подтверждается и другими сетевыми исследованиями политических партий в США. Так, авторы сетевого исследования делегатов национальных съездов двух крупнейших партий в этой стране подчеркивают, что республиканские сети содержат больше организаций с большим числом делегатов, в то время как демократы имеют сеть с большим числом организаций с умеренным либо маленьким числом делегатов. В этом отношении Демократическая партия стремится централизовать потоки информации через официальные партийные структуры, в то время как Республиканская партия использует своих союзников для координации действий и передачи информации (рис. 12.3).

⁹ Koger G., Masket S., Noel H. Partisan Webs: Information Exchange and Party Networks // British Journal of Political Science. 2009. Vol. 39. No 3. P. 637.

¹⁰ Bawn K., Cohen M., Karol D., Masket S., Noel H., Zaller J. A Theory of Political Parties, Groups, Policy Demands and Nominations in American Politics // Perspectives on Politics. 2012. Vol. 10. No 3. P. 581.

Таблица 12.4

**Характеристики сетей заинтересованных групп, формирующихся
вокруг политических партий США в начале 2000-х годов**

Сети	Размер сети (<i>size</i>)	Плот- ность сети (<i>density</i>)	Степень централи- зации, % (<i>degree</i>)	Цент- ральность узла, % (<i>between- ness</i>)	Центральные акторы	Структура сети
Кампании поддержки						
Все сети	239	0,19	7,3	19,3	Сообщество водителей грузовиков	Дифферен- цированные сторонники
Демократы	121	0,21	14,1	6,4	Профсоюзы	Центр-пери- ферия
Республи- канцы	118	0,17	14,3	13,1	Бизнес	Различные группы кон- серваторов
Законотворческие коалиции						
Все сети	2 562	0,08	6,2	1,9	Бизнес, профсоюзы, ассоциации в здравоох- ранении, религиозные группы	Дифферен- цированные противники, центр— периферия
Демократы	1738	0,12	4,7	3,7	Профсоюзы, женские ор- ганизации, группы одной проблемы	Центр— периферия
Республи- канцы	1621	0,06	10,4	2,8	Бизнес, ас- социации в здравоохра- нении	Центр— периферия
Комитеты политических действий						
Все сети	3504	1,5	5,6	0,9	Группы одной проб- лемы	Дифферен- цированные сторонники с централь- ными акто- рами
Демократы	2683	1,1	5,4	1,0	Профсоюзы	Центр—пе- риферия
Республи- канцы	2779	1,4	6,7	0,5	Бизнес	Центр—пе- риферия

Источник: Grossmann M., Dominguez C. Party Coalitions and Interest Group Networks // American Politics Research. 2009. Vol. 37. No 5. P. 777.

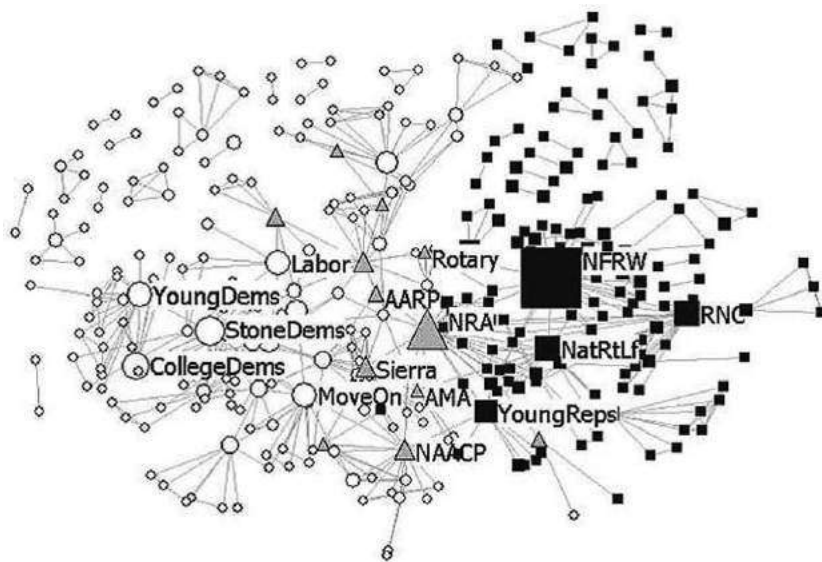

Рис. 12.3. Сети организаций демократов и республиканцев в США на национальных съездах партий в 2008 г.*

* Черными квадратами обозначены организации, указанные делегатами республиканцев, белыми кружками — организации демократов, серыми треугольниками — организации, указанные и демократами, и республиканцами. Размер фигур показывает количество делегатов, указавших на эту организацию. Изолированные делегаты не включены в граф.

Источник: Heany M., Masket S., Miller J., Strogovich D. Polarized Networks: The Organizational Affiliations of National Party Convention Delegates // American Behavioral Scientist. 2012. Vol. 56. No 12. P. 1665–1666.

Обращение к табл. 12.4 также показывает различие в ключевых акторах между двумя партиями и в структуре сети. Для демократов ключевым актором организации поддержки выступают профсоюзы, для республиканцев — бизнес. Для первой партии характерно распределение акторов между центром и периферией, тогда как республиканцы имеют более рассеянную с точки зрения национального центра структуру — множество различных групп консерваторов.

В Европе сетевая перестройка политических партий выражена не так отчетливо. Тем не менее сетевые взаимоотношения характеризуют партии и здесь. В европейские партии проникает идея сетевизации, затрагивая политические кампании и политическую организацию партий. Идея сетевых политических партий становится подходящей для анализа трансформирующейся партийной Европы. Как пишет Рун

Карлсен, для Норвежской партии труда онлайн-стратегией выступал акцент на построении тематической сетевой структуры, которая была нацелена на понижение порога участия членов партии в партийной жизни, а также привлечение новых членов, что позволяет говорить о переходе к сетевой модели организации¹¹.

12.3. Виртуальные (кибер) политические партии

В предыдущем параграфе мы говорили о том, как традиционные партии реагируют на возможности сетевого общества. Однако в последнее десятилетие стала набирать силу тенденция использования Всемирной информационной паутины для создания и деятельности партий в виртуальном пространстве. Это новое явление для современной политики. Тем не менее такие партии стали заметным явлением политической жизни, о чем свидетельствует их представительство в парламентах на местном и национальном уровнях, а также в Европарламенте. Такие партии получили наименования виртуальные партии, киберпартии, «партии одного автобуса» (*coach party*), «партии вспышки» (*flash party*). Отличительной особенностью всех этих партий выступает активное представительство в Интернете, использование новых коммуникационных технологий для продвижения своих идей и организации своих действий. Здесь мы будем использовать понятие «киберпартии».

Первая попытка описать основные характеристики киберпартий приходится на начало 2000-х годов. При этом за основу анализа берется выход в Интернет традиционных партий, которые, часто оставляя за собой характеристики картельных партий, приобретают новые черты. Хелен Маргиттс, впервые предложившая дополнить имеющуюся типологию политических партий (кадровые, массовые, всеохватные, картельные) новым типом — *киберпартии*, основное отличие этого нового типа видит в отказе от обычного формального членства и переходе на прямые связи с избирателями. Она пишет:

«Ключевым определяющим признаком является то, что киберпартии используют скорее основанные на сетях технологии для усиления скорее отношений с избирателями, чем традиционные понятия партийного членства: такие технологии способствуют уменьшению уровня членства, чем наоборот»¹².

¹¹ *Karlsen R.* Obama's Online Success and European Party Organizations: Adoption and Adaptation of U.S. Online Practices in the Norwegian Labor Party // *Journal of Information Technology & Politics*. 2013. Vol. 10. No 2. P. 158–170.

¹² *Margitts H.* Cyber Parties // *Handbook of Party Politics* / Ed by R. Katz & W. Crotty. Newbury Park; L.; New Delhi: Sage, 2006. P. 531.

Киберпартии характеризуют следующие признаки.

- Истоки партий: изменяющаяся структура участия; смешанные электоральные системы; ИКТ и Интернет.
- Формы поддержки: прямые связи с избирателями; сильная партийная конкуренция за разнообразные предпочтения избирателей.
- Членство: отсутствие членства; вольное понимание сторонников, которыми потенциально являются все избиратели.
- Партийные каналы коммуникации: сетевые каналы коммуникации; внутренние и внешние сети.
- Положение между гражданским обществом и государством: партии как организации (не институты), действующие на границе между государством и обществом.

Эти характеристики присущи тем традиционным партиям, которые начинают активно использовать ИКТ в своей деятельности. Но еще больше их можно применять к совершенно новому феномену виртуальных киберпартий, которые появились в первое десятилетие 2000-х годов. В Венгрии в 2003 г. Движение «За лучшую Венгрию» («Йоббик») преобразовалось в партию под тем же названием. Слово «йоббик» (*jobbik*) по-венгерски означает «лучший», или «правый», и оно было взято за емкое синонимическое название партии, отражающее ее намерения. Это движение развивает свою деятельность, используя портал *jobbik.hu* и другие интернет-возможности. В 2006 г. в Нидерландах Гертом Вилдерсом (*Geert Wilders*) (тогда депутатом Палаты представителей) была создана Партия свободы. Эта партия фактически состоит из одного человека, но которая активно участвует в политической жизни страны, создавая себе поддержку и рекрутируя нефиксированных членов партии с использованием онлайн-технологий. Неудача республиканцев на выборах президента стимулировала активизацию членов Консервативной партии и консервативной части населения США в 2009 г. под названием Партия чаепития (*Tea Party*), которая расширила свою деятельность на всю страну. В 2010 г. итальянский актер и шоумен Бeppe Гpилло создал свой блог и объединил ряд организаций вокруг Движения пяти звезд. Этот блог входит в десятку наиболее популярных политических блогов в мире, в нем участвуют пользователи из более чем 1000 городов 22 стран мира (рис. 12.4). В числе подобных партий можно также назвать Движение Паликота (*Ruch Palikota*) в Польше (Януш Паликот — основатель движения в 2011 г., с октября 2013 г. это движение преобразовалось в «Твое движение» — *Twoj Ruch*), словацкую Партию простого народа и независимых личностей

(2010 г.), Пиратскую партию¹³, возникшую в 2006 г. в Швеции, а затем в Германии (в настоящее время пиратские партии действуют в 54 странах, зарегистрированы официально в 21 государстве; имеются международные объединения этих партий).

Новые партии стали заметной политической силой в последнее десятилетие. Об этом свидетельствуют данные выборов на национальном и региональном уровнях (табл. 12.5); они представлены также в Европейском парламенте. Так, в 2014 г. венгерская Партия «За лучшую Венгрию» («Йоббик») вновь стала третьей в Национальном собрании, получив 20,54% голосов избирателей (2010 г. — 16,7%). Движение Паликота («Твое движение») получило 40 мест в Сейме (нижняя палата польского парламента) и более 10% поддержки избирателей. Партия свободы (Нидерланды) в 2012 г. также стала третьей партией в Палате представителей, получив 10% голосов. Еще большую поддержку получило Движение пяти звезд Беппе Грилло на национальных выборах в Италии в 2013 г. Его кандидатов поддержали на выборах в Палату депутатов (нижняя палата) 25,5% избирателей, а в Сенат (верхняя палата) — 23,8%. В Германии Пиратская партия получила поддержку избирателей на выборах депутатов в ряде земель и в Берлине, но ей не удалось пройти в Бундестаг в сентябре 2013 г. (2,2% голосов избирателей).

Таблица 12.5

Киберпартии в представительных органах государств Европы

Партия (страна)	Представительный орган государственной власти	Количество голосов, полученных партией на выборах (год выборов), %
Партия «За лучшую Венгрию» («Йоббик») (Венгрия)	Национальное собрание Венгрии	20,54 (2014)
Пиратская партия Германии (Германия)	Палата депутатов Берлина	8,9 (2011)
	Ландтаг земли Саар	7,4 (2012)
	Ландтаг земли Шлезвиг-Гольштейн	8,2 (2012)
Движение Паликота («Твое движение») (Польша)	Сейм (нижняя палата парламента)	10,02 (2011)

¹³ Сами партии заявляют, что слово «пират» в названии партии не означает незаконной деятельности, а лишь является заимствованием имени, данного пользователям Интернета представителями кино- и музыкальной индустрии.

Окончание табл. 12.5

Партия (страна)	Представительный орган государственной власти	Количество голосов, полученных партией на выборах (год выборов), %
Партия «Простой народ и независимые личности» (Словакия)	Национальный совет Словакии	8,55 (2012)
Партия свободы (Герт Вилдерс) (Нидерланды)	Палата представителей (нижняя палата парламента)	10,1 (2012)
Движение пяти звезд (Беппе Грилло) (Италия)	Палата депутатов (нижняя палата парламента)	25,5 (2013)
	Сенат (верхняя палата парламента)	23,79 (2013)

Рис. 12.4. Скриншоты страницы Беппе Грилло в «Твиттере» и его сайта *Meetup* (март 2014 г.)

Киберпартии являются весьма разнообразными по своим идеям, способам организации, используемым средствам деятельности и формам активности. В современной политике они позиционируют себя в качестве противников существующих политических партий, заявляя о своей в этом смысле *антиполитической и антиинстемблиментской позиции*. Их не устраивают фундаменталистские идеологии современ-

ных партий, их организационная громоздкость, вхождение их лидеров в политический истеблишмент, отрыв от народа, коррупция элит. Все эти партии заявляют о своей связи с демократией, которая должна быть непосредственной, идущей снизу, откликающейся на насущные проблемы простых людей. Их участники полагают, что есть определенные простые решения возникающих проблем, стоит лишь отказаться от громоздкого и неэффективного механизма репрезентативной демократии и многоступенчатого механизма принятия политических решений в государстве. В этом отношении киберпартии — это популистские партии. Основные черты популизма так описывает Пол Таггарт¹⁴.

- Популисты враждебны по отношению к репрезентативной политике и выступают против современных политических элит.
- Популисты идентифицируют себя с самыми глубинными идеализированными основами того сообщества, от имени которого они говорят.
- Популисты предлагают простые решения сложных проблем.
- Популизм является идеологией, лишенной фундаментальных ценностей.
- Популизм является мощной реакцией на кризисы.
- Популизм занимает позицию хамелеона, подстраиваясь под цвета окружающей среды.

По идеологическим критериям отнести киберпартии к какой-то определенной семье партий довольно сложно. Как правило, у лидеров и представителей этих движений отмечается конгломерат идей, часто несовместимых или трудно совместимых друг с другом по меркам традиционных идеологий. Однако *общая идейная направленность большинства партий все же связана скорее с правым флангом партийного спектра — консерватизмом и национализмом*, чем с левым. Сложное сочетание либертарианизма, либерализма, консерватизма, национализма, антикоммунизма, евроскептицизма часто присутствует вместе и по отдельности в политических целях и высказываниях. Лидер Партии свободы (Нидерланды) Герт Вилдерс защищает ценности европейской цивилизации (христианство, свобода, правление закона, отделение церкви от государства) от исламских ценностей, часто переходя в лагерь радикальных националистов. Консервативной считается партия «Простой народ и независимые личности» в Словакии. Она исповедует традиционные ценности Словакии, безопасную среду проживания

¹⁴ Taggart P. Populism. Buckingham: Open University Press, 2000. P. 2.

и воспитания детей, ответственность и уважение к свободам других, права меньшинств; она выступает против коррупции, за верховенство закона, ответственное управление без чрезмерной бюрократии. Венгерское движение «Йоббик» само позиционирует себя как принципиальную, консервативную и радикально патриотическую и христианскую партию. Ее фундаментальной целью является защита венгерских ценностей и интересов. Она выступает против попыток уничтожить нацию как фундамент человеческого сообщества. Очевидна связь Партии чаепития США с американским консервативным движением и мировоззрением.

Вместе с тем не все киберпартии можно относить к консервативному политическому спектру. Польское Движение Паликота («Твое движение») солидаризируется с либертарианскими ценностями свободы, однако включает в свой идейный багаж и социальную демократию с ее идеями социальной справедливости, солидарности и равенства. Она выступает за евроинтеграцию, и не случаен союз этого движения с польской социал-демократией на выборах в Европейский парламент. Пиратские партии скорее проповедают либеральные ценности в сочетании с идеей глобальной интеграции. Они заявляют, что будут достигать своих целей не посредством активизма, а через установленные политические системы. Их целями являются защита прав человека и фундаментальных свобод в цифровой век, реформа патентных прав, поддержка информационной приватности, открытости и свободного доступа к информации.

В структурном отношении киберпартии являются определенно сетевыми организациями, которые строят свою деятельность, создавая платформы для сетевого взаимодействия организаций, движений, заинтересованных групп, отдельных граждан. Некоторые организации при этом имеют международную сетевую структуру (пиратские партии, Движение Беппе Грилло). Как описывают исследователи Партии чаепития в США, «смесь локальных сетей, ресурсные национальные организации и консервативные медиаструктуры создают Партию чаепития и дают ей многое для динамизма и гибкости в настоящий момент американской политики»¹⁵. К таким структурам они относят веб-сайт *MeetUP* с его сетевыми группами; такие поддерживающие организации, как *Tea Party Express* («Экспресс Партии чаепития»), *Tea Party Patriots* («Патриоты Партии чаепития»), *Freedom Works* («Свободный труд»), *Americans for Prosperity* («Американцы за процветание»),

¹⁵ *Williamson V., Skocpol T., Coggin J.* The Tea Party and the Remaking of Republican Conservatism // *Perspectives on Politics*. 2011. Vol. 9. No 1. P. 28.

«мозговые центры»: *Citizens for Sound Economy* («Граждане за сильную экономику»), *Newt Gingrich's American Solutions for Winning the Future* («Американское решение для выигрыша будущего Ньюта Гингрича»), *American Liberty Alliance* (Альянс американской свободы), другие организации — *Heritage Foundation* (Фонд наследия), *Cato Institute* (Институт Като), *John Birch Society* (Общество Джона Бирча), медиакомпании — *Fox News* и *CNN*. Фактически, центром объединения всех этих сетевых акторов Партии чаепития является медиакомпания *Fox News*, которая превратилась в национальное социальное движение.

Другие киберпартии используют прежде всего потенциал социальных сетей для своего позиционирования, организации и деятельности. Помимо собственных сайтов, они активно представлены на различных блоговых платформах и серверах (табл. 12.6).

Таблица 12.6

Присутствие киберпартий в социальных сетях

Партия	Facebook, «лайки», тыс.	Twitter		YouTube, подписчи- ки, тыс.
		Твитты, тыс.	Читатели, тыс.	
Партия «За лучшую Венгрию» («Йоббик») (Венгрия) jobbik.hu	4,34	5,4	4,9	4,14
Пиратская партия Германии (Германия) piratenpartei.de	89,2	16,6	124	5,42
Движение Паликота («Твое движение») (Польша) twojgruch.eu	86,0	0,3	200	0,2
Партия простого народа и независимых личностей (Словакия) obycasniludia.sk	3,6	—	—	0,4
Партия свободы (Герт Вилдерс) (Нидерланды) pvv.nl	34,1	1,1	314	0,4
Движение пяти звезд / Бeppe Гpилло (Италия) beppegrillo.it	393/1500	10,0/23	274/1420	0/288,6

Таблица демонстрирует, что партии неравномерно представлены в социальных сетях. Больше всего используют этот ресурс Движение пяти звезд (Италия) со своим лидером Бeppe Гpилло, Партия свободы

(Нидерланды), которая состоит из одного фиксированного члена — Герта Вилдерса, и Пиратская партия Германии. Три другие партии представлены меньше и используют иные платформы и блоги. Активное использование социальных сетей определенным образом коррелирует с результатами выборов. Именно активность итальянской партии с ее экстравагантным лидером принесла ей ошеломляющий успех на национальных выборах в парламент Италии.

Ключевые слова

Медиакоммуникационные партии, веб-сайты, сетевые политические партии, расширенные сети партий, группы интересов, популизм, киберпартии.

Литература

Акопов Г. Л. Интернет и политика. Модернизация политической системы на основе инновационных интернет-технологий. М.: Кнорус, 2013.

Бодрунова С. Современные стратегии британской политической коммуникации. М.: КМК, 2010.

Быков И. А. Политическая коммуникация: теория, практика и методы исследования. СПб.: ФГБОУ ВПО «СПГУТД», 2013.

Гоним В. Революция 2.0. СПб.: Лениздат, 2012.

Государство и общество в пространстве власти и политических коммуникаций. Ежегодник РАПН 2013. М.: РОССПЭН, 2013.

Сморгунов Л. В. Сравнительная политология: Учебник. СПб.: Питер, 2012. Гл. 15.

Handbook of Party Politics / Ed. by R. Katz & W. Crotty. Newbury Park; L.; New Delhi: Sage, 2006.

Rosental L., Trost Ch. Steep: The Precipitous Rise of the Tea Party. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 2012.

Twitter and Society / Ed. by K. Weller, A. Bruns, J. Burgess, M. Mahrt [et al]. N.Y.: Peter Lang, 2013.

Вопросы и задания

1. Какие преимущества дают политическим партиям новые интернет-технологии?
2. Как политические партии отвечают на новые вызовы цифрового века?
3. Что собой представляют «расширенные сети партий»?
4. Сравните зарубежные и российские политические партии по эффективности использования интернет-технологий.
5. Какое положение по отношению к традиционным политическим партиям занимают киберпартии?
6. Что такое популизм и как он выражается в деятельности киберпартий?
7. Дайте характеристику наиболее активных киберпартий.

ГЛАВА 13

СЕТЕВОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ

► В главе рассматриваются взаимосвязи между концептами публичной сферы, политического участия и политических сетей. Авторы дают несколько типов характеристик сетевого политического управления с позиций разных методологических установок. Приводятся особенности сетевых интеракций, зависящие от соотношения координационных механизмов и наличия общих интересов у сетевых акторов. Дается понимание координации и сетевого политического участия. Обоснована роль складывающихся политико-административных режимов в развитии сетевых форм политического участия и взаимодействия. ◀

13.1. Публичность и сетевое политическое участие

Понятие «публичное пространство» появляется в работах Ханны Арендт, где она описывает его как арену, *где осуществляется любая человеческая деятельность, действия, которые невозможно представить вне общества*. Полис, а стало быть, само публичное пространство было местом сильнейшего и ожесточеннейшего спора, в котором каждый должен был убедительно отличить себя от всех других выдающимся деянием, словом и достижением, доказав, что именно он живет как один из лучших. Другими словами, открытое публичное пространство было отведено именно для непосредственного, для индивидуальности; это было единственное место, где каждый должен был суметь показать, чем он выбивается из посредственности, чем он на деле в своей незаменимости является¹. Она связала **публичность** с *готовностью к встрече с «другим» по определенным формальным правилам в специально организованном (институционализированном) пространстве, т.е. в создании общей реальности и придании через публичность миру действительности*

¹Арендт Х. Vita Activa, или О деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000. С. 229.

*доверия к самому миру, то, что осязаемо, видно, гласно, открыто*². Как и в сетевой методологии, отличие частного от общего в том, что публичное пространство «собирает» людей и препятствует проявлению эгоизма, индивидуализма за счет формализации взаимодействий³.

Публичное пространство становится местом, где осуществляются интеракции индивидов и институтов, в том числе и сетевое политическое взаимодействие. В связи с понятием публичности возникает и феномен участия — как действия, имеющего целью влияние на других участников публичного пространства. Данная концепция очень тесно переплетается с теорией политических сетей, которые возникают в публичном поле и выступают в качестве форм взаимного влияния, сотрудничества, обмена ресурсами и выработки стратегий, основанных на многомерной и постоянной коммуникации. Именно в публичном пространстве встречаются представители различных институтов: государства, гражданского общества, предпринимательства. Получается, что публичность и участие становятся ключевыми факторами, обуславливающими формирование и институционализацию политических сетей.

Функционирование нормального коммуникативного взаимодействия власти и общества как условия развития государства возможно при актуализации публичного пространства и привлечении различных акторов к активному взаимодействию в его рамках, равно как и постоянное совершенствование самого пространства и механизмов участия.

По методологии ООН, качественное управление определяется следующими главными характеристиками, которые имеют непосредственное отношение к понятиям публичности, вовлечения и сетевого взаимодействия:

- *участие* — участие граждан в процессе принятия государственных решений, как непосредственное, так и через организации гражданского общества;
- *главенство права* — наличие справедливых законов и действенная защита прав человека, особенно для демократических меньшинств;
- *прозрачность* — принятие решений и правопринуждение совершаются в строгом соответствии с регламентами, а информация свободно доступна тем, кого затрагивают эти решения и кто принуждается к их исполнению;

² *Арендт Х. Vita Activa, или О деятельной жизни.* СПб.: Алетейя, 2000. С. 62–64.

³ Там же. С. 69.

- *оперативность* — административные процессы в нужное время обеспечивают вовлечение и дают возможность участия всех заинтересованных лиц;
- *ориентация на консенсус* — использование механизмов посредничества и иных способов достижения общего согласия при принятии решений в интересах всех членов общества;
- *равенство и включенность* — создание у каждого члена общества понимания того, что именно о нем заботятся и его мнение учитывается;
- *результативность и эффективность* — качества деятельности органов власти, удовлетворяющей общественные ожидания, при которой наилучшим образом используются ресурсы, находящиеся в их распоряжении, и проявляется забота о воспроизводстве этих ресурсов;
- *подотчетность* — органы власти должны быть подотчетны обществу и общественным организациям, особенно тем лицам, которые будут затронуты решениями или действиями власти⁴.

Субъектами публичной политики выступает широкий круг государственных институтов, бизнеса, институтов гражданского общества, СМИ. Баланс публичной сферы зависит от степени активности всех субъектов, но роль государства в публичной сфере особая и определяется исключительно его способностью от имени всего общества обращаться к гражданам, открывая свои действия для обсуждения и критики, контроля и вовлечения в различные формы гражданского участия, в публичные процессы активного большинства, обеспечивая социальное воспитание равнодушных людей, готовых к активной социальной жизни. Организация реального воздействия граждан и институтов гражданского общества на принятие государственно-политических решений возможна при расширении открытости и прозрачности деятельности органов власти, легитимности режима в условиях повышения стандартов качества государственного управления, при предоставлении доступных и качественных государственных услуг населению на всей территории, при повышении благосостояния населения и росте поддержки и доверия со стороны населения государству как организатору и руководителю социальных коллективных действий.

⁴ Методика ООН по оценке качественного управления. Human settlements. What is good governance? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.unescap.org/huset/gg/governance.htm>.

13.2. Сетевые интеракции как коллективное действие

В современных условиях поиска новых эффективных способов осуществления политики и управления на первый план выходит концептуализация моделей взаимодействия государственных и негосударственных акторов. Особую роль с точки зрения сетевого подхода играет концептуальное описание механизмов включения акторов в политические сети. В данном аспекте интерес также представляет понятие сетевого политического участия.

Несмотря на то что в рамках сетевого подхода уже развилось довольно много направлений исследований, сам он еще не обладает достаточно самостоятельной концептуальной основой, с помощью которой можно было бы связывать теорию и эмпирику. Чтобы преодолеть этот недостаток, мы можем использовать теорию политических сетей в комбинации с другими подходами. В рамках этого раздела мы рассмотрим сетевое политическое участие с позиций теории коллективного действия. Политические сети следует понимать как совокупности организованных субъектов, которые отражают особые типы институциональных механизмов, т.е. системы используемых правил⁵. Причем, как мы уже неоднократно подчеркивали, данные правила создаются совместно самими участниками сетевого взаимодействия. Основной предпосылкой для того, чтобы говорить об институционализации этих правил, является возможность применения санкций за их нарушение. И хотя мы понимаем политическую сеть не как организацию, тем не менее признаем, что она должна восприниматься как организованное сообщество, т.е. совокупность коллективно действующих акторов.

В самом общем виде **коллективное действие** — это усилия, принимаемые членами какой-либо группы для достижения их общего интереса.

Хотя здесь необходимо сделать важное замечание: в реальности встречаются ситуации, когда акторы действуют совместно, но каждый из них преследует только свои персональные интересы. На рис. 13.1 показана матрица, демонстрирующая соотношение между наличием коллективного интереса и координацией действий, созданная авторами

⁵ См.: Kiser L., Ostrom E. The three worlds of action: A meta-theoretical synthesis of institutional approaches // E. Ostrom (ed.). *Strategies of political inquiry*. Beverly Hills: Sage, 1982; North D. *Institutions, institutional change and economic performance*. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 1991.

на основе работы Л. Карлссона «Политические сети как коллективное действие»⁶.

		ИНТЕРЕСЫ	
		Индивидуальные	Общие
НАЛИЧИЕ КООРДИ- НАЦИИ	Есть	Политические сети, в которых акторы координируют свои усилия, но преследуют частные интересы	Идеальная форма коллективного действия в политических сетях, где акторы объединены общими целями и достигают их, координируя свои усилия
	Нет	Отсутствие сетевого взаимодействия, доминирование рыночного типа организации	Акторы имеют общие интересы, но практически не координируют свои действия, так как система отношений довольно слаба. Характерно для проблемных сетей

Рис. 13.1. Матрица координации интересов

Значительным препятствием в описании моделей сетевого взаимодействия является размытость и непостоянство структур подобных интеракций, особенно в государствах с низким уровнем институционализации, таких как Россия. Представляется, что в нашем случае это обусловлено нелинейной трансформацией системы отношений между субъектами политического управления, которая находится под влиянием двух разнонаправленных сил. С одной стороны, государство, все еще являясь центральным актором, играет ключевую роль в определении вектора политического процесса, разработке и реализации политических решений. С другой — органы государственной власти стремятся к переносу ответственности за отдельные направления политики на частных акторов, стимулируя, например, бизнес быть социально ответственным и привлекая институты гражданского общества к решению различных общественных проблем. Таким образом, мы наблюдаем двойственную природу публичной политики, где наравне с многообразием теневых механизмов взаимодействия государства, бизнеса и гражданского общества в процессе выработки политики осуществляется активное вовлечение широкого круга акторов в публичную сфе-

⁶ Carlsson L. Policy networks as collective action // Policy Studies Journal. 2000. Vol. 28. No 3.

ру в контексте реализации экономической и социальной политики. В данном аспекте возникает система политического управления, реализуемого на разных уровнях, причем каждому уровню соответствует разная степень публичности и вовлеченности участников политического процесса.

Структура сети может отличаться от самого сетевого взаимодействия, под которым в широком смысле понимается процесс создания связей с другими акторами посредством социального взаимодействия, деловых встреч, мероприятий, форумов и конференций, т.е. реализации различных форм публичности. В отличие от сетевого взаимодействия сетевые структуры в результате формируют новые ценности, новые отношения, измененные восприятия и «активную деятельность»⁷. Важнейшей особенностью сетевых структур является то, что поведение их участников отличается от того, каким оно было бы, если бы они выступали в качестве отдельных субъектов. Сетевое политическое управление может быть определено как «способность институциональной матрицы государства, в котором отдельные лица, фирмы, социальные группы, общественные организации и политики взаимодействуют друг с другом, к осуществлению и поддержанию государственной политики и к улучшению координации частного сектора»⁸.

Последние исследования свидетельствуют о том, что на разных уровнях государственного управления в России происходит институционализация механизмов взаимодействия органов власти и негосударственных акторов. Эти тенденции описываются, например, в работах, посвященных трансформации современной публичной сферы⁹. И властные, и частные субъекты заинтересованы в публичных интеракциях и координируют свои стратегии через участие в различных

⁷ *Keast R., Mandell M., Brown K., Woolcock G.* Network Structures: Working Differently and Changing Expectations // *Public Administration Review*. 2005. No 64 (3). P. 368.

⁸ *Ahrens J.* Governance and Economic Development: A Comparative Institutional Approach. Cheltenham: Edward Elgar, 2002. P. 128–129.

⁹ *Сморгунов Л. В.* Государство и политика модернизации // *Вестник философии и социологии Курского государственного университета*. 2010. № 2; *Он же.* В поисках управляемости: трансформация теории публичного управления в XXI веке // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения*. 2011. Вып. 4. С. 85–96; *Кулакова Т. А.* Сетевой анализ процесса выработки и реализации политических решений и программ // *Вестник ФГУП «ЦНИИ «Центр»*. 2011. Вып. 4. С. 45–50; *Шерстобитов А. С.* Трансформации механизмов взаимодействия государственных и негосударственных акторов в процессе перехода к координационному государству // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения*. 2011. Вып. 4. С. 97–103.

общественных институтах (консультативных и экспертных советах, общественных слушаниях и т.д.). Безусловно, детерминантами такого стремления к публичности являются разные факторы. В данном аспекте авторы отмечают возрастание роли координационных управленческих моделей, в которых органы государственной власти занимают лидирующую позицию. Через призму такого подхода мы обнаруживаем тесную связь между публичной политикой и сетевым управлением. Сетевые структуры, возникающие в различных отраслях и кластерах, формируют пространство публичного коллективного действия. Что интересно, инициаторами вовлечения в публичность могут выступать как органы власти, так и бизнес или некоммерческие организации. Государство, стремящееся к координации, еще не готово в полной мере делегировать бизнесу и тем более НКО право участия в принятии политических решений, а публичная сфера интеракции государственных органов и негосударственных институтов, в современной России выступает лишь в качестве площадки апробации и легитимации политических решений, принимаемых властными институтами. Тем не менее в публичной политике уже назрела осознанная необходимость коллективного действия для выработки проектов решений, отбора наиболее эффективных из них и дальнейшей их имплементации.

13.3. Координационные механизмы сетевого политического участия

Исследования политических сетей обосновывают результативность публичной политики, вырабатываемой в конкретных политических сетях, в том числе с точки зрения готовности акторов к сетевому взаимодействию¹⁰. В то же время представляется возможным сформулировать универсальные факторы, влияющие на способности акторов к сетевому взаимодействию и выработке эффективных политико-управленческих решений. Авторы предлагают обобщить данные факторы через разработку типологии политико-административных режимов,

¹⁰ *John P., Cole A.* When Do Institutions, Policy Sectors, and Cities Matter? Comparing Networks of Local Policy Makers in Britain and France // *Comparative Political Studies*. 2000. Vol. 33. No 2; *Feick J.* Comparing Comparative Policy Studies: A Path towards Integration? // *Journal of Public Policy*. 1992. Vol. 12; *Greenaway J., Salter B., Hart S.* How Policy Networks Can Damage Democratic Health: A Case Study in the Government of Governance // *Public Administration*. 2007. Vol. 85. No 3; *Graham A.* How Networks Explain Unintended Policy Implementation Outcomes: The Case of UK Rail Privatization // *Public Administration*. 2001. Vol. 79. No 4; *Jordana J., Sancho D.* Policy networks and market opening: Telecommunications liberalization in Spain // *European Journal of Political Research*. 2005. No 44. P. 519–546.

основанной на способности органов власти использовать сетевые интеракции в процессе выработки и реализации политики.

Вышеупомянутые тенденции трансформации механизмов взаимодействия государственных и негосударственных акторов свидетельствуют об изменении управленческой парадигмы в современных условиях. Мы исходим из того, что государство тогда, когда оно вовлечено в публичную сферу, стремится выступать координатором системы многоуровневого управления. Безусловно, роль политических институтов на различных уровнях управления может сильно различаться, но в связи с вовлеченностью в публичную политику и координацию взаимодействий они формируют коллективные цели, которые тесно взаимосвязаны с целями государственной политики. В результате осуществляется переход от административного государства к государству координационному, а в сфере негосударственной активности возрастает значение «вовлечения в публичные дела»¹¹. Фактически координация отличается от администрирования, когда ключевым источником управленческих решений выступает иерархическая структура государственной власти и управления, а общественные структуры лишь оказывают опосредованное влияние на этот процесс, как отмечается и от рыночной модели государственного управления с ее акцентом на кооперацию, в которой каждый участник пытается максимизировать свой особый интерес. Таким образом, мы наблюдаем, что складывающийся политико-административный режим влияет на качество коммуникации между акторами и может как развивать сетевые структуры, так и препятствовать зарождению и функционированию политических сетей.

Центральное место в таком подходе к изучению сетевого управления занимает тот факт, что координация тесно связана с механизмами социального регулирования, которое коренным образом отличается от государственного регулирования, основанного на власти, легитимности, командовании и контроле. Процессы принятия решений становятся децентрализованными и размытыми, в то время как для иерархии характерны четкие функции и векторы контроля и директивные процессы в рамках организации.

Сетевое политическое управление осуществляется способом организации общих переговоров между государственными и негосударственными структурами по осуществлению взаимного интереса совместными усилиями, а следовательно, для принятия политического решения, удовлетворяющего все стороны соглашения. Механизмы

¹¹ Сморгунюв Л. В. Государство и политика модернизации // Вестник философии и социологии Курского государственного университета. 2010. № 2. С. 135.

принятия политических решений, основанные на сетевых интеракциях, не только отличаются от рыночных и иерархических моделей управления, но также, по мнению многих исследователей, они более эффективны для удовлетворения общественных потребностей, т.е. выработки решения по общезначимым вопросам.

Например, в рамках административной реформы была попытка реализовать некоторые шаги, которые должны были повысить эффективность деятельности органов исполнительной власти, в том числе совершенствовать сетевые координационные механизмы. Это:

- создание эффективной системы управления мероприятиями административной реформы, направленной на целенаправленное формирование новых механизмов работы исполнительных органов государственной власти;
- разработка и внедрение стандартов государственных услуг, административных регламентов исполнения государственных функций и оказания государственных услуг в исполнительных органах государственной власти;
- повышение эффективности взаимодействия исполнительных органов государственной власти и общества;
- оптимизация реализации контрольных и надзорных функций исполнительных органов государственной власти;
- модернизация системы информационного обеспечения исполнительных органов государственной власти;
- разработка и внедрение системы аутсорсинга административно-управленческих процессов в исполнительных органах государственной власти.

Несмотря на широкий круг субъектов, участвующих во множестве встреч и переговоров, лишь некоторые из этих групп действительно влияют на процесс принятия решений. Следовательно, формирование коммуникационных способностей политико-административных институтов в современной России ограничено следующими факторами: нестабильностью и непрочностью связей между публичными акторами; преобладанием коммуникационных взаимодействий, выполняющих лишь функцию передачи информации, а не обмена ресурсами и политического управления; непубличностью представителей политических акторов, участвующих в процессах выработки и принятия политических решений, что значительно усложняет процедуры получения информации для анализа.

Необходимо отметить, что данные негативные факторы постепенно сглаживаются. Существующие в современном российском

обществе тенденции демонстрируют положительную динамику относительно перспектив институционализации политических сетей и повышения их публичности. Наблюдаем, что усилия, детерминирующие изменение политики в некоторых отраслях, прикладываются в первую очередь не органы государственной власти. Они проявляются в горизонтальном влиянии, привлечении частных инвестиций, росте конкуренции в новых рыночных нишах, где государство не было основным игроком. Однако роль государственных институтов не стала менее важной — в их компетенции остались выработка направлений государственной политики, регулирование рынков, определение уровня государственного вмешательства и координация взаимодействия экономических и правительственных институтов. В то же время негосударственные акторы получили возможность влиять на процесс выработки и реализации политики. И речь здесь идет не только о теневом лоббировании интересов, но и о появлении горизонтальных сетевых структур взаимодействия в рамках принятия политических решений. Стремление к координации становится решающим фактором трансформации общественно-политической структуры и механизмов политического управления. Государственные и негосударственные акторы, являющиеся активными участниками процессов выработки и принятия политических решений, развивают и способы осуществления взаимодействия¹². Сегодня негосударственными институтами востребовано множество форм взаимодействия с органами государственной власти:

- контакты с законодательной, судебной и исполнительной властью;
- включение в экспертное сообщество;
- сотрудничество с политическими партиями;
- лоббирование интересов;
- коммуникация со средствами массовой информации;
- участие в работе общественных палат и советов;
- публичные слушания.

Вовлечение в публичность и типология координационных политико-административных режимов (на примере Санкт-Петербурга). Для того чтобы понять, каким образом осуществляется сетевое взаимодействие

¹² *Шерстобитов А. С.* Трансформации механизмов взаимодействия государственных и негосударственных акторов в процессе перехода к координационному государству // Вестник СПбГУ. Серия 6. 2011. Вып. 4. С. 97–103.

органов городской власти и гражданских инициатив в Санкт-Петербурге, мы провели опрос гражданских активистов. Выборка формировалась методом «снежного кома». Таким образом, нам удалось охватить довольно много представителей широкого круга гражданских инициатив. Всего было получено и обработано 43 анкеты. Наиболее активно включенными в сетевое взаимодействие проектами являются акторы, имеющие более 10 связей с другими участниками сети, а именно:

- Наблюдатели Петербурга,
- Мусора Больше Нет,
- Сделаем!
- РосЖКХ,
- Наблюдаем за ЖКХ,
- Муниципальная пила,
- Красивый Петербург,
- МУНИЦИПАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ,
- *Let's bike it!*
- Велосипедизация Санкт-Петербурга.

В основном сетевые акторы обмениваются информационными ресурсами, однако интеллектуальные ресурсы и роль посредничества также имеют большое значение. В то же время мы выявили, что в сетях гражданских инициатив недостаточно активно работают представители органов власти. Более того, некоторые респонденты отметили, что органы власти игнорируют их деятельность. Результаты проведенного нами опроса показывают, что в случаях с развитием велосипедной инфраструктуры, поддержкой малого бизнеса, решением проблем ЖКХ представители органов власти активно вовлечены в интеракции с негосударственными акторами. Мы наблюдаем различные формы сетевого взаимодействия: проведение общественных слушаний, создание совместных рабочих групп, организацию экспертной поддержки разрабатываемых проектов решений и т.д. В то же время сети гражданских инициатив, посвященных обеспечению прозрачности выборов или отслеживанию коррупции в процессе проведения государственных и муниципальных закупок, игнорируются представителями органов власти, что свидетельствует о разделении публичной сферы, основанном на характере проблем, выносимых на повестку. Получается, что типология политико-административных режимов должна учитывать и такие факторы, как специфика публичной сферы и повестка дня, в формирование которой включены сети.

Таким образом, наша гипотеза о взаимосвязи между политико-административным режимом и включенностью сетевых практик взаимодействия в публичную политику частично подтверждается, хотя, безусловно, и требует более тщательного обоснования. В целом для дальнейшего исследования процессов выработки и принятия политико-управленческих решений можно выделить следующие типы координации в ходе выработки и реализации городской политики:

1) *централизованная координация*, которая характеризуется высоким уровнем концентрации координационных ресурсов в органах власти, которые выступают ключевым субъектом формирования повестки дня и включения негосударственных акторов в публичную сферу. Такой тип координации представляет собой модель многоуровневого управления, где властные институты занимают центральное место, но в то же время наблюдается развитие сетевых форм интеракции. В Санкт-Петербурге данный тип характерен для взаимоотношений бизнеса и органов государственной власти. Основной формой координации является взаимодействие через посреднические институты (ассоциации бизнеса, общественные советы, слушания);

2) *кооперационный тип*, возникающий на основе сетевых интеракций негосударственных акторов в тех сферах, где государство не играет доминирующей роли. В то же время наблюдается разная степень включенности сетей гражданских инициатив, которая зависит от характера вопросов, выносимых на повестку дня. Данный тип координации ярко выражен, например, в сфере развития городской велоинфраструктуры, а также в локальных вопросах благоустройства и ЖКХ. Основной формой координации является взаимодействие через общественные советы и представительные органы власти (муниципальные советы и Законодательное собрание);

3) *конфронтационный тип*, который характеризуется разделением публичных сфер в связи с формулируемой повесткой дня. Государство и негосударственные институты обмениваются координационными сигналами, которые носят конфликтный характер. Например, сети гражданских инициатив, направленных на борьбу с коррупцией, наблюдение на выборах, игнорируются органами власти, которые не стремятся вовлекать их в публичное взаимодействие. Однако в самой публичной сфере проявляются односторонние коммуникационные сигналы, призванные выполнять координирующую роль: запросы, жалобы и судебные иски от негосударственных акторов и активное отрицание формируемой органами исполнительной власти повестки дня.

13.4. Краудсорсинг — новая форма сетевого политического участия

Развитие современных информационных технологий детерминирует интенсификацию коммуникации и расширение возможностей сетевого политического участия. В этих условиях возникают новые онлайн-площадки, которые позволяют вовлекать граждан в процессы выработки решений через внедрение принципов «электронной демократии», подразумевающей активное использование информационно-коммуникационных технологий в политике и управлении. Электронная демократия нашла свое практическое воплощение в технологии Web 2.0 и Web 3.0, которая основывается на принципах открытости власти в принятии политических решений на всех уровнях (национальном, региональном, местном) и встречного доверия к ней граждан¹³. Например, Йохай Бенклер в рамках своей теории «социального производства» отмечает концептуально новый характер «сетевизации» публичной сферы, в которой возникают новые каналы коммуникации и, следовательно, участия в формировании публичной политики и общественного мнения: «Индивидуумы пользуются сегодня значительно большей степенью свободы взаимодействия с другими людьми в процессе реализации демократических процедур»¹⁴.

В настоящее время во всем мире большую популярность набирают виртуальные сервисы, направленные на привлечение широкого круга людей к коллективному участию в процессах выработки и реализации публичной политики. К таким технологическим новациям относится **краудсорсинг** (англ. *crowdsourcing*, *crowd* — «толпа» и *sourcing* — «использование ресурсов»).

Краудсорсинг — передача некоторых производственных функций неопределенному кругу лиц, решение общественно значимых задач силами добровольцев, часто координирующих при этом свою деятельность с помощью информационных технологий¹⁵.

Таким образом, краудсорсинг представляет собой форму сетевого политического участия и привлечения множества акторов к процес-

¹³ *Мирошниченко И. В.* Краудсорсинговая деятельность в публичной политике: новые возможности гражданского общества // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС, 2011. Т. 8. № 3. С. 208–220.

¹⁴ *Benkler Y.* The Wealth of Networks: How Social Production Transforms Markets and Freedom. Yale University Press, 2007. P. 9.

¹⁵ Crowdsourcing. Материал из Википедии — свободной энциклопедии // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Краудсорсинг>.

сам формирования повестки дня, выработки альтернатив решений и отбора лучших идей. Отличительной чертой краудсорсинга является отсутствие или, в редких случаях, минимальный размер оплаты за выполняемые функции, а также значительное количество привлекаемых добровольных исполнителей. Последнее требует использования виртуальных сетей, поскольку только таким образом можно оптимизировать затраты на поиск, сбор и обработку информации. Еще одна отличительная черта данного метода — дробление работы на целый ряд составных частей, складывающих единое целое подобно мозаике¹⁶.

Краудсорсинговые технологии получили широкое применение в бизнесе и исследовательской деятельности. Стоит отметить, что первые краудсорсинговые по сути проекты реализовывались еще до появления самого термина. Например, задолго до появления персональных компьютеров и информационно-коммуникационных сетей было проведено интересное генеалогическое исследование. Начиная с 1942 г. члены Церкви Иисуса Христа Святых Последних Дней, более известные как мормоны, стали собирать информацию о своих предках. Представленные данные были аккумулированы в одну документальную базу. В 1969 г. в целях поощрения большего числа людей к участию в сборе генеалогической информации о своих предках церковь начала программу «Три поколения». В этой программе членам церкви было поручено подготовить документированные данные об их семьях до трех поколений. Программа впоследствии была расширена, чтобы поощрять членов исследовать по крайней мере четыре поколения, и стала известна как «Программа четырех поколений».

Естественно, массовое использование краудсорсинга наблюдается в последние годы. В сфере обработки, систематизации и анализа информации можно отметить широко известный проект сетевой энциклопедии «Википедия». В сфере оптимизации бизнеса и инновационной деятельности можно отметить такие площадки, как *Threadless* (дизайн одежды), *Muji* (производство мебели), *InnoCentive* (инновационные решения для бизнеса).

Сегодня технологии краудсорсинга включают в себя следующие специальные типы организации сетевого участия¹⁷:

¹⁶ Курочкин А. В. Краудсорсинг как новый метод политического управления в условиях сетевого общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2013. № 9 (35): В 2 ч. Ч. I. С. 78–81.

¹⁷ Мирошниченко И. В. Краудсорсинговая деятельность в публичной политике: новые возможности гражданского общества // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС, 2011. Т 8. № 3. С. 208–220.

- вики-ресурсы, используемые для сбора и систематизации информации по различным областям знания;
- краудсорсинг как «рынок предсказаний», который заключается в приобретении прогнозов о развитии процессов в будущем, предполагаемых результатах и значении переменных (например, макроэкономических показателей);
- краудкастинг, ориентированный на решение публичных проблем с привлечением ресурсов сетевых сообществ;
- сетевой «мозговой штурм», направленный на разработку идей в контексте определенной публичной проблемы;
- краудмэпинг — технология представления на карте данных от непосредственных «свидетелей» ситуации (например, отслеживание пробок на дорогах);
- краудфандинг, который представляет собой механизм привлечения финансовых ресурсов для решения какой-либо задачи (например, в избирательных кампаниях).

В качестве примера глобальной краудсорсинговой площадки можно привести проект «Млечный Путь», реализуемый *NASA*¹⁸, который имеет целью исследование и анализ массива данных о Млечном пути. Выполнение этой задачи невозможно без привлечения широкого круга участников к изучению десятков тысяч фотографий, сделанных телескопами. В результате даже непрофессионал может сделать существенный вклад в научный проект.

Специалист по краудсорсингу должен не только обладать знаниями в определенной предметной области (в бизнесе, политике и управлении и т.д.), но и понимать технические и технологические принципы организации коллективного взаимодействия на виртуальных площадках. Данная профессиональная ниша в настоящее время активно развивается: на рынке появляются специалисты и фирмы, предлагающие свои услуги по разработке и реализации краудсорсинговых проектов.

В поисках архитектуры сетевого участия принято выделять два направления, которые можно условно назвать социальным и семантическим. В первом внимание концентрируется на индивидах, объединенных в социальную сеть, которая в ходе коммуникации выявляет идейных лидеров и помогает совершенствовать их предложения. На этом пути появились методы мозгового штурма, формирования повестки дня, однако они нестабильны по продуктивности и немас-

¹⁸ The Milkyway Project. URL: <http://www.milkywayproject.org/>.

штабируемы по числу участников. Другой подход ставит в центр сообщение, несущее идею. По связям между сообщениями выстраивается семантическая сеть, анализ которой выявляет ключевые идеи. Так строятся система научных публикаций, индексы поисковых систем, рейтинги сообщений в блогах. Но семантические сети подвержены различным неустойчивостям, например, накруткам популярности.

Стабилизация и масштабирование достигаются за счет объединения социальных и семантических сетей. Уже при наличии простейших технических средств их интеграции возникают коллективные протоинтеллектуальные явления, такие как медиавирусы и «умные толпы». В их основе лежит распространение информации на волне сильных эмоций, и это уже нашло применение в бизнесе и политике. Архитектура платформы, предназначенной для решения разноплановых задач, должна объединять социальные и семантические сети¹⁹.

Сегодня в публичной политике принято выделять три основных вида краудсорсинга:

- вики-сотрудничество органов власти, негосударственных институтов и граждан по созданию и систематизации баз данных;
- создание краудсорсинговых площадок для подготовки публичных петиций и законотворческой деятельности;
- использование рынков прогнозов для выработки наиболее проактивных политико-управленческих стратегий.

Сотрудничество органов власти и институтов гражданского общества в вики-проектах активно реализуется, например, в США с помощью площадки Центра гражданских услуг и инновационных технологий (<http://www.howto.gov>, рис. 13.2)²⁰. Данный ресурс предоставляет множество возможностей, чтобы помочь государственным служащим повысить качество государственных услуг через обмен новыми идеями, обсуждение общих проблем, систематизацию накопленного опыта и отбор наиболее эффективных практик деятельности государственных органов. Здесь предоставлен широкий спектр необходимых инструментов и идей, которые необходимы для реализации механизмов сетевого участия и взаимодействия властных и общественных институтов, обеспечения демократического процесса.

¹⁹ На интеллектуальные вызовы ответит коллективный разум. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://wiki.witology.com/index.php/На_интеллектуальные_вызовы_ответит_коллективный_разум.

²⁰ HowTo.gov. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.howto.gov/>.

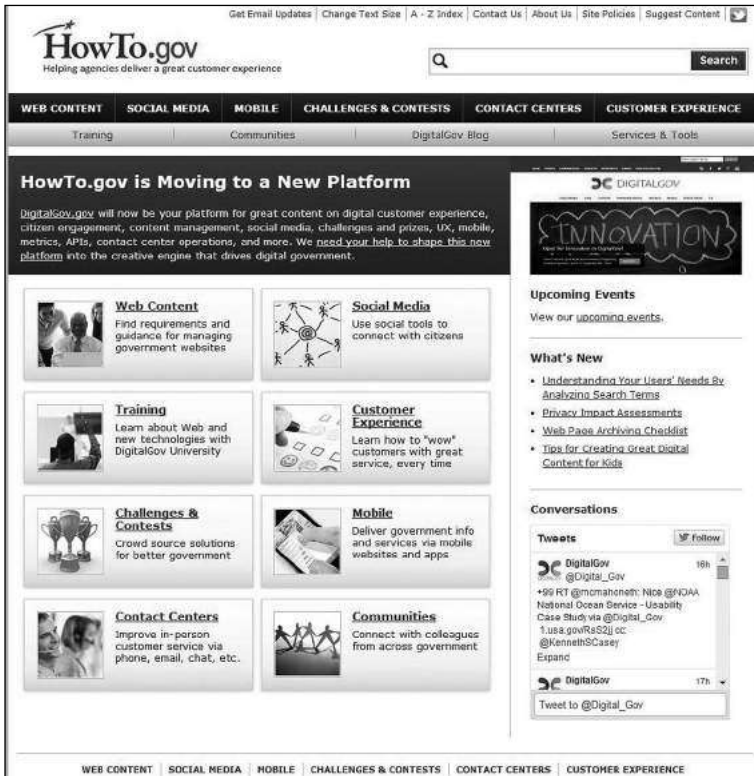

Рис. 13.2. Ресурс Центра гражданских услуг и инновационных технологий правительства США

Весной 2012 г. изменения в конституции Финляндии детерминировали развитие онлайн-краудсорсинга²¹. Согласно Закону о гражданских инициативах, когда петиция собирает 50 тыс. подписей в течение шести месяцев, она должна быть обсуждена в парламенте Финляндии. Законодательные инициативы и подписи могут быть собраны в автономном режиме или в Интернете. Выделяются два типа предложений, которые граждане могут инициировать: идеи для изменения существующего законодательства, которые затем передаются в профильное министерство, и коллективно разработанные законопроекты, которые выносятся на обсуждение в парламент. Вскоре после вступления за-

²¹ *Ajaturto T.* Crowdsourcing for Democracy: A New Era in Policy-Making // Publication of the Committee for the Future. Parliament of Finland. 2012. No 1.

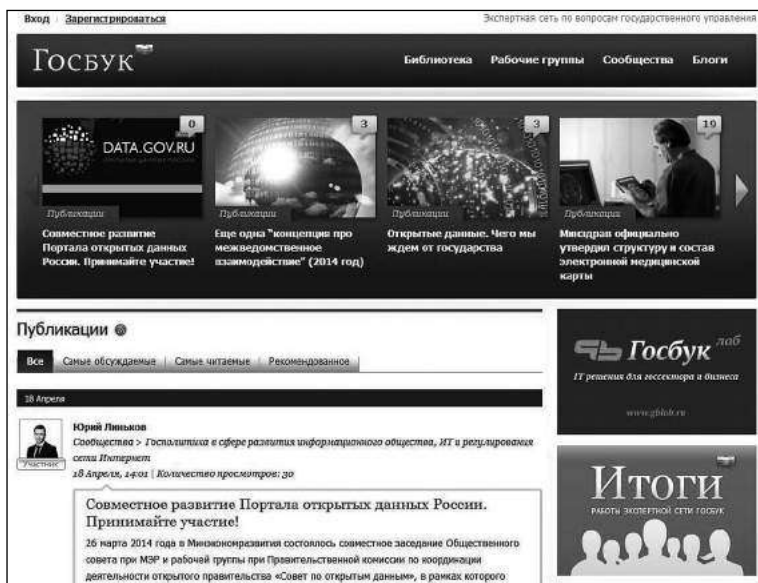

Рис. 13.3. Экспертная сеть по вопросам государственного управления «ГосБук»

кона в силу группа добровольных активистов настроила онлайн-платформу для сбора петиций и подписей «Открытое министерство» (www.avoinministerio.fi).

В России в 2011 г. в рамках Государственной программы РФ «Информационное общество (2011–2020 годы)» также была запущена экспертная сеть по вопросам государственного управления «ГосБук» (<http://www.gosbook.ru>, рис. 13.3)²², объединяющая государственных служащих и экспертов, которые могут участвовать в обсуждении актуальных проблем современной публичной политики. По словам разработчиков портала, он обеспечивает специалистов, вовлеченных в управление важными для государства и его граждан процессами, удобным и функциональным интерактивным инструментом, который позволяет комплексно обсуждать любой вопрос в режиме реального времени. Для этого участникам проекта предлагаются такие базовые возможности:

- объединяться в закрытые рабочие группы и сообщества по интересам;

²² «ГосБук». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.gosbook.ru>.

- участвовать в тематических форумах и комментировать темы, вести живой диалог с коллегами и специалистами в других областях;
- организовывать коллективную работу по разработке и обсуждению проектов документов;
- быстро находить интересующие темы, сообщества, рабочие группы, публикации, блоги, других участников экспертной сети;
- инициировать обсуждение различных вопросов путем размещения публикаций, создания сообществ и рабочих групп;
- загружать, а также скачивать графические и текстовые документы в электронном формате;
- обмениваться с другими участниками проекта личными сообщениями, файлами;
- вести ленту публикаций (блог) и анкету для личного позиционирования в экспертной среде.

Еще одним набирающим популярность краудсорсинговым инструментом являются рынки предсказаний (прогнозов). Активами на этих рынках выступают события или значения определенных параметров в будущем (например, каким будет курс валюты завтра или когда уровень безработицы достигнет определенного уровня). Текущие рыночные цены активов колеблются от 0 до 100 реальных или условных денег и интерпретируются как прогноз вероятности, с которой наступит заявленное в активе будущее. Цены меняются в соответствии с действиями участников торгов. Допустим, если участник предполагает, что цена на нефть к конкретной дате не упадет ниже заданной отметки, он покупает акцию по текущей рыночной цене (например, 80 условных единиц), тем самым повышая рыночную цену (например, до 82 условных единиц). В случае, если к указанной дате действительно окажется, что цена нефти не упала ниже отметки, участник получает 100 условных единиц, в итоге выигрывая 20. Участник, впрочем, может передумать и продать акцию в подходящий момент (например, когда рыночная цена равна 90 условным единицам) и остаться в выигрыше в 10 единиц вне зависимости от того, какой окажется цена к указанной дате. Одним из первых рынков предсказаний стал *IEM (Iowa Electronic Market)*, запущенный в 1988 г. университетом Айовы для прогнозирования результатов президентских выборов. В 1990-х годах рынки предсказаний начала использовать компания *Hewlett-Packard* для внутренних корпоративных нужд. На базе Агентства перспективных исследовательских проектов Министерства обороны США (*DARPA*) в 2003 г. началась реализация проекта рынка политического анализа (*Policy Analysis Market*), который был ориентирован на прогнозы геополитических рисков. Пользовате-

лям были предложены ставки на показатели экономического здоровья, гражданской стабильности, военной обстановки, конфликтных и даже конкретных потенциальных событий. Однако после множества критических замечаний, связанных с тем, что данная платформа может быть использована террористами, она была закрыта.

Итак, сегодня мы наблюдаем наличие множества возможностей для сетевого политического участия. В публичной сфере возникают новые механизмы вовлечения в процессы выработки и реализации публичной политики, а развитие информационно-коммуникационных технологий позволяет находить наиболее взвешенные и эффективные решения.

Ключевые слова

Публичность, сетевое участие, коллективное действие, координация, краудсорсинг.

Литература

Арендт Х. Vita Activa, или О деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000.

Сморгунов Л. В. В поисках управляемости: трансформация теории публичного управления в XXI веке // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2011. Вып. 4. С. 85–96.

Кулакова Т. А. Сетевой анализ процесса выработки и реализации политических решений и программ // Вестник ФГУП «ЦНИИ «Центр». 2011. Вып. 4. С. 45–50.

Мирошниченко И. В. Краудсорсинговая деятельность в публичной политике: новые возможности гражданского общества // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2011. Т. 8. № 3. С. 208–220.

Шерстобитов А. С. Трансформации механизмов взаимодействия государственных и негосударственных акторов в процессе перехода к координационному государству // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2011. Вып. 4. С. 97–103.

Ahrens J. Governance and Economic Development: A Comparative Institutional Approach. Cheltenham: Edward Elgar, 2002.

Ajtamurto T. Crowdsourcing for Democracy: A New Era in Policy-Making // Publication of the Committee for the Future. Parliament of Finland. 2012. No 1.

Benkler Y. The Wealth of Networks: How Social Production Transforms Markets and Freedom. Yale University Press, 2007.

Carlsson L. Policy networks as collective action // Policy Studies Journal. 2000. Vol. 28. No 3.

Keast R., Mandell M., Brown K., Woolcock G. Network Structures: Working Differently and Changing Expectations // Public Administration Review. 2005. No 64 (3). P. 368.

Kiser L., Ostrom E. The three worlds of action: A meta-theoretical synthesis of institutional approaches // E. Ostrom (ed.). Strategies of political inquiry. Beverly Hills: Sage, 1982.

North D. Institutions, institutional change and economic performance. Cambridge, MA: Cambridge University Press. 1991.

Вопросы и задания

1. Перечислите основные характеристики качественного управления с точки зрения публичного пространства.
2. Попробуйте привести примеры политических сетей, где по-разному соотносятся параметры координации и наличия общих целей.
3. Приведите основные параметры проблемных сетей в современной России. Объясните с позиций публичного пространства и политического участия, почему проблемные сети пока что наиболее распространены в России.
4. В чем заключается стремление государственных и частных акторов к координационным формам взаимодействия в России?
5. Какой тип координации характерен для политико-административного режима вашего региона?
6. Предложите идеи по использованию краудсорсинговых технологий в публичной политике в вашем регионе, муниципалитете.

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И ДЕМОКРАТИЯ

► В главе рассматриваются теоретические и практические вопросы формирования электронного правительства в России и мире. Раскрывается история использования компьютеров в системе государственного управления. Анализируются вопросы определения понятия «электронное правительство», этапов его внедрения. Дается описание первых порталов электронного правительства, а также эволюции электронного правительства под влиянием технологии Web 2.0. Особое внимание уделяется понятию «платформа» и его роли в описании современных тенденций в развитии электронной демократии. ◀

Идея активного использования новых информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) для повышения эффективности деятельности правительства появилась в ходе реализации административных реформ на основе идеологии нового государственного менеджмента, которые начали проводиться в западных странах (прежде всего англосаксонских) в начале 1990-х годов. Сам термин — «электронное правительство» (*e-government*), однако, возникает позже, в 1997 г., по инициативе Национального научного фонда США¹. *Government* обозначает здесь всю систему органов публичной власти, осуществляющих публичное управление, но акцент в этом термине делался не на определенном органе власти, а на процессе публичного управления. В американском варианте этот термин мог бы охватывать не только исполнительную власть (администрацию), но и другие органы

¹ *McDonagh J.* A Strategic Advisory Note on “e-Government and the Challenge of Change in Public Sector Management”. Bratislava: UNDP Bratislava Regional Centre, 2005. P. 3. Насколько нам известно, первой крупной работой, в названии которой использовался термин «электронное правительство», была книга Джорджа Лаусона «Сетевое государство: создание электронного правительства», опубликованная издательством «Demos» (Лондон) в 1998 г. (*Lawson G.* NetState: Creating electronic government. London: Demos, 1998).

публичной власти и тогда на русский язык адекватно переводился бы как «электронное государство». Однако перевод его как «электронное правительство» имел свой смысл, так как и здесь, в США, это движение касалось прежде всего правительства, т.е. сосредотачивалось на исполнительной власти и ее функциях по публичному управлению.

Другие страны (особенно Республика Корея, Великобритания и Канада) накопили к настоящему времени богатый опыт использования новых ИКТ в государственном управлении, который и позволил сформировать концепцию электронного правительства. Темпы, с которыми эти страны входят в современную стадию информационного общества, огромны. Особенно они возрастают со второй половины первого десятилетия 2000-х годов, когда на смену модели «электронное правительство 1.0» приходит модель «электронное правительство 2.0», основанная на новых возможностях интерактивных технологий в Интернете (Web 2.0). Если основными задачами внедрения в публичное управление первой модели выступали информирование о структуре и деятельности правительства, более дешевое предоставление государственных услуг, организация простых форм обратной связи с населением (электронная почта), то вторая модель требовала включить в рассмотрение более широкий и разнообразный спектр задач, решение которых опиралось бы на идеологию публичных ценностей, открытости, участия и сотрудничества через новые социальные сети коммуникации. При этом государство выступало бы «платформой» для предоставления множества онлайн-услуг, получаемых отдельными государственными структурами, гражданами и бизнесом для решения своих задач.

Правительство Великобритании в свое время передвинуло дату окончания программы развития электронных технологий в обществе с 2008 на 2005 г. В соответствии с данной программой к 2005 г. каждый житель страны, желающий иметь выход в Интернет, получал бы эту возможность; все правительственные службы должны были находиться в сети; планировалось, что страна станет одной из лидирующих в мире по использованию данных средств в экономике. В 2012 г. Интернет был доступен для 98% населения страны. Великобритания стала одним из лидеров по показателям развития электронного правительства, занимая 3-е место в рейтинге ООН.

В Канаде был разработан ряд программ по интенсификации использования информационных технологий под общим названием «Общающиеся канадцы» (*Connecting Canadians*). Уже в 2000 г. 57% канадцев имели доступ к Интернету, а в таких провинциях, как Британская

Колумбия и Онтарио, — более 60%. В 2008 г. интернет-пользователей было 76%, а на сто канадцев приходилось девять компьютеров. В 2012 г. на 100 жителей в Канаде приходилось 82 интернет-пользователя, и она занимала 11-е место в мировом рейтинге.

В США, где электронные технологии начали использоваться в правительственной деятельности еще благодаря административным реформам начала 1990-х годов, движение за электронное правительство интенсифицируется с приходом к власти администрации Джорджа Буша-младшего. Это движение было положено в основу административной реформы нового столетия. Новый этап развития электронного правительства, основанного на технологиях Web 2.0, начинается в 2008 г., когда Барак Обама выиграл президентские выборы, в том числе за счет использования новых каналов сетевой информации. В 2012 г. США заняли 5-ю позицию в мировом рейтинге развития электронного правительства.

Разворачивался процесс электронизации правительственной деятельности и в других странах. Так, в Германии в 1999 г. была принята специальная программа «Современному государству — современное управление» (*Modern State — Modern Administration*), базирующаяся на принципах нового государственного менеджмента: работать лучше, а стоить дешевле; выполнять задачи в конкурентных условиях; быть проницаемым и открытым. В 2000 г. с целью активизации развития электронного правительства федеральным канцлером Герхардом Шредером была открыта программа «*BundOnline 2005 eGovernment initiative*», в соответствии с которой все услуги федеральной администрации, которые могут быть осуществлены через Интернет, должны быть переведены в онлайн-форму к 2005 г. В 2002 г. около 69% населения решали свои проблемы с публичными органами власти через Интернет. В 2006 г. принимается новая программа федерального правительства «Электронное правительство 2.0». В 2012 г. Германия характеризовалась высоким показателем интернет-пользователей (82%) и занимала 17-е место в рейтинге ООН по показателям развития электронного правительства.

Отделение публичного управления и менеджмента развития (*Division Public Administration and Development Management*) Департамента экономики и социальных вопросов ООН (*UN Department of Economic and Social Affairs*) в 2012 г. провело обследование состояния дел с внедрением электронного правительства в 192 странах. В частности, специалисты оценивали развитость электронных услуг, телекоммуникационной инфраструктуры и человеческого капитала, в результате чего формиро-

вался индекс развития электронного правительства. По результатам исследований 1-е место по темпам реализации идеи «электронного правительства» заняла Республика Корея (значение индекса развития электронного правительства — 0,93). Далее следуют Нидерланды (0,91), Великобритания (0,90), Дания (0,89), США (0,87), Франция (0,86), Швеция (0,86), Норвегия (0,86), Финляндия (0,85), Сингапур (0,85). Из наиболее крупных по населению стран Российская Федерация резко поднялась в рейтинге (табл. 14.1): если в 2010 г. она занимала 59-е место со значением индекса 0,51, то в 2012 г. — уже 27-е место с индексом 0,74. При сравнении регионов наибольшее развитие отмечается в Европе (0,71), затем — в Америке (0,54), Азии (0,50), Океании (0,42) и Африке (0,28)². В табл. 14.1 приведены сравнительные данные по развитию электронного правительства в странах с наибольшим населением. Из нее видно, что некоторые страны резко двинулись вперед в направлении развития электронного правительства: Бразилия, Индонезия, Россия в 2012 г. улучшили результаты по сравнению с 2010 г.

Таблица 14.1

**Развитие электронного правительства
в странах с наибольшим населением (2012 г.)**

Страна	Индекс развития электронного правительства		Место в мировом рейтинге		Население, млн человек
	2012 г.	2010 г.	2012 г.	2010 г.	
Китай	0,5359	0,4700	78	72	1 347
Индия	0,3829	0,3567	125	119	1 225
США	0,8687	0,8510	5	2	310
Индонезия	0,4949	0,4026	97	109	240
Бразилия	0,6167	0,5006	59	61	195
Пакистан	0,2823	0,2755	156	146	174
Нигерия	0,2676	0,2687	162	150	158
Бангладеш	0,2991	0,3028	150	134	149
Россия	0,7345	0,5136	27	59	143
Япония	0,8019	0,7152	18	17	127
Мексика	0,6240	0,5150	55	56	113

Источник: United Nations E-Government Survey 2012. E-Government for the People. N.Y.: UN Publishing Section, 2012. P. 13.

² United Nations E-Government Survey 2012. E-Government for the People. N.Y.: UN Publishing Section, 2012. P. 10–13.

14.1. Внедрение новых технических средств в публичное управление³

Внедрение новых технических средств в процессы управления началось в конце 1940-х — начале 1950-х годов⁴. В Великобритании главную роль в этом процессе исполняло Казначейство, осуществлявшее программу «Организация и методы». Двадцать шесть перфокартных машин было внедрено или планировалось к внедрению в различные правительственные организации в 1948 г. Первый компьютер для коммерческого распространения был создан в 1951 г. По одним сведениям, это был *First Ferranti MARK I*, по другим — *UNIVAC I*. По крайней мере в США последний из названных компьютеров был внедрен в Бюро по переписи, а затем в другие федеральные организации. В Италии в публичном управлении компьютеры начали использоваться в 1954 г. В первой половине 1950-х годов компьютеры проникают преимущественно в научную и техническую сферы, только частично затрагивая бизнес и публичное управление (в большей степени военные организации). К концу этого десятилетия наблюдается устойчивая тенденция использования компьютеров для управления в частном и публичном секторах. К 1958 г. семь департаментов внедрили или находились в процессе внедрения компьютеров в Великобритании, а в 1965 г. таких структур в правительстве уже было 45; в следующее десятилетие планировалось увеличить число компьютеров в публичном управлении до 250–300.

Похожая тенденция наблюдается в США. Во второй половине 1960-х годов внедрение компьютеров в публичное управление здесь приобретает характер целенаправленной политики Конгресса и пре-

³ Об источниках приведенных в данном разделе данных см.: *Сморгунов Л. В.* В поисках управляемости. Концепции и трансформации государственного управления в XXI веке. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2012. С. 180–184.

⁴ В данном обзоре мы не касаемся использования компьютерной техники в Советском Союзе. Однако ради справедливости следует заметить, что здесь также в 1950-х и последующих годах придавалось особое значение компьютеризации государственного управления, которая рассматривалась как значимое средство научного управления плановой экономикой и индустриальным развитием. Теоретической основой внедрения компьютеров была кибернетика, считавшаяся парадигмой научного управления. Идеологические споры о пределах кибернетического подхода к управлению обществом сопровождались тем не менее активным использованием ЭВМ и автоматической системы управления (АСУ) в производстве и экономическом планировании. Первый компьютер в Европе — малая электронная счетная машина (МЭСМ) — был разработан в Киеве под руководством акад. С. А. Лебедева в 1948–1951 гг. Его регулярная эксплуатация для научных целей началась в 1951 г.

зидентской администрации. В октябре 1965 г. Конгресс принимает специальный закон 89–306 (билль Брукса), касающийся внедрения оборудования для обработки данных и управления этим процессом. Об этом свидетельствует также Меморандум об использовании и менеджменте компьютеров федеральными агентствами, принятый президентом Линдоном Джонсоном 28 июня 1966 г. В нем он обращал внимание глав федеральных агентств на приложение всех возможных усилий для использования компьютеров в целях улучшения деятельности и для организации их работы с наименьшими затратами. К этому времени в федеральном правительстве США использовалось 2600 компьютеров и их обслуживанием занимались 71 тыс. работников. В Меморандуме отмечалось, что компьютеры в сравнении с другими современными технологиями оказывают огромное влияние на деятельность правительства. Интересно перечисление здесь основных возможностей компьютеров: отправлять людей и спутники в космос; способствовать достижению значительных успехов в медицинских исследованиях; увеличивать на несколько миллиардов долларов доходы страны путем совершенствования налогового управления; управлять огромной и сложной системой социальной безопасности и программами в сфере здравоохранения; управлять дорогостоящей системой логистики в сфере обороны; ускорять выплату страховых дивидендов с наименьшими затратами; сохранять жизни, способствуя лучшей диагностике и проведению необходимых операций; использовать атомную энергию в мирных целях; проектировать с меньшими затратами дороги и соответствующую инфраструктуру. В соответствии с законодательством внедрение компьютеров в деятельность правительства обеспечивалось тремя организациями: Генеральной администрацией услуг, Министерством торговли и Бюджетным бюро.

Отношение к новым техническим средствам было оптимистичным. В 1970–1980-х годах появление компьютеров и связанных с ними технологий передачи и обработки информации, возможностей коммуникации рассматривалось в качестве «компьютерной революции». В работах, описывающих революционное действие компьютеров на политику и публичное управление, использовались термины «компьютерное государство», «технология участия», «компьютерная власть народа».

Вместе с тем осознание революционного значения компьютерной техники и технологии для общества, политики и публичного управления в это время не сопровождалось особым движением за настойчивое внедрение ИКТ в публичную сферу. Ситуация изменялась в связи

с развитием персональных компьютеров, программного обеспечения и возникновением условий для Всемирной сети и Интернета. Немаловажное значение приобретало и осознание необходимости трансформации публичного управления. Две тенденции в развитии ИКТ и моделей публичного управления послужили основанием для административных реформ 1990-х, сочетающих институциональные и технические трансформации.

Обычно считается, что первыми в этом движении выступили США, разработавшие программу «обновления правительства» (*reinventing government*) на основе нового публичного менеджмента — предпринимательского правительства. Реформа публичного управления подразумевала здесь так называемую «информационную магистраль», т.е. «реорганизацию правительства на основе информационных технологий». В Великобритании стратегия по внедрению электронного правительства была разработана в 1994–1996 гг. небольшой группой энтузиастов из числа чиновников правительства. Первым шагом к дискуссии относительно реорганизации правительства с использованием ИКТ стала публикация в 1996 г. «зеленых тетрадей» под названием «Прямое правительство: Электронное осуществление правительственных услуг» (*Government Direct: The Electronic Delivery of Government Services*). В марте 1997 г. консерваторами, находившимися у власти, был принят ряд пилотных проектов по развитию электронных правительственных услуг. После прихода в этом же году к власти лейбористов многие идеи были включены в программу «Модернизация правительства» (1999 г.). В 2000 г. как задача стратегии «Модернизация правительства» была принята программа «Электронное правительство: Стратегическая основа для публичных услуг в информационном веке»⁵. В конце 1990-х годов и другие страны принимают программы электронизации правительства. В 1999 г. Европейская комиссия открывает программу «Инициатива по созданию электронной Европы» (*eEurope initiative*). Россия включается в это движение в 2002 г. Утвержденная в январе 2002 г. Федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002–2010 годы)» содержала сегмент, касающийся внедрения и массового распространения информационных технологий для повышения эффективности государственного управления и местного самоуправления.

Таким образом, к началу нынешнего столетия инициатива по созданию электронного правительства становится глобальной и охватывает

⁵ Bellamy C. From automation to knowledge management: modernizing British government with ICTs // *International Review of Administrative Sciences*. Thousand Oaks (CA), 2002. Vol. 68. No 1.

вает в той или иной степени практически все страны. Теоретически электронное правительство развивается вместе с практикой его внедрения, учитывая национальные и глобальные особенности. Ниже рассматриваются некоторые значимые аспекты концепции электронного правительства.

14.2. Понятие электронного правительства

Развитие информации и электронных технических средств оказало серьезное влияние на структуры и процессы государственного управления. Если вначале это влияние выразилось в повышении эффективности сбора, обработки и использования информации в процессе принятия решений, то в дальнейшем начали происходить заметные трансформации в институтах и методах организации всей системы государственного управления. Особую интенсивность информационные технологии в государственном управлении приобретают в середине 1990-х годов, что выражается в появлении нового концепта «электронное правительство» (*e-government*). Формируются и связанные с ним концептуальные понятия «электронная демократия» (*e-democracy*), «электронное правление» (*e-governance*).

В целом развитие электронного правительства следует за развитием электронного бизнеса и электронной коммерции. Выделяется узкое и широкое понимание электронного правительства.

В широком смысле **электронное правительство** включает в себя использование всех информационных и коммуникационных технологий — от факсов до спутниковой связи для совершенствования ежедневной деятельности правительства. Вместе с тем популярная интерпретация электронного правительства не отличается от содержания понятия «электронной торговли» и состоит в его определении как исключительно интернет-активности правительства, «которая позволяет совершенствовать доступ граждан к управленческой информации, услугам и экспертизе для развития гражданского участия... Э-правительство связано с постоянной обязанностью государства улучшать отношения между частными лицами и публичным сектором посредством интенсивного, незатратного и эффективного предоставления услуг, информации и знания. Оно является практической реализацией того наилучшего, что может предложить правительство»⁶.

⁶ United Nations and American Society for Public Administration. 2001. Global Survey of E-government. P. 1. URL: <http://www.unpan.org/egovernment2.asp>.

Различают также умеренную и радикальную школы в интерпретации электронного правительства. Для первой из них это понятие отражает совершенствование деятельности государственного управления посредством использования новых информационных технологий, что позволяет в итоге повысить его эффективность в предоставлении услуг населению. Для второй понятие «электронное правительство» выражает не только новый характер внутриорганизационных отношений, но и трансформацию всего комплекса отношений государственного управления с обществом. Все эти подходы и школы в определенной мере связаны с пониманием электронного правительства на различных этапах его становления. Наиболее развитая стадия позволяет сформировать представление о «виртуальном государстве». Как пишет Джейн Фунтен, «веб-порталы (доступные семь дней в неделю, двадцать четыре часа в день, 365 дней в году), которые позволяют применить к правительству бизнес-концепт “7 × 24 × 365”, переструктурируют взаимоотношения между государством и гражданами для того, чтобы они были проще, более интерактивны и эффективны. Виртуальное государство (наш термин) означает правительство, которое все более организуется через виртуальные агентства, кросс-агентства и публично-частные сети, чьи структуры и возможности зависят от Интернета и веб»⁷.

Государство посредством электронных средств получает возможность более эффективно предоставлять услуги населению, бизнес-организациям, совершенствовать взаимодействие между самими правительственными структурами. При этом достигаются общие цели деятельности государства:

- укрепление и расширение форм сотрудничества между обществом и государством;
- содействие экономическому и социальному развитию общества и граждан;
- быстрое и эффективное реагирование на изменяющиеся условия деятельности;
- оптимизация предоставления услуг населению и бизнес-структурам, уменьшение их стоимости;
- повышение эффективности внутриорганизационных отношений в государственном управлении;
- развитие кадрового потенциала государственного управления;
- повышение ответственности государственных служащих, поощрение их инициативы и повышение уровня прозрачности государственного управления в целом.

⁷ Fountain J. Building the Virtual State. Information Technology and Institutional Change. Washington (DC): Brookings Institution Press, 2001. P. 4.

Среди исследователей нет единства относительно того, как связаны административные реформы недавнего прошлого (новый государственный менеджмент) и формирование электронного правительства. Некоторые считают, что сегодня наблюдается серьезный отход от прежних представлений. С их точки зрения можно говорить по крайней мере о формировании совершенно отличной модели публичного управления, изменяющей все его параметры. Другие более осторожны. Часто электронное правительство рассматривают скорее как новое средство для решения в значительной мере тех же задач, которые ставили реформы по модели нового государственного менеджмента (сокращение затрат, эффективность, конкурентность и др.). В связи с этим не все элементы электронного правительства и направления в их развитии продолжают прежние реформы.

Движение за «электронное правительство 2.0» ставило акцент в определении этого термина на его демократическом потенциале:

«Правительство 2.0, в общем-то, не касается социальных сетей или технологических подходов к чему-либо. Оно представляет фундаментальный сдвиг в осуществлении управления — к открытым, совместным и сотрудничающим структурам, где при любом возможном случае проводятся открытые консультации, имеется доступ к данным, формируется совместное знание и признается взаимный опыт, возникают взаимное уважение к совместным ценностям и понимание того, как принять несогласие. Технология и социальные инструменты являются важной частью этого движения, но они лишь усиливают данные процессы»⁸.

Можно сказать, что новые коммуникационные технологии Web 2.0, реализованные в таких социальных сетях, как *Facebook*, *Twitter*, *YouTube*, «ВКонтакте», позволили создать новую платформу для изменения управленческой деятельности, сделав ее более открытой, чувствительной, ответственной и ориентированной на сотрудничество с бизнесом и обществом.

Сегодня можно выделить три основных элемента электронного правительства:

- **электронная демократия и участие** (*e-democracy and participation*) предназначены для формирования общественного мнения и выработки решений через электронные средства (голосование, консультации, гражданские сети, блоги и т.д.);
- **электронные производственные сети** (*electronic production network*) представляют собой формы сотрудничества меж-

⁸ State of the eUnion. Government 2.0 and Onwards / Ed. by J. Gotze, C. Pederson. URL: <http://21gov.net/wp-content/uploads/e-book.pdf>. P. 80—81.

ду публичными, публичными и частными институтами через электронные средства;

- **электронные общественные услуги** (*electronic public services*) предназначены для предоставления услуг на благо получателей, частных лиц или компаний через местные, региональные или национальные интернет-порталы.

Если первая составляющая имеет отношение в целом к политической системе, то две другие в той или иной степени продолжают начатое.

«Я не вижу, что реформы по модели нового государственного менеджмента или связанные с ними движения остановились, хотя многие элементы были приспособлены к национальным нуждам и структурам, — пишет Куно Шедлер, один из известных исследователей нового государственного менеджмента. — Концепт “электронное правительство” является другой возможностью для изучения перемен в политико-административной системе. Мы должны, однако, не трактовать электронное правительство как наследника нового государственного менеджмента, а рассматривать этот концепт в качестве дополнительного интересного подхода к его аргументации»⁹.

14.3. Основные этапы развития электронного правительства

Движение за «электронное правительство 2.0» позволяет говорить о новом подходе, связанном с развитием коммуникационных связей между органами государственной власти, бизнесом и гражданами. Исследователи характеризуют этот подход как высший в развитии электронного правительства, когда оно включается в систему электронной демократии, позволяющей осуществлять электронное голосование, участвовать в сетевых публичных форумах, сетевых социологических обследованиях, давать экспертные оценки и т.д. Хотя концепция электронного правительства развивается, тем не менее многие исследователи отмечают ряд ограничений, имеющих концептуальный и исторический характер. Концептуальные ограничения связаны с термином «электронное правительство», который, как бы его ни наполняли новым содержанием, касается прежде всего «размещения правительства в сети» (*putting government online*). Исторически трансформация публичной политики в эпоху коммуникативной

⁹ *Schedler K. Comment No 24 // Jones L. Symposium on public management reform and e-government // International Public Management Journal. 2002. Vol. 5. No 1. P. 121.*

революции в XXI в. сдерживается уже традициями, заложенными практикой внедренного электронного правительства, в котором значительное внимание уделяется услугам, информации и реактивному поведению. Электронное правительство становится «узким» для развивающейся технологии, обеспечивающей новые возможности для публичного управления и политики не только по форме, но и по содержанию. Вместе с тем набирает силу движение за «электронное правительство 2.0», которое ломает старые привычные формы взаимодействия государства и общества. Некоторые исследователи говорят о том, что, по-видимому, необходимо отказаться от прилагательного «электронный» в описании структуры и деятельности государственных органов и либо просто говорить о «правительстве 2.0», либо акцентировать внимание на его новых механизмах и культуре взаимодействия с гражданами, используя термин «ориентированное на граждан правительство» (*citizen-centric-government*).

Применение электронных и информационных технологий в государственном управлении включает несколько стадий. Отделение государственной экономики и управления ООН, которое проводит периодические обследования состояния дел с внедрением электронного правительства в мире, выделяет четыре основных этапа в этом процессе, подчеркивая как раз значение «ориентированного на граждан правительства».

Первый этап — **появление информационных услуг** — связан с выходом правительственных агентств в электронные сетевые структуры. На этом этапе правительства имеют один или несколько сайтов, которые информируют граждан о составе правительства, его деятельности, чиновниках, агентствах и т.д. На сайтах размещается также информация о телефонах, адресах, времени приема граждан и т.д. На сайтах можно обнаружить и «обратную связь» в виде ответов на наиболее часто задаваемые вопросы.

Второй этап — **расширение информационных услуг**. Этот этап позволяет пользователям получать специализированную и постоянно обновляемую информацию через множество правительственных сайтов. Появляется возможность знакомиться с правительственными публикациями, юридическими документами, новостями. Число правительственных агентств в сети увеличивается, и возможна связь с каждым из них. Появляются информация об электронных адресах, поисковые системы на сайтах, возможность написать комментарий или передать совет, т.е. возникают каналы двусторонней коммуникации между правительством и гражданами. Сайты содержат также видео, становятся многоязыковыми.

Третий этап — **транзакционные услуги** — характеризуется интенсификацией взаимодействия между гражданами и правительственными структурами, поставляющими услуги населению. Национальный правительственный веб-сайт часто действует в виде портала, прямо связывающего пользователя с министрами, департаментами и агентствами. Взаимодействие между гражданами и провайдерами услуг позволяет пользователям сети иметь прямой доступ к информации, соответствующей их конкретным потребностям и интересам. Пользователь может получать специализированные данные, загружать различные формы и бланки или подписывать их через сеть, назначать встречи с чиновниками, участвовать в электронных собраниях. На этом этапе сайты начинают защищаться: принимаются меры безопасности и пароли для пользователей. Этот этап также характеризуется появлением для пользователя возможности получать через сеть документы и осуществлять сделки. Граждане могут получать визы, паспорта, свидетельства о рождении и смерти, лицензии, разрешения и осуществлять другие транзакционные услуги. Правительственный веб-сайт представляет собой портал, обеспечивающий прямой доступ граждан к правительственным подразделениям и услугам. Подобные порталы скорее ориентированы на нужды и приоритеты граждан, чем на правительственные структуры. Граждане могут также платить налоги и осуществлять другие платежи через сеть (за парковку, регистрацию автомобилей и т.д.). На этом этапе начинает признаваться электронная подпись.

Четвертый этап — **объединенные услуги** — отличается тем, что позволяет правительству осуществлять все услуги и связи через правительственный портал, а пользователь сети может немедленно получать любую услугу. При этом правительственные веб-сайты изменяют способ коммуникации со своими гражданами. Эти сайты стимулируют получение информации от граждан, используя технологии Web 2.0 и другие интерактивные средства коммуникации. Электронные услуги и электронный способ принятия решений пересекают границы правительственных департаментов, а правительство становится бесшовным. Отмечается, что здесь границы между правительственными подразделениями очень подвижны, что позволяет говорить о новом качестве правительства, организации его деятельности и функционирования чиновничества («виртуальное государство» и «виртуальная бюрократия», «бюрократия системного уровня»). Правительства переходят к гражданско-центрированному подходу, при котором элек-

тронные услуги ориентированы на потребности граждан и их групп. Также создается такая окружающая среда, которая позволяет гражданам включаться в правительственную деятельность вплоть до участия в принятии решений.

14.4. Порталы электронного правительства и переход от порталов к платформам

В первое десятилетие существования электронных правительств в мире (условно 1995–2005 гг.) они организационно оформлялись в интернет-порталы. С возникновением идеологии «электронного правительства 2.0» стали говорить о том, что порталы уже не обеспечивают деятельность правительства по всему комплексу отношений с обществом и бизнесом. Они являются узкими по своему функционалу и правительственно ориентированными. Более демократичны не порталы, а интернет-платформы, основанные на интерактивной технологии Web 2.0. В реальности наблюдалось смещение порталов и платформ как средств современной правительственной деятельности, а также сотрудничества бизнеса и общества с правительством. Существует международная организация «Партнерство во имя открытого правительства» (*Open Government Partnership; opengovpartnership.org*), которая стремится продвигать идеи нового электронного правительства в мире, создавая базу для национальных реформ, нацеленных на то, чтобы сделать правительства более открытыми, ответственными и чувствительными к гражданину. Эта организация была создана в сентябре 2011 г. представителями семи стран — Бразилии, Индонезии, Мексики, Филиппин, ЮАР, Великобритании и США. В настоящее время в эту организацию входит 63 страны.

В настоящее время функционирование электронного правительства лишь частично организовано в *интернет-порталы, т.е. комплексные электронные средства, обеспечивающие осуществление ряда функций и услуг правительства для граждан*. Интернет-порталы обеспечивают поиск и получение информации, взаимодействие граждан и организаций с органами государственной власти, проведение ими мероприятий для граждан и организаций, предоставление общественных услуг.

Интернет-платформы — это комплексные электронные средства, обеспечивающие не только получение услуг, но и участие граждан в выборе публичных услуг и оказании влияния на процесс выработки решений.

**Особенности организации электронного правительства
по моделям Web 1.0 и Web 2.0**

Электронное правительство Web 1.0 (порталы)	Электронное правительство Web 2.0 (платформы)
В центре — правительство	В центре — граждане
Предложение услуг	Запрос на услугу
Государство как единственный поставщик гражданских услуг	Государство объединяет множество конкурирующих источников гражданских услуг
Несвязанные вертикальные деловые потоки (часто излишние)	Новые виртуальные деловые слои, сформированные вокруг гражданских потребностей и действующие горизонтально в правительстве
Идентификация принадлежит правительству и управляется правительством	Идентификация принадлежит и управляется гражданами
Публичные данные закрыты и принадлежат правительству	Публичные данные доступны и могут использоваться всеми
Граждане являются получателями и потребителями услуг	Граждане являются собственниками услуг и участвуют в их создании
Электронные услуги	Интеграция многоканальных услуг
ИКТ как инвестиция в капитал	ИКТ как услуга
Ведущий — производитель услуги	Ведущий — качество услуги (бренд)

Источник: Citizen Service Platform. Strategies to Transform Government in the 2.0 World. Microsoft, 2010. P. 7.

Как видно из табл. 14.2, электронное правительство 2.0 обладает характеристиками, которые продвигают демократию в широком смысле слова, включая гражданское участие, фактически в повседневную деятельность государства и в процессы оказания публичных услуг. В этом отношении *электронное правительство становится базой сетевого взаимодействия граждан*, ассоциаций гражданского общества и бизнеса с государством по различным направлениям публичной деятельности. На данном этапе большое значение имеет оценка электронного участия граждан через многообразные сайты такого электронного правительства. В 2012 г. лидерами по индексу электронного участия стали следующие страны (в порядке убывания значения индекса; место в рейтинге): 1-е место: Нидерланды, Республика Корея; 2-е место: Казахстан, Сингапур; 3-е место: Великобритания, США; 4-е место: Израиль; 5-е место: Австралия, Эстония, Германия; 6-е место: Колумбия,

Финляндия, Япония, Объединенные Арабские Эмираты; 7-е место: Египет, Канада, Норвегия, Швеция; 8-е место: Чили, Россия, Бахрейн. Рассмотрим, как реализуется идея электронного правительства в порталах и современных платформах.

Одним из лидеров внедрения новых платформ для электронного правительства является *Казахстан*. С 2010 г. эта страна стала активно использовать новые ИКТ для вовлечения граждан в правительственную деятельность. Здесь выделяется правительственный блог (*blogs.e.gov.kz*), позволяющий гражданам республики задавать вопросы, комментировать и оценивать деятельность правительства и его отдельных департаментов. Сайт предполагает ответы государственных чиновников и обсуждение возникающих вопросов. Имеется возможность использовать статистический материал, касающийся публичных дел.

В *Великобритании* основным правительственным порталом, обеспечивающим работу электронного правительства, был «Британский сетевой портал для граждан» (*UK Online Citizen Portal* — *www.ukonline.gov.uk*), который обеспечивал доступ к правительственной информации и услугам. Он появился в 2001 г. Каждый день его посещали 123 тыс. визитеров. До этого с 1994 г. информационные услуги оказывал сайт британского правительства (*www.open.gov.uk*), который давал ссылки на сайты отдельных правительственных подразделений в алфавитном порядке. Новый портал обеспечивает переход на сайт «Вход в правительство» (*Government Gateway*), который обеспечивал регистрационные услуги и предоставлял бланки документов (например, налоговые формы). Основной портал давал возможность выхода на сайты коммерческих предприятий, обеспечивал обратную связь, консультирование и т.д.

В 2004 г. «Британский сетевой портал для граждан» был замещен порталом «Доступное правительство» (*Directgov* — *www.direct.gov.uk*), обеспечивавшим электронный доступ к правительственным министерствам для оказания различных услуг и получения информации. В марте 2010 г. правительство принимает «Национальный план развития цифрового участия» (*National Plan for Digital Participation*). В его основе лежит идеология «*eGov 2.0*».

Основными правительственными интернет-порталами в Великобритании, помимо уже упоминавшегося *Directgov*, являются *Number10.gov.uk* — официальный портал Управления премьер-министра, обеспечивающий осуществление ряда информационных услуг, а также возможность подавать петиции, *Choose and Book* («Выбери и закажи», рис. 14.1), введенный в действие Министерством здравоохранения для

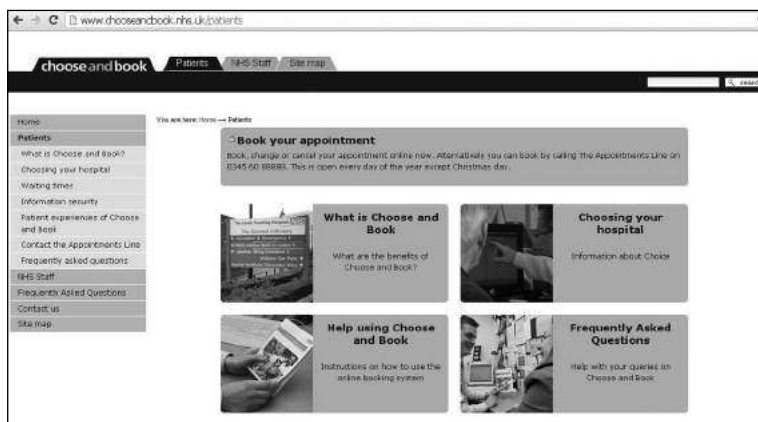

Рис. 14.1. Скриншот портала/платформы *Choose and Book* (Великобритания)

предоставления услуг по выбору больниц, оценке деятельности врачей и публичному обсуждению вопросов здравоохранения, *Data.gov.uk* — портал официальных данных (не персонального характера), позволяющий их свободное использование в различных целях (для граждан планируется возможность размещать на сайте различные данные для их широкого использования). Правительственные сайты обеспечивают сегодня предоставление государственных услуг и интерактивной коммуникации с гражданами при решении публичных и частных задач. Помимо этого, политики и чиновники активно используют социальные сети для общения с гражданами (например, Управление премьер-министра имеет свое представительство в *Twitter*).

Канадское правительство планировало добиться возможности получения гражданами полной информации о правительстве, а также пользования услугами через сеть к 2004 г. Сейчас здесь действуют три правительственных портала, обеспечивающие коммуникацию и взаимодействие между гражданами и правительством. Это «Сайт канадских органов государственной власти» (*Canada Site* — www.canada.gc.ca), «Премьер-министр Канады» (www.pm.gc.ca) и «Государственные услуги» (*Service Canada* — www.serviccanada.gc.ca). «Сайт канадских органов государственной власти» появился в 1995 г. и до сих пор является основным для предоставления услуг через сеть (он был модифицирован в соответствии с новыми интерактивными технологиями). В марте 2011 г. создан экспериментальный национальный сайт данных Data.gc.ca для осуществления проекта открытого правительства.

В *Соединенных Штатах Америки* главный правительственный портал *FirstGov* (www.firstgov.gov), введенный в действие в 2000 г., служил реализации основных целей пятого этапа применения информационных технологий в государственном управлении. Он был создан в соответствии с основной концепцией электронного правительства как системы отношений правительство — граждане, правительство — бизнес, межагентских отношений. Этот портал объединял свыше 27 млн федеральных правительственных электронных страниц, созданных с целью более эффективного поиска информации и оказания услуг, следуя потребностям пользователей. В 2000 г. едва ли не каждое федеральное агентство, большинство штатов и огромное количество местных органов власти обеспечивали информацию и услуги через сеть.

В среднем сеть правительства штата обеспечивала получение 4 услуг. Конечно, между правительственными органами были различия в осуществлении развития электронного правительства. Некоторые считали, что федеральная администрация существенно отстает от администрации штатов. В штате Мериленд, например, уже к 2002 г. планировалось 50% услуг осуществлять через сеть, а к 2004 г. — уже 80%. Создание второго поколения электронного правительства приходится на конец первого десятилетия 2000-х. Одним из первых документов, принятых президентом Обамой, был Меморандум о прозрачном и открытом правительстве (*Memorandum on Transparency and Open Government*, 2009 г.). Администрация президента разработала стратегию внедрения новых форм электронного правительства под названием «Инициатива открытого правительства» (*Open Government Initiative*), в соответствии с которой американское правительство должно стать открытым, способствовать участию бизнеса и общества в публичных делах, осуществлению своих задач и обеспечивать сотрудничество правительства и общества. Основными порталами, обеспечивающими реализацию поставленных задач, выступают *USA.gov* (до 2007 г. он назвался *FirstGov*) и *Whitehouse.gov*, продолжающие выполнять информационные задачи и оказывать услуги, но теперь уже в кооперации с социальными сетями *Twitter*, *Facebook*, *MySpace*, *YouTube* и др. Собственно порталами нового поколения стали *Data.gov*, содержащий официальные данные, но предполагающий и получение данных от граждан, ассоциаций и фирм; *Recovery.gov* — налоговый портал; *Appsfordemocracy.org* — портал для обсуждения публичных проблем представителями органов государственной власти, гражданами и их сообществами и стимулирования их решения; *Data.medicare.gov* — портал данных, касающихся здравоохранения.

14.5. Электронное правительство в России

Утвержденная в январе 2002 г. Федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002–2010 годы)» содержала сегмент, касающийся внедрения и массового распространения информационных технологий для повышения эффективности государственного управления и местного самоуправления. Ставились следующие задачи: 1) обеспечение открытости в деятельности органов государственной власти и общедоступности государственных информационных ресурсов, создание условий для эффективного взаимодействия между органами государственной власти и гражданами; 2) совершенствование деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления; 3) совершенствование взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления с хозяйствующими субъектами и внедрение информационных и коммуникационных технологий в реальный сектор экономики.

Программа включала три этапа. На **первом этапе** (2002 г.) предполагалось формировать предпосылки реализации мероприятий программы, связанные с анализом соответствующей нормативной правовой базы, уровня информатизации экономики, зарубежного опыта, с проведением полного учета государственных информационных ресурсов и т.д. На **втором этапе** (2003–2004 гг.) должны были осуществляться проекты, обеспечивающие взаимодействие органов государственной власти и органов местного самоуправления с гражданами и хозяйствующими субъектами в сфере налогообложения, по вопросам оформления таможенной документации, регистрации и ликвидации юридических лиц, выдачи лицензий и сертификатов, подготовки и представления отчетной документации и др. На **третьем этапе** (2005–2010 гг.) планировалось создание предпосылок для массового распространения информационных и коммуникационных технологий во всех сферах общественной деятельности на основе единой информационной и телекоммуникационной инфраструктуры при помощи системы электронной торговли. 15 августа 2006 г. Правительство РФ утвердило новую редакцию Федеральной целевой программы, в которой учитывались новые задачи повышения эффективности системы функционирования государственного управления в России на основе ИКТ и четко определялась цель создания электронного правительства. В программе предусматривалась реализация мероприятий по шести основным направлениям: формирование стандартов и рекомендаций по использованию ИКТ в государственном управлении; обеспечение эффективного межведомственного информационного взаимодействия на

основе ИКТ и интеграция государственных информационных систем; обеспечение эффективности взаимодействия органов государственной власти с населением и организациями на основе ИКТ; внедрение информационных систем управления в деятельность органов государственной власти; создание типовых программно-технических решений поддержки деятельности органов государственной власти; управление реализацией мероприятий программы¹⁰.

Прорывом в обеспечении создания электронного правительства послужила государственная программа «Информационное общество (2011–2020)», утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации в октябре 2010 г. Она символизирует начало **четвертого этапа** в развитии электронного правительства в России. Основная цель программы — «получение гражданами и организациями преимуществ от применения информационных и телекоммуникационных технологий за счет обеспечения равного доступа к информационным ресурсам, развития цифрового контента, применения инновационных технологий, радикального повышения эффективности государственного управления при обеспечении безопасности в информационном обществе»¹¹. Анализ программы показывает, что ее задачи в целом соответствуют задачам современного этапа формирования информационного общества и электронного правительства в мире. Однако ей явно не хватает акцента на социально-политической составляющей трансформации электронного правительства на основе идеологии *eGov 2.0*. Так, определяется задача «повышения открытости деятельности органов государственной власти», но она скорее ориентирована на большее информирование населения, чем на активизацию его участия в принятии решений на различных уровнях власти. Слабо выражены идеи участия и сотрудничества. Все же в технологическом отношении программа позволит создать условия для нового электронного правительства и, по-видимому, продвижение ее технологической составляющей приведет к изменению ее социально-политического содержания.

Анализ состояния дел с осуществлением данной программы и внедрением технологий электронного правительства в деятельность центральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Федерации и местного самоуправления показывает,

¹⁰ Федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002–2010 годы)», прилагаемые изменения. 2006. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.government.ru/government/governmentactivity/rfgovernmentplans/6653559.htm>. С. 19–44.

¹¹ Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020)» // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.government.ru/gov/results/12932/>.

что этот процесс проходил неравномерно и встречал ряд трудностей объективного и субъективного порядка. Следует согласиться с тем, что идеология электронного правительства не стала составной частью реформы государственного управления и государственной службы в России, что ограничивало возможности обоих направлений административной политики¹².

Вместе с тем продвижение наблюдается; в ряде случаев органы государственной власти субъектов Российской Федерации опережали центр по темпам внедрения технологий электронного правительства, хотя и не в каждом регионе вообще имелись официальные сайты (так, из 89 субъектов Российской Федерации в 2003 г. официальные сайты имели только 83 субъекта). В настоящее время положение изменилось, но уровень активности «регионалов» по внедрению электронного правительства существенно различается.

Правительство Российской Федерации в 2002 г. обновило свой официальный сайт (www.government.ru). Более содержательной и разнообразной стала информация о деятельности правительства в целом, его председателя; открылась третья новостная лента «В министерствах и ведомствах». На сайте было размещено более 20 тыс. актов правительства, имелась поисковая система. Был введен «Каталог сетевых информационных ресурсов», в котором собраны и структурированы интернет-ресурсы, касающиеся прежде всего органов государственной власти и управления различных уровней, органов местного самоуправления, средств массовой информации. Все эти разделы сайта предназначались для улучшения информационного обеспечения граждан и возможности использования официальных правительственных документов. Принципиально новым для России стало включение в структуру сайта раздела «Интерактивные сервисы», который, однако, был ограничен возможностью для граждан оставлять правительству запросы. На официальных сайтах министерств и ведомств помимо информационной и документационной частей можно было видеть более разнообразные элементы, позволяющие гражданам обращаться в соответствующие органы, высказывать мнение по обсуждаемым вопросам или получать конкретные услуги. Так, на сайте Министерства внутренних дел (www.mvdinform.ru) имеются рубрики «Общественная приемная», «Форум», «Пресс-служба», осуществляется интерактивный опрос населения. На сайте Министерства по налогам и сборам (www.nalog.ru) можно ознакомиться с документами, получить разнообразную информацию или даже консультацию. Введены рубрики «Государственная

¹² *Шадрин А. Е.* Направления и параметры российской административной реформы // Политические исследования. Полис. 2003. № 4.

регистрация юридических лиц», «Декларирование личных доходов», есть раздел «Учебные материалы».

В 2001 г. по инициативе Департамента правительственной информации аппарата Правительства Российской Федерации впервые был создан специализированный сайт электронного правительства (www.e-government.ru), рассчитанный на организацию обратной связи с гражданами и проведение интерактивных обсуждений ряда проблем. Правда, дальнейшего развития этот проект так и не получил; вызывал удивление регистрационный характер обращения на этот сайт, который, казалось бы, должен был предполагать открытый характер общения.

В регионах России использование новых информационных технологий в деятельности органов публичного управления было неравномерным. Конкурс, проведенный в рамках Федеральной целевой программы в 2002 г., показал, что в результате оценки правительственных интернет-порталов российских регионов средний балл по всем субъектам России составил 27,7 (из 54 максимально возможных). Интернет-порталы, которые согласно проведенному анализу наиболее достойно представляют свои регионы, принадлежат республикам Карелии, Татарстану, Чувашии, Бурятии, а также Пермской, Самарской, Калининградской и Калужской областям (суммарная оценка портала более 40 баллов). Так, официальный сервер органов государственной власти Республики Карелия (www.gov.karelia.ru) содержал довольно полную и разнообразную информацию о главе республики, законодательных и исполнительных органах, органах местного самоуправления, судебных органах, федеральных органах власти на территории республики, о Северо-Западном федеральном округе. На странице главы республики имелась «Обратная связь», содержащая следующие элементы: «Горячая линия», «Прямой эфир», «Письмо по электронной почте», «Информация». В основном представленные на сервере сайты носят информационный характер с некоторыми элементами обратной связи с населением. Ежедневно этот сервер просматривали 600–800 посетителей.

Активизация деятельности, связанной с электронным правительством, отмечается с 2008 г., когда президентом России принимаются решительные меры по развитию правительственных порталов и оказанию государственных услуг через Интернет и с использованием принципа «единого окна». В 2008 г. начинается процесс формирования многофункциональных центров предоставления государственных услуг. В настоящее время таких центров насчитывается около 850 в различных регионах России. В декабре 2009 г. открывается портал «Государственные услуги» (www.gosuslugi.ru), который вначале выполнял только демонстрационные функции. В настоящее время этот

Рис. 14.2. Скриншот сайта «Открытое правительство» (Россия)

портал содержит возможность оказания услуг населению, на нем размещена информация об оказании новых услуг в будущем, имеются каналы обратной связи. В 2012 г. развитие портала госуслуг шло рекордными темпами. По данным Ростелекома, в 5 раз по сравнению с предыдущим годом выросло количество пользователей портала (общее число зарегистрированных пользователей портала превысило 15 млн человек), в 4 раза увеличилось число электронных услуг (сейчас их уже около 4 тыс.); в 3 раза — количество информационных госуслуг (сейчас их 75 тыс.); за год зарегистрировалось 3 млн человек (число личных кабинетов достигло 4 млн). Ежемесячно портал посещает 1,5 млн человек. Количество услуг, заказанных через портал за время с начала его работы, превысило 15 млн¹³. В 2011 г. формируются системы открытого правительства, которые берут за основу гражданско-центрированный подход к его работе. Эта система охватывает все уровни органов государственной и муниципальной власти. Имеется федеральный сайт открытого правительства (большоеправительство.рф) (рис. 14.2).

¹³ Интернет в России. Состояние, тенденции и перспективы развития. Отраслевой доклад Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям. М., 2013. С. 64.

Сегодня можно назвать также ряд государственных и общественных порталов, создание которых направлено на реализацию задач формирования нового электронного правительства. Уже отмеченный портал «Государственные услуги» значительно расширил свои возможности для оказания государственных услуг и обеспечения обратной связи с населением. Портал «Регионалочка» (regionalochka.ru) — сеть для сотрудничества органов государственной власти субъектов Российской Федерации — служит цели формирования сообщества профессионалов в области информационных технологий для государственного и муниципального управления в регионах, которое должно стимулировать и оказывать содействие по внедрению электронного правительства. Федеральный портал управленческих кадров (www.rezerv.gov.ru) не только размещает информацию о государственном резерве управленческих кадров, но и рассчитан на взаимодействие государственных служащих, специалистов, экспертов, граждан при обсуждении вопросов развития кадрового потенциала страны. Следует отметить проект Института современного развития (ИНСОР) по созданию интерактивного портала «ГосБук» (www.gosbook.ru) для обсуждения и обмена информацией по вопросам государственного управления и модернизации страны. На нем представлено 20 тыс. документов и имеется более 10 тыс. публикаций. Его деятельность организована в 74 рабочие группы и 32 сообщества. Из общественных порталов, реализующих задачи нового этапа электронного правительства, можно назвать портал *Gov2people*, руководимый А. Поповой, основная задача которого состоит в активизации граждан для решения жизненных проблем. Заметным явлением российской политической жизни стало также участие политиков и государственных служащих в социальных сетях (*Twitter*) для интерактивного обсуждения с гражданами волнующих их вопросов. Все это позволило занять России в рейтинге электронного правительства ООН 2012 г. довольно высокое 27-е место, а по значению индекса электронного участия даже войти в число лидеров (8-е место). Вместе с тем анализ данного рейтинга показывает, что Россия существенно отстает от самого значимого показателя электронного участия — влияния на процесс принятия решений.

* * *

Имеются различные суждения относительно эффективности электронного правительства. Его создание еще не изменило радикально институциональную структуру государственного управления. Вместе с тем новые электронные и информационные технологии в эпоху общества знания постепенно становятся необходимым элементом пра-

вительственной деятельности в различных странах, модифицируя, а иногда и радикально меняя подходы и отношения в административной среде. «Мода» на электронное правительство отражает современное состояние информационного общества, позволяющего делать административно-государственную деятельность и структуры более открытыми, прозрачными и эффективными.

Ключевые слова

Электронное правительство, веб-присутствие, электронная демократия, порталы электронного правительства, платформы электронного правительства.

Литература

Акопов Г. Л. Интернет и политика. Модернизация политической системы на основе инновационных политических технологий. М.: Кнорус, 2014.

Индикаторы информационного общества: 2013. Статистический сборник. М.: НИУ «ВШЭ», 2013.

Кастельс М. Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004.

Кристалный Б. В., Травкин Ю. В. Электронное правительство. Опыт США. М.: Эко-Трендз, 2003.

Совершенствование государственного управления на основе его реорганизации и информатизации. Мировой опыт / Под ред. В. И. Дрожжинова. М.: Эко-Трендз, 2002.

Шмидт Э., Козн Д. Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государства. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.

E-Government Success around the World: Cases, Empirical Studies, and Practical recommendations / Ed. by R. Gil-Garcia. Hershey, PA: IGI Global, 2013.

Fountain J. Building the Virtual State. Information Technology and Institutional Change. Washington (DC): Brookings Institution Press, 2001.

Homburg V. Understanding E-Government Information Systems in Public Administration. L.; N.Y.: Routledge, 2008.

Вопросы и задания

1. Почему появилась идея электронного правительства?
2. Включение новых ИКТ в деятельность государства — технологический или политический процесс? Обоснуйте свою точку зрения.
3. Как электронное правительство формирует сетевое общество и сетевую политику?
4. В чем основное различие между электронным правительством 1.0 и 2.0?
5. Какие этапы прошло в своем развитии электронное правительство в России?
6. Проанализируйте один из сайтов электронного правительства в России на предмет его соответствия идеологии Web 2.0.

ГЛАВА 15

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ СЕТИ

► В главе рассматриваются проблемы глобального политическо-го управления и становления наднациональных политических сетей в современном мире. В условиях глобализации, детерминированной интеграционными процессами в мире и усложнением информационно-коммуникационных механизмов, возникают международные организации, представляющие собой межправительственные сетевые структуры. Отдельный раздел посвящен транснациональным корпоративным сетям и их роли в политическом процессе. В последнем разделе авторы обращаются к концепту глобальных сетей публичной политики, инкорпорирующих государственные институты, бизнес и некоммерческий сектор. ◀

15.1. Глобализация и развитие сетевого общества

Одной из важнейших тенденций развития современного общества стала глобализация, которая охватила практически все сферы человеческой деятельности.

В самом широком смысле **глобализация** представляет собой процесс интеграции мирового хозяйства, совсем недавно понимаемого как совокупность национальных хозяйств, связанных друг с другом системой международного разделения труда, экономических и политических отношений, в мировой рынок и тесное переплетение экономик на основе транснационализации и регионализации.

На этой базе происходит формирование единой мировой сетевой рыночной экономики — геоэкономики и ее инфраструктуры, размывание национального суверенитета государств, являвшихся главными действующими лицами международных отношений на протяжении многих веков¹. В условиях непрерывного процесса развития общества

¹ Новикова И. В. Глобализация, государство и рынок: ретроспектива и перспектива взаимодействия. Минск: Академия упр. при Президенте Республики Беларусь, 2009.

знания и постоянной интенсификации и усложнения социальных, экономических, культурных и политических связей между государствами и негосударственными институтами на первый план выходят проблемы глобального управления. Начиная с 1960-х годов исследователи коммуникации и политологи пытались осмыслить механизмы, которые способствуют международной кооперации и сотрудничеству в глобальной политике². Традиционно ученые выделяли несколько ключевых факторов, включающих распространение экономического влияния, необходимость использования и аккумуляции военной силы в конфликтах, потребность формирования международной повестки дня. Однако в последнее время все чаще возникают идеи о формировании глобальных политических или проблемных сетей³. В этих работах, например, был выделен такой важный фактор, как международные политико-управленческие режимы и их влияние на механизмы развития международных отношений. В рамках этого подхода возникает, например, идея о том, что в процессе глобализации, который происходит относительно независимо от многих тенденций общественного развития, присутствует общая автономность и логика, и именно это внимание к глобальным и автономным процессам является характерной чертой теории глобализации. Иными словами, на глобальном уровне появляются крупные игроки (государства, союзы и корпорации), которые формулируют достаточно независимые стратегии, создавая тем самым новые автономные режимы глобального развития.

С точки зрения теории сетей глобализация является вполне логичным процессом. Развитие коммуникационных, товарных и других типов связей детерминировано как экстенсивными, так и интенсивными стратегиями. Крупные акторы мирового политического процесса стремятся к расширению собственного влияния, а бурное развитие современных технологий способствует усложнению системы отношений, в том числе и на глобальном уровне. Здесь мы обнаруживаем тесную взаимосвязь с концепциями информационного и сетевого общества, которые стали следствием распространения и последующего доминирования технократической идеологии, подчиняющей состоя-

² См., например: *Gourevitch P.* The second image reversed: The international sources of domestic politics // International Organization. 1978. No 32. P. 881–911; *International Regimes / Krasner S.* (ed.). Ithaca: Cornell University Press, 1983; *Keohane R.* After Hegemony. Princeton: Princeton University Press, 1984.

³ *Keck M. E., Sikkink K.* Activists Beyond Borders. Ithaca: Cornell University Press, 1998; *Slaughter A.-M.* The Accountability of Government Networks // Indiana Journal of Global Legal Studies. 2001. Vol. 8. No 2. P. 347–367.

ние и развитие социальной, культурной и политической сфер динамике научно-технического прогресса и глобальной технологической конкуренции. Важно отметить, как быстро концепция «информационного общества» нашла живой отклик в рядах политической элиты многих западных государств. С начала 1990-х годов информатизация, развитие новых технологий коммуникации под общим лозунгом построения полноценного информационного общества стали важной частью политической программы администрации президента Б. Клинтона. К середине 1990-х проблемами становления информационного общества активно занялись также различные административные инстанции Европейского союза. Для продвижения этих идей на общеевропейском уровне была специально создана экспертная группа по информационному обществу под руководством комиссара по делам промышленности, информационных и телекоммуникационных технологий ЕС М. Бангеманна, подготовившая в 1994 г. известный доклад «Европа и глобальное информационное общество». Апофеозом политизации данного концепта стало решение Генеральной Ассамблеи ООН, провозгласившее 17 мая Международным днем информационного общества. Все эти действия, естественно, способствовали глобализационным процессам и развитию сетевых отношений на транснациональном уровне.

Еще одним детерминирующим фактором выхода сетей на международный уровень стала глобализация коммуникации. Еще Маршалл Маклюэн в своих работах «Галактика Гутенберга» и «Понимая медиа»⁴ ввел понятие «глобальная деревня» для описания сложившейся новой коммуникационной, а впоследствии и культурной ситуации. Маклюэн описывает, как земной шар «сжался» до размеров деревни в результате развития электронных средств связи, благодаря которым стала возможна мгновенная передача информации с любого континента в любую точку мира. Современные социальные медиа *LiveJournal*, *Facebook*, *YouTube*, *Twitter*, *Instagram* выступают в качестве глобальных сетей коммуникации, стремительно сокращая расстояния — как географические, так и ментальные.

В условиях глобализирующегося сетевого общества принципиально меняются роль, функции и структура государства. Находящееся сегодня в кризисном состоянии национальное государство более не способно быть эффективным субъектом политического управления. Его,

⁴ *McLuhan M. The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man, 1962; McLuhan M. Understanding Media. Gingko Press, 1964.*

по мысли М. Кастельса, должно заменить «новое государство информационной эпохи», представляющее собой новый тип сетевого государства, основанного на сети политических институтов и органов принятия решений национального, регионального, местного и локального уровней, неизбежное взаимодействие которых трансформирует принятие решений в бесконечные переговоры между ними⁵.

Безусловно, в сетевом обществе меняется и социальная структура. Чрезвычайно важным признаком, определяющим принадлежность к тому или иному слою или классу сетевого общества, становятся обладание и возможности эффективного оперирования знаниями, а также активное участие в различных сетях, в том числе и глобальных. Ключевым изменением становится децентрализация, размывание власти, утрачивающей иерархическую стройность и строгость — в сетевом обществе власть происходит из временных, нестабильных, аморфных альянсов, а не из какой-то конкретной географической точки или устойчивого конституционного образования. Власть вообще станет невероятно трудно локализовать⁶.

Итак, мы наблюдаем, что в современном мире возникли новые формы политической организации, международного права и новые центры экономической и политической власти. Ведущими субъектами мировой политики стали надгосударственные объединения и международные неправительственные организации, а также транснациональные корпорации и сетевые гражданские сообщества. Они сформировали многослойную, полицентрическую макроструктуру управления — глобальные сети публичной политики.

15.2. Межправительственные сети

Сегодня в мире функционирует множество межправительственных институтов, которые представляют собой глобальные политические сети. К наиболее крупным и известным относятся, например, Организация Объединенных Наций, созданная 24 октября 1945 г. и в настоящий момент насчитывающая 193 участника, Всемирный банк, членами которого являются 188 государств, Европейский союз и Организация Североатлантического договора (НАТО), объединяющие по 28 стран. Всего на данный момент в мире насчитывается

⁵ Кастельс М., Киселева Э. Россия и сетевое общество: аналитическое исследование // Мир России. 2000. № 1. С. 29.

⁶ Там же. С. 198.

около 5 тыс. межправительственных организаций (МПО)⁷. Анализ этих институтов выявляет поразительное сходство их характеристик с основными положениями теории политических сетей. Они различаются по функциям, государствам-членам и критериям членства, имеют различные цели, обычно изложенные в коллективном договоре или уставе. Некоторые МПО существуют для обеспечения нейтральной переговорной площадки или урегулирования споров. Другие созданы для реализации взаимных интересов, разрешения конфликтов и улучшения международных отношений, содействия международному сотрудничеству по таким вопросам, как защита окружающей среды, соблюдение прав человека, социального развития (образование, здравоохранение), экономической кооперации. Некоторые из них имеют более общий характер, в то время как другие возникают вокруг конкретных проблем или сфер деятельности (например, Интерпол или Международная организация по стандартизации). К наиболее распространенным типам относятся:

- всемирные организации, которые в целом открыты для всех государств, отвечающих определенным критериям (ООН, Всемирная торговая организация, Международный валютный фонд и др.);
- региональные организации, открытые для государств конкретного региона или континента (Европейский союз, Совет Европы, Африканский союз, Организация американских государств и т.д.);
- экономические организации (Организация экономического сотрудничества и развития, Организация стран — экспортеров нефти);
- военные блоки (НАТО, Организация договора о коллективной безопасности);
- культурные, этнические, религиозные организации (Содружество наций, Лига арабских государств, Франкофония, Организация исламского сотрудничества).

Естественно, многие государства одновременно являются членами нескольких межправительственных организаций. Например, на рис. 15.1 представлено членство европейских государств в различных межправительственных организациях⁸.

⁷ List of Intergovernmental Organizations. Материал из Википедии — свободной энциклопедии. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/List_of_intergovernmental_organizations.

⁸ The European Representation Commission in the UK. URL: <http://www.the-eu-and-me.org.uk/about-us/who-does-what>.

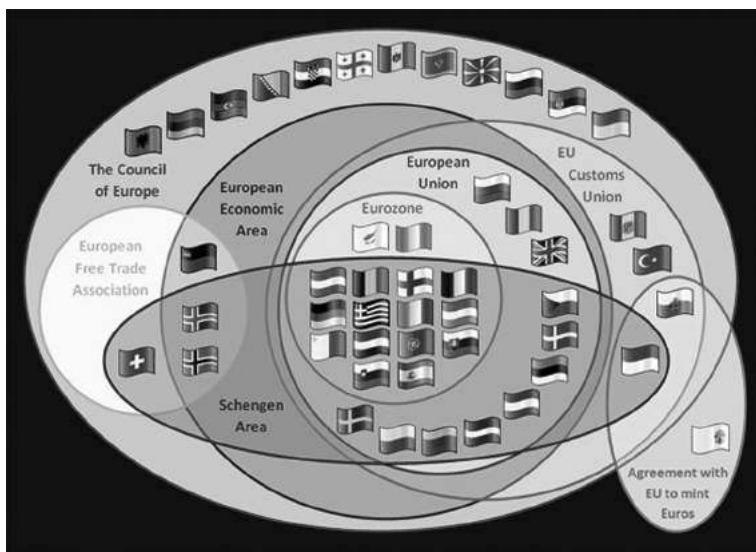

Рис. 15.1. Членство государств Европы в различных межправительственных организациях

Являются ли межправительственные организации сетевыми по принципам взаимодействия членов? По сути, они представляют собой формы сетевой организации международных отношений, которые являются структурами *глобального управления*.

Глобальное управление — процесс совместного политического руководства, объединяющий национальные правительства, многосторонние государственные учреждения и гражданское общество для достижения общих целей.

Оно обеспечивает стратегическое направление и руководит коллективными усилиями по решению глобальных и локальных задач. Теория политических сетей уже давно стала применяться исследователями для анализа, например, системы управления Европейского союза⁹. Используя сетевую методологию, мы можем предположить, что межправительственные организации представляют собой кластеризован-

⁹ См., например: *Kassim H.* Policy Networks, Networks and European Union Policy-Making: a Sceptical View // *West European Politics*. 1993. No 17 (4). P. 15–27; *Ward S., Williams R.* From Hierarchy to Networks? Sub-central Government and EU Urban Environment Policy // *Journal of Common Market Studies*. 1997. No 35 (3). P. 439–464.

ные структуры глобальной сети. Государства — члены организаций обладают более стабильными и прочными сетевыми отношениями между собой, а сами организации могут характеризоваться высокой степенью сплоченности. Но как анализировать всю глобальную сеть межправительственных отношений?

В этом контексте появляется понятие *многоуровневого управления*. В его основании лежит признание существования взаимно пересекающихся компетенций различных управленческих уровней, а также акцент на взаимодействии участников на разных уровнях управления (как минимум наднациональном, национальном и субнациональном)¹⁰. По мнению известных исследователей многоуровневого управления в Европе Л. Хууге и Г. Маркса¹¹, определяющие характеристики многоуровневого управления заключаются в следующем:

1. Процесс принятия решений не монополизирован национальными государствами, а наоборот, находится в сфере совместной компетенции акторов на различных уровнях.

2. Коллективное принятие решений государствами подразумевает значительную потерю контроля над этим процессом для отдельно взятых национальных правительств.

3. Политические уровни скорее пересекаются или соприкасаются, нежели тесно включены друг в друга. В то время как национальные уровни сохраняют свою значимость для определения политических стратегий национальных правительств, концепция многоуровневого управления не подразумевает, что национальный уровень полностью включен в наднациональный. Субнациональные акторы действуют как на национальном, так и на наднациональном уровне, а национальные правительства не монополизируют право на установку связей между местными и наднациональными акторами.

В научной литературе сложилось относительное согласие о том, что глобальное управление представляет собой многоуровневое управление, если соблюдаются два важных условия¹². *Во-первых*, глобальный уровень должен быть автономным. Он должен быть больше, чем просто межправительственная координация, без делегирования полномочий на наднациональный уровень. Пока международные отношения

¹⁰ Стрежнева М. В. «Трансправительственные сети» в ЕС // Международные процессы. 2008. Т. 6. № 1 (16). // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/sixteenth/016.htm>.

¹¹ Hooghe L., Marks G. Multi-Level Governance and European Integration. Rowman & Littlefield, 2001. P. 3—4.

¹² Zürn M. Global governance as multi-level governance // Handbook of Multi-Level Governance. Edward Elgar Publishers, 2010.

структурированы по принципу консенсуса, в соответствии с которым стратегии акторов реализуются только до тех пределов, о которых они договорились, не имеет смысла говорить о многоуровневой системе управления. Система суверенных национальных государств не является политическим агентом за пределами национального государства со значительной автономией или полномочиями, даже если некоторые из государств действительно тесно сотрудничают.

Во-вторых, глобальный уровень должен быть частью системы, которая характеризуется взаимодействием различных уровней, а не работать независимо от других уровней управления. Прежде чем мы сможем говорить о многоуровневой системе управления, она должна быть представлена как система, включающая в себя некоторую форму дифференциации. В этом смысле теория политических сетей удачно вписывается в эту концепцию. В то же время если ориентироваться на сетевую методологию, межправительственные организации выступают лишь формами взаимодействия акторов, которые не являются исключительными. С точки зрения трансправительственного сотрудничества государство выглядит фрагментированным. Ключевыми акторами могут выступать не правительства как один институт, а разные государственные органы, а также чиновники различного уровня в национальных министерствах. Они координируют политику трансграничного формата при периодическом, но не постоянном наблюдении со стороны национальных министерств иностранных дел. Между тем ныне такая координация не только дополняет, но и отчасти замещает координацию на уровне высшего исполнения.

Организация трансправительственных сетей — плоская, горизонтальная, а не иерархическая. Формально внутри сети никто никому не подчинен. Это предполагает действие принципа субсидиарности (т.е. решения непосредственно вырабатываются теми агентами, которые ответственны за их имплементацию) и поощряет дифференциацию в подходе к местным проблемам, а не навязывание единообразного политического решения сверху. Нет и легитимной инстанции по разрешению споров между акторами, тогда как сотрудничество в целом носит необязательный характер и не сопровождается репутационными издержками в случае выхода из него. Трансправительственные сети подразумевают такое сотрудничество на международной арене, которое чиновники из национальных администраций осуществляют напрямую, с одобрения национальных лидеров, вступая в горизонтальные контакты между собой поверх разделяющих страны границ. В таком режиме можно действовать быстрее, более гибко и с меньшими издержками,

нежели в рамках традиционных международных организаций, в основе деятельности которых лежат документально оформленные межправительственные договоренности¹³.

15.3. Транснациональные корпоративные сети

Безусловно, не только органы власти участвуют в глобальных управленческих процессах. Последние исследования показывают, что транснациональные корпорации уже прочно закрепились в качестве важнейших акторов глобального управления. Например, ученые из Швейцарского федерального института технологий в Цюрихе С. Витали, Дж. Глаттфелдер и С. Баттистон выявили относительно малочисленную группу связанных между собой транснациональных организаций, которые оказывают непропорционально большое влияние на глобальную экономику¹⁴. Причем основу сетевого ядра составляют финансовые институты, роль которых в сетевой структуре существенно влияет на мировой экономический процесс. Авторы исследования также приходят к выводу, что такая ситуация является не результатом спланированной стратегии, а логическим развитием системы взаимосвязей в мировой экономике, где развитые страны имеют колоссальное влияние.

Преыдушие подобные исследования, как правило, показывали, что относительно небольшому числу транснациональных корпораций принадлежит крупная доля мировой экономики, но эти работы включали ограниченное число компаний, упускали из виду косвенных владельцев, отношения корпораций с аффилированными компаниями и корпоративные взаимосвязи. Поэтому сложно было определить, насколько сильно влияние транснациональных корпораций на глобальную экономику. Данное исследование с помощью методов сетевого подхода исправляет это упущение. Для анализа экономических связей между организациями исследователи применили математическую модель анализа данных. При проведении исследования ученые использовали *Orbis 2007* — базу данных, которая содержит информацию о 37 млн компаний и инвесторов по всему миру. Из них ученые выбрали 43 060 компаний, принадлежащих транснациональным корпорациям,

¹³ Стрежнева М. В. «Трансправительственные сети» в ЕС // Международные процессы. 2008. Т. 6. № 1 (16) // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/sixteenth/016.htm>.

¹⁴ Vitali S., Glattfelder J. B., Battiston S. The network of global corporate control // PLoS ONE. 2011. No 6 (10); 40 процентов мирового богатства контролируют 147 транснациональных корпораций. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: Центр гуманитарных технологий. <http://gtmarket.ru/news/corporate/2011/10/24/3685>.

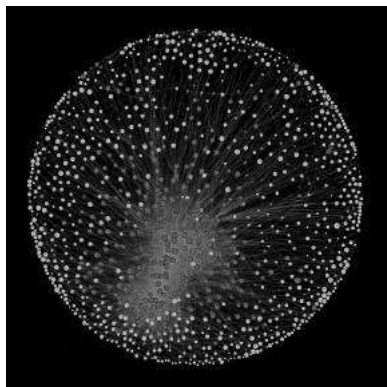

Рис. 15.2. Структура сети глобального корпоративного контроля

и выявили их пересекающиеся активы. На основе этого массива данных была построена модель распределения экономического влияния транснациональных корпораций, в том числе через владение фондами и участие в прибыли. Таким образом, авторы работы моделируют сеть глобального корпоративного контроля, которая состоит из 1318 корпораций с взаимными владельцами: каждая из этих компаний тесно связана еще как минимум с двумя другими компаниями, а средняя степень данной сети равна примерно 20. В общей сложности их прибыль составляет 20% общемировой операционной выручки, однако аккумулировав акции и через свои аффилированные структуры они контролируют большую часть ведущих предприятий реальной экономики в мире, обеспечивающих около 60% общемировой выручки. Сетевая карта глобального корпоративного контроля показана на рис. 15.2. Сеть из 1318 компаний представлена двумя группами: 147 сверхинтегрированных компаний (темные вершины) и остальные 1171 высокоинтегрированная компания (светлые вершины). Размер вершины демонстрирует относительный размер доходов каждой организации.

Ядро этой сети представляет собой сплоченную группу из 147 крупных транснациональных компаний. Неудивительно, что большую часть из них составляют финансовые институты, такие как *Barclays*, *JP Morgan Chase*, *Goldman Sachs*, *Merrill Lynch*, *Morgan Stanley*, *Bank of America*, *UBS*, *Deutsche Bank*, *Société Générale*, *Credit Suisse* (рис. 15.3). Их активы тесно пересекаются друг с другом, что позволяет им контролировать 40% глобального корпоративного богатства. Таким образом, ядро из менее чем 1% компаний фактически представляет собой гло-

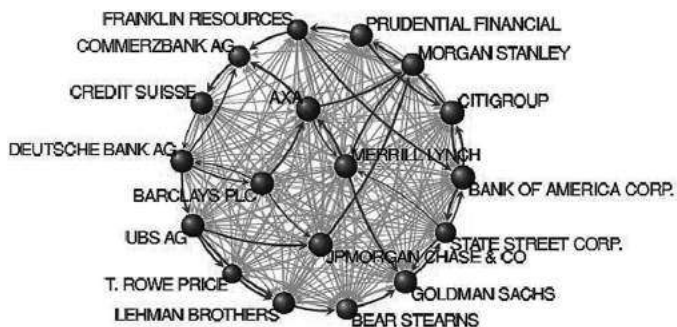

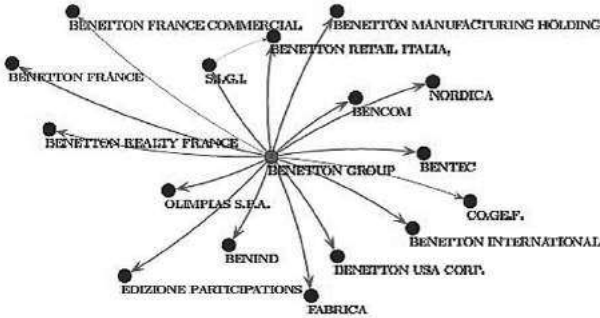
Рис. 15.3. Ключевые финансовые институты в ядре сети глобального корпоративного контроля

бальную экономическую суперструктуру, которая контролирует почти половину мировой экономики. Исследователи указывают на признаки того, что выявленная ими суперструктура, несмотря на свои небольшие размеры, сложность и запутанность взаимосвязей внутри ядра, коллективно осуществляет большую часть тотального контроля корпоративной сети. В качестве примера в работе рассматривается небольшая часть известных финансовых игроков и их связей, которые дают представление об уровне запутанности всего ядра. Авторы работы поясняют, что пока изучены лишь небольшие локальные образцы системы, а для оценки управления в глобальном масштабе соответствующую методологию еще предстоит создать.

На наш взгляд, определенный интерес представляет и методика построения сетевой модели. Авторы выбирали крупную транснациональную корпорацию, после чего выстраивали систему финансово-управленческих отношений этой компании с другими компаниями из базы данных *Orbis 2007*. Затем они наращивали эту сеть связей, отталкиваясь уже от указанных организаций. Алгоритм построения сетевой структуры представлен на рис. 15.4.

Воздействие выстраивания такой сложной и сплоченной сетевой структуры на мировую экономическую систему ставит новые важные вопросы для исследователей и политиков. По мнению исследователей, сама по себе концентрация власти не является ни плохим, ни хорошим фактором. Это вполне объективный процесс, который обусловлен тем, что связность членов экономической системы способствует производству богатства, вследствие чего денежные потоки неизбежно перемещаются в сторону наиболее тесно связанных членов

Шаг 1

Шаг 2

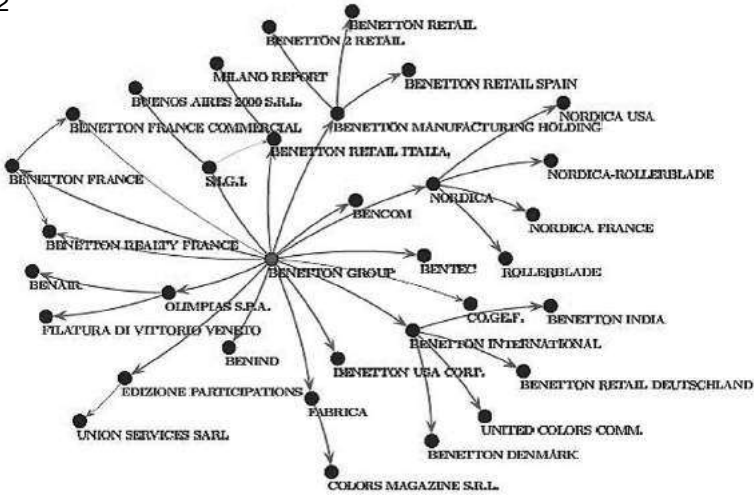

Рис. 15.4. Алгоритм построения сетевой структуры глобального корпоративного контроля

системы. Поэтому транснациональные корпорации владеют связанными активами по коммерческим, а не по политическим причинам. Кроме того, подобная структура не может обладать реальной политической властью, так как даже ядро сети представляют организации с разнонаправленными интересами, которые конкурируют между собой. Вместе с тем теория политических сетей обосновывает тезис о том, что разнонаправленные интересы и конкуренция на рынке не

исключают возможности того, что акторы могут действовать вместе, руководствуясь общими интересами. К примеру, новым акторам достаточно сложно попасть в ядро сети, получив тем самым доступ к необходимым для дальнейшего развития ресурсам. В лучшем случае они могут включиться в сеть в качестве периферийных акторов. Ученые считают, что исследование способно объяснить подверженность мировой экономики финансовым кризисам. Концентрация экономической мощи в руках небольшого числа тесно связанных организаций опасна тем, что подобного рода сети нестабильны. Проблемы в одной организации быстро переходят на связанные с ней другие, что способно вызвать эффект домино. На такую мысль наталкивают события финансового кризиса 2008 года, когда крах *Lehman Brothers* вызвал цепную реакцию по всему миру.

15.4. Глобальная публичная политика

Процесс развития глобального сетевого управления шел постепенно. Сначала, как мы выяснили, стали развиваться межправительственные сети, затем экономические агенты, получив ресурсы и доступ к мировому рынку, также начали выходить на наднациональный уровень. Однако мы знаем, что наравне с органами власти и группами экономических интересов важными акторами сетевого взаимодействия являются также неправительственные организации, представляющие собой институты гражданского общества. Постепенно эти акторы также включаются в процессы выстраивания сетевых отношений на глобальном уровне.

Эти сети все чаще рассматриваются в качестве существенного дополнения к системе глобального управления. Они начали появляться на международном уровне, где существует постоянная потребность в политико-управленческих решениях, а отсутствие централизованных властных институтов оставляет широкие возможности для плюрализма и представительства интересов.

Глобальные сети публичной политики представляют собой многоотраслевые партнерства, которые связывают различные секторы и уровни управления, объединяя усилия национальных правительств, международных организаций, корпораций и гражданского общества¹⁵.

¹⁵ *Streck Ch. Global Public Policy Networks as Coalitions for Change // Global Environmental Governance, Options and Opportunities, Yale School of Forestry and Environmental Studies, New Haven, 2002.*

Глобальные сети публичной политики предлагают перспективную модель, отвечающую новым вызовам и проблемам управления, которые заключаются в том, что комплекс политических, экономических и социальных систем не может регулироваться одним только государственным сектором или только лишь на национальном уровне. Структуры управления, появляющиеся на основе сетевых интеракций, способны преодолеть разрыв между государственным, некоммерческим и корпоративным секторами и интегрировать человеческие и финансовые ресурсы для поиска решений многогранных проблем современного общественного развития. Сети появились вокруг проблем здравоохранения, финансового регулирования, международной преступности, окружающей среды. Мы считаем, что там, где такие сети спонтанно появляются вокруг определенной проблемной области, происходит их постепенная интеграция в систему глобального управления. Глобальные сети публичной политики обычно образуются вокруг вопросов международного характера, хотя иногда они возникают и вокруг локальных проблем, решение которых невозможно без привлечения широкого круга международных акторов. Глобальные политические сети объединяют усилия и легитимность гражданского сектора, финансовые ресурсы и интересы бизнеса, а также нормотворческие компетенции и координационные возможности государств и международных организаций. В сетях создаются своеобразные мосты, которые позволяют разным акторам использовать синергетический эффект данных ресурсов.

Успешные глобальные сети публичной политики характеризуются следующими ключевыми показателями¹⁶:

- Разнообразие, которое заключается в трехстороннем характере сетей, состоящих из государственного сектора, гражданского общества и бизнеса, что позволяет формировать различные институциональные механизмы. В контексте экономической, социальной и культурной глобализации участие частного сектора стало играть решающую роль для поиска эффективных решений международных проблем. В то же время политическая либерализация детерминировала быстрый рост транснациональных коалиций неправительственных организаций, которые должны быть вовлечены в формирование политики.
- Открытость и гибкость глобальных сетей публичной политики предлагают управленческие механизмы, адаптивные к постоянно изменяющейся среде и открытые для новых участников. Раз-

¹⁶ Witte J. M., Reinicke W. H., Benner T. Beyond Multilateralism: Global Public Policy Networks // International Politics and Society. 2000. No 2. URL: http://www.fes.de/ipg/ipg2_2000/artwithe.html.

личные подходы к процессам выработки политики и разнообразие культурных и социальных аспектов чаще требуют признания и интеграции.

- Скорость, заключающаяся в быстром реагировании на вызовы внешней среды. Сети обладают значимым потенциалом, чтобы оперативно выявлять проблемы, выстраивать варианты решений и разрабатывать конкретный план действий, а также форсировать усилия различных акторов для реализации политики. Кроме того, сети могут оказать давление на традиционные институты с тем, чтобы они реагировали быстрее и эффективнее.
- Субсидиарность и легитимность глобальных политических сетей, позволяющие эффективно реагировать на потребности в делегировании политических процессов на те уровни управления, которые могут наиболее эффективно формулировать и реализовывать политические решения. Они предоставляют средства реализации соглашений и публичной политики на различных уровнях принятия решений. Через открытую архитектуру, которая закрепилась с развитием Интернета, участие в сетях на нескольких уровнях облегчается, что ведет к повышению легитимности и в конечном счете к развитию общих глобальных норм и ценностей.

Как мы выяснили, сети глобальной публичной политики носят гетерогенный характер и состоят из множества различных акторов, представляющих три сектора: государство, бизнес, гражданское общество. В литературе по глобальным политическим сетям принято разделять институты гражданского общества, участвующие в глобальном управлении, на общественные международные институты (наднациональные неправительственные организации) и локальные гражданские инициативы. Каждая группа акторов обладает определенным набором преимуществ, которые могут быть делегированы другим участникам, и слабым сторонам, чье влияние может быть компенсировано в процессе сетевого взаимодействия. В таблице 15.1 представлены типичные характеристики, присущие данным группам акторов.

Сегодня существует достаточно много разнообразных сетевых публичных структур на глобальном уровне. Все они сильно различаются по охвату акторов, проблематике, специфике ресурсной зависимости и т.д. К ключевым аспектам, которые реализуются глобальными политическими сетями, можно отнести традиционные сетевые функции: формулирование повестки дня, институционализацию норм и правил решения проблем, создание и распространение знания, укрепление институциональной эффективности, обеспечение ресурсной поддержки в решении проблем.

Таблица 15.1

Сильные и слабые стороны акторов сетей глобальной публичной политики

Коммерческие акторы глобального управления: транснациональные корпорации / ассоциации бизнеса		Общественные международные институты	
<i>Сильные стороны</i> Технические возможности Экономические ресурсы Внутренний контроль Мотивация	<i>Слабые стороны</i> Легитимация Опыт/Знания Коллективное действие	<i>Сильные стороны</i> Институциональная структура Возможность использования санкций Артикулированный мандат	<i>Слабые стороны</i> Легитимация на национальном уровне Ограниченность проблемного фокуса
Активисты и гражданские группы		Национальные правительства	
<i>Сильные стороны</i> Близость к проблематике Знание локальной специфики проблем	<i>Слабые стороны</i> Легитимация Ограниченность проблемного фокуса	<i>Сильные стороны</i> Легитимация Широкие возможности Институциональные способности на национальном уровне	<i>Слабые стороны</i> Необходимость привлечения прямых инвестиций Коррупция Бюрократия

Источник: Detomasi D. A. The Multinational Corporation and Global Governance: Modelling Global Public Policy Networks // Journal of Business Ethics. 2007. No 71. P. 325.

Следует отметить и специфику глобальных политических сетей, которая заключается в конфликтогенности стратегий различных акторов. Государства обычно имеют достаточно жесткую структуру национальных интересов, которым в том числе подчиняется и деятельность негосударственных акторов. Здесь кроется потенциальное расхождение векторов национальной и мировой политики, в которой частные акторы иногда выполняют роль проводников государственных стратегий. Безусловно, это негативно сказывается на перспективах сетевой глобальной политики, так как в некоторых случаях пропадает взаимный интерес сетевых акторов. Но необходимо подчеркнуть, что позитивный эффект от развития глобальных политических сетей нивелирует риски возникновения конфликтов, так как сети формируют публичное пространство обсуждения и сотрудничества.

Ключевые слова

Глобализация, межправительственные сети, транснациональные корпоративные сети, сети глобальной публичной политики.

Литература

Стрежнева М. В. «Трансправительственные сети» в ЕС // Международные процессы. 2008. № 1 (16). Т. 6. [Электронный документ]. — Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/sixteenth/016.htm>.

Detomasi D. A. The Multinational Corporation and Global Governance: Modelling Global Public Policy Networks // Journal of Business Ethics. 2007. No 71. P. 321–334.

Gourevitch P. The second image reversed: The international sources of domestic politics // International Organization. 1978. No 32. P. 881–911.

Handbook of Multi-Level Governance / E. Henrik, S. Wälti, M. Zürn (eds). Edward Elgar Publishers, 2010.

Hooghe L., Marks G. Multi-Level Governance and European Integration. Rowman & Littlefield, 2001.

International Regimes / Krasner S. (ed.) Ithaca: Cornell University Press, 1983.

Kassim H. Policy Networks, Networks and European Union Policy-Making: a Sceptical View // West European Politics. 1993. No 17 (4). P. 15–27.

Keck M. E., Sikkink K. Activists Beyond Borders. Ithaca: Cornell University Press, 1998.

Keohane R. After Hegemony. Princeton: Princeton University Press, 1984.

McLuhan M. The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man. 1962.

Slaughter A.-M. The Accountability of Government Networks // Indiana Journal of Global Legal Studies. 2001. Vol. 8. No 2. P. 347–367.

Streck Ch. Global Public Policy Networks as Coalitions for Change // Global Environmental Governance, Options and Opportunities, Yale School of Forestry and Environmental Studies. New Haven, 2002.

Vitali S., Glatfelder J. B., Battiston S. The network of global corporate control // PLoS ONE. 2011. No 6 (10).

Ward S., Williams R. From Hierarchy to Networks? Sub-central Government and EU Urban Environment Policy // Journal of Common Market Studies. 1997. No 35 (3). P. 439–464.

Witte J. M., Reinicke W. H., Benner T. Beyond Multilateralism: Global Public Policy Networks // International Politics and Society. 2000. No 2. URL: http://www.fes.de/ipg/ipg2_2000/artwitte.html.

Вопросы и задания

1. Какие вызовы ставит глобализация перед современным политическим управлением?
2. Как вы думаете, почему межправительственные организации не всегда способны эффективно решать глобальные проблемы без привлечения частных институтов?
3. Каким образом развитие транснациональных корпоративных сетей может отразиться на перспективах международных отношений и мирового политического процесса?
4. В чем заключаются методические особенности изучения сетей глобальной публичной политики?
5. Охарактеризуйте, пожалуйста, особенности глобальных политических сетей и их функции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История политических сетей только начинается. В учебнике описаны начальные этапы этой истории. Пока не совсем ясны все перспективы и не до конца проявились тенденции, связанные с трансформацией политики под влиянием политических сетей, сетевого сознания и образа жизни. Современное государство встало перед проблемой, как относиться к данному феномену, к сетевому обществу вообще. С одной стороны, стратегия электронного правительства и электронной демократии создает условия для более эффективной реализации государственных функций. Государство стремится повысить управляемость за счет использования социальных сетей. В последние десятилетия повышается значение самоорганизации, управления через сообщества, интенсифицируются отношения между обществом и государством. При этом говорят, что государство в общественных делах не должно само «грести», оно должно «быть капитаном». Здесь функция координации приобретает решающую роль, а вовлечение всех в публичность является новой мобилизацией для бизнеса и гражданского общества. Поэтому понятной становится социальная ответственность для бизнес-структур и гражданских ассоциаций.

Каковы возможные тенденции в государственном управлении, которые будут связаны с этими изменениями? Можно ли признать все современные трансформации в них перспективными? Как быть со случайными событиями, которые могут значительно повлиять на возможную конфигурацию государственного управления в этих странах? Например, отмечено, что часто неэффективность государственных структур в этих странах компенсируется активностью сообществ, в том числе и сетевых. Это особенно заметно в условиях чрезвычайных ситуаций. В целом управляемость и конкурентоспособность повышаются за счет управления за счет сообществ. Что в этом случае означает бездеятельность или слабая эффективность государственного управления? Каковы способы взаимной поддержки и стимулирования активности государства и сообществ? С другой стороны, в ряде стран мы можем наблюдать факты, которые свидетельствуют о настроенном отноше-

нии к сетевым платформам. Государство ограничивает доступ к сетям, регулирует, устанавливая более жесткие нормы, сетевую активность. Многие исследователи говорят также о том, что новые информационные технологии создали дополнительные угрозы для демократии, позволив государству усилить контроль над обществом. Конечно, сетевые технологии расширили пространство политических возможностей для участия и влияния, но они же способствовали такой активности, которая ставила под угрозу управляемость современным государством.

Расширение демократических возможностей политических сетей и проблема государственной управляемости вышли сегодня на первый план. Никто пока не знает, как удачно и во благо всех совместить новые формы активности и управляемость, «спорную политику» и эффективность решений, прозрачность и контроль. Отсюда часто наблюдаются неадекватные действия то со стороны мобилизованной общественности, то со стороны государства. Видимо, пока действия осуществляются по методу «проб и ошибок» без какой-либо четкой стратегической линии. Ряд обнадеживающих тенденций в этом плане все же можно наблюдать. И основной стратегической идеей здесь является совместная деятельность государства и общества на основе взаимного доверия и сотрудничества. Частично эта идея уже реализуется и набирает силу, что и демонстрирует представленный читателю учебник. При всем многообразии его тематики все же хотелось бы подчеркнуть, что политические сети невозможно игнорировать, но задача состоит в том, как сделать их социально и политически эффективными. И здесь, конечно, сетевое научение и обучение должны сыграть положительную роль.

ЛИТЕРАТУРА

Акопов Г. Л. Интернет и политика. Модернизация политической системы на основе инновационных политических технологий. М.: Кнорус, 2014.

Бодрунова С. Современные стратегии британской политической коммуникации. М.: КМК, 2010.

Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2005. Май. Т. 6. № 3.

Быков И. А. Политическая коммуникация: теория, практика и методы исследования. СПб.: ФГБОУ ВПО «СПГУТД», 2013.

Гоним В. Революция 2.0. СПб.: Лениздат, 2012.

Государственная политика и управление. Ч. 1: Концепции и проблемы государственной политики и управления / Под ред. Л. В. Сморгунова. М.: РОССПЭН, 2006.

Государство и общество в пространстве власти и политических коммуникаций. Ежегодник РАПН 2013. М.: РОССПЭН, 2013.

Градосельская Г. В. Бизнес-сети в России. М.: Издательский дом ВШЭ, 2014.

Градосельская Г. В. Сетевые измерения в социологии: Учеб. пособие / Под ред. Г. С. Батыгина. М.: Издательский дом «Новый учебник», 2004.

Индикаторы информационного общества: 2013: Статистический сборник. М.: НИУ «ВШЭ», 2013.

Информационная эпоха: вызовы человеку / Под ред. И. Ю. Алексеевой и А. Ю. Сидорова. М.: РОССПЭН, 2010.

Кастель М. Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004.

Коулмен Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3.

Кочетков А. П. Нетократизм // Полис (Политические исследования). 2013. № 4.

Кристалльный Б. В., Травкин Ю. В. Электронное правительство. Опыт США. М.: Эко-Трендз, 2003.

Курочкин А. В., Шерстобитов А. С. Политика и государственное управление в условиях сетевого общества. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2012.

Латур Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. М.: Издательский дом ВШЭ, 2014.

Лафта Дж. К. Теория организации. М.: ТК «Велби», Проспект, 2005.

Методология исследования сетевых форм организации бизнеса / Под ред. М. Ю. Шерешевой. М.: Издательский дом ВШЭ, 2014.

Мирошниченко И. В. Краудсорсинговая деятельность в публичной политике: новые возможности гражданского общества // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2011. Т. 8. № 3. С. 208–220.

Мирошниченко И. В. Сетевой ландшафт российской публичной политики. Краснодар: Просвещение-Юг, 2013.

Михайлова О. В. Сети в политике и государственном управлении. М.: ИДКДУ, 2013.

Морено Я. Л. Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе / Пер. с англ. А. Боковикова, под науч. ред. Р. А. Золотовицкого. М.: Академический проект, 2001.

Нонака И., Такеучи Х. Компания — создатель знания. Зарождение и развитие инноваций в японских фирмах. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2003.

Политические коммуникации: Учеб. пособие для студентов вузов / [Петрунин Ю. Ю. и др.]; под ред. А. И. Соловьева. М.: Аспект Пресс, 2004.

Сетевой анализ публичной политики: Учебник / Под ред. Л. В. Сморгунова. М.: РГ-Принт, 2013.

Совершенствование государственного управления на основе его реорганизации и информатизации. Мировой опыт / Под ред. В. И. Дрожжина. М.: Эко-Трендз, 2002.

Химанен П., Кастельс М. Информационное общество и государство благосостояния: Финская модель. М., 2002.

Шмидт Э., Коэн Д. Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государства. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.

Benkler Y. The Wealth of Networks: How Social Production Transforms Markets and Freedom. Yale University Press, 2007.

Blatter J. Beyond Hierarchies and Networks: Institutional Logics and Change in Transboundary Spaces // Governance: An International Journal of Policy, Administration and Institutions. 2003. Vol. 16. No 4. P. 503–526.

Castels M. The Rise of the Network Society. 2nd ed. Malden, MA, Oxford, UK, Chichester, UK: Wiley-Blackwell, 2010.

Compston H. Policy Networks and Policy Change. Putting Policy Network Theory to the Test. Hampshire: Palgrave Macmillan, 2009.

Considine M., Lewis J., Alexander D. Networks, Innovation and Public Policy: Politicians, Bureaucrats and the Pathways to Change inside Government. Houndsmills, UK: Palgrave, 2009.

Davenport T. H. Information Ecology: Mastering the Information and Knowledge Environment. N.Y.: Oxford University Press, 1998.

Deutsch K. W. Problems of World Modelling: Political and Social Implications / Ed. by K. W. Deutsch et al. Cambridge (Mass.), 1977.

Dorogovtsev S. N. Lectures on Complex Networks. Oxford: Oxford University Press, 2010.

E-Government Success around the World: Cases, Empirical Studies, and Practical recommendations / Ed. by R. Gil-Garcia. Hershey, PA: IGI Global, 2013.

Eriksson K. On the Ontology of Networks // Communication and Critical/Cultural Studies. 2005. Vol. 3. No 4.

Fountain J. Building the Virtual State. Information Technology and Institutional Change. Washington (DC): Brookings Institution Press, 2001.

Governance Networks in Public Administration and Public Policy / Ed. by C. Koliba, J. Meek, A. Zia. Boca Raton; L.; N.Y.: CRC Press, 2011.

Gupta D. Analyzing Public Policy. Concepts, Tools, and Techniques. Washington, D.C.: CQPress, 2001.

Handbook of Multi-Level Governance / E. Henrik, S. Wälti, M. Zürn (eds). Edward Elgar Publishers, 2010.

Handbook of Party Politics / Ed by R. Katz & W. Crotty. Newbury Park; L.; New Delhi: Sage, 2006.

Homburg V. Understanding E-Government. Information Systems in Public Administration. L.; N.Y.: Routledge, 2008.

Hooghe L., Marks G. Multi-Level Governance and European Integration. Rowman & Littlefield, 2001.

-
- Keohane R.* After Hegemony. Princeton: Princeton University Press, 1984.
- Kingdon J.* Agendas, Alternatives, and Public Policies. Boston: Little, Brown & Co, 1984.
- Kiser L., Ostrom E.* The three worlds of action: A meta-theoretical synthesis of institutional approaches // E. Ostrom (ed.). Strategies of political inquiry. Beverly Hills: Sage, 1982.
- Knocke D.* Political Networks. The Structural Perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- Knocke D., Kuklinski J. H.* Network Analysis. Newbury Park: Sage, 1982.
- Koliba Ch., Meek J., Zia A.* Governance Networks in Public Administration and Public Policy. Roca Raton; L.; N.Y.: CRC Press, 2011.
- Marsh D., Rhodes R.* Policy Networks in British Government // Oxford: Oxford University Press, 1992.
- McClurg S., Lazer D.* Political Network // Social Network. 2014. Vol. 36. No 1.
- McLuhan M.* The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man, 1962.
- Moren J. L.* The Sociometry Reader. Glencoe, Ill.: The Free Press, 1960.
- Morozov E.* The Net Delusion: the Dark Side of Internet Freedom. N.Y.: Public Affairs, 2011.
- Nooy W. de, Mrvar A., Batagelj V.* Exploratory Social Network Analysis with Pajek. Cambridge University Press, 2005.
- North D.* Institutions, institutional change and economic performance. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 1991.
- Ostrom E.* Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action. N.Y.: Cambridge University Press, 1990.
- Peters Guy B.* Political Institutions, Old and New // Goodin R. E., Klingemann H.-D. A New Handbook of Political Science. N.Y.: Oxford University Press, 1996.
- Pfeffer J.* New Directions for Organization Theory: Problems and Prospects. Oxford University Press, 1997.
- Policy Network in British Government / Ed. by D. Marsh and R. Rhodes. Oxford: Clarendon Press, 1992.
- Provan K., Kenis P.* Modes of Network Governance: Structure, Management and Effectiveness // Journal of Public Administration Research and Theory. 2007. Vol. 18. No 4.
- Rhodes R.* Understanding Governance. Policy Network, Governance, Reflexivity and Accountability. Buckingham; Philadelphia: Open University Press, 1997.
- Rosental L., Trost Ch.* Steep: The Precipitous Rise of the Tea Party. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 2012.
- Sabatier P., Jenkins-Smith H.* Policy Change and Learning: An Advocacy Coalition Approach. Boulder, CO: Westview Press, 1993.
- The New Public Governance? Emerging perspective on the theory and practice of public governance / Ed. by St. Osborn. L.; N.Y.: Routledge, 2010.
- Twitter and Society / Ed. by K. Weller, A. Bruns, J. Burgess, M. Mahrt [et all]. N.Y.: Peter Lang, 2013.
- Watts D.* Six Degrees. N.Y.: W. W. Norton & Company, 2004.
- Wiig K. M.* Knowledge Management Foundations: Thinking About Thinking — How People and Organizations Create, Represent, and Use Knowledge. Arlington, TX: Schema Press, 1993.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Акторно-сетевая теория 16
Аутсайдер 65

Булева алгебра 11, 153

Веб-присутствие 293
Визуализация 92, 146
Виды сетей 30

Глобализация 123, 294, 307
Группы интересов 195, 206, 235

Доверие 23, 39, 42, 70, 86, 106, 114,
130, 135, 198, 249, 260

Знание 16, 23, 39, 73, 102, 185, 195,
278, 309

Инновации 53, 107, 118
Инновационные сети 117
Инсайдеры 66
Интеллектуальный капитал 68, 71

Киберпартии 223, 240
Коллективное действие 46, 251
Коммуникационные сети 76, 85
Конфигуративный метод (анализ) 154,
163
Координация 55, 105, 196, 208, 255,
300
Корреляционный анализ 173, 178
Краудсорсинг 195, 260

Матрица сопряженности 139, 147
Медиакоммуникационные партии 240
Международные организации 294, 309
Межправительственные сети 297
Менеджмент знаний 110
Многоуровневое управление 39, 57,
64, 150, 191, 259, 300

Модель конкурирующих защищаю-
щихся коалиций 218
Модель открытых систем 216
Модель политических потоков 218
Модель «рационального институцио-
нального выбора» 217
Модели сетевого политического уп-
равления 198
Мягкая логика 162

Необходимые и достаточные причи-
ны 159

Объединение множеств 165
Окружающая среда 52, 282
Организационное научение 127

Пересечение множеств 165
Политический цикл 215
Политические сети 14, 26, 43, 52, 79,
171, 186, 210, 251, 294
Плотность 40, 86, 177, 237
Политическая коммуникация 82
Популизм 244
Порталы электронного правительства
111, 269
Проактивные и реактивные стратегии
62
Проблемные сети 65, 145, 150
Программное обеспечение для сетево-
го анализа 140
Публичность 55, 62, 146, 193, 248

Расширенные сети партий 235
Регрессионный анализ 173
Реляционный подход 18
Ресурсные связи 78
Руководство 190, 213

Секторальная окружающая среда 58
Сетевая мобилизация 65, 100

Сетевая модель 134, 203
Сетевая публичная политика 205
Сетевое влияние 135, 180, 205
Сетевое научение 127
Сетевое общество 15
Сетевое политическое управление 41, 190, 197, 255
Сетевое участие 248
Сетевой обмен 69
Сетевой подход 33, 137, 205
Сетевой сегмент 91, 144, 172, 176
Сетевые отношения 34, 138
Сетевые параметры 37, 44, 85, 174, 212
Сетевые политические партии 223
Сетевые ресурсы 68, 79
Сети глобальной публичной политики 294
Сети административного управления 190
Сети знаний 102
Сети с лидирующей организацией 201

Сети самоорганизации 201
Смешанный метод 153
Сотрудничество 39, 107, 187
Социальные медиа 87
Социальный капитал 70, 105, 186
Сплоченность 39, 176, 220
Статистические модели сетевого анализа 171
Структуры 14, 53, 194, 211

Таксономия сетевого анализа публичной политики 195
Теория графов 134
Транснациональные корпоративные сети 302

Шкала принадлежности 164

Электронная демократия 276
Электронное правительство 111, 269

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Адамс К. (Adams C.) 206
Алмонд Г. (Almond G.) 14, 208
Анселл К. (Ansell C.) 184
Арендт Х. (Arendt H.) 84, 248

Бавелас А. (Bavelas A.) 105
Бадаракко Й. (Badaracco J.) 73
Бангеманн М. (Bangemann M.) 296
Барретт (Barrett) 104
Бевир М. (Bevir M.) 106
Белл Д. (Bell D.) 73
Бенклер Й. (Benkler Y.) 260
Берцель Т. (Börzel T.) 23, 26, 191
Блаттер И. (Blatter J.) 24, 66
Блэр Э. (Blair A.) 227
Богесон П. (Bogason P.) 18
Брасс Д. (Brass D.) 85
Брукс Дж. (Brooks J.) 274
Булдинг К. (Boulding K.) 104
Бурдые П. (Bourdieu P.) 69, 70

Вииг К. (Wiig K.) 74
Вилдерс Г. (Wilders G.) 241, 243, 244,
246, 247
Винер Н. (Wiener N.) 83

Генри А. (Henry A.) 219
Грант В. (Grant W.) 65, 66
Грилло Б. (Grillo B.) 241–243, 245,
246
Гроссманн М. (Grossmann M.) 236
Гупта Д. (Gupta D.) 215

Джеблин Ф. (Jablin F.) 106
Джон П. (John P.) 212
Джонсон Л. (Johnson L.) 274
Дитц С. (Diez S.) 106
Дойч К. (Deutsch K.) 83
Домингес К. (Dominguez C.) 236
Друкер П. (Drucker P.) 73
Дэвенпорт Т. (Davenport T.) 74
Дэвис Дж. (Davies J.) 45

Зиа А. (Zia A.) 218
Зог (П. Zaug P.) 109

Истон Д. (Easton D.) 14
Йохансон Я. (Johanson J.) 24

Карлссон Л. (Carlsson L.) 252
Кастельс М. (Castels M.) 15, 73, 88, 108,
297
Келли Р. (Kelly R.) 22
Кенис П. (Kenis P) 196, 201
Кингдон Дж. (Kingdon J.) 218
Клинтон У. (Clinton W.) 296
Кляйн Э.-Г. (Klijn E.-H.) 45
Колиба К. (Koliba C.) 218
Коул Э. (Cole A.) 212, 213
Коулмен Дж. (Coleman J.) 70
Куклински Дж. (Kuklinski J.) 35

Лави Д. (Lavie D.) 70
Латур Б. (Latour B.) 16, 17
Лафта Дж. (Lafta G.) 53
Лебедев С. А. 273
Лезер Д. (Lazer D.) 14

Маккларг С. (McClurg S.) 14
Маклюэн М. (McLuhan M.) 296
Макфи Р. (McPhee R.) 109
Маргиттс Х. (Margetts H.) 240
Маркс Г. (Marks G.) 300
Марш Д. (Marsh D.) 65, 66
Медведев Д. А. 91, 232
Мейер К. (Meier K.) 25
Мик Дж. (Meek J.) 218
Мильнер Б. З. 112
Миронов С. М. 232
Морозов Е. 90

Найт Л. (Knight L.) 131
Нельсон Т. (Nelson T.) 232
Нонака И. (Nonaka I.) 74, 125–127
Ноук Д. (Knoke, D.) 35

Обама Б. (Obama B.) 224, 271
Олсон Т. (Olson T.) 232
Остром Э. (Ostrom E.) 217
О’Туул Л. (O’Toole L.) 25

Паджетт Дж. (Padgett J.) 184
Пай Э. (Pye A.) 131
Паликот Я. (Palikot J.) 241, 242, 245,
246
Паркер Р. (Parker R.) 39
Пауэлл Б. (Powell B.) 208
Пенроуз Э. (Penrose E.) 69, 73, 123
Пизано Дж. (Pisano G.) 124
Питерс Г. (Peters G.) 192
Прован К. (Provan K.) 38, 196, 200
Путин В. В. 91, 96, 97
Пфеффер Д. (Pfeffer J.) 53

Ричардс И. (Richards I.) 102
Ричардсон Дж. (Richardson G.) 123
Родс Р. (Rhodes R.) 24, 26, 30, 35, 58,
65, 106, 213
Рубинштейн М. 129

Саймон Г. (Simon G.) 104, 105
Свейби К. (Sveiby K.) 74
Смит М. (Smith M.) 210–212
Стариков Н. 96, 97
Стонхауз Дж. (Stonhaus G.) 129

Таггарт П. (Taggart P.) 244
Такеучи Х. (Takeuchi H.) 74, 125–127
Тевено Л. (Thevenot L.) 105
Тис Д. 124
Торфинг Я. (Torfing J.) 28
Туунен Т. (Toonen T.) 18, 25
Тэйсман Г. (Teisman G.) 45

Уивер У. (Weaver W.) 83

Фирстенберг А. 129
Фоулджер Д. (Foulger D) 77

Хабермас Ю. (Habermas J.) 84, 85
Хайденхаймер А. (Heidenheimer A.)
206
Хакансон Х. (Hakanson H.) 24
Хатч М. (Hatch M) 53
Хекло Х. (Heclo H.) 194, 205, 206
Ходорковский М. 96, 98
Хоманс Дж. (Homans G.) 69
Хоффеберт Р. (Hoffebert R.) 216
Хууге Л. (Hooghe L.) 300

Шарп Ф. (Scharp F.) 24
Шеннон К. (Shannon C.) 83
Шнайдер Ф. (Schneider V.) 80
Шуен А. (Shuen A.) 124
Шумпетер Й. (Schumpeter J.) 121, 122

Учебное издание

**Сморгунов Леонид Владимирович,
Шерстобитов Александр Сергеевич**

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СЕТИ

Теория и методы анализа

Учебник

Подписано к печати 11.08.2014. Формат 60×90¹/₁₆.

Усл. печ. л. 20,0. Тираж 800 экз. Заказ №

ЗАО Издательство «Аспект Пресс»

111141, Москва, Зеленый проспект, д. 8.

E-mail: info@aspectpress.ru; www.aspectpress.ru.

Тел.: 8 (495) 306-78-01, 306-83-71.

Отпечатано в филиале «Чеховский печатный двор»

ОАО «Первая Образцовая типография»

142300, Чехов, ул. Полиграфистов, 1. Тел.: 8 (495) 988-63-76.
